ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

№ 2 (5) 2018

ISSN 2619-1490 **Научное издание** **Выходит 2 раза в год**

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» (УдмФИЦ УрО РАН).

Издатель – Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Научной электронной библиотеке «Киберленинка», Академии Google (scholar.google.ru). Свидетельство о регистрации в Национальном центре ISSN и присвоении Международного стандартного номера сериального издания от 05.10.2018 г.

В издании публикуются оригинальные работы по истории, этнологии, археологии, языкознанию, литературоведению, культурологии, посвященные этноисторическим и этнокультурным процессам в Урало-Поволжском регионе, а также народам и регионам, связанным с указанной территорией. Редакционная коллегия приветствует работы междисциплинарного и сравнительного характера.

При перепечатке ссылка на издание «Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Публикуется в авторской редакции.

На обложке: славянский христианско-языческий оберег-«змеевик». XIV век. Находка В.В. Опарина, Малая Пурга (Удмуртия), 1984 г.

Адрес учредителя: Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН.
426067, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. им. Татьяны Барамзиной, д. 34.
Тел.: (3412) 43-79-02, факс (3412) 50-79-59, e-mail: udnc@udman.ru

Адрес редакции: Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.
426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4.
Тел.: (3412) 68-52-94, факс (3412) 68-39-94, e-mail: iknup@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Издательство «Шелест»
426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164.
Тел.:7 (904) 317-76-93, 7 (963) 548-51-43, e-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Подписано в печать 17.12.2018. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Тираж 300 экз. Заказ № 232.

© Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Бехтерева Людмила Николаевна – доктор исторических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Члены коллегии:

Арзамазов Алексей Андреевич – доктор филологических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Батлер Дженнифер – доктор философии (Корк, Ирландия, Департамент изучения религий, университетский колледж)

Воронцов Владимир Степанович – кандидат исторических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Касимов Рустам Нуруллович – кандидат исторических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Ковычева Елена Ивановна – доктор искусствоведения (Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Мельникова Ольга Михайловна – доктор исторических наук (Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Мосина Наталья Михайловна – доктор филологических наук (Саранск, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва)

Мягков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук (Казань, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова)

Поздеев Игорь Леонидович – кандидат исторических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук (Казань, Казанский государственный институт культуры)

Садиков Ранус Рафикович – доктор исторических наук (Уфа, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН)

Созина Елена Константиновна – доктор филологических наук (Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Трушкова Ирина Юрьевна – доктор исторических наук (Киров, Вятский государственный университет)

Тулуз Ева – доктор философии (Тарту, Эстония, Тартуский университет; Париж, Франция, Институт восточных языков и культур)

Черных Александр Васильевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Пермь, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Ответственные редакторы:

Митюков Николай Витальевич – доктор технических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

Черниенко Денис Аркадьевич – кандидат исторических наук (Ижевск, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. АРХЕОЛОГИЯ 5

Киселев М. Ю. Из истории удмуртского народа: позиция ученых по докладу М. Т. Маркелова 5

Каримова Л. К. Естественное и механическое движение населения ТАССР в первой половине 1980-х годов (по материалам Национального архива РТ) 12

Шафигуллина Л. Р. Социальный портрет женщин-депутатов законодательного органа Республики Татарстан 19

Колчина Е. В., Лойко Л. М. Историко-культурное наследие народов Поволжья и Приуралья в собрании Российского этнографического музея (история комплектования) 26

Садиков Р. Р. Использование дикорастущих растений в приготовлении напитков у закамских удмуртов 34

Никифорова О. В. Цвет в свадебном обряде Нижегородской области 40

Логинова Н. Н. Свадебные обряды и песни мордвы Поволжья 47

Шаронов А. М., Шаронова Е. А. Народ Эрзя и три русских племени: Kiijawa, Салавия, Arsaija (Ersanija) 52

Попова Е. В. Современные сельские постройки кряшен Удмуртии: строительные, планировочные и декоративные решения 63

Тузбеков А. И. Конструирование новых сакральных пространств вокруг археологических памятников на Южном Урале 78

Колонских А. Г. Поселения эпохи раннего железа на «Курочкиной горе» 86

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Состав цветного металла городищ чепецкой культуры (Иднакар и Учкакар) 94

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 102

Теуш О. А. Языковой образ мифологического пространства и его обитателей (на материале русской диалектной лексики) 102

Сибатрова С. С. К истории марийских обращений-междометий к лошадям и жеребятам: заимствования из русского языка 110

Беленов Н. В. Эрзянизмы мокшанских говоров Самарской луки в этноисторическом контексте 120

Титова О. В. О наименованиях печей и их деталей в удмуртском языке 125

Шибанов А. А. Удмуртские подражательные слова в предложении 130

Арзамазов А. А. Предметные реалии «дверь» и «окно» в образной системе поэзии Михаила Федотова 136

КУЛЬТУРА. ИСКУССТВО 144

Смирнова С. Д. Республиканский музей истории медицины и аптечного дела Министерства здравоохранения Удмуртской Республики в системе профессионального образования и просвещения 144

Рыжкова Н. В. Лечебно-благотворительные учреждения г. Сарапула во второй половине XIX века: историко-архитектурный аспект 152

Антоненко Ю. С., Жданова Н. С., Сачков В. С. Особенности проектирования многофункциональной предметно-пространственной среды дворцов культуры 160

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО 168
Кручковский Т. Т. Национально-этническое положение поляков Гродненского региона Белоруссии (конец XX – начало XXI века) 168
Мамытова А. Б. Процесс изготовления деревянного каркаса кыргызской юрты 179

РЕЦЕНЗИИ 187
Камитова А. В. Рец. на книгу: История чувашской литературы XX века. Часть 1 (1900–1955 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с. Часть 2 (1956–2000 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 432 с. 187
Кепин Д. В. Рец. на книгу: Минеева И. М. Сохранение археологического наследия в Башкортостане: опыт социокультурного исследования. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2016. 288 с. 191

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. АРХЕОЛОГИЯ

УДК 93/94+930.25:353.2

М. Ю. Киселев

ИЗ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО НАРОДА: ПОЗИЦИЯ УЧЕНЫХ ПО ДОКЛАДУ М. Т. МАРКЕЛОВА

В статье представлена информация о содержании стенограммы прений на заседании Секции докапиталистических формаций Института истории Коммунистической академии по докладу Маркелова М. Т. «Проблема разложения родового строя у удмуртов», датируемая 6 апреля 1931 г. Сам доклад ученого в архив не поступал. При обсуждении доклада рассматривались вопросы: о возможности отнесения земледелия типа Дондекарского ко всему району Удмуртской области и именования периода городищ периодом классового общества; названия «арий» и арских князей; наличия военных организаций; названий городищ; перехода родового строя в феодализм. В своем выступлении Жаков М. П. высказал ряд замечаний относительно ариев, которые могли быть новгородцами, могли их знать, могло сохраниться только название города Арска, в котором могли быть арские князья. Токарев С. А. сделал вывод, что ранние общественные уклады, в частности, родовые уклады, сохранялись настолько, насколько они служили интересам того или иного класса, в особенности господствующего класса. Косвен М. О. заявлял, что докладчик не показал процесс распада вотского рода. Он поставил под сомнение утверждение Маркелова М. Т., что существование Арской земли означало ее заселение арянами, которые были вотяками. Смирнов С. М. отмечал, что в докладе были представлены новые доказательства существования феодализма. Никольский В. К. критиковал положения доклада о родовом строе как стадии разложения первобытного коммунизма. По его мнению, родовой строй есть высшая стадия коммунистического общества. Он обвинял его в желании построить социалистическое общество на насилии: раскулачить, а затем коллективизировать. В заключении выступавший сделал вывод, что приведенные в докладе сведения являются гипотезой о феодализме, еще не доказанные. Он с определенной долей недоверия отнесся к вотской летописи, предложив ее серьезно проанализировать. Пинт А. И. не согласился с утверждением докладчика о повсеместном использовании плужного земледелия. Он привел данные, согласно которым в рассматриваемый период подсечное земледелие сохранилось по Вятке и всей западной части края, в то время как, начиная с района Глазова, преобладало плужное земледелие. Для Удальцова А. Д. был неясен вопрос о стадиях разложения родового строя и родовых отношений, об образовании другого способа производства. По его мнению, имелось образование классов внутри еще доклассового общества – родового общества. В своем заключительном слове Маркелов М. Т. сообщал, что в своем докладе он использовал вторую часть своей работы, тогда как первая часть именовалась «Родовой строй у народов Поволжья и Урала» и, в частности, у вотяков. Поэтому имеется целый ряд теоретических замечаний. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории удмуртского народа и может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

Ключевые слова: история, удмуртский народ, Маркелов М. Т., документ, архив, Российская академия наук.

Архив Российской академии наук (РАН) в Москве является ведомственным архивохранилищем и научно-исследовательским институтом, входящим в систему Министерства науки и высшего образования России. Одной из основных задач архива остается разработка научных проблем истории Академии наук, ее учреждений и организаций, научного наследия выдающихся ученых,

что позволяет ввести в научный оборот документы, имеющие социокультурное и историческое значение.

Среди документальных комплексов архива значительный интерес представляют документы архивного фонда Института истории Коммунистической академии Центрального исполнительного комитета СССР. В составе документов фонда отложилась стенограмма прений на заседании Секции докапиталистических формаций по докладу Маркелова М. Т.* «Проблема разложения родового строя у удмуртов», датируемая 6 апреля 1931 г. [АРАН, ф. 359, оп. 2, д. 83, л. 1–37]. К сожалению, сам доклад ученого в архив не поступал; однако ответы Маркелова М. Т. на вопросы, его заключительное слово, выступления участников заседания могут служить определенной источниковедческой базой для изучения истории удмуртского народа.

Перед обсуждением доклада Маркелов М. Т. ответил на вопрос Т[окарева С. А.] о возможности отнесения земледелия типа Дондекарского ко всему району Удмуртской области. Ученый отвечал, что, если взять основные археологические работы, развернутые как раз по этому, сравнительно большому району по притоку Ченцы, то именно там находится целый ряд раскопанных городищ. По его мнению, судя по карте, составленной Первухиным** [Н. Г.], это подтвердится только в случае развертывания только в случае развертывания археологических работ в тех районах, а плужное земледелие нужно отнести ко всему району в целом.

[Удальцова А. Д.***] интересовал вопрос о возможности именования периода городищ периодом классового общества. Маркелов М. Т. считал, что в этом отношении правы археологи, которые говорят о собственно начале процесса феодализма. Все данные говорят о том, «что это как раз процесс начального оформления феодализма, период перелома, период скачка от родового общества к обществу феодального типа, что есть начало классообразования». Судя по той культуре, которая найдена на городищах, можно говорить об общественной классовой дифференциации. Ученый отмечал, что укрепления возникали как военные укрепления, расположение построек свидетельствовало о том, что там имелись выделившиеся классовые полуфеодальные вожди. Другим подтверждением позиции Маркелова М. Т. были подсыпные валы, что свидетельствовало о большой организованной работе в городищах, а также плужное земледелие развитого типа.

Касаясь вопроса относительно названия арий, ученый сообщал, что нет оснований связывать названия арий и арский, так как кроме самого названия и названия арских князей отсутствуют сведения у восточных и мусульманских писателяй. Единственное основание может быть чисто терминологическое: название ар и арий сохранялось только у татар.

Отвечая на вопрос [Пинта А. И.] о наличии военных организаций Маркелов А. Т. утверждал, что имеются совершенно определенные исторические данные о военных столкновениях арий. Кроме того, сами городища по структуре можно отнести к укрепленным военным пунктам. А так как эти городища относились к X–XII вв., как раз к периоду сплошной военной опасностью для удмуртов, которая должна была породить военные организации.

Что касается названий городищ, то в удмуртской терминологии имеется большое количество турецких слов, причем не татаро-турецких, а булгаро-турецких, поскольку булгарский слой может быть гораздо более древний, чем татарский. Ученый подчеркивал, что решение проблемы вотско-булгарской остается одной из основных для историков удмуртов. Потому что, имеется культура, стоящая особняком, культуру бессермян, которая не делится на современную и прошлую культуру татар Поволжья, и ее нужно отнести к культуре булгаро-прикамской. Названия городищ в конечном итоге не татарские, так как кар – понятие городища, а само название, связанное с городищем, именного происхождения и объясняется древне-вотскими именами.

Маркелов М. Т. на основе исторических данных считал арий XII в. вотяками. По его мнению, уже

* Маркелов Михаил Тимофеевич (1899–1937) – выдающийся научный деятель, внесший существенный вклад в этнологию, музееведение и фольклористику, в развитие этнического самосознания финно-угорских народов, в становление их государственности, ознакомление с ними мировой научной общественности.

** Первухин Николай Григорьевич (1850–1889) – этнограф, археолог, фольклорист.

*** Удальцов Александр Дмитриевич (1883–1958) – российский и советский историк-медиевист, профессор, специалист в области истории феодальных отношений в Западной Европе, член-корреспондент АН СССР (1939).

к XIX в. археологами было установлено заселение района Вотской области удмуртами-вотяками, которое можно отнести к XI в. В исторических источниках арскими землями называлась северная часть Казанской губернии, а затем их продолжение пошло дальше на север. Название вотяки имеется в русских источниках вплоть до начала XVIII в., является самоназванием народности: в разговорах некоторые называют себя удмуртами, некоторые – одмуртами.

Вопрос [Косвена М. О.*] касался арских князей. По утверждению ученого, что, когда понятие арских князей дается в исторических документах, это всегда связывается с названием татарских князей. Название вотяки-оряне перешло на название татар по способу владения: это те татарские князья, которые владели орянами, поэтому в источниках имеется название арских князей. Это термин Вотской летописи, ее датировка не совсем определена, но ряд историков относил ее к XIV в. Маркелов М. Т. на основании исторических данных считал, что среди арских князей могли быть и князья удмуртские. Если брать придания, которые необходимо подтвердить удмуртскими историческими источниками северного района, «они очень много говорят и совершенно определенно о том, что среди арских князей были князья удмуртские, вотские, остатки феодальной верхушки чисто вотской». Но исторических данных по этому вопросу недостаточно. Судя по документам, арские князья по отношению к вотякам были помещиками. «Та форма зависимости, которая наступила со времени завоевания русскими или до того момента, когда вотяки были отведены из под Арской земли – форма зависимости была иная и отличалась именно тем, что вотяки не были лично зависимыми и подданными русских помещиков и князей. Они были подданными государства».

Вопрос [Никольского В. К.] звучал так: «Как случилось, что родовой строй дал прямо феодализм?». Маркелов М. Т. считал, что родовой строй является стадией первобытного коммунизма и его формации сыграли роль в переходе из доклассового общества в классовое общество. Родовой строй не является общественно-экономической формацией, а только ее стадией, которая сама характеризует первобытный коммунизм. В эпоху завоевания русскими вотяки и удмурты были государственными крестьянами; ряд историков считает, что на этом основании феодализм не проник к вотякам. Ученый был не согласен с этой формулировкой, поскольку отсутствие помещиков совершенно не свидетельствует об отсутствии феодальных способов эксплуатации и зависимости.

Обратимся к выступлениям участником заседания. Жаков [М. П.] высказал ряд замечаний относительно ариев, которые могли быть новгородцами, могли их знать, могло сохраниться только название города Арска, в котором могли быть арские князья. Он не соглашался с предположениями Маркелова М. Т., что протяжение нескольких сот лет существовали феодальные отношения, причем родовые отношения составляли основной уклад в этих феодальных отношениях. По его мнению, гораздо вернее предположение, что вотяки существовали в качестве данников со своим собственным не особенно разрушенным общественным строем в течение весьма продолжительного времени, может быть до XVII–XVIII вв. Затем, они попадали в положение государственных приписных крестьян к заводам по нескольким волостям. Это позволяет сделать вывод, что там никаких типичных крепостнических отношений не было.

Жаков [М. П.] утверждал, что докладчик не показал процесс превращения патриархального крестьянина, сохранившего родовые отношения, в мелкого буржуа, в мелкого товаропроизводителя. Вместо того, чтобы показать процесс разложения рода, Маркелов М. Т. показывал процесс сопротивления разложению. По его мнению, совершенно непонятно и современное положение: теперь или несколько лет тому назад создались очень благоприятные условия для возрождения даже родовых отношений. Он задается вопросами: насколько далеко зашел процесс образования мелких товаропроизводителей, что с эти процессом теперь делается и в какие формы он сейчас выливается, как с этими мелкими товаропроизводителями поступает советская власть и насколько успешна политика советской власти в отношении родовых пережитков, каким образом эти родовые пережитки разрушаются или переходят в социалистический уклад. По его мнению, «Маркелов М. Т. выступает

* Косвен Марк Осипович (1885–1967) – российский и советский историк, этнограф, кавказовед, юрист, доктор исторических наук (1943), профессор Московского университета, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, специалист по истории первобытного общества.

против этого самым решительным образом, считая совершенно недопустимым, принципиально неверным, ошибочным. Но тогда, каким образом эти вопросы разрешаются в строящемся социалистическом укладе современной Вотской автономной области».

Токарев С. А.* отметил, что замечание Жакова М. П. не совсем правильно. Он сделал вывод, что ранние общественные уклады, в частности, родовые уклады, сохранялись настолько, насколько они служили интересам того или иного класса, в особенности господствующего класса. В эпоху развития феодализма в Вотской области коренное население – вотское по языку крестьянство являлось объектом феодальной эксплуатации со стороны иноязычного, иноплеменного класса русских помещиков и как естественное орудие самозащиты этого угнетенного класса против феодалов-эксплуататоров выдвигается сохранившаяся от более ранних племен родовая община, которая являлась для вотяков тем же, чем на Западе была деревенская община.

Выступавший констатировал, что феодализм в воткинской деревне начинал разлагаться под влиянием растущих элементов капитализма – кулаков и бедноты, которые тяготились родовыми связями, старались ликвидировать остатки родовых отношений. Если до революции кулаки выступали против родовых связей, то сейчас они на них опираются. Он не соглашался с утверждением Маркелова М. Т., что родовой уклад был основным укладом феодальной воткинской деревни, и предложил следующую формулировку: «родовые связи имели очень существенное значение в феодальном классе крестьянства».

Косвен М. О. поддержал мнение Жакова М. П., что докладчик не показал процесс распада вотского рода. Он поставил под сомнение утверждение Маркелова М. Т., что существование Арской земли означало ее заселение арянами, которые были вотяками. По его мнению, городища не являлись городами, а только защитными пунктами и сами по себе указывать на существование феодального строя не могли, ибо при состоянии распада родового строя, такие защитные пункты могли быть пунктами более широких объединений, чем родовые. Он считал, что недостаточно доказано наличие развитого скотоводства, подсечного, плужного земледелия и охоты для существования феодальных отношений. Вызывало у него сомнение и наличие народных преданий о богатырях: насколько этот богатырский эпос, имевшийся у вотяков, способен решить вопрос о существовании различных стадий феодального строя. Он сообщал, что нельзя считать существование таких преданий, такого эпоса возможным и в родовом строе, в особенности в стадии его перерастания и разложения.

Выступавший утверждал, что Маркелов М. Т. имел неправильное представление о возникновении кулачества и неправильно изображал отношение этого кулачества к родовому строю, к родовым отношениям. По его мнению, кулачество вотской деревни возникало на базе разложения родового строя и вытекало из самого родового строя, как продукт его распада. Оно представляло из себя «трансформировавшуюся родовую верхушку, которая никогда не противопоставляла себя родовым отношениям, а всегда умела их использовать в своих интересах, в том числе и для эксплуатации батрачества.

Смирнов [С. М.] в своем выступлении отмечал, что в докладе Маркелова М. Т. были представлены новые доказательства существования феодализма. По его мнению, «те исторические данные, которые приведены в докладе, говорят, что то, что раньше давало право заключить, что мы имеем дело с пережитками родового строя, хотя бы поселки, раньше трактовались именно как доказательство существования у вотяков родового строя. Может быть поселки являлись средством подворной подати в начале XIX в. Целый ряд таких моментов указывает, что то, что раньше являлось признаком родового строя, теперь можно отнести к более поздним наслоениям». В качестве аргументов он приводил плужную систему земледелия, скотоводство, превалирующее над охотой. Что касается городищ, до с одной стороны, по утверждению Смирнова С. М., имелись укрепленные убежища крестьянского населения, с другой стороны – настоящие феодальные замки, указывающие на эксплуатацию окрестного населения, а городища являлись показателем феодальных отношений. Ученый обследовал ряд городищ, в которых были

* Токарев Сергей Александрович (1899–1985) – советский этнограф, историк этнографической науки, исследователь религиозных воззрений, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Якутской АССР (1956), Заслуженный деятель науки РСФСР (1971).

обнаружены следы ремесел. В качестве доказательства наличия феодальных отношений он привел один пример из народного эпоса: князь – владелец города утопил восставших подданных в болоте – именно князь, а не родовой вождь.

Никольский В. К.* критиковал положения доклада Маркелова М. Т. о родовом строе как стадии разложения первобытного коммунизма. По его мнению, родовой строй есть высшая стадия коммунистического общества. Выступавший сообщал о своем непонимании термина «организатор» при упоминании военноначальника, а также неправильной трактовке понятия «их дифференциации, как организаторов из родового стержня». Не устраивало Никольского В. К. и положение докладчика, что классовое общество возникает путем войн.

Он обвинял его в желании построить социалистическое общество на насилии: раскулачить, а затем коллективизировать, «причем вы мыслите о совхозе, делаете из них прямо рабочих». Он считал, что экономическое насилие имеет значение лишь на определенной экономической основе, а раскулачивание необходимо провести на базе сплошной коллективизации. При определении судьбы вотяков в феодальном обществе он предложил центральным пунктом сделать положение, что на почве натурального производства в отсталом укладе феодального общества могла законсервироваться родовая община. Что касается крепостнических отношений, то Никольскому В. К. было «неясно зло русского феодализма: почему одно феодальное общество захватывает другое и производит дефеодализацию». По его мнению, его необходимо было включить в феодальную форму внутри этого общества. Ничего не значит тот факт, что военная верхушка была передвинута в казарму, а на ее месте оказались арские князья. «Совершенно безразлично, будет ли феодал татарин или удмурт – феодальные отношения сохранялись».

Неясным оставался для выступавшего вопрос о целовальниках, когда на местную верхушку возлагались определенные административные обязанности, что приводило к снятию этой верхушки и в конечном итоге к дефеодализации. Он предлагал следующую точку зрения: отсутствие туземного удмуртского феодализма, наличие процесса распада родового общества, а затем эта распадающаяся родовая община попадает, как уклад в феодальное общество – булгарское, затем в татарское, и, в конечном итоге – русское. Никольский В. К. считал археологические материалы дают картину только производства, производительных сил, но не производственных отношений. Он предлагал более четко определить наличие плужного земледелия, в частности, на этнографическом материале, а также выяснить насколько интенсивно использовалась продукция земледелия. Наличие кузнечного ремесла также не является достаточным доказательством феодальных отношений.

В заключении выступавший сделал вывод, что приведенные в докладе сведения являются гипотезой о феодализме, еще не доказанные. Он с определенной долей недоверия отнесся к вотской летописи, предложив ее серьезно проанализировать.

Пинт А. И. не согласился с утверждением докладчика о повсеместном использовании плужного земледелия. Он привел данные, согласно которым в рассматриваемый период подсечное земледелие сохранилось по Вятке и всей западной части края, в то время как начиная с района Глазова преобладало плужное земледелие. Арских князей он сравнивал с десятниками, которые относились только к южной части, связанной с казанским царством. Крепостничество можно отнести, по его мнению, только к последним временам – строгановский заводов и поместий и Воткинского завода. Этнографический материал не дает никаких данных о феодальных отношениях, спорным остается вопрос о могильниках.

Смирнов С. М. заметил, что все могильники «дают имущественную дифференцию». В могильниках можно встретить венгерский и скандинавский мечи, погребения с кольчугами и обломками мечей.

Для Удальцова А. Д. был неясен вопрос о стадиях разложения родового строя и родовых отношений, об образовании другого способа производства. По его мнению, имелось образование классов внутри еще доклассового общества – родового общества. Он заявлял, что в докладе «целый

* Никольский Владимир Капитонович (1894–1953) – советский историк, доктор исторических наук (1943). Окончил Московский университет (1916). Преподавал в высших учебных заведениях Москвы, в 1930–1946 гг. профессор МГУ. Ранние работы посвящены истории России XVII в., в 1920-х гг. одним из первых в отечественной науке начал исследование истории первобытного общества, разработал ряд проблем родоплеменного строя, занимался вопросами происхождения религии.

ряд основных теоретических проблем остались совершенно невыясненными, и, вследствие этого, весь вопрос о развитии [феодализма] остался гипотетическим, причем эта гипотеза не оформлена конкретно, и не доказана».

В своем заключительном слове Маркелов М. Т. сообщал, что в своем докладе он использовал вторую часть своей работы, тогда как первая часть именовалась «Родовой строй у народов Поволжья и Урала» и, в частности, у вотяков. Поэтому имеется целый ряд теоретических замечаний. Жаков М. П. считал, что докладчик недостаточно разработал проблему разложения родового общества и подменил ее выяснением процесса сопротивления разложению родового строя. По мнению Маркелова М. Т., процесс разложения и процесс сопротивления в конечном итоге – одно и то же. Кроме этого, он сообщал, что не претендовал на разрешение проблемы целиком, а свой доклад считает просто опытом построения схемы истории удмуртов.

На замечания Косвена М. О. докладчик сообщал, что первобытно-коммунистическая формация распалась, но родовой строй, как уклад распадался и при феодализме, и при капитализме, и дошел, как уклад, до эпохи социалистического строительства. Он утверждал, что практически отсутствует исторический и археологический материал, поэтому доклад был построен от поздних общественно-экономических формаций. Ученый начал исследование вопроса в современной формации, затем через капитализм и феодализм переходил к выяснению сущности родового строя у вотяков. Что касается идентичности арян и вотяков, то, хотя этот вывод сделан докладчиком на достаточно ненадежном материале, отсутствуют сведения, опровергающие начало истории вотяков с XIV в. По его мнению, плужное земледелие, как правило, всегда характеризует феодальное общество.

Что касается дефеодализации, то ученый утверждал, что ни татары, ни русские дефеодализацию не произвели. Наоборот, они укрепили феодальный способ производства. «И в этом плане удмурты дефеодализируются очень высоким обществом булгарского государства, где совершенно определенно можно говорить о более высоком способе производства и о развитии общества, чем у удмуртов. Почему кочевники, появившиеся в Поволжье, в конечном итоге феодализируют и удмуртское, и булгарское общество. Потому, что слишком опасны соседи, организованные в государственное целое. И оставлять его с верхушкой, которая в конечном итоге стоит во главе государства, невозможно, потому что это слишком опасно».

Маркелов М. Т. заявлял, что считает неправильными замечания в свой адрес, будто классовое общество возникает военно-экономическим путем, также и коммунистическое и социалистическое общество. Ученый старался подчеркнуть хозяйственные предпосылки возникновения туземного феодализма. Он сообщал, что «по мнению многих хороших теоретиков удмурты идут ни феодальным путем развития, ни капиталистическим. Тогда нужно прямо говорить, что в XVII–XIX вв. удмурты переживали родовую общественно-экономическую формацию. Этого мы не имеем права говорить, так как не имеем никаких оснований».

Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории удмуртского народа и может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

ЛИТЕРАТУРА

АРАН – Архив Российской академии наук.

REFERENCES

ARAN – Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk. (in Russian)

M. Yu. Kiselev

FROM THE HISTORY OF THE UDMURTIAN PEOPLE: THE POSITION OF SCIENTISTS UNDER THE REPORT BY M. T. MARKELOV

The article provides information on the contents of the transcript of the debate at the meeting of the Section of the pre-capitalist formations of the Institute of History of the Communist Academy on the report of M. T. Markelov. “The problem of the decomposition of the tribal system of Udmurts”, dated April 6, 1931. The report of the scientist

was not archived. When discussing the report, the following questions were considered: on the possibility of assigning the type of Dondekarsky agriculture to the entire area of the Udmurt region and the naming of the period of the fortifications as a period of class society; the names of "arias" and Arsk princes; the presence of military organizations; names of sites; the transition of the tribal system in feudalism. In his speech, M. P. Zhakov made a number of remarks concerning the Aryans, who could be residens of Novgorod, could know them; only the name of Arsk, in which there could be Arsk princes, could be survived. S. A. Tokarev concluded that the early social structures, in particular, tribal orders, were preserved to the extent as they served the interests of a particular class, especially the ruling class. M. O. Kosven stated that the speaker did not show the process of disintegration of the patrimonial clan. He questioned the statement of M. T. Markelov, that the existence of Arsk land meant its settlement by Aryans, who were the Votyaks. S. M. Smirnov noted that the report presented new evidence of the existence of feudalism. V. K. Nikolsky criticized the provisions of the clan report as a stage in the disintegration of primitive communism. In his opinion, the clan system is the highest stage of the communist society. He accused him of wanting to build a socialist society on violence: to dispossess and then collectivize. In conclusion, the speaker concluded that the information given in the report is a hypothesis about feudalism that has not yet been proven. He reacted to the Votskoy chronicle with a certain degree of mistrust, proposing that it be seriously analyzed. A.I. Pint did not agree with the statement of the rapporteur on the widespread use of plow farming. He cited data according to which, in the period under review, slash farming was preserved in Vyatka and the entire western part of the region, while, starting from the Glazov region, plow farming prevailed. For A. D. Udaltsov the question was not clear about the stages of the decomposition of the tribal system and tribal relations, about the formation of a different mode of production. In his opinion, there was the formation of classes within a pre-class society, a clan society. In his closing speech M. T. Markelov He reported that in his report he used the second part of his work, whereas the first part was called the "Clan system among the peoples of the Volga region and the Urals" and, in particular, among the Votyaks. Therefore, there are a number of theoretical observations. The presented information will allow expanding the source-study base on the history of the Udmurt people and can be used for educational and research purposes.

Keywords: history, Udmurt people, M. T. Markelov, document, archive, Russian Academy of Sciences.

Киселев Михаил Юрьевич,
кандидат исторических наук,
Центр учета и обеспечения сохранности документов,
Архив Российской академии наук
(Москва, Россия)
kiss_RAN@mail.ru

Kiselev Mihail Yur'evich,
PhD in History, Center of accounting and document security,
Archive of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
kiss_RAN@mail.ru

УДК 314

Л. К. Каримова

ЕСТЕСТВЕННОЕ И МЕХАНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТАССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РТ)*

В современной отечественной историографии все более популярными становятся региональные исследования, позволяющие дополнить и раскрыть важнейшие процессы социально-экономического развития России в целом. Изучены еще далеко не все аспекты демографической истории страны, ее регионов и Татарской АССР в частности. Отсутствуют комплексные работы, посвященные динамике демографических характеристик населения в 1980-х гг. Данное исследование позволяет восполнить этот пробел и ввести в научный оборот новые архивные данные, отложившиеся в Национальном Архиве Республики Татарстан. На их основе с помощью общенаучных и специальных методов (исторических, прикладной статистики) приводятся количественные характеристики относительно естественного и механического движения населения ТАССР в первой половине 1980-х гг., анализируется его динамика. Выявлена тенденция сокращения численности сельского населения в рассматриваемый период, в основном за счет переселения сельских жителей в городские населенные пункты. Центрами притяжения в республике были Казань, Набережные Челны (Брежнев), Нижнекамск.

Ключевые слова: историческая демография, Татарская АССР, городское население, сельское население, естественное движение населения, механическое движение населения.

Изучение социально-демографических характеристик населения Российского государства в разные периоды его развития – традиционно одна из важнейших тем, разрабатываемых исследователями, поскольку понимание основных тенденций в динамике народонаселения позволяет не только ответить на проблемные вопросы в области социально-экономического развития страны, но и выстраивать стратегию дальнейшего развития в данной сфере. Особенное значение для Российской Федерации, имеющей в своем составе 85 субъектов, имеет изучение истории России через призму развития регионов и особенностей этих процессов. Поэтому актуальным является введение в научный оборот архивных источников и раскрытие новых фактов в области изменения демографических характеристик населения Татарской ССР в первой половине 1980-х гг., что совпадает со временем реализации в советском государстве XI пятилетки.

В Национальном Архиве Республики Татарстан (НА РТ) отложился достаточно полный пласт материалов, отражающих учет государственными органами динамики различных демографических характеристик населения республики в разные годы ее развития. Для данного исследования большое значение имеют материалы различных обследований и отчетов, сосредоточившиеся в фонде Статистического управления ТАССР. Они позволяют более детально (по сравнению с материалами Всесоюзных переписей населения) проследить изменения в численности городских и сельских жи-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №17-11-16005-ОГН\18.

телей республики, их половозрастной и социальной структуре, естественное и механическое движение населения, выявить основные причины его смертности [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1197–1303].

В современной отечественной историографии существует достаточное количество работ, посвященных различным аспектам демографической истории Республики Татарстан. Применительно к хронологическому периоду 20-30-х гг. XX в. изучались такие темы как: голод в Поволжье и его отражение на социально-демографической структуре населения республики [Ахметова, 2017; Федотова, Федорова, 2013; Ханипова, 2017 и др.]; урбанизация и индустриализации, их влияние на социальное развитие ТАССР [Валиев, 2010; Сакаев, 2015]; социально-демографические характеристики населения республики [Давыдов, 2010; Каримова, 2013]. Достаточно подробно изучены людские потери в годы Великой Отечественной войны [Сакаев, 2007; Телишев, Сакаев, 2014], демографические характеристики населения в предвоенные, военные и послевоенные годы [Бушуев, 2012; Кривоножкина, Тахтарова, 2013; Сакаев, 2006 и др.]. Но, в то же время, работ, посвященных различным аспектам динамики демографических характеристик жителей республики после 1950 г., гораздо меньше и касаются они таких вопросов как естественное и механическое движение населения [Румянцева 2009; Сакаев, 2017], гендерный подход к изучению экономических процессов [Миннибаев, 2014], демографические трансформации сельского населения [Шайдуллин, 2014; Шамсутдинов, 2018], социальная структура населения [Каримова, 2017]. Комплексных работ, основанных на архивных материалах и затрагивающих проблемы естественного и механического движения населения ТАССР в 1980-е гг., на данный момент нет, что еще раз подтверждает актуальность выбранной темы.

В ходе исследования был использован комплекс разнообразных методов, взаимодополняющих друг друга. Наряду с общенаучными методами (анализ, синтез, обобщение и др.), были применены так же метод историзма, предполагающий воссоздание на основе выявленных фактов исторического процесса и объяснение логики его развития, а также методы прикладной статистики, позволяющие раскрыть количественную меру выделенных тенденций и сделать выводы более доказательными.

Численность населения Татарской АССР на 1 января 1980 г. составила 3444,1 тысяч человек, из них 2208,9 тыс. проживали в городах и 1235,2 тыс. – в сельской местности [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1190, л. 18–20]. Такое преобладание городского населения, ставшее уже традиционным, объяснялось сосредоточением промышленных и образовательных учреждений в городах, являвшихся центрами притяжения для сельской молодежи и лиц среднего возраста. Так в городах, где была особенно развита автомобильная и нефтехимическая промышленность, механический прирост населения в 1980 г. составил в Набережных Челнах – 11,2 тыс. чел., в Нижнекамск – 1,6 тыс. чел. [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1191, л. 41]. Привлекал в города и более высокий уровень медицинского, жилищно-бытового и культурно-просветительского обслуживания.

По данным социально-экономического обследования городов республики, проводившемся в том же году, естественное и механическое движение горожан выглядело следующим образом. В республике естественный прирост за год в расчете на 1 тыс. чел. составил 6,2 чел. (21514 чел.), рождаемость – 15,7 чел. (54272 чел.), смертность – 9,5 чел. (32758 чел.) [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 120, л. 50], в столице – 5,1 чел. (5210 чел.), 14,2 чел. (14323 чел.), 9,1 чел. (9184 чел.) соответственно, Альметьевске – 11,9 чел. (1345 чел), 18,2 чел. (2055 чел.), 6,3 чел. (710 чел.), Бугульме – 7,2 чел. (606 чел.), 16,4 чел. (1362 чел.), 9,2 чел. (756 чел.), Елабуге – 4,9 чел. (174 чел.), 16,7 чел. (571 чел.), 11,4 чел. (397 чел.), Зеленодольске – 6,1 чел. (461 чел.), 15,3 чел. (1254 чел.), 9,2 чел. (793 чел.), Заинске – 13,0 чел. (396 чел.), 20,4 чел. (639 чел.), 7,4 чел. (243 чел.), Лениногорске – 11,8 чел. (699 чел.), 18,9 чел. (1092 чел.), 7,1 чел. (393 чел.), Набережных Челнах – 29,3 чел. (6637 чел.), 32,8 чел. (7837 чел.), 3,5 чел. (1200 чел.), Нижнекамске – 18,4 чел. (2743 чел.), 22,8 чел. (3366 чел.), 4,4 чел. (623 чел.), Чистополе – 3,9 чел. (309 чел.), 14,6 чел. (1005 чел.), 10,7 чел. (696 чел.). Механический прирост городского населения республики в то же время составил 24084 чел., сельского – 36000 чел. Но данный факт все же не смог существенно повлиять на распределение численности городского и сельского населения в целом [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1200, л. 60–70].

Сокращение численности сельчан происходило как за счет естественного, так и механического движения населения. В 1980 г. естественный прирост здесь сократился на 0,9 чел. в расчете на

1000 жителей сельской местности [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1202, л. 3].

Данные отрывных талонов адресных листков прибытия и выбытия по сельским населенным пунктам за 1980 г. и предыдущие годы показывает, что значительная часть населения их села выбывает в городскую местность республики. В 1980 г. в города ТАССР выбыло 28,8 тыс. чел. или 75,3%, из них в Казань – 10,8 тыс. чел (28%). Выбыли также в Башкирскую ССР, Куйбышевскую обл., Ульяновскую обл. и ряд др. [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1202, л. 4]. Основная часть выбывшего населения переезжала на новое место жительства из мелких населенных пунктов, находившихся далеко от центральной усадьбы колхозов, совхозов и сельских советов и недостаточно обслуживавшихся культурно-просветительскими и медицинскими учреждениями. Еще одним фактором, влияющим на выбытие из сельской местности, была недостаточная механизация трудоемких процессов (сбор клубней картофеля, погрузка, вывозка с поля, раздача кормов общественному скоту и очистка животноводческих помещений и т.д.).

Средняя рождаемость на 1000 чел. населения по республике составила за 1980 г. – 15,7 чел., в городах – 17,1 чел., в сельской местности – 13,2 чел. По отдельным городам и поселкам городского типа рождаемость была выше, чем в среднем по городской местности, в частности Набережные Челны и Нижнекамск – 22,8 чел., Мамадыш – 23,4 чел.; поселки городского типа Аксубаево – 23,4 чел., Кукмор – 23,7 чел., Дербешкинский и Нижняя Мактама – 23,0 чел. Низкая рождаемость на 1000 жителей зафиксирована в поселках городского типа Куйбышевский затон – 10,0 чел., Лубяны – 11,3 чел., Зеленой Роще – 11,4 чел.

В сельской местности высокая рождаемость на 1000 жителей была зарегистрирована в Пестречинском районе – 16,4 чел., Тукаевском – 15,8 чел., Агрызском – 15,9 чел., а низкая – в Кукморском – 8,1 чел., Заинском – 9,5 чел., Мензелинском – 10,7 чел. и Нижнекамском районе – 10,8 чел. [НА РТ, р-1296. оп. 18, д. 1202, л. 52].

В то же время смертность населения продолжала расти, отчасти и за счет возрастной структуры населения, в которой неуклонно увеличивалось количество лиц в возрасте старше 60 лет. Хотя возрастной состав умерших в 1980 г. показал, что довольно значительную часть (42% в городе и 31% в селе) составили умершие в возрасте моложе 60 лет.

При средней смертности 7,9 чел. на 1000 человек городского населения по отдельным городам и поселкам городского типа смертность выше: Агрыз и Тетюши – по 13,5 чел., Камское Устье – 13,7 чел., Шемордан и Куйбышевский Затон – 13,9 чел., Нижние Вязовые – 15,9 чел., Лубяны – 16,7 чел., Зеленая Роща – 18,6 чел. [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1202, л. 53]. В сельской местности при средней смертности 12,5 чел. на 1000 жителей коэффициент смертности колеблется от 9,7 чел. в Балтасинском районе, до 24,4 чел. – в Кукморском [НАРТ, р-1296, оп. 18, д. 1202, л. 54].

В последующие годы наблюдается устойчивая тенденция к снижению численности сельского населения республики, которое насчитывало в 1981 г. – 1152,9 тыс. чел., в 1982 г. – 1126,0 тыс. чел., в 1983 г. – 1104,8 тыс. чел., в 1984 г. – 1078,7 тыс. чел., в 1985 г. – 1053,1 тыс. чел. [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1268, л. 15]. По численности наличного населения в ТАССР на конец 1983 г. выделялись Высокогорский район (56815 чел.), далее в порядке убывания численности шли Арский (53144 чел.), Мамадышский (44870 чел.) и Апастовский (44789 чел.) районы [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1246, л. 35]. К концу 1985 г. картина изменилась незначительно: на первом месте находился Высокогорский район (51495 чел.), далее в порядке убывания численности шли Арский (51460 чел.), Апастовский (42167 чел.) и Мамадышский (41582 чел.) районы. Наличное население остальных районов республики в годы XI пятилетки не превышало 40 тыс. чел. [НА РТ, р-1296, оп 18, д. 1268, л. 21–22].

Механический прирост населения республики за счет сокращения населения сельской местности был отрицательным: в 1980 г. (-11,9 чел. на 1000 жителей), в 1981 г. (-11,0 чел.), в 1982 г. (-14,1 чел.), в 1983 г. (-11,3 чел.). Значения механического прироста в изучаемый период колебались как в городской (1980 г. (24,1 чел.), 1981 г. (34,0 чел.), 1982 г. (17,9 чел.), 1983 г. (14,6 чел.)), так и в сельской (1980 г. (-36,0 чел.), 1981 г. (-45,0 чел.), 1982 г. (-32,0 чел.), 1983 г. (-25,9 чел.) местности [НА РТ, р-129, оп. 18, д. 1246, л. 70].

Причины сокращения численности сельского населения оставались прежними, и основной из них была миграция жителей в городские поселения, что подтверждают данные отрывных талонов адресных листков прибытия и убытия по сельским населенным пунктам за годы пятилетки. Как мы видим по предыдущим данным, наибольший отток из

сельской местности в города пришелся на начало XI пятилетки, в 1981 г. В 1983 г. в городские поселения республики выбыло из сельской местности 33,9 тыс. чел. (85,6%), из них в Казань 13,8 тыс. чел. (34,9%). В Башкирскую АССР выбыло 658 чел., Куйбышевскую обл. – 805 чел., Ульяновскую обл. – 786 чел. и в ряд других республик и областей Советского Союза. По отдельным районам процент сокращения населения был значительно выше, чем в целом по республике (в Аксубаевском, Алексеевском, Апастовском, Буинском и Мензелинском районах). Почти на уровне 1982 г. осталась численность населения Высокогорского, Зеленодольского, Лениногорского, Муслимовского, Пестречинского, Сармановского, Тукаевского районов. А наличное население Лаишевского района даже незначительно выросло [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1246, л. 30]. В 1985 г. в городские поселения из сельской местности выбыло 34,4 тыс. чел. (86,6%), из них в Казань – 13,0 тыс. чел. (32,7%). За пределы республики, в частности в Башкирскую АССР – 611 чел, Куйбышевскую обл. – 695, Ульяновскую – 696 чел. [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1268, л. 16].

В изучаемый период наблюдалась устойчивая тенденция роста рождаемости в республике (и в абсолютных показателях и в расчете на 1000 населения), что в определенной мере стало следствием мероприятий проводимых руководством страны и республики по поддержке семей, имеющих детей. Количество родившихся по ТАССР составило: в 1980 г. – 54272 чел. (из них 38420 чел. (70,8%) в городской местности и 15852 чел. (29,2%) в сельской), в 1981 г. – 55465 чел. (из них 39395 чел. (71,0%) в городской местности и 16070 чел. (29,0%) в сельской), в 1982 г. – 56554 чел. (из них 41219 чел. (72,9%) в городской местности и 15335 чел. (27,1%) в сельской), в 1983 г. – 63981 чел. (из них 41219 чел. (64,4%) в городской местности и 15335 чел. (35,6%) в сельской). Среди городов республиканского подчинения самая низкая рождаемость в 1983 г. была зафиксирована в Чистополе (16,9 родившихся на 1000 чел населения), самая высокая в Брежневе – 26,0 чел.). Среди городов районного подчинения самая низкая рождаемость оказалась в Менделеевске – 16,4 чел., самая высокая в Нурлате – 28,7 чел. Среди рабочих поселков – соответственно в Лубянах (13,6 чел.) и Аксубаево (40,3 чел.), среди районов сельской местности – в Заинском (10,6 чел.) и Нижнекамском (21,4 чел.) [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1246, л. 64–65].

Показатели смертности по республики в начале 1980-х гг. колебались на фоне тенденции к ее сокращению (в расчете на 1000 населения) в городской местности и росту – в сельской. Если же рассматривать абсолютные показатели, то число умерших по ТАССР составило в 1980 г. – 32758 чел. (из них 17809 чел. (54,4%) в городской местности и 14949 чел. (45,6%) в сельской), в 1981 г. – 33163 чел. (из них 18289 чел. (55,1%) в городской местности и 14874 чел. (44,9%) в сельской), в 1982 г. – 32747 чел. (из них 18424 чел. (56,3%) в городской местности и 14323 чел. (44,7%) в сельской), в 1983 г. – 33376 чел. (из них 18978 чел. (56,9%) в городской местности и 14398 чел. (43,1%) в сельской) [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1246, л. 65]. Несмотря на преобладание в процентном соотношении городского населения среди умерших в республике в 1980–1983 гг., коэффициент смертности сельского населения в 1,4 раза превышал коэффициент смертности городского, что было связано с выездом молодежи из села в городскую местность и постарением населения, отставанием уровня медицинской помощи на селе [НА РТ, р-1296, оп. 18, д.1246, л. 66].

Самая высокая общая смертность в 1983 г. была: по городской местности зафиксирована в рабочих поселках Камское Устье (19,5 чел. на 1000 жителей), Лубяны (19,1 чел.), Зеленая Роща (24,3 чел.). По сельской местности – в Камско-Устьинском (16,5 чел.), Тетюшском (16,3 чел.) и Чистопольском (17,6 чел.) районах. Низкие показатели смертности по сравнению со средним в республике имели города Брежнев, таким в 1982–1988 гг. было официальное название Набережных Челнов (3,5 чел.), Нижнекамск (4,4 чел.), рабочий поселок Камские Поляны (6,1 чел.), Актанышский и Рыбно-Слободской районы по 10,6 чел. и 10,8 чел. соответственно [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1246, л. 66, 71–72].

Естественный прирост по республике имел тенденцию к росту, как в городской, так и сельской местности. В 1980 г. он составил 21514 чел. (из них 20611 чел. (95,8%) в городской местности и 903 чел. (4,2%) в сельской), в 1981 г. – 22302 чел. (из них 21106 чел. (94,6%) в городской местности и 1196 чел. (5,4%) в сельской), в 1982 г. – 23807 чел. (из них 22795 чел. (95,7%) в городской местности и 1012 чел. (4,3%) в сельской), в 1983 г. – 30605 чел. (из них 28184 чел. (92,1%) в городской местности и 2421 чел. (7,9%) в сельской) При этом в большинстве районов республики число родив-

шихся превышало число умерших. Среди городов республиканского подчинения наибольший естественный прирост наблюдался в Брежневе (22,5 чел. на 1000 жителей), Нижнекамске (20,8 чел.), Заинске (15,8 чел.) [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1246, л. 67, 71-72].

Несмотря на колебания показателей естественного прироста сельского населения ТАССР в первой половине 1980-х гг. (1980 г. – 0,7 чел. на 1000 жителей, 1981 г. – 1,0 чел., 1982 г. – 0,9 чел., 1983 г. – 2,2 чел., 1984 г. – 0,5 чел., 1985 г. – 1,6 чел.) он вырос по сравнению с 1980 г. на 0,8 чел. на 1000 сельчан. То же можно сказать и относительно показателей рождаемости (1980 г. – 13,2 чел. на 1000 жителей, 1981 г. – 13,9 чел., 1982 г. – 13,6 чел., 1983 г. – 15,3 чел., 1984 г. – 14,7 чел., 1985 г. – 15,4 чел.) и смертности (1980 г. – 12,5 чел. на 1000 жителей, 1981 г. – 12,9 чел., 1982 г. – 12,7 чел., 1983 г. – 13,1 чел., 1984 г. – 14,2 чел., 1985 г. – 13,8 чел.), выросших по сравнению с 1980 г. на 2,2 чел. и 1,3 чел. на 1000 сельчан соответственно [НА РТ, р-1296, оп. 18, д. 1224, л. 32].

В первой половине 1980-х гг. численность населения республики выросла за счет естественного прироста, преобразования сельских пунктов городские и переезда сельских жителей в города и жителей других республик на постоянное место жительства в городскую местность ТАССР. В то же время наблюдается устойчивая тенденция к снижению численности сельского населения республики в основном за счет механического движения населения. Самыми многочисленными сельскими районами были Высокогорский, Арский, Апастовский и Мамадышский районы.

Самыми крупными городами республики и центрами наибольшего механического прироста населения в годы XI пятилетки были Казань, Набережные Челны (Брежнев) и Нижнекамск. Естественный прирост населения в сельской местности не смог покрыть сокращение численности сельского населения в целом. Кроме городов и поселков городского типа ТАССР жители сельских районов выбывали в Башкирскую ССР, Куйбышевскую, Ульяновскую области и др.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметова, 2017 – Ахметова М. А. Голод в татарской республике в начале 1920-х гг. (на примере Чистопольского кантона) // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4 (21). С. 32–40.

Бушуев, 2012 – Бушуев А. Сельское население Татарии накануне и в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы. 2012. № 1–2. С. 203–205.

Валиев, 2010 – Валиев А. М. Индустриализация и ее влияние на социально-экономическое и общественно-политическое развитие татарского населения ТАССР // государственность Республики Татарстан: история и современность. Сборник статей. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2010. С. 207–217.

Давыдов, 2010 – Давыдов Д. В. Крестьянство ТАССР в условиях НЭПа: историко-демографическая характеристика. Казань: Изд-во Казанского гос. технического ун-та, 2010. 227 с.

Каримова, 2013 – Каримова Л. К. Интеллигенция в составе городского населения Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) в 1920-е годы // Научный потенциал. 2013. № 1 (10). С. 73–78.

Каримова, 2017 – Каримова Л. К. Динамика демографических характеристик рабочих и служащих

REFERENCES

Ahmetova, 2017 – Ahmetova M. A. Golod v Tatarskoj Respublike v nachale 1920-h gg. (na primere Chistopol'skogo kantona) // Severo-vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2017. № 4 (21). S. 32–40. (in Russian)

Bushuev, 2012 – Bushuev A. Sel'skoe naselenie Tatarii nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Gasyrlar avazy. 2012. № 1–2. S. 203–205. (in Russian)

Valiev, 2010 – Valiev A. M. Industrializaciya i eyo vliyanie na social'no-ekonomicheskoe i obshchestvenno-politicheskoe razvitie tatarskogo naseleniya TASSR // gosudarstvennost' Respubliki Tatarstan: istoriya i sovremennost'. Sbornik statej. Kazan': Institut istorii imeni Shigabutdina Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2010. S. 207–217. (in Russian)

Davydov, 2010 – Davydov D. V. Krest'yanstvo TASSR v usloviyah NEPa: istoriko-demograficheskaya harakteristika. Kazan': Izd-vo Kazanskogo gos. tekhnicheskogo un-ta, 2010. 227 s. (in Russian)

Karimova, 2013 – Karimova L. K. Intelligenciya v sostave gorodskogo naseleniya Tatarskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki (TASSR) v 1920-e gody // Nauchnyj potencial. 2013. № 1 (10). S. 73–78. (in Russian)

Karimova, 2017 – Karimova L. K. Dinamika demograficheskih harakteristik rabochih i sluzhashchih

в ТАССР в 1950–1958 гг. // Власть. 2017. № 25 (12). С. 104–109.

Кривоножкина, Тахтарова, 2013 – Кривоножкина Е. Г., Тахтарова С. С. Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны // Сборник трудов международной научно-исторической конференции им. академика Л. Блюментроста: Берлин: Wissenschaftliche Welt, 2013. С. 100–104.

Миннибаев, 2014 – Миннибаев Б. И. Роль женщин в развитии экономики Татарии в 1950-х – начале 1960-х гг. на примере Татарской АССР // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4–1. С. 145–147.

Румянцева, 2009 – Румянцева М. А. Изменения в механическом движении городского населения Поволжья в 1955–1965 гг. // Альманах современной науки и образования. 2009. № 7-1. С. 113–118.

Сакаев, 2006 – Сакаев В. Т. Города и городское население Татарской АССР накануне Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. 2006. № 5. С. 34–41.

Сакаев, 2007 – Сакаев В. Т. Смертность городского населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны // Регионология. 2007. № 2 (59). С. 271–278.

Сакаев, 2015 – Сакаев В. Т. Урбанизационные и этнодемографические процессы в Республике Татарстан: социально-политические аспекты // В мире научных открытий. 2015. № 5–1 (65). С. 507–513.

Сакаев, 2017 – Сакаев В. Т. Детерминанты и социальные последствия трансформации смертности в Татарской АССР в конце 1950-х – 1960-е гг.: взгляд через 50 лет // Власть. 2017. Т. 25. № 12. С. 43–49.

Телишев, Сакаев, 2014 – Телишев В. Ф., Сакаев В. Т. Региональный аспект потерь населения в годы Великой Отечественной войны (Татарская АССР) // Региональный экономический журнал. 2014. № 3–4 (78). С. 70–75.

Федотова, Федорова, 2013 – Федотова А. Ю., Федорова Н. А. Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921–1923 гг. Казань: Информационно-издательский центр Управления делами Президента Республики Татарстан, 2013. 246 с.

Ханипова, 2017 – Ханипова И. И. Детство в экстремальных условиях голода начала 1920-х годов в Татарской АССР // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию русской революции 1917 г.). Сборник материалов международной научной конференции.

v TASSR v 1950–1958 gg. // Vlast'. 2017. № 25 (12). S. 104–109. (in Russian)

Krivonozhkina, Tahtarova, 2013 – Krivonozhkina E. G., Tahtarova S. S. Sel'skoe naselenie Tatarskoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchno-istoricheskoj konferencii im. akademika L. Blyumentrosta: Berlin: Wissenschaftliche Welt, 2013. S. 100–104. (in Russian)

Minnibaev, 2014 – Minnibaev B. I. Rol' zhenshchin v razvitii ekonomiki Tatarii v 1950-h – nachale 1960-h gg. na primere Tatarskoj ASSR // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2014. № 4–1. S. 145–147. (in Russian)

Rumyanceva, 2009 – Rumyanceva M. A. Izmeneniya v mekhanicheskom dvizhenii gorodskogo naseleniya Povolzh'ya v 1955–1965 gg. // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2009. № 7-1. S. 113–118. (in Russian)

Sakaev, 2006 – Sakaev V. T. Goroda i gorodskoe naselenie Tatarskoj ASSR nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2006. № 5. S. 34–41. (in Russian)

Sakaev, 2007 – Sakaev V. T. Smertnost' gorodskogo naseleniya Tatarskoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Regionologiya. 2007. № 2 (59). S. 271–278. (in Russian)

Sakaev, 2015 – Sakaev V. T. Urbanizacionnye i etnodemograficheskie processy v Respublike Tatarstan: social'no-politicheskie aspekty // V mire nauchnyh otkrytij. 2015. № 5–1 (65). S. 507–513. (in Russian)

Sakaev, 2017 – Sakaev V. T. Determinanty i social'nye posledstviya transformacii smertnosti v Tatarskoj ASSR v konce 1950-h – 1960-e gg.: vzglyad cherez 50 let // Vlast'. 2017. T. 25. № 12. S. 43–49. (in Russian)

Telishev, Sakaev, 2014 – Telishev V. F., Sakaev V. T. Regional'nyj aspekt poter' naseleniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (Tatarskaya ASSR) // Regional'nyj ekonomicheskij zhurnal. 2014. № 3–4 (78). S. 70–75.

Fedotova, Fedorova, 2013 – Fedotova A. Yu., Fedorova N. A. Pomoshch' golodayushchemu naseleniyu TASSR sovetskimi i inostrannymi organizaciyami v 1921–1923 gg. Kazan': Informacionno-izdatel'skij centr Upravleniya delami Prezidenta Respubliki Tatarstan, 2013. 246 s. (in Russian)

Hanipova, 2017 – Hanipova I. I. Detstvo v ekstremal'nyh usloviyah goloda nachala 1920-h godov v Tatarskoj ASSR // Ekstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: regional'nyj aspekt (k 100-letiyu russkoj revolyucii 1917 g.). Sbornik materialov mezhdunarodnoj

Казань: Культурно-просветительское товарищество, 2017. С. 468–473.

Шайдуллин, 2014 – Шайдуллин Р. В. Демографические трансформации и перспективы экономического развития деревни Татарстана (1990–2010-е гг.) // Вестник Екатерининского института. 2014. № 1 (25). С. 128–133.

Шамсутдинов, 2018 – Шамсутдинов А. Х. «Старение» населения деревень Татарской АССР в 1960-е гг. // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории. Материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2018. С. 582–590.

nauchnoj konferencii. Kazan': Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, 2017. S. 468–473. (in Russian)

Shajdullin, 2014 – Shajdullin R. V. Demograficheskie transformacii i perspektivy ekonomicheskogo razvitiya derevni Tatarstana (1990–2010-e gg.) // Vestnik Ekaterininskogo instituta. 2014. № 1 (25). S. 128–133. (in Russian)

Shamsutdinov, 2018 – Shamsutdinov A. H. «Starenie» naseleniya dereven' Tatarskoj ASSR v 1960-e gg. // Rossijskoe krest'yanstvo i sel'skoe hozyajstvo v kontekste regional'noj istorii. Materialy VII Vserossijskoj (XV regional'noj) s mezhdunarodnym uchastiem konferencii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya. Joshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 582–590. (in Russian)

L. K. Karimova

NATURAL AND MECHANICAL MOVEMENT OF THE POPULATION OF THE TASSR IN THE FIRST HALF OF THE 1980s (ACCORDING TO MATERIALS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

In modern Russian historiography, regional studies are becoming increasingly popular, allowing to supplement and disclose the most important processes of the social and economic development of Russia as a whole. Not all aspects of the demographic history of the country, its regions and the Tatar ASSR in particular have been studied yet. There are no comprehensive works devoted to the dynamics of the demographic characteristics of the population in the 1980s. This study allows filling this gap and introduce into scientific circulation new archival data deposited in the National Archive of the Republic of Tatarstan. On their basis, using general scientific and special methods (historical, applied statistics), quantitative characteristics of the natural and mechanical movement of the population of the TASSR in the first half of the 1980s are given, and its dynamics is analyzed. The tendency of reducing the number of rural population in the period under review was revealed, mainly due to the resettlement of rural residents to urban settlements. The centers of attraction in the republic were Kazan, Naberezhnye Chelny (Brezhnev), Nizhnekamsk.

Keywords: historical demography, Tatar ASSR, urban population, rural population, natural movement of the population, mechanical movement of the population.

Каримова Луиза Каюмовна,
кандидат исторических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Россия)
Luiza.Karimova@kpfu.ru

Karimova Luiza Kajumovna,
PhD in History, Associate Professor,
Kazan Federal University
(Kazan, Russia)
Luiza.Karimova@kpfu.ru

УДК 908.328

Л. Р. Шафигуллина

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИН-ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Гендерная асимметрия негативно сказывается и на мужчинах, и на женщинах: доминирование в одной сфере неизбежно оборачивается слабостями в другой. В работе отражено стремление поднять вопросы, связанные с положением женщины в политической сфере. По оценкам Организации Объединенных Наций, только тогда, когда в составе депутатского корпуса той или иной страны больше 20% женщин, законодатели всерьез начинают разрабатывать законопроекты в интересах детей. И только тогда, когда среди законодателей около 30% женщин, появляются законы и государственные программы, отвечающие насущным интересам женщин. Но главный вывод ООН заключается в том, что только паритетное участие мужчин и женщин в структурах государственной власти гарантирует принятие ответственных политических, социальных, экономических решений, а потому обеспечивает устойчивое развитие любого региона. Предметом исследования является участие женщин в представительных органах власти Республики Татарстан и в результате составление социального портрета женщины-депутата законодательного органа Республики Татарстан. Использование разнохарактерных источников таких, как источники личного характера, фокусированное глубинное интервью, законодательные акты, статистические материалы, СМИ позволяет достаточно полно рассмотреть положение женщин в политике в Республики Татарстан. Специфика предмета исследования потребовала использования гендерного анализа, примененного к электоральной статистике, в результате получился политический анализ с разбивкой по признаку пола. В результате автор приходит к следующим выводам. Гендерная структура нынешней Государственного Совета Республики Татарстан свидетельствует о гендерной асимметрии российской законодательной власти. Этот дисбаланс власти негативно сказывается, в первую очередь, на повседневной жизни женщин. Иными словами, законодательство, создаваемое государственным региональными парламентами, объективно способствует сохранению и усугублению гендерного неравенства, поскольку не учитывает женских интересов. Решение проблем женщин возможно только при активном участии женщин–политиков.

Ключевые слова: гендерный анализ, женщины, депутаты, Государственный Совет РТ, политика, избирательный процесс.

В России и в Республике Татарстан наблюдается следующее явление: будучи в процентном соотношении большинством (53% от общей численности населения [Женщины РТ, 1995, с. 11], в структурах власти женщины практически не представлены. Данные обстоятельства делают весьма актуальным анализ участия женщин в органах представительной власти на примере Государственного Совета РТ. Благодаря исследованию состава народных представительниц можно составить так называемый социальный портрет женщины-депутата Госсовета РТ по следующим критериям: образование, возраст, партийная принадлежность, национальность.

Численность женщин-кандидатов в избирательных кампаниях в Государственный Совет Республики Татарстан возрастала, хотя и ненамного (от 7,7% до 15,4%). В 1990-е гг. несмотря на то, что процент выдвигающихся женщин год от года рос, процент женщин-депутатов в законодательном органе РТ

оставался на прежнем уровне. Лишь в результате последних выборов в представительные органы РТ количество женщин-депутатов увеличилось.

Ситуация по представительству женщин в Госсовете РТ схожа с большинством других регионов России (до 10%), да и с Государственной Думой РФ. Однако это не является поводом для спокойствия. Если рассматривать ситуацию на региональном уровне, то по данным ЦИКа на 1997 г., в региональных органах законодательной власти (Смоленском, Курском, Омском, Томском областных собраниях) не было ни одной женщины-депутата. В 40 регионах женщин насчитывалось до 10%; в 35 регионах – от 11% до 29%. В оставшихся 9 регионах максимальный уровень представительства женщин от 20% до 32%.

Какова же ситуация в Республике Татарстан?

В Госсоветах РТ первого и второго созывов число женщин оставалось неизменным: 6 чел. (4,6%). Лишь в Госсовете РТ третьего созыва, выборы в который состоялись в 2004 г., наметилось увеличение численности женщин почти в 2 раза, их стало 13 (13%). Выборы 2009 г. закрепили прежний результат. Численность женщин-депутатов составила 14 (14%). Республика Татарстан входит в число регионов, где женщин в законодательных собраниях насчитывается до 10%. В целом положение в РТ не отличается от большинства регионов РФ.

Хотелось бы более подробно изучить представительство женщин в Госсовете РТ, чтобы выявить причины данной асимметрии.

Отметим, что до создания Госсовета РТ существовал Верховный Совет РТ, где ситуация относительно женщин была иной. В Верховном Совете РТ XII созыва (1990–1995), состоящего из 250 народных депутатов, было 15 женщин (6%) [Верховный Совет, 1993, с. 14]. Первым заместителем Председателя Госсовета РТ была выбрана З. Р. Валеева.

В последующие годы ситуация в политической сфере заметно изменилась. Введение многопартийности и осуществление демократической процедуры выборов на альтернативной основе теоретически расширили возможность достижения политического лидерства для женщин, а практически произошло резкое количественное снижение женщин-лидеров на всех уровнях политического процесса.

Выборы в Госсовет РТ 1995 г. показали заметное снижение численности женщин-депутатов – 6 человек, что составило 4,6% к общему числу избранных.

Сопоставление данных о гендерной структуре Государственного Совета всех четырех созывов свидетельствует, во-первых, о явном увеличении числа женщин после изменения избирательной системы в 2004 г., благодаря партийным спискам, однако последующие выборы лишь закрепили результат, тенденции к увеличению нет. Результат партийной политики по отношению к женщинам правящей партии «Единой России» (в 2009 г. сохранилось, как и в 2004 г.); во-вторых, о сокращении числа женщин во фракции КПРФ.

Рассмотрим половозрастной состав депутатского корпуса (табл. 1). Самая распространенная возрастная группа для мужчин и женщин в Госсовете РТ первого и второго созывов – 40-49 лет. В 2004 и 2009 гг. мы видим омоложение женского депутатского корпуса. Совершенно очевидно, что от созыва к созыву происходит пусть медленное, но явное расширение возрастных границ отбора женщин в списки кандидатов, что в целом увеличивает и их шансы на завоевание мест в парламенте.

В депутатском корпусе Государственного Совета РТ четырех созывов среди женщин можно выделить две национальности – русские и татарки (табл. 2). При этом в Госсовете РТ первого созыва женщин-татарок было в 2 раза больше женщин-русских, а в Госсовете РТ третьего созыва женщины-татарки имели небольшой перевес. От созыва к созыву число женщин-депутатов русской национальности стабильно росло от 2 до 8 чел. Паритет по национальному признаку наблюдался в Госсовете РТ третьего созыва.

Многие женщины-депутаты Госсовета РТ имели опыт партийной работы в КПСС и ВКЛСМ, занимались законодательной деятельностью в Верховном Совете ТАССР. До политической карьеры большинство из них занимали руководящие должности по специальности (табл. 3), проявили себя на работе, т.е. они обладают организаторскими способностями и знаниями, как руководить людьми. Они работали главврачами, директорами школ, заведующими и старшими научными сотрудниками, юристами, редакторами газет и журналов. Некоторые в эпоху рыночных перемен открыли свой бизнес.

Судя по этим показателям, среднестатистическая обладательница депутатского мандата в нынешней Государственном Совете – женщина в возрасте, молодость которой пришлась на советское время; вышедшая замуж и вырастившая одного, от силы двух детей, и в то же время

Таблица 1

Распределение депутатов Государственного Совета РТ (первого-четвертого созывов) по возрасту

Возрастные группы / Созывы Госсовета РТ	до 30 лет		30-39 лет		40-49 лет		50-59 лет		старше 60 лет	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Госсовет РТ первого созыва	1	-	24	-	66	4	25	2	8	-
Госсовет РТ второго созыва	1	-	25	-	56	4	37	2	5	-
Госсовет РТ третьего созыва	-	-	6	2	35	5	35	4	10	2
Госсовет РТ четвертого созыва	2	3	5	3	23	3	32	4	28	1

Сост. по: Выборы, 2000; Государственный Совет, 1999; Кто есть кто в РТ, 2000; Избирательные бюллетени, 2004; Государственный Совет РТ, 2018.

Таблица 2

Распределение женщин-депутатов Госсовета РТ (первого-четвертого созывов) по национальности

Созывы Госсовета РТ / Национальность	Госсовет первого созыва	Госсовет второго созыва	Госсовет третьего созыва	Госсовет четвертого созыва
Русская	2	3	6	8
Татарка	4	3	7	5

Сост. по: Выборы, 1999; Государственный Совет, 1999; Избирательные бюллетени, 2004 г.; Кто есть кто в РТ, 2000; Государственный Совет, 2018.

Таблица 3

Распределение женщин-депутатов Госсовета РТ (первого-четвертого созывов) по роду занятий на момент избрания

Созывы Госсовета РТ / Род занятий	Госсовет первого созыва	Госсовет второго созыва	Госсовет третьего созыва	Госсовет четвертого созыва
Депутаты Верховного Совета РТ	2	-	-	-
Депутаты Госсовета РТ	-	2	1	2
Депутаты Госдумы РФ	-	-	2	-
Представители исполнительной власти	4	-	1	2
Профсоюзные лидеры	-	-	1	1
Журналисты	-	1	1	-
Деятели образования, науки	-	1	-	4
Предприниматели		-	2	2
Юристы	-	-	1	1
Спортсмены		-	1	-
Врачи	-	2	-	1
Руководители общественных организаций	-	-	3	1

Сост. по: Государственный Совет, 1999; Кто есть кто в РТ, 2000; Избирательные бюллетени, 2004; Государственный Совет, 2018.

сделавшая карьеру, которая позволила ей войти в круг представителей местной номенклатуры и быть замеченной руководством правящей партии «Единая Россия».

На выборах 1995, 1999 гг. большую часть женщин-депутатов провела в парламент КПРФ. Но уже в 2004 г. «Единая Россия» стала лидировать по этому показателю, а в 2009 г. от КПРФ не было избрано ни одной женщины. В числе 44 депутатов «Единой России» мандаты депутата получили 11 женщин, или 25% от общего числа депутатов фракции. В числе 6 депутатов фракции КПРФ женщин не оказалось. По одномандатным округам прошло 3 женщины, они по партийной принадлежности от «Единой России».

Наш анализ показал, что правящей партии удалось, во-первых, увеличить число женщин, получивших депутатский мандат; а во-вторых, символически обеспечить гендерный паритет хотя бы в одной, пусть и крайне малочисленной, но значимой части своего списка депутатов – среди лиц в возрасте до 30 лет. Вместе с тем, нельзя не отметить, что, взяв на себя задачу изменения гендерного баланса в депутатском корпусе, «Единая Россия» стала решать ее таким образом, чтобы не дестабилизировать наличный гендерный порядок. А потому при отборе кандидатов в свой список оказывала явное предпочтение представительницам тех общественных страт, которые принято называть «номенклатурой». То есть тем, чья «картина мира» совпадает с партийными установками на обеспечение стабильности, на развитие без существенных преобразований. Этот тип гендерного отбора отчетливо проявился уже на парламентских выборах 2004 г. и был закреплен на выборах 2009 г., что подтвердило главный вывод, к которому мы пришли в результате проведения гендерного мониторинга, а именно – с начала XXI в. в нашей стране по сути дела перестает работать «социальный лифт», обеспечивающий продвижение в сферу политики и государственного управления тех категорий женщин, которые не входят в государственную номенклатуру, включая представительниц «третьего сектора», и в их числе – активисток женских организаций (Р. Туфетуллова, З. Р. Валеева, С. А. Усманова). Даже крайне немногочисленная женская часть российской политической элиты формируется сегодня в соответствии с требованиями традиционной российской государственности, опирающейся на бюрократию и не допускающей усиления воздействия других социальных групп, в том числе – представителей институтов гражданского общества. Такой тип отбора женской властной элиты способен тормозить процесс выравнивания социальных шансов мужчин и женщин и во многом блокировать реализацию конституционного принципа гендерного равноправия. А вместе с этим – утверждение на государственном уровне того набора задач общественного развития, который сопряжен с общей гуманизацией политики.

Какие должности заняли женщины-депутаты в Госсовете РТ?

Женщины в Госсовете РТ первого-четвертого созывов занимали одну из ключевых должностей – Заместитель Председателя Госсовета (З. Р. Валеева, И. А. Ларочкина, Р. А. Ратникова). Пост Секретаря Госсовета РТ на протяжении всех четырех созывов занимали женщины (Н. Ф. Абдрашитова, В. Н. Липужина, Л. Н. Маврина). В первые два созыва Госсовета РТ женщины не возглавляли ни один комитет и ни одну комиссию [Государственный Совет, 1999, с. 7]. Изменения произошли после 2004 г.: заместителями Председателя комитетов стала 1 женщина в Госсовете РТ третьего созыва (Ф. Г. Зиятдинова), 3 женщины в Госсовете РТ четвертого созыва (А. Ф. Шарипова, А. Г. Исаева, Л. В. Кузьмина); Председателем комитетов стали 2 женщины Госсовета РТ четвертого созыва (В. Н. Липужина, С. М. Захарова).

Интересен анализ основных политических лозунгов в предвыборных кампаниях, с которыми выступали женщины-кандидаты. Естественно, их волновали насущные проблемы населения: ликвидация ветхого жилья, безработицы, инфляции. Лозунги были направлены на удовлетворение повседневных нужд населения. Всех волновала социальная и семейная политика государства, они ратовали за её расширение (поддержка материнства, и детства, инвалидов, больных, многодетных семей; развитие социальной сферы здравоохранения, образования и культуры). Стратегия «женщины–хозяйки» является довольно успешной на региональных выборах.

Анализируя стенограммы заседаний Госсовета РТ, мы пришли к выводу о том, что в принципе увеличение числа женщин в парламенте не усилило голоса женщин, т.е. женский вопрос и все, что с ним связано, не стал чаще звучать, приниматься какие-либо решения в данной области. Женщины, выдвинутые от партий, выглядят достаточно пассивно. Конечно, нельзя сказать, что все женщины, попавшие в Госсовет РТ первого и второго созывов

активно участвовали в их работе, но благодаря З. Р. Валеевой, С. А. Усмановой, Н. К. Столяровой, В. Н. Липужиной были приняты законодательные акты по многим вопросам, которые они поднимали. Например, вопросы по социальной защиты и национальному воспитанию детей, принятие программы «Дети Татарстана» и концепции семейной политики, а также законодательных актов «Об учреждении медали РТ «Мактаулы ана» («Материнская слава»)», «О социальной защите инвалидов в РТ», оказание помощи безработным в период кризиса 1998 г., организация бесплатного питания учащихся общеобразовательных учебных заведений республики, во время Чеченских кампаний они выступали с требованием не принимать поспешных решений по данному вопросу, приостановить отправку необученных бойцов в горячие точки – о приостановлении на территории республики призыва на военную службу.

Не раз женщины-депутаты выступали с просьбой создать дополнительный комитет – по делам женщин, семьи и ребенка. «Цивилизованность любого общества определяется отношением к самым слабым и незащищенным – женщинам, детям и старикам», – заявляла Н. К. Столярова. Однако Председатель Госсовета в ответ заметил, что, «конечно, было бы неплохо создать комитет по каждому направлению, благо проблем везде хватает, но уже есть Комитет по социальной политике, который как раз и будет заниматься данными вопросами» [Столярова, 2009]. В итоге это предложение не было поддержано.

Забота о подрастающем поколении, его здоровье, воспитание является основополагающим направлением деятельности женщин-депутатов, поэтому они активно принимали участие в принятии и реализации государственной программы «Дети Татарстана». Будучи депутатами Государственного Совета РТ С. А. Усманова, Р. Р. Туфетулова, З. Р. Валеева отстаивали необходимость по примеру федеральной программы «Дети России» ее принятия, включения в бюджет республики и, самое главное, добивались максимального финансирования. По словам С. А. Усмановой, «на это ушло очень много времени и сил, потому что мне приходилось бороться с теми людьми, которые были обязаны составлять эту программу. Принятие Программы «Дети Татарстана» [Усманова, 2009], разрабатывавшейся около года, совпало с дефолтом 1998 г., поэтому ее одобрение депутатами Государственного Совета РТ могло оказаться на грани срыва. С. А. Усмановой пришлось яростно доказывать депутатам необходимость в первом чтении принять программу и финансировать ее отдельной строкой. Ею было зачитано письмо, пришедшее от отчаявшейся женщины в комиссию: «У меня трое детей. Младшему всего 5 месяцев. Дети мои голодают, даже малыша кормить нечем, так как от полуголодной жизни у меня пропало молоко. Муж не получает зарплату 10 месяцев, я тоже с мая не получаю пособия на ребенка. Продуктовые чеки нам не дают, потому что по документам мы считаемся семьей обеспеченной, у мужа зарплата 1000 рублей. ... Если в ближайшем будущем ничего не изменится, мои дети просто умрут с голода. Может быть, думаете, что раз нет еды, значит, алкогольная семья? Но у нас нормальная семья, мы не пьем, не курим, а денег все равно нет. Я никогда никому не жаловалась, но сейчас дошла просто до последней точки. Я умоляю вас, помогите» [Заседание, 1999, с. 141].

С каждым годом количество здоровых детей сокращается, а частота детской инвалидности с 1986 г. по 1996 г. увеличилась в 5 раз. Этот пример показателен, поскольку демонстрирует как трансформационные процессы, происходившие в нашей стране, повлияли на здоровье детей (будущей нации). Первыми забили тревогу женщины, начав создавать общественные организации по разрешению данного вопроса. С медицинскими проблемами С. А. Усманова знакома не понаслышке, она практикующий врач: «сегодня 160 детей с врожденным пороком сердца ждут очереди на операцию. Для операции нужен оксигенатор, который стоит 6000 долларов. Дети уже синеют. Их может спасти срочная операция. Поэтому принятие программы ждут эти дети и их родители» [Усманова, 2009]. В программе также предусмотрены закупка аппаратуры и реактивов.

С 1999 г. в республике стала претворяться в жизнь Программа «Дети Татарстана». Ежегодно в 2000–2001 гг. на реализацию программных мероприятий выделялось по 10 млн. рублей. Программой, разработанной на 2002–2004 гг., были предусмотрены мероприятия по обеспечению безопасного материнства, строительству перинатальных центров, укреплению материально-технической базы учреждений акушерско-гинекологической и педиатрической службы, реабилитации инвалидов, поддержке детских, подростковых общественных объединений республики и др. Вновь при ее принятии встал вопрос о финансировании. Учитывая

рост инфляции «в 12-13%, выделенные средства на финансирование программы на 1 миллион больше наоборот уменьшились» [Заседания, 2001, с. 53]. Чуть ли не каждый рубль Программы пришлось отстаивать лидерам женских организаций (З. Р. Валеева – «Женщины Татарстана», Р. Р. Туфетулова – «Ак калфак», С. А. Усманова – «Защита прав детей»), одновременно являющимися депутатами.

Женщины склонны больше внимания уделять таким вопросам, как защита окружающей среды, ядерное разоружение, здоровье, забота о детях. И, следовательно, избрание большего числа женщин на ответственные посты привело бы к изменениям в общественной политике. У женщин другой стиль работы, который положительно сказывается на характере обсуждений и процессе принятия решений. В конце концов, женщины представляют более половины населения, они имеют право на соответствующее представительство в органах власти.

В структурах власти женщины работают по преимуществу в области социальной политики и культуры. Доказательством могут служить посты, которые занимали женщины в Госсовете РТ (Председатели Комитетов по образованию, культуре и науке, по охране здоровья, по делам женщин, семьи и молодёжи, по делам общественных объединений и религиозных организаций, по природным ресурсам). В этом есть свои плюсы и недостатки: избиратели могут рассчитывать на защиту социальных интересов, культуры и духовных ценностей, если они избирают женщин, но тем самым политическая деятельность женщин остаётся односторонней. Они не возглавляют ключевых Комитетов.

В отличие от мужчин для женщин-парламентариев весьма характерна более старшая возрастная группа начальной политической деятельности, т.к. они отсутствуют в возрастной группе «до 30 лет». Возможно, это связано с жизненными циклами женщины (рождение и воспитание детей). Чаще всего российские женщины достигают успеха в политике в возрасте после 40 лет. Средний возраст женщины-депутата составляет 47 лет, что соответствует общемировому возрасту парламентариев. В 2004 и 2009 гг. мы увидели омоложение женского депутатского корпуса Госсовета РТ. Совершенно очевидно, что от созыва к созыву происходит пусть медленное, но явное расширение возрастных границ отбора женщин в списки кандидатов, что в целом увеличивает и их шансы на завоевание мест в парламенте.

Судя по этим показателям, среднестатистическая обладательница депутатского мандата в нынешней Государственном Совете – женщина в возрасте, молодость которой пришлась на советское время; вышедшая замуж и вырастившая одного, от силы двух детей, и в то же время сделавшая карьеру, которая позволила ей войти в круг представителей местной номенклатуры и быть замеченной руководством правящей партии «Единая Россия».

Гендерная структура нынешней Государственного Совета РТ свидетельствует о гендерной асимметрии российской законодательной власти. Этот дисбаланс власти негативно сказывается, в первую очередь, на повседневной жизни женщин. Иными словами, законодательство, создаваемое государственным региональными парламентами объективно способствует сохранению и усугублению гендерного неравенства, поскольку не учитывает женских интересов. Решение проблем женщин возможно только при активном участии женщин-политиков.

ЛИТЕРАТУРА

Верховный Совет, 1993 – Верховный Совет Республики Татарстан. Казань, 1993.

Выборы, 2000 – Выборы народных депутатов Республики Татарстан. Итоги 19 дек. 1999г. 8 апр. 2000 г. / сост. В. В. Гаврилов. Казань: Изд. ЦИК РТ, 2000. 171 с.

Государственный Совет, 1999 – Государственный Совет Республики Татарстан 1995–2000 гг. Казань: Изд-е Госсовета РТ,1999. 156 с.

Государственный Совет, 2018 – Государственный Совет РТ: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gossov.tatarstan.ru/deputaty/ (дата обращения 11.10.2018)

REFERENCES

Verhovnyj Sovet, 1993 – Verhovnyj Sovet Respubliki Tatarstan. Kazan’, 1993. (in Russian)

Vybory, 2000 – Vybory narodnyh deputatov Respubliki Tatarstan. Itogi 19 dek. 1999g. 8 apr. 2000 g. / sost. V. V. Gavrilov. Kazan’: Izd. CIK RT, 2000. 171 s. (in Russian)

Gosudarstvennyj Sovet, 1999 – Gosudarstvennyj Sovet Respubliki Tatarstan 1995–2000 gg. Kazan’: Izd-e Gossoveta RT,1999. 156 s. (in Russian)

Gosudarstvennyj Sovet, 2018 – Gosudarstvennyj Sovet RT: oficial’nyj sajt [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gossov.tatarstan.ru/deputaty/ (data obrashcheniya 11.10.2018) (in Russian)

Женщины РТ, 1995 – Женщины Республики Татарстан: стат. сб. Казань, 1995.

Заседание, 1999 – Заседание Государственного Совета Республики Татарстан 21 октября 1998 г. Стенографический отчет. Казань, 1999.

Заседания, 2001 – Заседания Государственного Совета Республики Татарстан. X пленарная сессия. 21 ноября 2001 г. Стенографический отчет. Казань, 2001.

Избирательные бюллетени, 2004 – Избирательные бюллетени, 14 марта 2004 г.

Кто есть кто в РТ, 2000 – Кто есть кто в Республики Татарстан: по сост. на 20 нояб. 2000г. / редкол.: И. Г. Ахметзянов и др.; ред.-сост. Л. Лисин. Казань: Стар, 2000. 355 с.

Столярова, 2009 – Интервью с Н. К. Столяровой. 23 марта 2009 г. // Личный архив автора.

Усманова, 2009 – Интервью с С. А. Усмановой. 18 февраля 2009 г. // Личный архив автора.

Zhenshchiny RT, 1995 – Zhenshchiny Respubliki Tatarstan: stat. sb. Kazan', 1995. (in Russian)

Zasedanie, 1999 – Zasedanie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Tatarstan 21 oktyabrya 1998 g. Stenograficheskij otchet. Kazan', 1999. (in Russian)

Zasedaniya, 2001 – Zasedaniya Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Tatarstan. X plenarnaya sessiya. 21 noyabrya 2001 g. Stenograficheskij otchet. Kazan', 2001. (in Russian)

Izbiratel'nye byulleteni, 2004 – Izbiratel'nye byulleteni, 14 marta 2004 g. (in Russian)

Kto est' kto v RT, 2000 – Kto est' kto v Respubliki Tatarstan: po sost. na 20 noyab. 2000g. / redkol.: I. G. Ahmetzyanov i dr.; red.-sost. L. Lisin. Kazan': Star, 2000. 355 s. (in Russian)

Stolyarova, 2009 – Interv'yu s N. K. Stolyarovoj. 23 marta 2009 g. // Lichnyj arhiv avtora. (in Russian)

Usmanova, 2009 – Interv'yu s S. A. Usmanovoj. 18 fevralya 2009 g. // Lichnyj arhiv avtora. (in Russian)

L. R. Shafigullina

SOCIAL PROFILE OF WOMEN MEMBERS OF THE TATARSTAN LEGISLATIVE ORGAN

Gender asymmetry negatively affects men and women; dominance in one area inevitably turns into weaknesses in another. In the present paper, the position of a woman in the political sphere is discussed. According to the United Nations only when there are more than 20% of women in the deputy corps of a country, legislators begin in earnest to draft bills protecting the interests of children. And when there are about 30% of women among legislators, laws and government programs serving the essential interests of women appear. However, the main conclusion of the United Nations is that only equal representation of men and women in the structures of state power guarantees making responsible political, social and economic decisions ensuring the sustainable development of any region. The aim of the present research is to analyze the participation of women in the representative bodies of the Republic of Tatarstan and make up the profile of a woman member of the legislative body of the Republic of Tatarstan. The use of diverse source documents such as personal documents, in-depth interviews, legislative acts, statistical data and mass media materials allows more complete consideration of the women's position in the politics of the Republic of Tatarstan. The study is based on the gender analysis of the electoral statistics; as a result, the political analysis with a gender breakdown is made. The following conclusions can be drawn. The analysis of the gender composition of the present State Council of the Republic of Tatarstan indicates that gender asymmetry is characteristic of the Russian Legislature. The gender imbalance in the legislative system negatively influences the everyday life of women. In other words, the legislation enacted by the imbalanced state regional parliaments contributes to the maintenance and aggravation of the gender inequality because the interests of women are not taken into account. To solve the problems of women is possible only with women active participation in politics.

Keywords: gender analysis, women, deputies, State Council of the Republic of Tatarstan, politics, electoral process.

Шафигуллина Ляйсян Рафиковна,
кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Казанский инновационный университет имени
В. Г. Тимирясова
(Казань, Россия)
liaisian@gmail.com

Shafigullina Liaisian Rafikovna,
PhD in History, Senior Lecturer,
Kazan Innovative University named after
V. G. Timiryasov
(Kazan, Russia)
liaisian@gmail.com

УДК 392.34

Е. В. Колчина, Л. М. Лойко

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (ИСТОРИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ)

Российский этнографический музей (РЭМ) является обладателем уникального наследия в сфере народной культуры. В результате многолетней экспедиционно-собирательской работы в РЭМ образовалась разноплановая коллекция этнографических предметов и фотоматериалов, характеризующих различные стороны традиционной культуры народа Волго-Уральского региона: коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов, бесермян, мордвы, марийцев, чувашей, башкир, татар. Коллекции по этнографии финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья является крупнейшим в Российской Федерации. Всего насчитывается порядка 25 тыс. предметов, большая часть которых по времени бытования относится к периоду от второй половины XIX до середины XX в. Основы коллекции отдела Поволжья и Приуралья были заложены в 1902–1914 гг., благодаря экспедиционно-собирательской деятельности, как сотрудников музея, так и его корреспондентов. Работа по комплектованию фондов отдела продолжается и в настоящее время. Экспонаты, собранные в течение более чем 100 лет, являются уникальной источниковедческой базой для исследователей, а также имеют большую востребованность в выставочной, методической, просветительной деятельности Российского этнографического музея.

Ключевые слова: Российский этнографический музей, этнографические коллекции, музейный предмет, этнокультурное наследие, традиционная культура.

Российский этнографический музей – один из крупнейших музеев мира, в собрании которого хранится более полумиллиона экспонатов, характеризующих традиционно-бытовую культуру более 150 народов Восточной Европы, Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и Центральной Азии. Музей прошел несколько этапов своего развития, начиная от Этнографического отдела Русского музея (ЭО РМ), который был учрежден императором Николаем II Именным высочайшим указом от 13 апреля 1895 г. во исполнение воли и в память его отца императора Александра III.

В 1934 г. этнографический отдел получил статус самостоятельного музея и наименование Государственный музей этнографии. С 1977 г. музей становится научно-исследовательским учреждением, а с 1979 г. – научно-методическим центром этнографического музееведения. В 1991 г. – музей включен в свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, с 1992 г. – музей носит название Российский этнографический музей (РЭМ).

Несколько поколений музейных сотрудников продолжают осуществлять основные задачи, заложенные в программу при создании музея: «Служить общему образованию путем наглядного обозрения собранных предметов».

В собрании РЭМ коллекции по этнографии финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья являются одними из наиболее полных и разноплановых, большая часть экспонатов по времени бытования относится к периоду со второй половины XIX до середины XX в. В целом данное собрание является крупнейшим в Российской Федерации.

Среднее Поволжье и Приуралье – уникальный регион. Многовековые связи проживающих здесь народов привели к формированию у них общего регионального слоя культуры, который в разной степени охватил хозяйство, сферы материальной и духовной жизни. В то же время этот процесс не привел к разрушению этносов и особенностей их самобытных национальных культур. Следует отметить, что большинство собирателей приобретали предметы быта сразу у нескольких народов, что давало возможность сопоставления собранных экспонатов и их анализа. Эта плеяда исследователей посвятила большую часть своей жизни делу изучения культуры и быта народов одного из самых многонациональных регионов России.

В результате многолетней экспедиционно-собирательской работы в РЭМ образовалась разноплановая коллекция этнографических предметов и фотоматериалов, характеризующих различные стороны традиционной культуры народа Волго-Уральского региона: коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов, бесермян, мордвы, марийцев, чувашей, башкир, татар. Широкий географический и тематический охват материалов фондов, значительные хронологические рамки коллекций дают возможность выявить локальные варианты этнических групп представленных этносов.

Основы коллекции отдела Поволжья и Приуралья были заложены в 1902–1914 гг. Следует отметить, что в дореволюционный период в ЭО РМ не существовало выделенного отдела народов Поволжья и Приуралья, поэтому, зачастую региональные этнографические памятники приобретались бессистемно и входили в состав сборных коллекций. Среди первых сотрудников музея, приобретавших начале XX в. бытовые предметы у народов Волго-Уральского региона был заведующий Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III востоковед А. А. Миллер.

Появлением в фондах экспонатов, характеризующих культуру касимовских и уфимских татар, музей обязан сотруднику ЭО А. К. Сержпутовскому. В 1915 г. в Рязанской губернии им было обследовано около 10 сел, в которых проживали касимовские татары, в 1917 г. исследователь работал в селах Бирского уезда Уфимской губернии. Им были собраны разнообразные предметы: одежда для взрослых и детей, утварь, атрибуты, связанные с религиозными верованиями.

Комплектование коллекций в дореволюционный период производилось и иными путями. Ряд памятников был передан в музей после экспонирования на различных выставках, например, Парижской всемирной (1900 г.), Всероссийской кустарной (1902 г.) и проч. Следует отметить, что часть предметов, демонстрировавшихся на Первой этнографической выставке в Москве (1867 г.), а также на Кустарно-промышленной выставке (1925 г.) также были переданы в Государственный музей этнографии народов СССР в 1948 г. из расформированного Музея народов СССР.

Довольно многочисленный пласт собрания представляют экспонаты, поступившие в ЭО РМ от коллекционеров-любителей. Зачастую, коллекции выкупались у владельцев. В 1900 г. у коллекционера К. Д. Долматова музеем было выкуплено значительное количество образцов чувашской, марийской, удмуртской вышивки.

Многочисленные украшения (татарские, чувашские, башкирские) поступили в музейный фонд в начале XX в. от известных коллекционеров И. Абдурашидова (владельца «Магазина редкостей и древностей» в Казани) и Ф. М. Плюшкина (купца первой гильдии, почетного гражданина и члена городской управы Пскова).

Особого внимания заслуживают экспонаты, собранные коллекционерами Шабельскими. Большая часть коллекции была выкуплена императором Николаем II и поступила в качестве дара в ЭО РМ в 1906 г. Относящиеся к культуре разных народов региона традиционные украшения, образцы вышивки, одежда и головные уборы являются одними из наиболее ранних по времени бытования экспонатов собрания.

В 1905 г. в музей поступают коллекции от В. П. Шнейдер – художницы, искусствоведа, собирателя памятников народного искусства, корреспондента ЭО РМ. В их составе – образцы женской одежды, головных уборов, украшений, обуви (мордва, чуваши, татары).

Отдельные предметы, характеризующие традиционную культуру коми, были приобретены также у коллекционеров-собирателей в 1904–1914 гг. В числе дарителей были такие известные деятели культуры и науки как литератор и философ К. Ф. Жаков, финский исследователь У. Т. Сирелиус, руководитель Печорской Естественно-исторической станции при Императорской Академии наук в с. Усть-Цыльма (Печорский уезд Архангельской губернии) А. В. Журавский.

К сожалению, экспонаты, поступившие от коллекционеров, не ставивших перед собой исследовательских целей, были достаточно слабо аннотированы, что осложняло последующую научную работу с данными памятниками.

Поскольку в первые годы существования ЭО РМ его штат состоял из четырех человек, возникла необходимость привлекать к работе по комплектованию региональных фондов корреспондентов – учителей, священнослужителей, топографов, военных, мещан, купцов, крестьян, ремесленников. Особую роль в сборе коллекций сыграли ученые – знатоки поволжской этнографии, осуществлявшие работу в регионе по Программе сбора предметов старины, составленной учредителями музея.

Большую лепту в формирование фондов отдела Поволжья и Приуралья внес профессор Казанского университета, корреспондент Этнографического Отдела Русского музея императора Александра III, член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете И. Н. Смирнов. С 1902 по 1904 г. он приобрел для музея 7 коллекций, которые охватывают широкий спектр этнографических тем, давая представительную характеристику традиционной культуры различных финно-угорских и тюркских народов Волго-Камского региона как на основных территориях их проживания, включая контактные зоны, так и за их пределами.

Предметы костюмного комплекса, украшения, утварь, орудия труда, музыкальные инструменты, а также чрезвычайно ценная часть собрания – культовые атрибуты поступили в музей в 1906–1912 гг. в составе коллекций С. И. Руденко – известного ученого, археолога, этнографа, антрополога (впоследствии – профессора кафедры географии и антропологии Томского государственного университета, доктора технических наук, главу лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры, также возглавлявшего Отделение этнографии Географического общества СССР при АН СССР (до 1938 – РГО), являясь его членом с 1911 г.). Поступившие в музей памятники характеризуют разные аспекты материальной и духовной культуры башкир, чувашей, мордвы, марийцев, зауральских коми.

Г. Н. Ахмаров (историк, этнограф, педагог, общественный деятель, член Общества учителей Казанской губернии, член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете) в 1906–1907 гг. приобрел для ЭО РМ 5 значительных коллекций, предметы которых демонстрировали самобытную культуру казанских татар.

Появление в фондах музея в 1906–1908 гг. памятников культуры костромских татар связано с собирательской деятельностью краеведа-этнографа, члена Костромского общества краеведения Н. Н. Виноградова.

К числу корреспондентов музея относился и И. К. Зеленов – краевед, народный учитель из села Шаркан Сарапульского уезда Вятской губернии (впоследствии – сотрудник Пермского научно-промышленного музея, преподаватель кафедры этнографии Нижегородского университета). Среди многочисленных и разнообразных экспонатов его коллекций особый интерес представляют материалы, характеризующие культуру вотяков (удмуртов). Начиная с 1904 г., им было приобретено для ЭО РМ 10 коллекций, в которые входили детали костюма, образцы вышивки и ткачества, утварь, культовые атрибуты, а также чрезвычайно ценные для музея предметы детского комплекса.

С 1908 г. в тесном контакте с ЭО РМ работал М. Е. Евсевьев, преподаватель инородческой учительской семинарии в Казани, первый исследователь и просветитель мордовского народа. Собранные им на территории Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Саратовской губерний этнографические коллекции, содержат, в основном, предметы одежды, среди которых есть раритетные вещи, бытовавшие в период ранее XIX в. и представляющие реликтовые явления в истории развития одежды. Всего для музея им приобретена 31 коллекция.

Собирателем-подвижником, ставшим корреспондентом музея со студенческой скамьи (как и С. И. Руденко), был С. И. Сергель. Он собрал для музея 7 полноценных коллекций, достаточно полно характеризующих различные стороны традиционной культуры коми-зырян. Приобретенные памятники составили костяк дореволюционного собрания по этнографии этого народа.

Одним из известных собирателей музея был художник В. А. Плотников. Результатом его поездки в Соликамский и Чердынский уезды Пермской губ. 1908 г. стала большая коллекция предметов, относящихся к культуре и быту коми-пермяков. Кроме экспонатов и фотографий А. В. Плотниковым в фонды музея были переданы акварельные рисунки этнографического характера, выполненные им во время его экспедиционных поездок.

В 1926 г. по заданию ЭО командировку в Усть-Куломский район Коми Автономной области (в современном административном делении – Троицко-Печорский районы Республики Коми) совершил сотрудник музея Л. Л. Капица. В ходе экспедиции была собрана разнообразная по составу коллекция предметов быта и материальной культуры коми-зырян: предметы охоты, рыболовства, скотоводства, промыслов, народной медицины, в том числе, связанных с культурой и бытом коми старообрядцев-беспоповцев.

В числе собирателей следует назвать и имя известного исследователя чувашской культуры, историка, этнографа, фольклориста, профессора Казанского университета Н. В. Никольского. Им были собраны и переданы в музей три коллекции, в которых представлен обширный материал по традиционному костюму, а также культовые атрибуты.

В 1930-е гг. в отечественном музееведении и этнографии формируется новая концепция комплектования фондов и собирательской работы. Если в 1920-х гг. сбор экспонатов для музейных собраний проводился с целью сохранения выдающихся этнографических артефактов, а также документирования процесса развития этнической культуры, то, спустя десятилетие, основной задачей стал сбор вещей для вновь строящихся экспозиций и выставок. Такой подход нашел отражение и на составе приобретаемых коллекций этнографических предметов. Целенаправленное комплектование фонда памятников традиционной культуры народов Волго-Уральского региона стало возможным после создания в 1938 г. секции «Народов Поволжья» Государственного музея этнографии народов СССР. В 1940 г. секция была официально переименована в отдел. Его работу возглавил Г. А. Никитин, а впоследствии – его супруга и сподвижница Т. А. Крюкова. Они внесли огромный вклад в дело дальнейшего формирования коллекционного фонда отдела и восполнения лакун в собрании. Т. А.Крюкова, будучи известным исследователем культуры марийского народа, занималась изучением и других народов региона. Всего за свою многолетнюю научно-собирательскую деятельность Т. А. Крюкова (часто совместно с другими сотрудниками отдела М. А. Браун, Е. Н. Котовой и др.) пополнила фонды отдела 68 коллекциями.

Как уже отмечалось выше, в 1948 г. музею были переданы многочисленные разнообразные экспонатов из Государственного музея народов СССР (г. Москва), сформированного в свое время на основе Дашковского и Румянцевского музеев. В 1920–30-е гг. его сотрудники очень успешно занимались экспедиционно-собирательской работой. Были сформированы и работали такие крупнейшие экспедиции как Восточно-Финская (1925–1926 гг.), руководимая Б. М. Соколовым и Вотская (1930–33 гг.) во главе с М. М. Маркеловым. К сожалению, ряд экспонатов, поступивших в Государственный музей этнографии, утратил подробные аннотации, поскольку в ходе передачи составлялись зачастую формальные описания, снижающие научную ценность этнографических памятников. Однако данное поступление в собрание музея значительно пополнило коллекции фондов Поволжья и Приуралья.

Толчок целенаправленному и планомерному экспедиционному обследованию территорий Волго-Уральского региона дало Всесоюзное этнографическое совещание 1956 г., на котором вновь был поставлен вопрос о необходимости систематического изучения всей территории Советского Союза [Резолюция, 1956, с. 138–141]. Наряду с другими этнографическими учреждениями в осуществление этой задачи включился и Государственный музей этнографии. Семилетним планом работы музея были предусмотрены экспедиции в первую очередь в те районы, которые не были исследованы этнографами ранее. Существенные пробелы отмечались и в ряде региональных коллекций. В 1958 г. в плане отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья, которым руководила с 1944 г. Т. А. Крюкова, появляется пункт о необходимости полевого обследования всех районов расселения народов коми (зыряне, ижемцы, пермяки), башкир, удмуртов.

Следует заметить, что особенностью комплектования музейных коллекций с 1930-х по 1970-е гг. была жесткая привязка к работе по строительству новых экспозиций музея. Одним из главных направлений в деятельности музеев в тот период стало «документирование современности, понимаемой как сиюминутная действительность», поэтому собирателей ориентировали на «сбор экспонатов, характеризовавших урбанизированные формы современной культуры» [Шангина, 1992, с. 139–143].

С этой задачей блестяще справлялся отдел этнографии народов Поволжья и Приуралья. В конце 1950-х гг. возобновилась после длительно-

го перерыва собирательская и исследовательская деятельность сотрудников музея на территории Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа. В основном, целенаправленное комплектование фонда этнографических памятников народов коми с этого времени связано с именем М. А. Браун. Благодаря её экспедиционно-собирательской деятельности в десяти районах Автономной республики Коми, четырех районах Коми-пермяцкого национального округа и в Афанасьевском районе Кировской области у зюздинских коми-пермяков музейный фонд за 1959–1968 гг. увеличился почти на тысячу экспонатов (14 коллекций).

В 1960–80 гг. коллекции отдела пополнялись благодаря экспедиционным сборам его сотрудников С. А. Авижанской, Е. Н. Котовой, Л. Л. Добрачевой, А. Ю. Заднепровской. Предметы убранства жилища, хозяйственные и промысловые орудия, атрибуты культов, элементы костюма, приобретенные исследователями у удмуртов, башкир, мордвы, марийцев, татар, чувашей позволяют установить хронологию изменений в историко-бытовом комплексе этих народов с конца XIX и на протяжении XX вв. С 1970-х гг. и вплоть до настоящего времени работа по комплектованию собрания и изучению этнографии народов региона (преимущественно, в контактных зонах) продолжается благодаря ведущему научному сотруднику РЭМ, заслуженному работнику культуры Российской Федерации Л. М. Лойко.

Начиная с 1965 г. сотрудники отдела планировали экспедиционные поездки не только с учетом необходимости заполнения лакун в собрании отдела, а также для приобретения предметов ДПИ и изделий легкой промышленности, имеющих выраженные этнические черты. Следует заметить, что в советский период разработка основных технологических стандартов для швейной промышленности осуществлялась моделирующими организациями – центральным и республиканскими Домами моделей. Однако в каждом регионе предприятия и объединения, выпускающие одежду массового спроса по нормативам ГОСТов, создавали наряды, в декоре которых, как правило, использовали самобытные художественные приемы. В автономных республиках, национальных округах существовали швейные фабрики, производственные ресурсы которых были ориентированы на создание своеобразных костюмов, отражающих художественную выразительность традиционного наряда. Это достигалось за счет использования тканей особых фактур, а также вышитого, тканого или аппликативного декора с элементами народной орнаментики. В ряде объединений существовали специализированные цеха, ориентированные на воссоздание традиционной вышивки. Для этой работы часто привлекали мастериц из сельской местности, где самобытное ремесло еще сохранялись. Художественные советы на производстве, разрабатывая декор, обращались к первоисточнику – народному костюму для выявления наиболее характерных этнических мотивов. В 1960–1980 гг. большим спросом пользовалась одежда массового спроса строче-вышивальной фабрики «Труженица» (Марийская АССР), объединение художественных промыслов «Паха-Тере» (Чувашская АССР), фабрики «Мордовские узоры» (Мордовская АССР), изделия художественно-производственного объединения «Агидель» (Башкирская АССР). Мастера производственного объединения национальной обуви в г. Арске и артели «Тукай» (Татарская АССР) изготавливали из узорной кожи красочную обувь, сумки, перчатки, воспроизводя традиционные художественные мотивы. Пластическое и художественное своеобразие отличало изделия экспериментальных цехов и комбинатов народных промыслов, творчески интерпретирующих народный стиль через использование современных материалов и технологий. Например, мастера Сыктывкарского экспериментального объединения художественных промыслов (Коми АССР) создавали на основе старинных образцов рукавицы, перчатки, носки, а производственное объединение «Бисеринка» (Мордовская АССР) – украшения из бисера, традиционно используемого в народном костюме. В собрании музея имеется большой пласт изделий, выпускаемых различными комбинатами региона в 1950–1980 гг. Со второй половины XX в. для пополнения фондов отдела народов Поволжья и Приуралья начинают активно приобретаться изделия народных мастеров, которые творчески используют в своих произведениях традиционные мотивы и технологические приемы.

К настоящему времени экспонаты фондов отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья представляют собой полноценную источниковую базу, эти материалы в значительной степени обобщены и типологизированы. Однако экспедиционно-собирательское направление продолжает оставаться одним из приоритетных и в исследо-

вательской деятельности отдела, и в работе по комплектованию его коллекций. Это обусловлено, с одной стороны, стремлением зафиксировать этносоциальные процессы, которые происходят в регионе в настоящее время, а с другой стороны – потребностями музея в постоянном пополнении его коллекций, как памятниками традиционной культуры, так и экспонатами, отражающими этническую специфику современной культуры.

Особенностью полевой работы последнего десятилетия является ее исследовательская направленность, которая реализуется в рамках следующих направлений: «Финно-угорская регионалистика», «Тюркская регионалистика», «Территории контактного проживания финно-угорского и тюркского населения», Этноконфессиональные группы (старообрядцы).

Исследовательская, а так же взаимосвязанная с ней экспедиционно-собирательская деятельность сотрудников отдела определяется утвержденными индивидуальными научными темами «Христианство и народная культура» (Чувьюров А. А.), «Ислам как образ жизни» (Лойко Л. М.), «Финно-угорские и тюркские этнокультурные связи» (Лойко Л. М., Мишуринская О. В.), «Особенности социализации детей у народов Поволжья и Приуралья», «Традиционная система питания» (Колчина Е. В.), «Текстиль в традиционной культуре татарского народа» (Мишуринская Л. И.), «Обряды жизненного цикла марийцев» (Песецкая (Кирсанова) А. А.), «Традиционный чувашский костюм» (Кашпар Н. Ю.).

Однако данная тематика не ограничивает участников экспедиций в плане сбора вещевого материала, поскольку с каждым годом количество памятников музейного значения в регионе сокращается. Зачастую план комплектования фондов оказывается не выполненным, однако отсутствие желаемых вещей компенсируется иными приобретениями. Не вызывает сомнения необходимость приобретения артефактов, изготовленных до середины XX в., которые призваны восполнить лакуны в собрании музея. Это относится, прежде всего, к артефактам, бытовавшим в культуре локальных этнографических групп, неохваченных или слабо исследованных собирателями прошлых лет.

Следует заметить, что в последние годы сбор полевого материала ведется также с учетом возможности активного его использования в научно-методической работе. В рамках ежегодных стажировок РЭМ неизменный интерес вызывают лекции, сопровождаемые практическими занятиями по различным видам домашних ремесел и женского рукоделия: вышивке, ткачеству, лоскутному шитью и проч. Занятия по овладению различными традиционными технологиями проводятся на основании образцов из фондов Российского этнографического музея. Для подготовки и проведения мастер-классов сотрудники музея в полевых условиях зачастую приобретают вещи, представляющие интерес именно с этой точки зрения: заготовки для создания различных изделий (из дерева, ткани, кожи), материалы (например, нити растительного и животного происхождения) и сырье.

В последние десятилетия пополнение фондов происходит также как и при создании музея благодаря поступлениям даров от представителей национальных сообщества Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Нижнего Новгорода, Перми. Таким образом, обеспечивается преемственность между современными фондообразователями и теми, кто более сотни лет назад заложил основы музейного собрания.

В настоящее время в фондах отдела имеется порядка 25 тысяч единиц хранения. Памятники традиционной культуры народов региона в собрании музея представлены, прежде всего, костюмными комплексами, в которые входят одежда, головные уборы, украшения, обувь. Эти предметы отражают эволюцию традиционных форм в одежде на протяжении без малого 200 лет вплоть до настоящего времени. Значительный пласт собрания – образцы вышивки и головных уборов, поступивших в музей в начале XX в. Данные экспонаты наглядно демонстрируют типологические ряды этнографических памятников конца XIX – начала XX вв.

Часть собрания представлена музейными предметами, демонстрирующими особенности традиционного жилища (стационарного и кочевого), его внешнего и внутреннего убранства. Это мебель, интерьерный текстиль, утварь из кожи, металла, глины и дерева, использовавшейся для приготовления и хранения пищи.

Сельскохозяйственные и скотоводческие орудия дают полное представление о хозяйственно-культурных типах финно-угорских и тюркских народов региона. Музейные экспонаты позволяют раскрыть такие этнографические темы, как «Пивоварение», «Бортничество» и проч. Атрибуты охоты и рыбной ловли, характеризуют особенности промыслового инвентаря (коми, марийцев, башкир, чувашей) в конце XIX – середине XX вв.

Ремесла, традиционно распространенные в регионе – деревообработка, кулеткачество, войлоковаляние, узорное ткачество, узорное вязание, набойка, лоскутное шитье и прочие, достаточно полно раскрываются благодаря экспонатам фондов. Этнографические памятники позволяют продемонстрировать как вещеведческий, так как технологический аспекты данных видов деятельности.

Атрибуты православия и ислама, а также предметы языческих культов представляют собой уникальную часть собрания. Большинство памятников, поступивших в музей, датируются XIX – начала XX вв. Приобрести культовые памятники всегда представлялось чрезвычайно сложной задачей и наличие таковых в фонах РЭМ подчеркивает высокий уровень профессионализма музейных собирателей. Около сотни экспонатов, характеризующих народные верования удмуртов, чувашей, марийцев, уникальны.

В собрании имеется небольшая, но чрезвычайно ценная коллекция моделей хозяйственных построек, орудий труда и промыслов, по времени изготовления относящихся к середине XIX – началу XX вв.

Предметы, объединенные темой «Традиционное воспитание детей у народов Поволжья и Приуралья» (игрушки для детей разных возрастов, приспособления для переноски детей и обучению ходьбе, колыбели), раскрывают различные аспекты социализации детей у народов региона.

Хранящиеся в собрании музея исторические фотографии, выполненные, прежде всего, в ходе экспедиций, документируют различные аспекты традиционной культуры в контексте конкретного этнического пространства. На них запечатлены различные стороны жизни и быта народов Волго-Уральского региона, общий вид поселений, хозяйственные занятия, жилище, антропологические типы, жанровые сцены и проч.

Уникальное этнокультурное наследие народов Поволжья и Приуралья в собрании РЭМ создавалось несколькими поколениями собирателей. Экспонаты, собранные в течение более чем 100 лет, являются уникальной источниковедческой базой для исследователей, а также имеют большую востребованность в выставочной, методической, просветительной деятельности Российского этнографического музея.

ЛИТЕРАТУРА

Резолюция, 1956 – Резолюция этнографического совещания 1956 года // Советская этнография. 1956. № 3. С. 138–141.

Шангина, 1992 – Шангина И.И. Концепция комплектования собраний этнографических музеев (30–50 годы XX в.) // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.): Сб. научн. трудов. СПб.: Гос. музей этнографии, 1992. 228 с.

REFERENCES

Rezolyuciya, 1956 – Rezolyuciya etnograficheskogo soveshchaniya 1956 goda // Sovetskaya etnografiya. 1956. № 3. S. 138–141. (in Russian)

Shangina, 1992 – Shangina I. I. Koncepciya komplektovaniya sobranij etnograficheskih muzeev (30–50 gody XX v.) // Iz istorii formirovaniya etnograficheskih kollekcij v muzeyah Rossii (XIX–XX vv.): Sb. nauchn. trudov. SPb.: Gos. muzej etnografii, 1992. 228 s. (in Russian)

E. V. Kolchina, L. M. Loiko

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF VOLGA AND URAL REGIONS IN THE COLLECTION OF THE RUSSIAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM (ACQUISITION HISTORY)

The Russian Ethnographic Museum (REM) is the owner of a unique heritage of folk culture. As a result of many years of expedition and gathering work in the REM, a diverse collection of ethnographic objects and photographic materials has been formed that characterize various aspects of the traditional culture of the people of the Volga Ural region: Komi-Zyryan, Komi-Permyakov, Udmurt, Besermy, Mordovians, Mari, Chuvash, Bashkir, Tatar. Ethnographic collections of the Finno-Ugric and Turkic peoples of the Volga region and the Ural region are the largest in the Russian Federation. In total, there are about 25 thousand items, most of which belong to the period from the second

half of the 19th century to the middle of the 20th century. The foundations of the collection of the Volga and Priurals department were laid in 1902–1914, thanks to the expedition and collecting activity of both the museum staff and its correspondents. Work on completing the department funds continues to this day. The exhibits, collected for more than 100 years, are a unique source study base for researchers, and also have great relevance in the exhibition, methodological, educational activities of the Russian Ethnographic Museum.

Keywords: The Russian Ethnographic Museum, museum item, ethnographic collections, ethnocultural heritage, traditional culture.

Колчина Елена Викторовна,
заведующая отделом этнографии народов Поволжья и Приуралья,
Российский этнографический музей
(Санкт-Петербург, Россия)
kolchina-e@mail.ru

Лойко Лидия Михайловна,
ведущий научный сотрудник, отдел этнографии народов Поволжья и Приуралья,
Российский этнографический музей
(Санкт-Петербург, Россия)
PovoljeREM@yandex.ru

Kolchina Elena Viktorovna,
Head of the Department of Ethnography of the Peoples of the Volga and Ural,
The Russian Museum of Ethnography
(St. Petersburg, Russia)
kolchina-e@mail.ru

Loiko Lydia Mihajlovna,
Researcher of the Department of Ethnography of the Peoples of the Volga and Ural,
The Russian Museum of Ethnography
(St. Petersburg, Russia)
PovoljeREM@yandex.ru

УДК 39(=511.151):(470.57)+581.6

Р. Р. Садиков

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИКОРАСТУЩИХ РАСТЕНИЙ В ПРИГОТОВЛЕНИИ НАПИТКОВ У ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ

Большую роль в традиционной кухне удмуртов играли дикорастущие растения, травы и ягоды. В настоящее время они также широко применяются удмуртами Башкирии и Пермского края при приготовлении различных блюд и напитков. Набор используемых ими пищевых дикорастущих растений определяется составом флоры природно-географической зоны Башкирского Предуралья. По способу использования их можно разделить на съедобные, пряно-вкусовые и напиточные. В приготовлении домашней водки, пива, кваса, заменителей чая широко применяются различные ароматические и лекарственные растения. Использование таких растений в пивоварении и производстве других напитков, по мнению биологов, вполне обоснованно, т.к. они содержат ряд веществ, способствующих ароматизации и консервации данных напитков. Если использование дикорастущих растений в приготовлении напитков в прошлом диктовалось насущной потребностью, то в настоящее время они помогают обогатить ассортимент напитков, увеличить их вкусовое разнообразие. Представляется целесообразным возрождение традиций приготовления напитков из дикорастущих растений у закамских удмуртов, тем более что этот опыт еще не утрачен. Хмельное пиво, травяной квас, «горный чай» и другие напитки могут вполне быть использованы в развитии этнотуризма.

Ключевые слова: удмурты, напитки, алкогольные напитки, дикорастущие растения, Республика Башкортостан.

Большую роль в традиционной кухне удмуртов играли дикорастущие растения, травы и ягоды. Как установила биолог Н. Ю. Сунцова, специально занимавшаяся изучением этой темы, удмуртам были известны в качестве пищевых 49 дикорастущих и 5 видов сорных растений [Сунцова, 2005, с. 72]. По способу использования их можно разделить на три группы: съедобные, пряно-вкусовые и напиточные. В качестве последних применяли 28 видов дикорастущих растений [Сунцова, 2005, с. 76].

В жизни закамских удмуртов собирательство дикорастущих трав и ягод также играло значительную роль. Территория их проживания (северо-запад Республики Башкортостан и юг Пермского края) относится к региону Башкирского Предуралья. Набор используемых ими пищевых дикорастущих растений определяется составом флоры именно этой природно-географической зоны. Как показывают исследования, 175 видов дикорастущих растений региона могут использоваться человеком в пищу [Кучеров, 1999, с. 142]. Многие из них традиционно употреблялись в пищу и применялись в приготовлении напитков башкирами и другими народами края [Муллагулов, 2007, с. 26–54]. Закамские удмурты уделяли большое внимание собирательству вплоть до 1970–1980-х гг. Некоторые из дикоросов, особенно ягоды, в большом количестве продолжают собирать и в наше время [Садиков, 2010, с. 382–385].

Использование закамскими удмуртами пищевых дикорастущих растений, роль собирательства в их жизни, практически не изучены. Основными источниками при написании статьи явились полевые этнографические материалы автора, собранные посредством опроса информантов по заранее составленному вопроснику в нескольких деревнях закамских удмуртов (д. Асавка Балтачевского, дд. Касиярово и Байшады Бураевского, д. Боль-

шетуганеево Калтасинского, с. Новые Татышлы, дд. Уразгильды и Малая Бальзюга Татышлинского, д. Банибаш Янаульского районов Республики Башкортостан).

Дикорастущие растения широко применялись закамскими удмуртами в приготовлении напитков, как алкогольных (*курыт ӟуон*), так и безалкогольных (*ӟуон*). Традиционными алкогольными напитками закамских удмуртов являлись домашняя водка (*вина*, *кымышка*), медовуха (*мусыр*) и пиво (*сур*). В их приготовлении дикорастущие растения использовались как необходимые ингредиенты технологии их производства, а также в качестве ароматизаторов и усилителей вкуса. Незаменимое значение в приготовлении крепких и слабоалкогольных напитков принадлежит хмелю (*тук,* фото 1) (Хмель вьющийся, Húmulus lúpulus). В винокурении и пивоварении используют закваску на основе самодельных хмелевых дрожжей. Шишки хмеля собирали целыми кистями (*сёрос*) ранней осенью в мешки, сушили в темном месте. Информанты отмечают, что, как только хмель привезли из леса в мешках, его надо сразу же раскладывать на сушку. Если он сопреет – то хмелевая закваска не получится. При обильном урожае его собирали также на продажу. Для получения дрожжей, хмель долго варили и до того, как полученная масса остынет, взбалтывали ее с мукой. После остывания добавляли старую закваску (*шӧм*), что приводило к брожению. Как только масса поднималась, взбалтывали ее с отрубями. Затем ее оставляли на сутки для брожения в теплом месте, после чего раскладывали на деревянную поверхность и сушили на чердаке. В некоторых деревнях добавляли также легко отваренный протертый картофель. Самодельные хмелевые дрожжи хранили в мешочках.

Хмелевую закваску добавляли в брагу для выгонки самогона (*маял*, *брага*) и в пивное сусло (*уарезь*). Небольшое количество клали также в медовуху. В пивоварении вещества, содержащиеся в хмеле, предотвращали прокисание напитка и придавали ему своеобразный аромат и горьковатый вкус. Для придания аромата в брагу и готовый самогон добавляли семена тмина (*эныс*, *бадиян*) (Тмин обыкновенный, Cárum cárvi). В последнее время для ароматизации и придания напитку темно-красного оттенка в домашней водке настаивают сушеные плоды черемухи (*льӧм*) (Черемуха обыкновенная, Prúnus pádus). Получившуюся настойку называют *льӧм вина* ‘черемуховое вино’.

При варке пива (*сур*) сначала готовили отвар из шишек хмеля, цветов и листьев таволги (*тузь*) (Таволга вязолистная, Filipéndula ulmária), травы зверобоя (*виртурым*, *чужмэтрушка*) (Зверобой продырявленный, Hypéricum perforátum), душицы (*мэтрушка*) (Душица обыкновенная, Oríganum vulgáre) и мяты (*кыр бутник*, фото 2) (Мята полевая, Méntha arvénsis), листьев смородины (*сьӧд сутэр*) (Смородина черная, Ríbes nígrum), при возможности дикорастущей, т.к. ее листья считались более ароматными. Могли добавить также листья березы (*кизьпу/кызьпу*) (Береза повислая, Bétula péndula) и клубники (*боры*) (Клубника луговая, Fragária víridis), цветки липы (*беризь сяська*) (Липа

Фото 1. Шишки хмеля (*тук*), д. Касиярово Бураевского района РБ.
Фото Р. Р. Садикова, 2018 г.

Фото 2. Трава мяты полевой (*кыр бутник*), д. Касиярово Бураевского района РБ.
Фото Р. Р. Садикова, 2018 г.

сердцевидная, Tília cordáta). Состав и количество растительных ингредиентов зависели от местных традиций, опыта и вкусов изготовителей пива. В холодной воде взбалтывали перемолотый солод (*чужъем*) или ржаную муку, и немного варили. Готовую массу смешивали с травяным отваром и добавляли хмелевую закваску и сахар или же мед. В пивное сусло клали также семена тмина обыкновенного. Интересно, что «пивной тмин» (*сур бадиян*) упоминается в весенних обрядовых песнях закамских удмуртов [Volksbräuche, 1952, s. 484; Миннияхметова, 2000, с. 31].

При приготовлении травяного кваса (*сюкась*, *сюкесь*) использовали те же растительные ингредиенты, что и при варке пива, но без солода и в меньших пропорциях добавляли сахар или мед и хмелевую закваску.

Для приготовления указанных напитков растения специально собирали и засушивали в тени. В частности, в период цветения в достаточном количестве заготавливали верхнюю часть стебля таволги с метелками белых ароматных цветков (фото 3).

По мнению биологов, использование указанных растений в пивоварении и квасоделании вполне обосновано, т.к. они содержат ряд веществ, способствующих ароматизации и консервации данных напитков [Сунцова, 2005, с. 79]. Использование закамскими удмуртами в приготовлении пива и кваса клевера золотистого (*музъемтук*) (Клевер золотистый, Trifólium áureum), скорее всего, не имеет биохимического основания: желтые соцветия этого растения используются из-за их внешнего сходства с шишками хмеля (недаром оно имеет народное название – хмелёк). Хотя, впрочем, растение обладает лекарственными свойствами [Сунцова, 2005, с. 264]. Считается, что добавление его цветков в пиво или квас, повышает их пенистость (фото 4).

Некоторые растения, обладающие ароматными листьями, используются в качестве добавки в заварку чая. В частности, в этот напиток кладут листья черной смородины, клубники, вишни (*чия*) (Вишня кустарниковая, Prúnus fruticósa), мяты полевой, душицы, зверобоя. Считается, что листья дикой черной смородины и вишни имеют более тонкий запах, чем садовые сорта, поэтому, если имеется такая возможность, стараются их собрать и засушить. При сенокосе и лесных работах непременно на костре заваривают чай с добавлением листьев смородины. В д. Уразгильды Татышлинского района чай заправляют стеблями змееголовника (Змееголовник тимьяноцветковый, Dracocephalum thymiflorum). Жители деревни называют его *чейтурым* ‘чайная трава’.

При простудных заболеваниях пьют отвары травы зверобоя и душицы, цветков липы. Их специально заготавливают на зиму в окрестных лесах и лугах. Информанты отмечают, что целебные растения следует собирать вдали от поселения, там, «где не слышно петушиного крика» (*Атас куара кылїськымтэ интїись ваё вылэм эмъюмлы турым*).

Для приготовления заменителей (суррогатов) чая использовали траву и цветы герани лесной

Фото 3. Сбор цветков таволги вязолистной (*тузь*), д. Касиярово Бураевского района РБ. Фото Р. Р. Садикова, 2017 г.

Фото 4. Сбор травы клевера золотистого (*музъемтук*), д. Касиярово Бураевского района РБ. Фото Р. Р. Садикова, 2017 г.

(*чейтурым*) (Герань лесная, Geránium sylváticum), листья малины, в том числе дикорастущей лесной (*нюлэс эмезь*) (Малина обыкновенная, Rúbus idáeus), листья клубники, редко – стебли и соцветия иван-чая (*иванчей*, *ивантурым*) (Кипрей узколистный, Chamérion angustifólium).

Траву герани лесной собирали во время цветения, мелко нарубали топором, и, сложив в холщовый мешочек, клали в теплое место, например, под подушку. Туда же могли добавить и другие вышеуказанные травы. После того, как травяная масса согреется, т.е. начнется процесс ферментации (*ӟырдатон*, *нюртон*), ее парили 1-2 часа с добавлением небольшого количества воды в чугунке, а затем сушили в формах для хлеба в печи. Называли этот чай «горным» – *гурезь чей*, т.к. эта трава росла только на возвышенной холмистой местности. До последнего времени традиция приготовления этого напитка сохраняется в д. Касиярово Бураевского и д. Асавка Балтачевского районов. В первой деревне растение собирают за р. Быстрый Танып на *Ӟумакай гурезь* ‘Юмакаевские горы’, во второй – растение произрастает только в местности *Казанчи каӵ* ‘Склон Казанчи’. Завариваемый из этого растения напиток получается цветом, похожим на чай, с мягким приятным ароматом.

В целях экономии магазинного чая, при его дефиците или отсутствия в продаже, посредством ферментации приготовляли его суррогат из листьев малины с добавлением листьев других ароматных растений. В тех деревнях, в окрестных лесах

Фото 5. Ягоды шиповника (*легезь*), д. Касиярово Бураевского района РБ. Фото Р. Р. Садикова, 2018 г.

которых произрастает шиповник (*легезь*) (Шиповник майский, Rósa majális), собирали и заваривали его плоды. Их сушили в печи, после выпечки хлеба, добавляли в заварку чая. В д. Касиярово шиповник собирают в большом количестве и в наше время, плоды используют как в цельном, так и в измельченном (пропущенном через мясорубку) виде (фото 5).

Излюбленным напитком детей в весенний период является березовый сок (*сурсву*). Его собирают в окрестных лесах или рощах во время сокодвижения до распускания почек у березы повислой (*кизьпу*) и березы пушистой (*сьӧд кизьпу*) (Береза пушистая, Bétula pubéscens). Для получения сока в стволе березы при помощи металлического штыря, чаще гвоздя, проделывают отверстие, куда вставляют соломинку, по которой жидкость стекает в бутылку. Заготовкой сока обычно занимались мальчики, употребляли в сыром виде.

В последнее время использование дикорастущих растений в приготовлении напитков у закамских удмуртов резко сократилось. Перестали варить пиво, делать традиционные виды кваса и заменители чая. В то же время, появились новые виды напитков. Из некоторых дикорастущих плодов и ягод начали делать консервированные компоты, в частности из черемухи, клубники, дикой красной смородины (*горд сутэр*) (Смородина красная, Ríbes rúbrum) и других. При нахождении в лесу лесной яблони (*алма*, *пуалма*) (Яблоня лесная, Málus sylvéstris), из ее плодов готовят сухофрукты и варят компот. В лекарственных целях собирают плоды боярышника (*атасӟырӟон*) (Боярышник кроваво-красный, Crataégus sanguínea), измельчают их и готовят отвары.

Если использование дикорастущих растений в приготовлении напитков в прошлом диктовалось насущной потребностью, то в настоящее время они помогают обогатить ассортимент напитков, увеличить их вкусовое разнообразие. Кроме того, практически все применяемые в этом деле растения, являются лекарственными [Дикорастущие, 2014, с. 58–179; Туганаев, 2005, с. 73–103]. Представляется целесообразным возрождение традиций приготовления напитков из дикорастущих растений у закамских удмуртов, тем более что этот опыт еще не утрачен. Хмельное пиво, травяной квас, «горный чай» и другие напитки могут вполне быть использованы в развитии этнотуризма.

ИНФОРМАНТЫ

Байдуллина Анна Тимерзяновна, 1971 г.р, д. Уразгильды Татышлинского района РБ, 2016 г.

Галиахметова Нагифия Адиевна, 1936 г.р., д. Банибаш Янаульского района РБ, 2010 г.

Гильманова Менкейза Шаймардановна, 1933 г.р., с. Новые Татышлы Татышлинского района РБ, 2010 г.

Гыльмиярова Какима Шариповна, 1925 г.р., д. Большетуганеево Калтасинского района РБ, 2006 г.

Миннияхметова Адия Меншараповна, 1935 г.р., д. Байшады Бураевского района РБ. 2010 г.

Нигаматшин Рамай Сабирович, 1939 г.р., д. Касиярово Бураевского района РБ. 2010 г.

Нигаматшина Елизавета Шаймухаметовна, 1939 г.р., д. Касиярово Бураевского района РБ, 2010 г.

Нургалиева Гельмизиян Нургалиевна, 1927 г.р., д. Касиярово Бураевского района РБ, 2001 г.

Нуриева Флюра Айноковна, 1960 г.р, д. Бальзюга Татышлинского района РБ, 2016 г.

Садикова Меннера Шайсултановна, 1941 г.р., д. Касиярово Бураевского района РБ, 2017 г.

Султанова Канифа Мардамшиновна, 1938 г.р., д. Банибаш Янаульского района РБ, 2010 г.

Шагиахметова Фаина Шайнуровна, 1947 г.р., д. Асавка Балтачевского района РБ, 2016 г.

Яппарова Газима Зайнетдиновна, 1936 г.р., д. Банибаш Янаульского района РБ, 2010 г.

ЛИТЕРАТУРА

Дикорастущие, 2014 – Дикорастущие лекарственные растения Урала. Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 204 с.

Кучеров, 1999 – Кучеров Е. В. Дикорастущие пищевые растения Башкирии и их использование. Уфа: РИО Госкомиздата БССР, 1999. 160 с.

Миннияхметова, 2000 – Миннияхметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ, 2000. 168 с.

Муллагулов, 2007 – Муллагулов М. Г. Собирательство и рыболовство у башкир. Уфа: Гилем, 2007. 158 с.

*Садиков, 201*0 – Садиков Р. Р. Дикорастущие съедобные травы и ягоды в системе жизнеобеспечения крестьян (на примере закамских удмуртов) // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Ижевск: УИИЯЛ, 2010. С. 382–385.

Сунцова, 2005 – Сунцова Н. Ю. Эколого-биологический анализ и история использования ресурсных растений, а также грибов и лишайников Удмуртии. Дисс … канд. биол. наук. Ижевск, 2005. 314 с.

Туганаев, 2005 – Туганаев В. В. Народные средства выживания и лечения. Ижевск: Удмуртия, 2005. 152 с.

Volksbräuche, 1952 – Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkacsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs // Memories de la Societe Fenno-Ougrienne. Vol. 102. Helsinki, 1952. 715 s.

REFERENCES

Dikorastushchie, 2014 – Dikorastushchie lekarstvennye rasteniya Urala. Uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2014. 204 s. (in Russian)

Kucherov, 1999 – Kucherov E. V. Dikorastushchie pishchevye rasteniya Bashkirii i ikh ispol'zovanie. Ufa: RIO Goskomizdata BSSR, 1999. 160 s. (in Russian)

Minniyakhmetova, 2000 – Minniyakhmetova T. G. Kalendarnye obryady zakamskikh udmurtov. Izhevsk: UIIYaL, 2000. 168 s. (in Russian)

Mullagulov, 2007 – Mullagulov M. G. Sobiratel'stvo i rybolovstvo u Bashkir. Ufa: Gilem, 2007. 158 s. (in Russian)

Sadikov, 2010 – Sadikov R. R. Dikorastushchie s"edobnye travy i yagody v sisteme zhizneobespecheniya krest'yan (na primere zakamskikh udmurtov) // Krest'yanstvo v rossiiskikh transformatsiyakh: istoricheskii opyt i sovremennost'. Materialy III Vserossiiskoi (XI Mezhregional'noi) konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya. Izhevsk: UIIYaL, 2010. S. 382–385. (in Russian)

Suntsova, 2005 – Suntsova N. Yu. Ekologo-biologicheskii analiz i istoriya ispol'zovaniya resursnykh rastenii, a takzhe gribov i lishainikov Udmurtii. Diss … kand. biol. nauk. Izhevsk, 2005. 314 s. (in Russian)

Tuganaev, 2005 – Tuganaev V. V. Narodnye sredstva vyzhivaniya i lecheniya. Izhevsk: Udmurtiya, 2005. 152 s. (in Russian)

Volksbräuche, 1952 – Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkacsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs // Memories de la Societe Fenno-Ougrienne. Vol. 102. Helsinki, 1952. 715 s. (in German)

R. R. Sadikov

USE OF WILD PLANTS IN PREPARATION OF DRINKS BY TRANSKAMA UDMURTS

A large role in the traditional cuisine of the Udmurts was played by wild plants, herbs and berries. At present, they are also widely used by Udmurts of Bashkiria and the Perm region in the preparation of various dishes and drinks. The set of wild food plants used by them is determined by the composition of the flora of the natural-geographical zone of the Bashkir Cis-Urals. According to the method of use, they can be divided into edible, spicy-flavoring and beverage. Various aromatic and medicinal plants are widely used in the preparation of homemade vodka, beer, kvass, tea substitutes. The use of such plants in brewing and the production of other beverages, according to biologists, is quite reasonable, since they contain a number of substances that contribute to the flavoring and preservation of these beverages. If the use of wild plants in the preparation of beverages in the past was dictated by the urgent need, then now they help to enrich the range of drinks, to increase their taste variety. It seems appropriate to revive the tradition of preparing drinks from wild plants by Transkama Udmurts, especially since this experience has not yet been lost. Drunk beer, herbal kvass, "mountain tea" and other beverages may well be used in the development of ethno-tourism.

Keywords: Udmurts, drinks, alcoholic beverages, wild plants, Republic of Bashkortostan.

Садиков Ранус Рафикович,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева,
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
(Уфа, Россия)
kissapi@mail.ru

Sadikov Ranus Rafikovich,
Doctor of History, Chief Researcher,
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Ufa, Russia)
kissapi@mail.ru

УДК 811.161.1

О. В. Никифорова

ЦВЕТ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Актуальность исследования обусловлена интересом в лингвистике к изучению цветообозначений как репрезентантов традиционной народной культуры. Цвет считается одной из значимых когнитивных категорий в осмыслении окружающего мира человеком, ёмким культурным кодом, позволяющим выявить специфику национального мировидения. Колоративная лексика в большей степени, чем какая-либо другая подсистема языка, антропоцентрична и этноцентрична. Статья посвящена описанию этнокультурного своеобразия нижегородской диалектной лексики на примере прилагательных цветообозначения в тексте свадебного обряда, рассмотрению их семантики. Источниками для данного исследования послужили фонды диалектного материала кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ, картотека Диалектного словаря Нижегородской области, материалы по свадебной обрядности в архиве Центра фольклора ННГУ. Выявлено, что в тексте нижегородской свадьбы наиболее частотными являются лексемы белый, черный, красный, то есть номинированными оказываются цвета, традиционно выделяемые русским человеком. Лексико-семантический анализ трёх цветонаименований в говорах Нижегородской области помогает обосновать универсальность категории цвета и выявить национально-специфические особенности семантического пространства данного пласта лексики. Отмечено, что наибольшее распространение в обрядовом тексте получают оппозиции «белое – черное», «красное – белое», «красное – чёрное». Таким образом, диалектная картина мира основывается на цветовой триаде белый – черный – красный. Цветовые лексемы в свадебном обрядовом тексте на материале нижегородских говорах представлены двумя группами. Первая группа – непосредственное обозначение цвета в наименованиях одежды невесты, свадебных предметов. Вторая группа – метафорические образования в наименованиях невесты и свадебных обрядов. Выявленные значения белого, красного, чёрного цвета и лексем, их обозначающих, при номинации свадебных предметов, обрядов, персонажей помогают увидеть специфику восприятия мира диалектоносителями, этнокультурологическую маркированность системы цветонаименований в говорах. Исследование колоративов на материале нижегородских говоров в контексте признакового пространства культуры выявляет наличие у лексем белый, красный, черныйсимволических значений при сохранении прямой цветовой семантики, основанной на денотативной отнесенности слов. Каждый колоратив таит в себе этническую информацию, отражает своеобразие и неповторимость окружающего мира и раскрывает национально-культурное своеобразие нижегородской свадьбы.

Ключевые слова: нижегородские говоры, традиционная народная культура, обрядовый текст, лексика свадебного обряда, колоративная лексика, семантика цвета.

В культуре человечества важность цвета несомненна, поскольку в любой сфере человеческой деятельности наличествует цветовой фактор, тесно связанный с философским и эстетическим осмыслением мира. Цвет сам по себе отличается многозначностью, противоречивостью, символичностью. Основные цвета: белый, красный, черный, синий, зеленый, желтый, фиолетовый – часто используются в качестве символов. Так, Р. М. Фрумкина отмечает, что в русском языке наивная картина мира включает «семь цветов радуги», а также розовый, коричневый и так называемые ахроматические цвета – черный, белый, серый, которые и считаются носителями русского языка «основными». Менее

употребительные цвета исследователь называет «прочими» [Фрумкина, 2001, с. 64–65]. Другие ученые к основным относят «элементарные» цвета: красный, желтый, синий, зеленый, ахроматические белый и черный, а также серый, розовый, оранжевый, коричневый, фиолетовый, голубой, которые концептуализируются как «смеси» элементарных цветов [Вежбицкая, 1996, с. 277]. На протяжении истории человечества содержание цветовых символов претерпело большие изменения – менялась их трактовка и отношение к ним, однако ядро цветовой символики осталось неизменным. Даже когда цвет лишается всех своих внешних, предметных ассоциаций, что зависит от культурных традиций и опыта людей, то содержание цветового символа остается, цвет не лишается своего «первоначального» смысла и не превращается в фикцию. Цветовая символика, являясь лишь только верхней частью пирамиды взаимосвязей и отношений между цветом и человеком, играет важную роль в когнитивной деятельности человека. Подтверждением этого является древность возникновения колоративной лексики, наличие развитой системы цветообозначений в большинстве языковых систем, сложность их семантическойструктуры.

Источниками для данного исследования послужили фонды диалектного материала кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ, картотека Диалектного словаря Нижегородской области, материалы по свадебной обрядности в архиве Центра фольклора ННГУ.

Колоративная лексика – это группа слов, в которых есть корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветонаименованием. До настоящего времени в языкознании нет единого мнения в определении типа объединения цветовых лексем. Некоторые учёные говорят просто о системе цветообозначений, другие – о лексико-семантической группе [Бахилина, 1975; Соловьева, 1999], третьи – о семантическом поле [Кульпина, 2002]. Единодушны исследователи в том, что колоративная лексика в большей степени, чем какая-либо другая подсистема языка, антропоцентрична и этноцентрична. Цвет считается одной из значимых когнитивных категорий в осмыслении окружающего мира человеком, ёмким культурным кодом, позволяющим выявить специфику национального мировидения. Система цветонаименований этнокультурологически маркирована. С одной стороны, она является производной культуры, с другой – культурообразующим фактором. С. М. Белякова считает, что «цветообозначения приобретают лейтмотивный характер, становятся сквозными образами, значимыми дляконструированиянациональной картины мира» [Белякова, 1999, с. 146]. Особенности цветового видения мира представителями разных этнокультурных сообществ позволяют исследователям говорить о существовании этнических (национальных) цветовых и лингвоцветовых картин мира. Однако лексикализации подвергаются только коммуникативно значимые участки цветового пространства. В связис этим отмечается лексическая плотность того или иного цветового фрагмента в разных языках, который отражает специфику мировидения носителя языка сквозь призму цвета. Символика цвета является доминантным признаком в символическом культурном языке, ей отводится важнейшее место в семиотической классификации признаков [Толстой, 1995, с. 18].

Важным направлением изучения колоративной лексики является определение функциональной значимости цвета в русских народных говорах. Эволютивный аспект позволяет рассмотреть цветонаименования с точки зрения их происхождения, значения и употребления. Исследователи (Тараканова Д. А., Девицкая Е. Н., Миронович М. С.) активно используют диалектный материал, который обогащает представления о возможностяхфункционирования цвета, о закономерностях употребления цветовых наименований в диалектном и фольклорном обрядовом тексте, и отмечают, что «цветовая картина мира русской народной культуры характеризуется консервативностью в использовании спектрацветообозначений» [Тараканова, 2012, с. 15].

В обрядовом тексте представлены оппозиции «белое – черное», «красное – белое», «красное – чёрное», таким образом, диалектная картина мира основывается на цветовой триаде белый – черный – красный. Особенности цветонаименований мы рассматриваем на материале свадебного обряда Нижегородской области, ведь, как считает Ю. А. Крашенинникова, «свадьба «насыщена» цветом» [Крашенинникова, 2011, с. 98]. Поскольку лексика, обозначающая цвет, как описательный элемент, не только выступает в прямом значении, но и может иметь дополнительную образную, символическую трактовку, то и цветовые лексемы в свадебном обрядовом тексте представлены двумя группами.

Первая группа – непосредственное обозначение цвета в наименованиях одежды, свадебных предметов.

В этой группе преобладают обозначения цвета одежды невесты. На территории Нижегородской области отмечена разнообразная цветовая палитра женских нарядов: *«Кремово платье было, цветы восковы, по подолу иголок натыкали, штоб не зглазили меня»* (с. Ивашкино Вадского р-на). *«Невесту обряжают в москаль, москаль состоит ис синева сарафана, одделанава по низу кружавами, к нему пришывали красны рукава, тожэ с кружавами, наверх сарафана – белый фартук, волосы забирают пот кокошник, ршшыт он золотыми нитками»* (д. Таремское Павловского р-на). *«После пропоя невеста носит печальну одёжу: темно платье и темный платок»* (с. Полянское Тонкинского р-на). *«Накануне сварьбы устраивали девишник. Коренны подруги ходили с подогами, украшенными красными и голубыми лентами, созывали других девушек. Невесту наряжали в белы рукава и кубовый сарафан»* (с. Архангельское Шатковского р-на). *«Утром в день сварьбы подруги будили и одёвали невесту. У неё была пышна юбка и кофта кремовово или розововo цвета, белый венок»* (с. Алемаево Шатковского р-на). *«Поедут венчацца. Не обязательно в белых, в голубых. Раньшэ сарафаны были и кофты. Голубы, зелёны там, и белы быват, и розовы там быват, всякай. Большынство-то в розовых, малиновых, в красных. Сарафаны, юбки, вот нарядят и она идёт, как пафа, здесь венок, и шалью шолковой накроют её»* (с. Верхнее Талызино Сеченовского р-на).

Одним из основных элементов цветовой символики, противопоставленным черному и красному, в народной культуре является белый цвет и лексические единицы, его обозначающие. «Белый и черный цвета находятся на полярных точках цветового спектра, а их названия и символика антонимичны. В символической сфере корреляция‘белый’ – ‘черный’ (‘светлый’ – ‘темный’) может входить в эквивалентный ряд с парами‘хороший’ – ‘плохой’, ‘мужской’ – ‘женский’, ‘живой’ – ‘мертвый’, отчасти ‘молодой’ – ‘немолодой’(старый), ‘ясный’ – ‘хмурый’ (о погоде) и т.д.» [Славянские древности, 1995, с. 69]. Данная символика реализуется в переходных обрядах, к которым традиционно относят рождение, достижение социальной зрелости, брак, смерть.

Тексты, описывающие обряды перехода, в частности свадебный обряд на территории Нижегородской области [Корепова, 2016], содержат функционирование прилагательного *белый* для обозначения переходного состояния между живым и мертвым. Это реализуется в символическом значении цветообозначения *белый* – «символ смерти, потустороннего мира». Изначально белый цвет принадлежал похоронному обряду и символизировал смерть, о чем свидетельствуют белые похоронные одежды, белые цветы на могиле. Свадьба трактовалась русским народом как посвящение девушки-невесты в группу женщин, которое символически переосмыслялось как «смерть». Данную семантику репрезентируют лексемы, обозначающие обрядовые действия, направленные на уничтожение во внешности признаков незамужней девушки: *расплести косу, заплести косу, повязать платок, окрутить*, и номинации девушки после венчания: *баба, молодая, молодка, молодуха, молодица, молодичка, молодёна, хозяйка.* Знаком окончательного перехода в статус замужней женщины следует считать обряд *раскрывать невесту, вскрывать невесту* ‘обряд, при котором на свадьбе свекровь поднимает платок, закрывающий невесту, вуаль невесты и поздравляет с праздником’. Символика платка, приподнятого над лицом невесты, определяется его обрядовой функцией – закреплением подчиненного положения замужней женщины в семье. Вместе с платком в семью мужа переходит и сама невеста. Ср.: *покрышка* ‘большой платок, который молодая носила внакидку’. Следовательно, символически наполненный глагол *крыть* обладает способностью определять ключевые смыслы народных обрядов, обрядовых действий, обрядовых предметов, в частности белая фата (покрывало) невесты выполняет магическую функцию оберега от сглаза, порчи [Никифорова, 2013].

Традиционный свадебный наряд невесты в обряде предполагал головной убор белого цвета: *фату (вуаль, уваль, увал, уаль, вуваль, овал, оваль, увалень, гаул, факта, тафта, сплошник, коноватка, канаватка, калмык, фрёл, белокрайка) и венок (венец, вен, галун, галунок, грохва, коковка, налобник, цветы, цветочки, шлык, цветы восковые, венок восковой, утымалка, корона, парачка, обвязушка, шерстянка): «Веночэк на голове у меня был белый»* (с. Верхнее Талызино Сеченовского р-на). *«В день сварьбы невесту удёвали в бело шолково платье, голову пъкрывали увалью длиннъй и белым венком»* (с. Большое Маресьево Лукояновского р-на). Важно отметить, что, помимо основной символической семантики – смерть и рождение в новом статусе, лексемы, называющие предметы белого цвета в свадебном обряде, наделяются в ни-

жегородских говорах дополнительными символическими значениями. Белая фата является оберегом от потусторонних сил для невесты, находящейся в уязвимом состоянии. Поскольку свадебный обряд исследователи относят к так называемым обрядам перехода, в ходе которых участники обряда обретают новый статус, то покрытая фатой голова невесты выделяет ее из коллектива. Это ритуальная функция, знак превращения невесты в лиминальное существо, знак временной смерти и последующего возрождения в новом статусе. Фата выполняет магическую функцию оберега от сглаза, порчи.

Прилагательное *белый* используется для обозначения белого цвета венчального платья невесты. «*На невесте платьишко-то обычно розовенько или беленькои беленькай платочък. Сейчас в белых платьях длинных, а тада в бледненькъм во всём*» (с. Бахтызино Вознесенского р-на). В свадебном обряде у лексемы *белый* реализуется значение – «символ невесты». Данная семантика связана с утратой мифологического значения символа – смерть, потусторонний мир – и переходом лексемы *белый* в разряд символов: белое (часто просто светлое), а также новое платье – символ невесты: *«Утром в день сварьбы невесту удёвали в сарафан, оторочэннъй по подолу белыми лентами, на голову удёвали уваль»* (с. Большое Маресьево Лукояновского р-на).

Символика *белого* цвета в обрядовой лексике нижегородской свадьбы связана ещё с реализацией смысла «честность, девственность, чистота, непорочность, незапятнанность, невинность невесты». *«Накануне сварьбы был девишник. Подрушки невесты приходют к дому жэниха, вызывают ёво. Жэних приглашал подрукневесты за стол. Сваха приносит курник. В средину курника фтыкали нош, на нёво накидвали белый платок. Средину курника оддавли жэниху, остально съедали гости»* (с. Паново Шатковского р-на). *«На фторой день сварьбы гости шли в дом мълодой, ловили и рядили курицу, завязывали ей белый бант»* (с. Давыдово Павловского р-на).

В народной культуре отмечены «положительные» и «отрицательные» коннотации *красного* цвета. Так, в словаре символов «Славянские древности» выделяются следующие основные символические значения красного цвета в славянской культуре: жизни, солнца, плодородия, здоровья; обереговая семантика и негативная, связанная с потусторонним миром, хтоническими и демоническими персонажами [Славянские древности, 1995].

В нижегородском свадебном обряде *красный* цвет объективирует семантику жизни, здоровья, молодости девушки. Ленту розового или красного цвета, символизирующую невесту, называют *красой*. Так, в д. Кудрешки Богородского р-на *красу* (розовую ленту) крестная снимает с головы невесты и отдает свекрови. В с. Б. Содомово Борского р-на женихова сваха расплетает косу, отдает *красу* (красную ленту) матери невесты или кладет на кокуру в тарелку. В с. Смирновка Городецкого р-на в день свадьбы невеста сидит в закуте, на голове приколот розовый бант – *девичья краса*. Сваха снимает *красу* на тарелку с конфетками, с приговором: «Спасибо вам!» отдает матери невесты. Слово *краса* в указанном значении отмечено также в Воскресенском, Княгининском р-нах. По данным СРНГ, лексема *краса* имеет значение «лента из косы невесты как символ девичества» и встречается в псковских, новгородских, московских, новосибирских говорах [СРНГ, вып. 15, с. 171]. Веник для омовения невесты в бане накануне свадьбы наряжали красными лентами и цветами: *«Устраивали баню для зговорёнки. Девушки перед баней шыли два флага и украшали веник. С песнями взяф два красных флага и веник, они шли вместе со зговорёнкой вдоль деревни в баню. Флаги и веник ставили у бани, а невесту вели парить в баню»* (с. Никитино Краснобаковского р-на). *«У свахи на свадебном пиру забирали ложку, обвязывали красной лентой»* (д. Крашово Богородского р-на). Тряпочки красного цвета вешали на верёвку в обряде *запирать улицу, запирать ворота*, при котором преграждали путь свадебному поезду и просили у жениха выкуп: «*Дорогу свадебному поезду преграждали верёфкъй или провълъкъй, кто што накрутит, тряпки красны вешали, штобы выкуп вином получить, это называют запирать улицу*» (д. Бахаревка Сеченовского р-на). Дружка во время выкупа невесты перевязан полотенцем с красной вышивкой, на рукаве красные ленты. На одежде поезжан красные банты.

Символика *красного* цвета в обрядовом тексте нижегородской свадьбы тесно связана с реализацией значения «честность, девственность невесты». *«Если молодая была чэсной, рядили веник красными тряпъчками, красны лоскуты привязывали сватьям на рукава, били горшки. Если мълодой не объявлял о чэсности своей жэны, рядили веник белыми тряпкъми»* (д. Вязовики Сокольского р-на). В данном тексте реализуется символическая

оппозиция «красное – белое» на второй день свадьбы после брачной ночи. В зависимости от исхода брачной ночи честность – нечестность невесты кодируется при помощи различных словесных символов, отражающих культурную норму (красный цвет) – не норму (белый цвет). Веник рядят красными или белыми тряпочками: «*Невеста хъраша – ходят па деревне, трясут веником, наряжэнным красными тряпъчкъми, плаха невеста – белы тряпки привязывут»* (с. Суморьево Вознесенского р-на). Гости на одежду прикалывают красные или белые тряпочки: *«Жэних ръзабьёт стопку, как чэсна невеста. Как жэних стопку ръзабьёт, так начынают горшки бить. Значыт чэсна. Патом веник наряжают, рядят веник, как жэних разрешыт. Красным тряпкам специальным, припасают красных тряпок. Навешают – каму на рукава, каму на пуговицы красных – тутряпък»* (с. Мурзино Сокольского р-на).

В народной культуре *чёрный* цвет имеет символическую семантику оберега, а предметы *чёрного* цвета выполняли апотропейную функцию.Так, в нижегородских говорах одежда *чёрного* цвета обладает характеристиками защиты, покровительства. Платок чёрного цвета фигурирует в обрядах после сватовства, в досвадебный период, в день венчания: *«Невеста посля сватофства сидит дома, носит чорный платок»* (с. Тонкино Тонкинского р-на). *«Вечэром накануне сварьбы невеста одета в чорный сарафан и чорный полушалок, с подрушками сидит у соседей и вопит»* (с. Большое Маресьево Лукояновского р-на). *«Родители покрывали невесту чорной шалью, благословляли перед венчанием»* (с. Архангельское Шатковского р-на).

В нижегородских говорах *чёрный* цвет чаще всего наличествует в оппозиции с красным и актуализирует семантику переходности: *«На вечэряне в доме невесты наканун есварьбы невеста была в чорном платье. А утром перед венчанием невесту удёвали в алый сарафан»* (с. Нехорошево Лукояновского р-на). *«После запоя одёжа просватанной невесты становится печальней. Невеста носила тёмно однотонно платье и платок повязывала ниже обычнъвъ. В день сварьбы крёсна расплётала невесте косу, а подруги удёвали её в красный сарафан, венок с лентами, покрывали полушалкъм»* (с. Нелей Первомайского р-на). Окрашенные в *чёрный* цвет предметы, как и лексические единицы, их называющие, сигнализируют о статусе невесты, находящейся в переходном состоянии, что находит отражение в номинациях девушки с момента сватовства *(невеста, суженая, ярка, заручёнка, заговорёнка, сговорёнка, просватанка, наречённая, засватанная, усватанная, запитая девка, забелённая девка, овечка,телушка)* до дня венчания *(невеста, сговорённая, сговорёнка, просватанка, княгиня, ладушка, молоду́ха, молода́я, молоду́шка, говорёнка, суда́рка, княги́ня новобра́жная, лебёдушка, голу́бка)*. *Чёрный* цвет в обрядовом тексте нижегородской свадьбы реализует символическое значение «нечестность невесты»: *«На фторой день сварьбы наряжали веник, одна сторона красна, друга–чорна. Спрашывали у жэниха: как невеста, кака была? Какой стороной: красной или чёрной? Он говорит: красной. Это значыт – хороша. Все начынают плясать. Веник распускают, разбрасывают, пляшут по венику»* (д. Наумово Ковернинского р-на). *«Если девушка была чэсной, мать молодово рядила веник красной лентой, а если нет – чорной»* (д. Кругловка Лысковского р-на).

Вторая группа – метафорические образования в наименованиях невесты и свадебных обрядов.

Фразеологизм *забелённая девка,* имеющий значение ʻпросватанная невеста’, опирается на символическую семантику *белого* цвета в народной культуре. Изначально белый цвет принадлежал погребально-поминальному обряду и символизировал смерть. В свадебном же обряде происходит посвящение девушки-невесты в группу замужних женщин, то есть смерть и рождение в новом статусе. В нижегородском свадебном тексте прилагательное *белый* имеет несколько значений: ʻпереходное состояние между живыми и мёртвыми’, ʻсимвол смерти’, ʻсимвол чистоты, непорочности, невинности невесты’, ‘защита от проникновения потусторонних сил’.

Фразеологизм *красный стол* отмечен в нижегородских говорах в двух значениях: ‘обед на второй день свадьбы’, ‘свадебный пир в доме жениха после венчания’. В. И. Далем сочетание зафиксированобез указания места. В названных значениях фразеологизм распространёнв ярославских, московских, тульских говорах [СРНГ]. В словарях Е. Якушкина и Г. Г. Мельниченко лексема *красный стол* отмечена с двумя значениями, известными нижегородским говорам. Устойчивое сочетание *красный поезд*, имеющее в нижегородских говорах значение ‘свадебная процессия’, В. И. Далем приведено без территориальных помет. Севернее Нижегородской области фразеологизм функционирует в ярославских говорах [СРНГ]. Лексема *красный* входит во фразеологизмы

красное место, красный угол ‘почётное место в передней части дома, покрытое шубой наизнанку, на котором сидели жених и невеста’. Кроме нижегородских говоров, из лексикографических источников данные сочетания отмеченыв «Лексическом атласе Московской области» А. Ф. Войтенко.

В тексте нижегородской свадьбы наиболее частотными являются лексемы *белый, черный, красный*, то есть номинированными оказываются цвета, традиционно выделяемые русским человеком. Исследование колоративов на материале нижегородских говоров в контексте признакового пространства культуры выявляет наличиеу лексем *белый*, *красный*, *черный* символических значений при сохранении прямой цветовой семантики, основанной на денотативной отнесенности слов. Каждый колоратив таит в себе этническую информацию, отражает своеобразие и неповторимость окружающего мира ираскрывает национально-культурное своеобразие нижегородской свадьбы.

ЛИТЕРАТУРА

Бахилина, 1975 – Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с.

Белякова, 1999 – Белякова С. М. Цветовая картина мира И. А. Бунина (на материале романа «Жизнь Арсеньева» и цикла рассказов «Темные аллеи») // И. А. Бунин. Диалог с миром. Воронеж: Полиграф, 1999. С. 146–151.

Вежбицкая, 1996 – Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 231–291.

Корепова, 2016 – Корепова К. Е. Материалы по свадебной обрядности в архиве Центра фольклора ННГУ. Нижний Новгород: Растр, 2016. 500 с.

Крашенинникова, 2011 – Крашенинникова Ю. А. Символика цвета в русских свадебных приговорах // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 98–115.

Кульпина, 2002 – Кульпина В. Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: Автореф. дисс… д-ра филол. наук. М., 2002. 31 с.

Никифорова, 2012 – Никифорова О. В. Семантический потенциал корня -кры- (на материале нижегородской обрядовой лексики) // Труды конференции «Покровские Дни». Нижний Новгород, 2012 г. Нижний Новгород: АНО «Покровские Дни», 2013. Номер 4, в 2-х томах. С. 6–14.

Славянские древности, 1995 – Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.

Соловьева, 1999 – Соловьева Л. Ф. Поэтика цветописи в сборниках Анны Ахматовой «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Аппо Domini», «Подорожник»: автореф. дис… канд. филол. наук. Казань, 1999. 16 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.;Л.: СПб.: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.

REFERENCES

Bahilina, 1975 – Bahilina N. B. Istoriya cvetooboznachenij v russkom yazyke. M.: Nauka, 1975. 292 s. (in Russian)

Belyakova, 1999 – Belyakova S. M. Cvetovaya kartina mira I. A. Bunina (na materiale romana «Zhizn’ Arsen’eva» i cikla rasskazov «Temnye allei») // I. A. Bunin. Dialog s mirom. Voronezh: Poligraf, 1999. S. 146–151. (in Russian)

Vezhbickaya, 1996 – Vezhbickaya A. Oboznachenie cveta i universalii zritel’nogo vospriyatiya // Vezhbickaya A. Yazyk. Kul’tura. Poznanie. M.: Russkie slovari, 1996. S. 231–291. (in Russian)

Korepova, 2016 – Korepova K. E. Materialy po svadebnoj obryadnosti v arhive Centra fol’klora NNGU. Nizhnij Novgorod: Rastr, 2016. 500 s. (in Russian)

Krasheninnikova, 2011 – Krasheninnikova Yu. A. Simvolika cveta v russkih svadebnyh prigovorah // Antropologicheskij forum. 2011. № 14. S. 98–115. (in Russian)

Kul’pina, 2002 – Kul’pina V. G. Teoreticheskie aspekty lingvistiki cveta kak nauchnogo napravleniya sopostavitel’nogo yazykoznaniya: Avtoref. diss… d-ra filol. nauk. M., 2002. 31 s. (in Russian)

Nikiforova, 2012 – Nikiforova O. V. Semanticheskij potencial kor-nya -kry- (na materiale nizhegorodskoj obryadovoj leksiki) // Trudy konfe-rencii «Pokrovskie Dni». Nizhnij Novgorod, 2012 g. Nizhnij Novgorod: ANO «Pokrovskie Dni», 2013. Nomer 4, v 2-h tomah. S. 6–14. (in Russian)

Slavyanskie drevnosti, 1995 – Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskij slovar’: v 5 t. / Pod red. N. I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. 584 s. (in Russian)

Solov’eva, 1999 – Solov’eva L. F. Poetika cvetopisi v sbornikah Anny Ahmatovoj «Vecher», «Chetki», «Belaya staya», «Appo Domini», «Podorozhnik»: avtoref. dis… kand. filol. nauk. Kazan’, 1999. 16 s. (in Russian)

SRNG – Slovar’ russkih narodnyh govorov / Gl. red. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov. M.;L.: SPb.: Nauka, 1965–2016. Vyp. 1–49. (in Russian)

Тараканова, 2012 – Тараканова Д. А. «Символическое» в семантике цветообозначений в народной культуре (лингвокультурологический аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 15–17.

Толстой, 1995 – Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Изд-во «Индрик», 1995. С. 18–25.

Фрумкина, 2001 – Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.

Tarakanova, 2012 – Tarakanova D. A. «Simvolicheskoe» v semantike cvetooboznachenij v narodnoj kul'ture (lingvokul'turologicheskij aspekt) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 360. S. 15–17. (in Russian)

Tolstoj, 1995 – Tolstoj N. I. Iz «grammatiki» slavyanskih obryadov // Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike. M.: Izd-vo «Indrik», 1995. S. 18–25. (in Russian)

Frumkina, 2001 – Frumkina R. M. Psiholingvistika. M.: Akademiya, 2001. 320 s. (in Russian)

O. V. Nikiforova

COLOR IN A WEDDING CEREMONY IN NIZHNY NOVGOROD REGION

The relevance of the study is due to the interest in linguistics to the study of color designations as representatives of traditional folk culture. Color is considered to be one of the most significant cognitive categories in the understanding of the world around by man, a capacious cultural code that allows revealing the specifics of the national worldview. The colorative vocabulary is more anthropocentric and ethnocentric than any other language subsystem. The article is devoted to the description of the ethnocultural originality of the Nizhny Novgorod dialect vocabulary by the example of color adjectives in the text of the wedding ceremony, consideration of their semantics. The sources for this study were the funds of dialect material of the Russian Language and Literature Department of the Arzamas branch of UNN, the card catalog of the Dialect dictionary of the Nizhny Novgorod region, materials on wedding rituals in the archive of the Center of Folklore of UNN. It has been revealed that in the text of Nizhny Novgorod wedding the most frequent lexemes are white, black, red, that is, the colors traditionally distinguished by Russian person are nominated. The lexico-semantic analysis of the three color names in the dialects of Nizhny Novgorod region helps to substantiate the universality of the color category and to reveal the national specific features of the semantic space of a given vocabulary layer. It is noted that the opposition "white – black", "red – white", "red – black" is most common in the ritual text, thus, the dialectal picture of the world is based on the color triad white - black - red. Color lexemes in the wedding ritual text on the material of the Nizhny Novgorod dialects are represented by two groups. The first group is the direct designation of color in the names of the bride's clothing, wedding items. The second group is metaphorical formations in the names of the bride and wedding ceremonies. The revealed values of white, red, black and lexemes, which designate them, in the nomination of wedding objects, rituals, characters help to see the specifics of the perception of the world by dialect carriers, the ethno-cultural marking of the color-naming system in dialects. A study of colorative materials from Nizhny Novgorod dialects in the context of the characteristic cultural space reveals the presence of white, red, black lexemes in symbolic meanings while retaining direct color semantics based on denotative word assignment. Each colorative conceals ethnic information, reflects the originality and uniqueness of the surrounding world and reveals the national and cultural identity of the Nizhny Novgorod wedding.

Keywords: Nizhny Novgorod dialects, traditional culture, ritual text, wedding ceremony vocabulary, color vocabulary, color semantics.

Никифорова Ольга Валентиновна,
кандидат филологических наук, доцент,
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского,
(Арзамас, Россия)
snegaovnik@rambler.ru

Nikiforova Olga Valentinovna,
PhD in Philology, Associate Professor,
Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University
(Arzamas, Russia)
snegaovnik@rambler.ru

УДК 39(=511.152)(470.4) *Н. Н. Логинова*

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ПЕСНИ МОРДВЫ ПОВОЛЖЬЯ

В данной статье представлены материалы, раскрывающие сложные процессы, происходящие в динамике численности и культуре одного из крупнейших финно-угорских народов Поволжья – мордвы. Мордва – это народ со своей историей и культурой, внесший значительный вклад в развитие финно-угорских народов. Народы – носители финно-угорских языков, на протяжении всей своей этнической истории взаимодействовали с другими этническими общностями, обогащая и развивая свою культуру и самобытность, которые дошли до наших дней. На этнокультурное развитие мордвы Урало-Поволжского региона России, который мы рассматриваем как единую историко-этнографическую область, большое влияние оказали тюркские и славянские народы. Связи между мордвой и родственными финно-угорскими этносами слабели, но усиливалось влияние других не родственных народов, прежде всего, славянских. Это нашло свое отражение в дошедших до наших дней свадебных обрядах и песнях мордвы. Цель исследования – описать самобытность культуры мордвы в свадебных обрядах и песнях. Свадебные обряды и песни мордвы представляют и в настоящее время определенный интерес для историков, этнографов, фольклористов при изучении истории, обрядов и быта мордовского народа в прошлом. В свадебных обрядах и песнях мордвы Поволжья проходит мысль об исторических связях и совместной жизни русского и мордовского народов. Причины тесных связей, возможно, объясняются обрусением мордвы, ее христианизацией, а также сближением в совместной борьбе против угнетателей. Религиозные представления мордвы в определенной степени повторяли религиозные воззрения восточных славян и древних греков. Мордва имеет богатое устно-поэтическое творчество. Во многих жанрах можно найти много общего с русскими обрядами. Особенно хорошо связь прослеживается в свадебных обрядах и причетах. Обрядовый комплекс мордвы это сложный общественно-бытовой ритуал, который проходил как в доме жениха, так и в доме невесты. Знание особенностей быта, обрядов и песен как древней, так и современной мордвы, имеет большое значение для ее сохранения в будущем.

Ключевые слова: финно-угорские народы, мордва, славяне, духовная культура, устно-поэтическое творчество, свадебные обряды, песни, Урало-Поволжский регион, Россия.

В настоящее время финно-угорский мир представляют народы, которые широко расселены по территории страны и имеют заметные различия в численности. Моделирование позволяет сделать вывод о значительном сокращении численности крупных финно-угорских народов как в целом в Российской Федерации, так и на территориях Урало-Поволжского региона во второй половине XX в. (табл. 1).

В этот период шел процесс организации строек-гигантов, крупных аграрных поселений, увеличивалась численность и доля городского населения, массовый характер приобрела миграция, началась языковая ассимиляция. Обучение на родном языке практически прекратилось. В городах язык вытеснялся даже из семейно-бытового обихода. Мордовская молодежь постепенно выходила за рамки традиционного уклада жизни, забывала свои корни, разрушала традиционную среду обитания и культуру, стала довольно равнодушно относиться к своей национальной культуре.

Таблица 1

Динамика численности финно-угорских народов, проживающих на территориях Урало-Поволжского региона, тыс. чел.

Год учета / Народ	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Бесермяне	…	…	…	...	3,1	2,2	1,1
Коми	283	315	320	336	293,4	228,2	175,0
Коми-пермяки	143	150	146	147	125,2	94,4	70,0
Манси	6,3	7,6	7,0	8,3	11,4	12,3	14,0
Марийцы	498	581	600	644	604,3	547,6	510,0
Мордва	1 211	1 177	1 111	1 073	843,4	744,2	650,0
Удмурты	616	678	686	715	636,9	552,3	500,0
Ханты	19	21	21	22	28,7	30,9	30,0

В конце XX – начале XXI вв. ситуация изменилась. Этот период стал для всех финно-угорских народов плодотворным периодом духовного объединения и общественно-политической консолидации. Большое поле деятельности развернулось в сфере духовной культуры. В настоящее время в изучении свадебного обряда и обрядовой поэзии мордвы фольклористами, этнографами и историками проделана значительная работа. Свадебные обряды и песни мордвы представляют в настоящее время определенный интерес при изучении истории, обрядов и быта мордовского народа в прошлом. В свадебных обрядах и песнях мордвы Поволжья проходит мысль об исторических связях и совместной жизни русского и мордовского народов. На эту тему вышла книга К. Т. Самородова «Мордовская обрядовая поэзия» (Саранск, 1980), в которой автор рассмотрел свадебные обряды и песни, а также степень изученности этой проблемы в целом.

Первые сведения о свадебных обрядах и причетах мордвы появились в Симбирских губернских ведомостях № 25 и 26 в 1851 г. «Очерки мордвы» были написаны П. И. Мельниковым-Печерским. Его творчество в настоящее время широко известно читателям благодаря выходу в свет восьмитомного собрания сочинений в 1976 г.

П. И. Мельников-Печерский в своих очерках раскрыл основные обрядовые комплексы – сватовство, смотрины, запой, девичник, венчание, пиршество, наречение невесты, присущие как мордве-эрзе, так и мордве-мокше. Им было подмечено, что многие мордовские обряды, традиции и эпос имеют большое сходство с русскими обычаями и обрядами Нижегородского и Арзамасского уездов. Религиозные представления мордвы также в какой-то степени повторяли религиозные воззрения восточных славян и древних греков. Значит, связи мордвы с восточными славянами уходят в далекое прошлое. «Кто у кого заимствовал эти верования, славяне ли от финнов, или финны от славян, – решить трудно, – отмечает П. И. Мельников-Печерский, – но, кажется, вернее предположить, что верования эти были общи обоим соседним племенам…» [Мельников, 1909, с. 440–441].

В настоящее время наблюдается тенденция возрождения национальных традиций, обычаев и обрядов, имеющих глубокую социальную значимость [Шабаев, 2017, с. 202–204]. К ним, несомненно, относится свадебный обряд – наиболее знаменательное событие в жизни любого народа. Свадьба – это одно из важных событий в жизни семьи, она является краеугольным камнем в начальном периоде организации семейной жизни. Исключительная важность семьи и многообразие ее функций обусловили сложность свадебного церемониала у всех народов России. Свадьба воплощает существенный пласт устно-поэтического и музыкального наследия народа, отражает его древнее мировоззрение, представления о семейной жизни, морально-этические нормы и нравственные принципы. Свадебный обряд и фольклор – ключ к пониманию многих явлений бытовой и общественной жизни этноса в прошлом. Этим можно объяснить большой интерес ученых к свадьбе как важному разделу народной культуры.

Свадьба мордвы – это большой, устоявшийся и сложный общественно-бытовой ритуал. Свадебная поэзия мордвы представляет наиболее архаичную часть устно-поэтического творчества,

запечатленную в эпических произведениях «Сияжар», «Масторава», мифах о сватовстве и женитьбе богов, древних легендах и преданиях о браках девушек с тотемом – медведем. Дохристианские обряды мордвы больше всего сохранились при свадьбах.

Заключение браков у мордвы являлось не столько делом молодых, сколько их родителей. При выборе невесты обращали внимание на имущественное положение ее семьи, трудолюбие и здоровье самой девушки. У мордвы часто девушки были старше по возрасту своих женихов. Родители жениха стремились получить дополнительные рабочие руки, а родители невесты – как можно дольше удержать дочь в своем доме. В XVII–XVIII вв. такое явление наблюдалось у многих уральских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей, коми-пермяков). В XIX в. брачный возраст мордвы – 17-20 лет, в основном браки заключались в своей этнической среде, но встречались и мордовско-русские [Логинова, 2011, с. 65].

Оформление брака обычно происходило по полному свадебному обряду, но у эрзян до принятия христианства получило распространение «умыкание невест». Если мордвину захотелось жениться, он примечал «добрую» девку, подговаривал своих родственников или друзей – «ехать за невестой». Группа мужчин отправлялась в деревню, где жила девушка, старались застать ее под открытым небом, хватали ее и увозили. Приехав в деревню жениха, в амбаре запирали их на трое суток. Каждое утро приходили к амбару, стучали поленом и приговаривали «свикайтесь», «свикайтесь», «свикайтесь». На четвертый день все родственники приходили к амбару, отпирали дверь, выпускали молодых и поздравляли с законным браком. Потом был пир горой: песни, пляски, музыка, наигрывание в мордовскую дуду. Богатые мужики имели по 2-3 жены, а иногда и больше. Умыкание невест встречалось вплоть до начала XX в. У мордвы были браки «самокрутки», когда девушка тайно убегала от родителей и передавала своему жениху все свое имущество. Самоходка родителям жениха и невесты стоила значительно меньше денег, против свадьбы, справляемой по полному обряду.

Эрзянская свадьба в XIX в. проходила по большому свадебному обряду. Традиционную свадьбу можно разделить на несколько этапов, каждый из них имел композиционную завершенность и сопровождался древними формами символико-магических мотивов. Основные свадебные этапы:

1) *сватовство*. Невесту сыну выбирали родители. Они приглашали родственников и подсчитывали свадебные издержки. Затем к родителям невесты приезжал кто-то из родственников жениха сватать невесту. Сватовство проходило в 3 этапа. Окончательно просватанными молодые люди считались лишь после третьего этапа сватовства. Если родители невесты не возражали, следовал запой.

2) *запой*. В день, назначенный для запоя, жених с отцом ехали в дом невесты и несли с собой хлеб, соль и целковые деньги. Отец жениха приносил вино и бочонок пива. Жених сидел в углу и не принимал участия в торговле. Невестин отец запрашивает, торгуется, уступает и, наконец, дело слаживается. Невеста на запой не выходила. После него девушка переставала ходить на посиделки и начинала готовить подарки к свадьбе. Иногда жених и невеста не виделись до венца.

3) *приготовление к свадьбе в доме жениха*. В назначенный день на пироги съезжали в дом жениха его родственники. Выпивали вино, пиво и длинным поездом ехали к невестину двору. В телегу клали вино, пиво, ситные караваи и девичью лепешку с грушей. Когда телега подъезжала к невестину двору, все родственники невесты выходили на улицу встречать гостей. Каравай несли на руках в дом и клали на стол. Если пироги были приняты, то по мордовским обычаям, девка уже не могла выйти за другого замуж. Отец и мать не называли ее своей, а «ихой», т.е. жениховой родне принадлежащей. Когда жениховы родственники собирались домой, девки начинают петь песни сватам. Многие мордовские свадебные песни, даже песни-насмешки сватам были русского происхождения.

4) *приготовление к свадьбе в доме невесты*. На третий день после *озоритых пирогов* отец жениха с вином и бочонком пива шел к невесте один. Назначался день свадьбы. Накануне венчания был день *плакущий,* это то же самое, что и русский девичник. Вечером к невесте приходят подруги, топят баню, расплетают косу, поют свадебные песни, а сама невеста сидит и горько плачет. Утром невеста идет к отцу и матери и, стоя на коленях, просит *доброй басловки* (благословения). Получив его, она идет с любимой подругой в огород, кладет пять земных поклонов на восток и начинает причитанья: «Благослови меня, батюшка, благослови меня, матушка, благослови, мать сыра земля. Матушка Пресвятая Богородица! Помилуй меня. Благослови меня, небо и земля…». Затем идет она

в дом, мать встречает их, усаживает вокруг стола и угощает блинами.

5) *приезд свадебного поезда к невесте.* Утром в день свадьбы все сряжаются во всю мордовскую сряду. Из женщин в полной мордовской сряде бывает одна невеста. В доме ее отца собираются все родственники. Зажигают у икон свечу, ставят на стол хлеб, соль, говядину, кашу, яичницу, молятся богу, пьют вино и пиво, обедают. В это время начинается женихов поезд. Со звоном колокольчиков и бубенчиков на лошадях, со звуками дуды, хлопаньем бичами едет поезд в невестину деревню. Приехав, жених отправляется в церковь, а остальные едут к дому невесты. Отец невесты отпирает ворота и встречает гостей с хлебом, солью и ковшом пива. В избе начинается пир, но мать жениха в нем не участвует. Она идет в соседний дом, где сидит невеста. Невеста, завидя будущую свекровь, начинает причитанья. Играет дуда и поезжане пускаются в пляс. Затем появляются братья невесты, берут ее на руки и несут головой вперед. Все это делается под причитания невесты. В избе невеста причитает, обращаясь к отцу. Отец благословляет дочь кочемкой, штатолом и иконой, говоря: «Бог тебя благословит, и я тебя благословляю, доброе дидятко. С богом ступай, поезжай». Мать благословляет ее венцом мордовским, а крестный отец образом. После благословения невеста с воплями и слезами подносила дары поезжанам. После даров ей надевали покрывало с рукавами, расшитыми шелком. Этой накидкой закрывали всю невесту. Невесту везли впереди, с ней сидела свекровь, невеста плачет, свекровь ее уговаривает, та дает обещание слушаться, почитать свекровь и свекра, хорошо работать. У церкви сваха вынимает невесту из телеги, она кланяется в землю своим предкам. Сваха ведет невесту в церковь. Свекровь, стоя в телеге, весь народ обделяет красными яйцами.

6) *свадьба в доме жениха после венчания.* После окончания венчания молодую выводят из церкви и сажают в телегу с свекровью, дружкой и свахой. Молодой украдкой выходит из церкви, садится в первую телегу, мчится по деревне и прячется где-нибудь у соседей. Поезд едет к женихову двору. Зажигают штатол и молодая идет в дом. На крыльце благословляют ее свекор с свекровью и приговаривают: «Мы благословляем тебя, наша сношенька, ступай к нам в дом, будь нам доченька». Подойдя к столу, молодая кланяется на все четыре стороны и начинает причитать. Затем все садятся за стол, молодая обносит всех вином из чашки и пивом из ведра. После обеда начинаются песни, игра в дуду и пляски. А молодой, не евши и не пивши, прячется в сене или у соседей. Вечером его начинают искать и ведут в амбар, где уже ждет его молодая жена. В амбаре толкают его в шею, говорят молодой: «Вот тебе волк». Утром по древнему мордовскому обычаю, стучат поленом в дверь амбара и кричат: «свикайтесь», «свикайтесь», «свикайтесь». Утром молодой потчует тестя пивом, тот дарит его деньгами. Затем модой подносит пиво всем гостям. Молодая, одетая нарядно, раздает дары мужниной родне. Даров было много: 10-20 женских вышитых рубах, столько же мужских, большое количество вышитых головных уборов, полотенец, платочков и т.п. В XIX в. часть подарков были покупными. В мордовском свадебном обряде есть ритуал демонстрации приданого невесты одной из ее подруг. Девушки пели песню, в которой описывали элементы костюма, красоту вышивки, знаков, орнамента:

«Теперь надень, подруженька, Рубаху,
вышитую кумачом.
На нее надень, подруженька, Рубаху с яркой
вышивкой.
Теперь надень, любимая, Самую красивую рубаху.
На ней в три пальца шириной, Красивая
вышивка по спине,
С ладонь узор по подолу, Как кленовый лист
вышивка на плечах,
Как утренняя звездочка вышивка на боках».

Затем свекровь вела *воду казать.* Молодая черпала воду, несла домой и ставила на лавку у печки, свекровь благодарила ее за послушание. Этим оканчивались все свадебные обряды эрзян. Пиры продолжались долго и весело, так же как и у русских.

Знание особенностей быта, обрядов и песен как древней, так и современной мордвы, имеет большое значение для ее сохранения в будущем. Живя с русскими вместе, мордва не растворилась, не слилась с ним в один народ. Народ сохранил свои творческие силы, свою духовную культуру. Несомненно, финно-угорские народы сумеют найти достойные ответы на вызовы современной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Логинова, 2011 – Логинова Н. Н. Население Республики Мордовия: геодемографическая ситуация, динамика и структура: монография / науч. ред. А. М. Носонов. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 100 с.

Мельников, 1909 – Мельников П. И. Полное собрание сочинений. 2-е изд. Т. 7, СПб., 1909.

Шабаев, 2017 – Шабаев Ю. П. Уральские народы России и зарубежной Европы: монография / Ю. П. Шабаев, Н. Н. Логинова; под общ. ред. д-ра ист. наук проф. Ю. П. Шабаева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. 216 с.

REFERENCES

Loginova, 2011 – Loginova N. N. Naselenie Respubliki Mordoviya: geodemograficheskaya situaciya, dinamika i struktura: monografiya / nauch. red. A. M. Nosonov. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2011. 100 s. (in Russian)

Mel'nikov, 1909 – Mel'nikov P. I. Polnoe sobranie sochinenij. 2-e izd. T. 7, SPb., 1909. (in Russian)

Shabaev, 2017 – Shabaev Yu. P. Ural'skie narody Rossii i zarubezhnoj Evropy: monografiya / Yu. P. Shabaev, N. N. Loginova; pod obshch. red. d-ra ist. nauk prof. Yu. P. Shabaeva. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2017. 216 s. (in Russian)

N. N. Loginova

WEDDING RITES AND SONGS BY MORDOVIANS OF THE VOLGA REGIONS

This article presents the materials that reveal the complex processes taking place in the dynamics of the number and culture of one of the largest Finno-Ugric peoples of the Volga region – Mordvins. Mordva is a nation with its own history and culture, which has made a significant contribution to the development of the Finno-Ugric peoples. The peoples of the Finno-Ugric languages, throughout their ethnic history, have interacted with other ethnic communities, enriching and developing their culture and identity, which have survived to the present day. The ethnocultural development of the Mordvins of the Ural-Volga region of Russia, which we consider as a single historical and ethnographic region, was greatly influenced by the Turkic and Slavic peoples. Relations between Mordvins and related Finno-Ugric ethnic groups weakened, but the influence of other non-related peoples, especially the Slavic ones, increased. This is reflected in the extant wedding ceremonies and songs of the Mordvins. The purpose of the study is describe the unique culture of the Mordovians in the wedding rites and songs. Wedding ceremonies and songs of the Mordvins are still of some interest to historians, ethnographers, folklorists when studying the history, rituals and life of the Mordovian people in the past. In the wedding rituals and songs of the Mordovians in the Volga region there passes an idea about the historic ties and joint life of Russian and Mordovian people. The reasons for the close ties may be explained by the Russification of Mordvins, its Christianization, as well as the rapprochement in the joint struggle against the oppressors. Religious beliefs of Mordovians to a certain extent repeated the religious beliefs of the Eastern Slavs and the ancient Greeks. Mordva has a rich oral and poetic creativity. In many genres you can find a lot in common with the Russian rituals. A particularly good connection is traced in wedding ceremonies and lamentations. The Mordva ritual complex is a complex social ritual that took place both in the groom's house and in the bride's house. Knowledge of the peculiarities of everyday life, rites and songs of both ancient and modern Mordvins, is of great importance for its preservation in the future.

Keywords: Finno-Ugric peoples, Mordvins, Slavs, spiritual culture, oral poetry, wedding ceremonies, songs, Ural-Volga region, Russia.

Логинова Нина Николаевна,
кандидат географических наук, доцент,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)
log-nina@yandex.ru

Loginova Nina Nikolaevna,
PhD in Geography, Associate Professor,
N. P. Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
log-nina@yandex.ru

УДК 433.93/94

А. М. Шаронов, Е. А. Шаронова

НАРОД ЭРЗЯ И ТРИ РУССКИХ ПЛЕМЕНИ: KIIJAWA, САЛАВИЯ, ARSAIJA (ERSANIJA)

В статье проводится несовпадающий с традиционным взгляд на русский, эрзянский и финский миры IX–XII вв. Русская история вплоть до XV–XVI вв. не может считаться в полной мере изложенной в контексте действительных её персонажей, событий, внутренних и внешних политических, социальных, этнических, культурных и пр. связей и отношений. Об этом свидетельствуют хотя бы норманнисткая и антинорманнистская теории происхождения Руси как государственного образования, имеющие противоположные взгляды, истории М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, И. Д. Иловайского, М. К. Любавского, Б. А. Рыбакова, В. В. Мавродина, А. Н. Сахарова, Е. А. Мельниковой и др., во многом различающиеся друг от друга, придерживающиеся разных концептуальных установок. Не включены в глобальную концепцию русской истории интереснейшие воззрения В. Г. Белинского, основывающиеся на признании автохтонности России, её возникновении на Новгородских, Рязанских, Владимирских, Тверских и Московских землях. Мало места в исторических сочинениях отведено участию в русском государственном и этнокультурном процессе финно-балтских и угорских народов, упускается из вида, что Россия – плод творчества её многонационального народа. Недостаточно внимания уделено всестороннему исследованию сообщений восточных авторов X в. Истархи, Ибн-Хаукаля, Ибн-Хакала о «трёх русских племенах» Kiijawa, Салавия, Arsaija (Ersanija), интересных с точки зрения политической и этнической организации Руси IX–X вв. Не выяснено окончательно, что такое Kiijawa, Салавия, Arsaija (Ersanija), имеющиеся толкования являются либо недостаточно аргументированными, либо недостаточно компетентными и объективными. Почти все авторы сомневаются в принадлежности Arsaija (Ersanija) к народу Ерзя (Эрзя), хотя тексты Истархи, Ибн-Хаукаля и Ибн- Хакала однозначно указывают на этот народ, называют его имя; почти все эрзяязычное название Ки-ава считают славянским по той простой причине, что не знакомы с эрзянским языком или в принципе не хотят принимать во внимание эрзянский народ. В статье даётся текстологический и сравнительно-сопоставительный анализ комментариев и отзывов историков XIX–XXI вв. о Kiijawa, Салавия, Arsaija (Ersanija), делается вывод о том, что Kiijawa есть Ки-ава в тексте Константина Багрянородного «Об управлении империей», Arsaija (Ersanija) есть Эрзяния, страна эрзян, а Славия или Селавия есть, возможно, территория, населённая славянами. Славия – не обязательно Новгородское княжество. Авторы надеются актуализировать своей статьёй интерес к дальнейшему, более глубокому, объективному и всестороннему исследованию поднятой проблемы.

Ключевые слова: Эрзя, Русь, Kiijawa, Салавия, Arsaija (Ersanija), Киев, Новгород, словене, Меря, Мещёра, Мурома.

В русской историографии доминирует точка зрения о решающей роли славян в возникновении русской народности и её государственности, отодвигаются на задний план финно-балтские племена, на территории которых и при несомненном участии которых формировалась русская цивилизация. Они главным образом определили этнографическую и духовную природу русского человека, его менталитет, социальное поведение, отношение к окружающему миру, к соседствую-

щим с ним этносам. Почти совершенно не упоминается в исторических сочинениях эрзянский народ, а излагаемые представления о нём являются скудными и не всегда верными. Последнее подтверждается, в частности, комментариями сообщений Константина Багрянородного и других авторов о трёх русских племенах Истархи, Ибн-Хаукаля, Ибн-Хакала. Необоснованно отрицаются историко-генетические связи между русскими и эрзянами по причине их, якобы, полного отсутствия между русскими и финно-балтами. Однако информация о Kiijawa, Салавия, Arsaija (Ersanija) позволяет не согласиться с таким воззрением.

В известиях арабских путешественников X в. Ибн-Хаукаля и Истархи Эрзя предстаёт как одно из русских племён. Ибн-Хаукаль пишет, что «Русы состоят из трёх племён, из коих одно ближе к Булгару, а царь его находится в городе, называемом Ки-а-а (Kiijawa). Второе племя выше первого, оно называется Салавия, а царь её <…> А третье племя называется Arsaija (Ersanija), а царь его находится в Arsa. Люди отправляются торговать с ним в Kerbaja (Kiijawa). Но чтобы кто-то достигал с иностранцами до А-а-а (Ersanija), то этого я никогда не слышал, ибо они убивают всякого иностранца, вступающего в их землю. Но они спускаются по воде и ведут торговлю, ничего не рассказывая про свои дела и товары, и не допуская никого провожать их и входить в их страну. Из Arba (Arsa, Ersa) вывозятся чёрные соболи, чёрные лисицы и свинец» [Цит. по: Гаркави, 1870, с. 188–193]. Сходную информацию даёт Истархи. И у него Русы состоят из трёх племен, царь одного из них живёт в городе Куяба, другое племя носит имя Славия, а третье племя называется Артания, царь которого находится в Арте. Купцы посещают Куябу, в Арту никто не входит, поскольку жители убивают всякого чужестранца, путешествующего по их земле. Сами же они спускаются по воде и торгуют, никому не рассказывая о своих делах и не допуская никого провожать их. Из Арты вывозятся черные соболи и свинец. Арта располагается между Хазаром и великим Булгаром [Гаркави, 1870, с. 188–193). А. Я. Гаркави высказал мысль, что Истархи относит Эрзю к русам по неведению или на основании того, что эрзяне подчинялись русам. Однако информацию Истархи об Эрзе подтверждает Ибн-Хакал: «Эрзя появились (в Булгаре), опустившись вниз по реке Итиль, и привезли свои товары, но они ничего не рассказывали о своих торговых делах и о своей земле и не позволяли никому сопровождать их на обратном пути домой. Именно у эрзи приобретались соболиные и куньи меха, а также и свинец» [Цит. по: Вернадский, 2000, с. 238]. Ибн-Хакал даёт те же сведения об эрзянах, что Истархи о русах. Следовательно, у Ибн-Хаукаля, Истархи и Ибн-Хакала третьим русским племенем является Эрзя, для них Русь и Эрзя одно и то же. Эрзя в то время была сильным народом, способным мобилизовать десять тысяч воинов [Цит. по: Вернадский, 2000, с. 238]. Д. А. Хвольсон отмечает, что на три племени Русов делил Эль-Балхи: «Одно племя у него живёт в Киеве, второе племя Селавия, под которым разумеются Словене, – в Новгороде, объяснение третьего русского племени Эртсания вызывает затруднения. Френ <…> полагает, что имя это следует читать <…> «Эртсания», и что здесь разумеется мордовское племя Ерзянъ, жившее на Оке, около Нижняго Новгорода, а отчасти и ныне живущее там. Имя столицы их читает он <…> Артса или Эрса и предполагает, что здесь, может быть, разумеется нынешний город Арзамас, в Нижегородской губернии. Мнение Френа общепринято, но я сомневаюсь в верности его» [Цит. по: Известия, 1869, с. 174]. Мнение Френа неверно в части ограничения территории расселения Эрзи. Общеизвестно, что кроме Оки Эрзя жила на Волге с истока до устья, у Белого и Балтийского морей и на других землях исконной России. Затрудняется с определением географического положения Артании и В. В. Мавродин: «Мы не можем точно определить местонахождение Артании. Известно лишь одно, что она была где-то на юге или на юге-востоке, а следовательно, ближе всего к Хазарии» [Мавродин, 2009, с. 224]. В. В. Мавродин без труда мог бы установить местонахождение Артании по месту проживания Эрзи – посреди всей Руси, но для него Эрзя не является субъектом русской истории из-за славянофильских воззрений. Если у Истархи, Ибн-Хаукаля и Ибн-Хакала Артания есть Ersanija, нет оснований отрицать это. В. В. Мавродин согласился с Б. Д. Грековым в том, что отсутствие упоминаний в летописи об Артании «можно объяснить тем, что Артания к этому времени вошла настолько прочно в состав Хазарского каганата, что о ней современники уже не говорили, как об одной из самостоятельных частей Руси» [Мавродин, 2009, с. 224–225]. Данное предположение отрывает Артанию от Эрзи и Руси. Летописец

мог не упоминать Артанию по той причине, что для него Артания – составная часть исконной Руси, и он не противопоставлял Артанию и Русь, воспринимая их как единое целое. На юг из пределов средней Волги перенес Артанию и отторгнул ее от Эрзи С. Н. Быковский. Он считал, что местожительство той Руси, которую арабские писатели именовали Артой или Артанией, предпочтительней искать «в Подольско-Азовской области, на Таманском полуострове и противоположном берегу Керченского пролива, на Таврическом полуострове, чем на северо-западе В. Европы» [Быковский, 1928, с. 40–41]. С Эрдзянью отождествлял Артанию А. А. Шахматов: «<…> Артания это Эрдзянь, откуда Рязань» [Шахматов, 1910, с. 36]. Для Б. А. Рыбакова «Куяба, Славия и Уртаб (Артания. – А.Ш., Е.Ш.) – не три государства, не три «центра Руси», а просто Киев и два соседних города, которые играли важную роль в жизни Киевской Руси и интересовали восточных купцов, прибывших в Киев из Булгар» [Рыбаков, 2004, с. 116]. Куяба – это Киев, Славия – Переяславль, Арта – Родень на устье Роси [Рыбаков, 2004, с. 115]. Б. А. Рыбаков не всегда доверял письменным источникам, поэтому в его концепции русской истории Ки-ава выступает как Куяба, Славия как Переяславль, Артания как Родень на устье Роси.

А. П. Новосельцев присоединился к сторонникам расположения Арсы в районе Верхней Волги и поместил третий вид руссов в районе Ростова – Белоозера. Он приводит точку зрения Т. Левицкого, который «считает возможным отождествлять Арсу с мордовской эрзей» [Новосельцев, 1965, с. 419].

Верность взгляда на Русь и Эрзю арабских писателей подтверждается Пургасовой Русью, известной как эрзяно-русское княжество на Оке, Волге, Мокше, Цне и других территориях в соседстве с Владимирским и Муромо-Рязанским княжествами.

Пургасова Русь была единственным государственно-политическим образованием на русской земле IX–XV вв., которое включало слово «Русь» в своё название. Термин «Киевская Русь» появился лишь в начале XIX в. [Толочко, 1999, с. 29–33]. В реальной действительности слова «Русь» и «русская земля» применялись для обозначения всей Руси, раскинувшейся от Белого и Балтийского морей, Волхова, Днепра и Дона до Оки и Волги, включавшей в свой состав Литву, Чудь, Весь, Корелу, Эрзю (Мерю, Мещёру, Мурому, Вятичей), балто-эрзянских полян, древлян, кривичей и т.д., народы, входившие в Биармию. И только княжество Пургаса названо Русью, так как для летописца именно Эрзя лингвистически есть Русь, от неё она берёт своё начало. Пургасова Русь со всей определённостью указывает на этническую принадлежность древней Руси: она являлась, с одной стороны, эрзянской, а с другой – балто-финской. Название «Пургасова Русь» говорит также о том, что слово русь появилось из слов Ра и Эрзя, является их лингвистической трансформацией, происшедшей в связи с этно-историческими процессами, приведшими на эрзяно-балто-финской основе к образованию древнерусской народности при минимальном участии норманнов, этнического, культурного и лингвистического влияния греко-римского мира, с которым у эрзян были самые разнообразные связи: языковые, культурные, торговые, военные, этнографические. Римские монеты, оружие, предметы материальной культуры обнаружены в большинстве археологических памятников (могильников), исследованных на эрзянской земле, огромное количество слов латинского происхождения функционирует в русском и эрзянском языках, свидетельствуя о том, как богата, разнообразна и территориально обширна была жизнь далёких предков, которые, находясь среди бескрайних лесов, общались с тогдашним цивилизованным миром, сами являясь его отдалённой, но продуктивной частью. Вместе с тем почти совершенно незаметно влияние скандинавских языков на русский язык, что указывает на ничтожность норманнского влияния на наш народ и нашу страну.

Ки-ава (Kiijawa), Артания (Ersanija), Селавия (Славия) – взгляд со стороны на три этнографические и политические центра Руси, Пургасова Русь – свидетельство русского летописца о существовании эрзяно-русского княжества в XII – начале XIII в. Русь была многонациональной, состояла из финских, прибалтийских и эрзяноязычных народностей, возможно, и из скандинавов. Совокупность представителей (воинов) этих народов, отправившихся в поход на Днепр, Олег в 882 г. назвал Русью, а про Киев сказал: «Се буди мати всем градом русским». Олег назвал Киев «Мати всем градом русским» потому, что в IX в. он носил имя Ки-ава. Ки-ава стала Киевом позднее, когда русский язык, формировавшийся в ходе взаимодействия языков многоплеменного финно-балтского мира, приобрел относительную стабильность в статусе языка народившегося нового этноса. В исландских географических сочинениях Киев носил название Kio, Kiovia [Мельникова, 1976, с. 147].

Слово «се» в изречении Олега («Се буди мати всем градом русским») в эрзянском языке выступает в роли указательного местоимения и означает «то», «это». В русском языке *се* имеет форму *сей.* Ки-ава (ки – дорога, ава – мать) означает перепутье, исток дороги. Киев действительно стоял «на перекрестке дорог» [Франклин, Шепард, 2009, с. 156]. Arsaija (Ersanija) обозначает эрзяно-русское княжество, расположенное на Оке и Волге. «Селавия» («Салавия») не обязательно имеет в виду Новгородское финно-балтское княжество и славян.

Территорию, на которой расположен Киев, занимали эрзяне, финны, балты, русские. Если финнов знали римляне и греки, предполагает М. К. Любавский, они не были заброшены в северных областях, жили южнее, соприкасались с населением степей. «Финское имя Волги – «Ра» у Птоломея говорит в пользу этого предположения» [Любавский, 1918, с. 32]. М. К. Любавский приводит список финских названий рек, занятых якобы впоследствии радимичами, северянами, вятичами: Вехра, Сожа, Нерусса, Крома, Зута, Угра, Жиздра, Ока (по-фински йоки) и др. Все это указывает на то, заключает М. К. Любавский, что финны в начальные времена русской истории жили гораздо южнее, чем ныне [Любавский, 1918, с. 56].

На присутствие Эрзи в Руси IX–X вв. как русского племени, о чём сообщается Ибн-Хаукалем, Истархи и Ибн-Хакалом, указывает мотивация избрания царя, приводимая в эрзянских песнях о царе Тюштяне. Она совпадает с мотивацией призвания варягов новгородцами в «Повести временных лет». С лета 6367 варяги начали приходить из-за моря и брать дань с чуди, славян, мери и кривичей. В лето 6369 эти народы не стали давать им дань, изгнали варягов и начали владеть сами собою. Но началась междоусобица, и восстал род на род. Тогда решили поискать князя, который владел бы ими и судил по правилам [ПСРЛ, 2004, с. 15]. По их зову пришли три брата – Рюрик, Синеус и Трувор. В эрзянских песнях царь избирается по этой же причине: люди, не зная закона и порядка, не могут поделить угодья, из-за чего между ними постоянно возникают раздоры и войны:

Семь старинных сел на Раве
Собрались на сход великий.
Семи сел семь мудрых старцев,
Знатоки законов жизни
Жителям семи селений
Стали говорить с печалью:
– Слушайте нас, семь селений,
Вы, семи селений деды:
Для чего мы так бранимся,
Для чего мы так деремся –
Головы друг другу крушим,
Лица и носы кровавим?
Потому мы так бранимся,
Потому мы так деремся:
Нет хозяина у Эрзи,
Нет правителя-тюштяна.
Поделить леса не можем.
Разделить луга и пашни
Без скандала не умеем.
Гибнет Мастор, пропадает
Без правителя-владыки.
Азора поставить надо.
Изберем давайте, люди,
Инязора-каназора.
Он поделит наши земли,
Прекратит скандалы, драки
[Шаронов, 2010, с. 264].

В «Повести временных лет» под «новгородцами» разумеется все население княжества. Учитывая то обстоятельство, что варяжских князей призывали финские племена (чудь, весь, меря и др.) и финном был Гостомысл, можно сделать предположение о связи сказания о призвании князей в «Повести временных лет» с эрзянским героическим эпосом. В эпоху призвания варягов население Новгородской земли было финно-балтским, и на ней господствовали обычаи, нравы и миросозерцание этого населения, имевшего концептуально единый героический эпос. В XIII в. часть Эрзи проживала в районе Чудского озера. Словарь географический Российского государства, подготовленный А. Щекатовым, сообщает: «Ерза, бывшее в древности Чудское поколение, или волость. В Летописцах упоминается: Мстислав Мстиславич, Князь Российский, в 1213 году ходил в Ливонию на Чудь Ерзу, которые дани платить не хотели, и прошёл сквозь их к морю, разоряя их жилища» [Щекатов, 1804, с. 431].

Сообщение летописи об Ерзе Новгородской земли делает параллель между эрзянской песней об избрании царя Тюштяна и предания о призвании князей, Рюрика и его братьев, вполне достоверной, указывает на то, что в призвании князей участвовали эрзяне-меряне либо с Ра (Волги), либо

с побережья Балтийского моря. Присутствие Эрзи в Прибалтике в конце I – начале II тысячелетия подтверждается эрзяноязычной топонимикой, сохранившейся в Литве и Латвии. Д. Рачюнайте-Вичиниене, ссылаясь на В. Н. Топорова и О. Н. Трубачёва, пишет, что «после длительного исследования гидронимии бассейна верхнего Днепра пришли к выводу, что соседями по всему восточному рубежу территории балтов были поволжские финны, в основном предки мордвинов, с которыми балты поддерживали прямые связи» [Рачюнайте-Вичиниене, 2008, с. 154]. По свидетельству литовского языковеда академика З. Зинкявичюса, «в последнее время в Литве известно около 30 финских гидронимов. Они распространены почти по всей Литве, однако сгущение их наблюдается по направлению на север» [Цит. по: Рачюнайте-Вичиниене, 2008, с. 153]. Говоря о происхождении балтизмов в финских языках, З. Зинкявичюс указывает, что во многих местах балты и финны жили не только рядом, но и совместно. В таких местах выявлены билингвизмы. Среди поволжских финнов больше всех балтизмов имеют мордвины (мокша и эрзя). Например, мокша: карда, эрзя: кардаз, кардо «хлев» (по-лит. gardas); мукуро, нукир «зад» (по-лит.nugara, по-лат. mugara); мокша: пандоз, эрзя: панст «узда» (по-лит. pantis); сод «сажа» (по-лит. suodys); мокша: шна, эрзя: кшна «выработанная шкура» (по-лит. siksna) и др. [Цит. по: Рачюнайте-Вичиниене, 2008, с. 153]. Балтийские названия рек и местностей известны на всей территории, расположенной от Балтийского моря до пределов западных окраин России. Встречается множество балтийских слов, заимствованных из финно-угорских языков, от волжских финнов, проживавших на западе России. На эрзянской земле возникло в середине XII в. Московское княжество, собравшее впоследствии вокруг себя все русские земли. В 1147 г. Москва носила эрзянское имя Москов. В 1147 г. Суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий пригласил «в Москов» черниговского князя Святослава Ольговича и 4 апреля устроил в его честь «обед силен» [Россия, 2006, с. 346].

Понятие «Русь» в историографической традиции выступает в двух значениях. Первое значение объяснено М. В. Ломоносовым: это этногосударственное образование, получившее название от реки Ра. Русь – это народ, проживающий на Ра, заселивший пределы центральной, Северо-западной (Корелия, Архангельская, Новгородская земли) России и Прибалтики. В своём составе он имеет Чудь, финские народности, включает эстонцев, литовцев, латышей, пруссов, скандинавов и варягов. Во втором значении Русь – военно-политическая организация (князь, его дружина и администрация), призванная «из-за моря» в Новгород, подчиняющая своему влиянию финнов и «словен», создающая Киевское княжество, которое на протяжении X–XI вв. становится политическим (но не этническим) центром русской земли. Эта концепция выражена в «Повести временных лет». На наш взгляд, более верной является точка зрения М. В. Ломоносова. Уязвимым местом концепции М. В. Ломоносова следует считать привнесение в Русь славянства, в чём он следует летописцу Нестору. По М. В. Ломоносову, славяне проживали на верхней и средней Волге и Оке, что не подтверждается археологическими, этнографическими, лингвистическими и антропологическими данными. Даже пребывание «славян» в Малой России и Белой России нельзя считать достоверно доказанным фактом, ибо это не подтверждается топонимикой, антропологией, лингвистикой, археологией и т.д. В украинцах и белорусах сильно скифо-сармато-эрзянское и финно-балтийское присутствие. Ввиду этого они не могут считаться генетическими славянами.

Норманнисты и антинорманнисты пишут русскую историю, абстрагируясь от действительных её персонажей и событий. Русь родилась на Ра, с Ра пошла в дальние пределы и заняла шестую часть земли. Когда возникло Киевское княжество, славян на его территориях не было, Киев являлся русским городом.

Как колыбель государственности трех «братских народов» – русских, украинцев и белорусов – Киевскую княжество IX–XII вв. рассматривает Б. А. Рыбаков [Рыбаков, 2004, с. 3]. Однако русская государственность в Киев принесена из Новгорода, в пользу чего свидетельствуют «Повесть временных лет» [Повесть, 1950]. По воле судьбы литовцы, латыши и эстонцы выпали из состава Руси, а затем отошли от неё, когда началась политическая и историографическая славянизация русских. Эстонцы, литовцы, латыши, эрзяне, меряне, вепсы, финны, балты и угры в целом, были объявлены дикими лесными народами, а славяне, стоявшие в стороне от Руси, названы народом, несущим финнам и балтам цивилизацию. При этом славяне не конкретизируются, не уточняется, о ком из них идёт речь. Национальная принадлежность криви-

чей, словен, вятичей до сих пор на уровне науки не установлена. Скорее всего, они – финно-балтские племена, «ославяненные» Нестором.

«Славянизация» эрзяно-меряно-финского мира проводилась с целью создания виртуальной реальности, опираясь на которую можно было взять под свое влияние славянские народы, назвав их «братьями». Однако, принеся свою идентичность в жертву политическому интересу, Русь заблудилась в самой себе, по существу, потеряла исконное лицо, не прибрав к рукам «братьев славян», и лишилась прибалтийских и современных порубежных финно-угорских народов. Славянофил Б. А. Рыбаков балтов и финнов назвал «лесными», то есть «дикими» народами, которые, по его мнению, не являлись субъектами русской истории. Он пишет: «Сложение русской государственности не сопровождалось оттеснением или истреблением тех лесных племен (словно были на Руси не лесные племена! – А.Ш., Е.Ш.), с которыми соприкасались в своих походах за данью дружинники киевских князей тысячу лет тому назад: литовцы и карелы, мордва и латыши, эстонцы и чуваши – все они в свое время были вовлечены в важный процесс первичной феодализации в системе Киевской Руси» [Рыбаков, 2004, с. 3].

Вряд ли следует сомневаться в том, какую выдающуюся роль в создании Руси сыграли «лесные племена» балтов и финнов, и какая действительная роль принадлежит славянам, практически не пересекавшим границы русской земли, ибо постоянно находились под гнётом Рима, Византии, Турции, России. О первенстве Киева перед Новгородом, представлявшим истинную Русь, нельзя говорить по той причине, что государственность в Киев пришла из Новгорода, а в процесс «первичной феодализации» «вовлекли» «лесные племена» балтов и финнов не славяне, а наоборот, «лесные племена» «вовлекли» горные племена славян по истечении большого времени. Об этом говорится в «Повести временных лет», остающейся до нашего времени основным письменным источником по истории Древней Руси.

Б. А. Рыбаков поменял местами Киев и Новгород: «В XII веке Киевская Русь достигла такого высокого уровня развития, что со временем положила начало полутора десяткам самостоятельных, суверенных феодальных государств, подобных западноевропейским королевствам. Крупнейшие из них – княжества Владимирское, Рязанское <…> феодальные республики Новгорода и Пскова» [Рыбаков, 2004, с. 10]. Однако известно, что Новгород и Ростов были до Киева, а когда шло рождение и возвышение Владимиро-Суздальского, Рязанского и других княжеств на Волге и Оке, Киевское княжество стремительно разваливалось и не могло быть причиной расцвета княжеств Волжско-Окской Руси. Издревле здесь было влияние Новгорода и Ростова.

Несостоятельность утверждения первичности Киевского княжества по отношению к Северной Руси доказывается распространением на Киевщине определения «Украина». Изначальный смысл термина «Украина» – окраина, окраинная земля Новгородского княжества. Но со временем его содержание изменилось, и он стал употребляться в значении «край» или «страна» (укр. (країна), а потом и как название самостоятельного государства.

Впервые термин «Украина» встречается в Ипатьевской летописи под 1187 г. в связи со смертью на Переяславщине князя Владимира Глебовича – организатора отпора половецкому вторжению [ПСРЛ, 1962, с. 439]. Вопреки расхожему мнению о локальном бытовании этого названия летописи свидетельствуют об обратном – о довольно быстром распространении его во многих землях Киевского княжества.

Так, под 1189 г. название «Украина» встречается по отношению к Галицкому княжеству: князь Ростислав прибыл «ко украйне и взя два города Галычкыи» [ПСРЛ, 1962, с. 447]. Если учесть, что Галиция включала ряд земель – Покутье, Буковину, Холмщину, Поднестровье и др., то можно представить, насколько широко было распространено уже в XII в. это название» [Украинцы, 2000, с. 19]. Распространение названия «Украина» на всю Киевскую (Поднепровскую) Русь указывает на почти изначальное ее понимание в сознании Древней Руси как окраины исконной, то есть Северной Новгородской Руси. Причем, это понимание существовало как на Киевщине, в Поднепровье, так и у населения Северной, изначальной Руси. Отсюда можно сделать вывод о том, что «Украина» уже с приходом Олега в 882 г. думала о своей независимости, а Русь уже с этого времени сознавала, что «Країна» является окраиной, которая рано или поздно отпадет от нее. Примечательно то, что идея независимой «Краины» возникла тогда, когда украинцев как особой народности еще не было. Она появилась в недрах местного населения, со-

стоявшего из финно-балтийских руссов. Несмотря на украинизацию населения бывшего Киевского княжества названия руський, русич, русин, русак живы до сих пор в лексиконе жителей западных регионов Украины – Закарпатья, Галиции, Подолья, где в большей степени законсервировались древние этнические представления и ориентиры в результате давления Польши. «Украина», «Країна» опровергают так же присутствие славян на Киевщине и возможность их движения в Русь.

Сближение русских со славянами, игнорирование финнов как создателей русской государственности и передача русской истории славянам присутствуют у Б. А. Рыбакова и при развенчивании им норманнской теории: «Во времена бироновщины, когда отстаивать русское начало в чем бы то ни было оказалось очень трудно, в Петербурге, в среде приглашенных из немецких княжеств ученых, родилась идея заимствования государственности славянами у северогерманских племен <…>, под пером Зигфрида Байера, Герарда Миллера и Августа Шлецера родилась идея норманнизма, которую часто называют норманнской теорией, хотя вся сумма норманнистических высказываний за два столетия не дает права не только на наименование норманнизма теорией, но даже гипотезой, так как здесь нет ни анализа источников, ни обзора известных фактов» [Рыбаков, 2004, с. 12–13]. Варягов призывали новгородцы во главе с финном Гостомыслом, а не славяне, как пишет Б. А. Рыбаков. Речь идет о процессе формирования государства у русских, а не у славян. У славян государственность на Новгородской земле не могла быть создана по той причине, что их там не было. Новгород и его земли населяли Чудь, Меря (Эрзя), Весь, Корела и другие финноязычные племена. Если «словене» и присутствовали в Новгороде, то в пределах одного переулка. Таким образом, если немецкие историки привносят государственность русским от норманнов, то Б. А. Рыбаков отнимает ее у них, передает славянам, конкретное наименование которых не называет, лишает их этнического статуса. Для современных носителей исторического сознания Рюрик со своими братьями «пришел» (!) в Новгород независимо от того, было призвание варяжских князей или не было. Доказать ни то, ни другое невозможно. Но фактом является восьмисотлетнее существование княжеско-царской династии Рюриковичей на Руси как подтверждение обоснованности норманнской теории. Эту теорию можно развенчать в том случае, если удастся доказать, что Рюрик был «свой», русский, и он пришел либо с реки Ра, либо от Корел, либо от Мери-Эрзи, в пользу чего существуют весьма весомые аргументы. Но русская историография лучше положит голову под гильотину, чем признает меряно-эрзяно-финское и балтское происхождение Руси. Она хочет быть чужеземкой на родимой своей земле – в Новгороде, Ростове, Ярославле, Рязани, Владимире, Москве, Твери и т.д. и таким образом «облагородить», «возвысить» свой образ. Мол, мы, русские, тем хороши, что иноземцы, а наш первый князь был иностранец. Для этого призвали на Ильмень-озеро Рюрика, для этого же «призваны» на Сожу и Оку от ляхов Радим и Вятко: «бяста два брата в Ляхох, Радим, а другий Вятко, и пришед седоста Радим на Соже, и прозвашась Радимичи; а Вятко с родом своим седе по Оце, от него прозвашась Вятичи» [Библиотека, 1767, с. 11]. От призванных Радима и Вятко «произведены» племена радимичей и вятичей, хотя племена таким способом не образуются. По русской историографии, на Руси нет ничего своего, исконного, самобытного. На ней все пришлое. Поляне пришли из Польши на Днепр, с Днепра пришли на Ильмень, с Ильменя на Волгу, Оку, Москву и т.д.

Не слишком ли это упрощенное жизнеописание великого народа, к которому все пришло со стороны? Несмотря на то, что пантеон в Ростове, Новгороде, Киеве составляли финно-балтские божества Перун, Велес (Волос), Мокошь, Сварог, Стрибог и др., что однозначно свидетельствует о «северном» происхождении Руси, Б. А. Рыбаков настаивает на первенстве Киева перед Новгородом. Комментируя редакции «Повести временных лет» 1113, 1116, 1118 гг., он пишет: «Переделывая русскую историю на свой лад, князь Мстислав искусственно выдвинул Новгород на первое место, заслонив им Киев, неправомерно перенес зарождение русской государственности далеко на север и вплел в повествование варягов-завоевателей, варягов-организаторов» [Рыбаков, 2004, с. 19]. Спор о месте рождения русской государственности – на новгородском севере или на киевском юге – безусловно и вполне объективно решается в пользу юга, давно начавшего свой исторический путь и своё общение с областями мировых цивилизаций, делает вывод академик [Рыбаков, 2004, с. 46]. Говоря это, он не заблуждается, а сознательно конструирует свою историю, ибо прекрасно знает

об эрзяно-меряно-вепском происхождении Руси и русского народа. Если у России, у русских отнять Ростов, Новгород, Ярославль, Москву, Суздаль, Владимир, Рязань, Тверь, Архангельск, Вологду, Кострому, Нижний Новгород, от России и от русских ничего не останется, ибо Ростов, Новгород, Ярославль, Москва, Владимир, Рязань, Тверь, Архангельск, Вологда, Кострома, Нижний Новгород – это Эрзя-Меря-Мурома-Мещёра-Весь, Балты, это исконная финская Русь в её этническом и политическом значениях, это та Русь, без которой разговор о кратковременной южной Руси без цивилизационных, этнических и культурных последствий для великой Волжско-Окской России представляется надуманным и не вполне серьёзным. Следуя аргументации Б. А. Рыбакова, рождение Руси можно отнести к любой точке древнего мира – к Египту, Шумерам, Риму, Византии. Однако истинная Новгородская, Ростовская, Владимирская, Рязанская, Московская Русь была и останется единственной Русью, идентичной своему имени.

Так остро, как в трудах историков XIX–XX вв., рассматривающих этногенез русского народа, национальный вопрос в IX–XII вв. (вплоть до XIX в.) не стоял. В то время Русь представляла собой многоплеменное сообщество из Мери-Эрзи-Мещёры-Муромы, Веси, Чуди, Корел, латышей, литовцев, финнов, не противопоставлявших себя друг другу в этническом аспекте. В противном случае процесс образования русского государства не завершился бы призванием Рюрика и захватом Олегом Вещим Ки-авы (Киева). В эпоху М. В. Ломоносова русские историки не исключали из Руси финские народности, старались быть объективными в суждениях, стремились быть приверженцами исторической правды. С XIX в. ситуация изменилась. И. Г. Коновалова, рассматривая участников событий на Нижней Волге в 60-е гг. X в., пишет: «Предпринятое нами недавно рассмотрение устных преданий, сохранившихся в скандинавской и древнерусской традиции, позволяет полагать, что основными участниками каспийских походов были, с одной стороны, норманны, приходившие непосредственно из Скандинавии, а с другой – обитатели Верхней Руси: скандинавы, славяне и финно-угры, фигурирующие в мусульманских источниках под общим названием «русы» [Коновалова, 2001, с. 164]. «Славяне» включены в число руссов в списке И. Г. Коноваловой произвольно, они в X в. к ним не относились, не входили в состав русского мира, в особенности Верхней Руси, и, пребывая в дикости, не имея государственной организации, не могли совершать масштабные военные операции против более развитых и сильных народов, проживавших в бассейне Каспийского моря на расстоянии нескольких тысяч километров от Новгорода.

Информация о трех русских племенах или царствах (княжествах), содержащаяся в арабских письменных источниках, имеет принципиальное значение для освещения начального периода русской истории, Древней Руси. Она указывает на смешанное и чересполосное расположение племен, образующих многополярный русский мир, на существование в нем трёх больших этнополитических центров, сложившихся в силу неоднородности национального состава населения и пространности территории, отличавшейся значительными природно-климатическими особенностями. В отечественной исторической науке им уделено недостаточно внимания, в полной мере не раскрыто, что они собой представляли, каковы были взаимоотношения между ними, из каких народов состояли, которые из них преобладали количественно. Историки приходят в затруднение при истолковании их названий – Kiijawa, Салавия, Arsaija (Ersanija), что обусловлено, в первую очередь, славянофильским уклоном в их воззрениях, «недопущением» в процесс создания русского государства финно-балтийских народов, даже эрзян, именем которых названо третье племя, а первое племя обозначено эрзянским словом Ки-ава. Такой подход, очевидный для многих, для тех, кто относительно хорошо знает историю своего народа, вряд ли представляется удовлетворительным, и он, рано или поздно, должен быть преодолен.

Известия арабских писателей о трёх русских племенах X в. – Kiijawa, Салавия, Arsaija (Ersanija) – и сообщение русской летописи о Пургасовой Руси конца XII – начала XIII в. представляют народ Эрзя как государствообразующий субъект Древней Руси, отождествляют его с Русью и ввиду этого заставляют под новым углом зрения рассмотреть начальный и средневековой период русской истории. Норманнская и славянофильская концепции происхождения русского государства в свете их данных должны быть подвергнуты более обстоятельной и аргументированной критике как противоречащие реальному ходу русской истории. Русь, Россия – финно-балтская страна онтологиче-

ски, историко-культурно – диффузное сообщество римлян, германцев, угров, тюрок, греков, евреев. Если финно-балтская основа Руси будет и дальше искореняться, исчезнет центростремительная сила, которая удерживает её в единстве и сохранности. Славянофильство и панславизм разгоняют центробежные тенденции как силы, чуждые русской этнической природе, духу и менталитету.

ЛИТЕРАТУРА

Библиотека, 1767 – Библиотека Российская историческая, содержащая древния летописи и всякия записки... СПб.: При Имп. Акад. наук, 1767. Ч. 1. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года. 50 с.

Быковский, 1928 – Быковский С. Н. К вопросу о трёх важнейших центрах Руси. Вятка [Б.и.], 1928. 72 с.

Вернадский, 2000 – Вернадский Г. В. История России. Древняя Русь. Тверь-Москва: ЛЕАН АГРАФ, 2000. 448 с.

Гаркави, 1870 – Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С.-Петербург [Б.и.], 1870. 308 с.

Известия, 1869 – Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Абу-Али Ахмеда Бенъ Омаръ Ибнъ-Даста. С.-Петербург, 1869. 199 с.

Коновалова, 2001 – Коновалова И. Г. Русы на Каспии в IX – первой половине X в. (К вопросу о составе участников каспийских походов) // Великий Волжский путь: Мат. круглого стола и Межд. науч. семинара. Казань, 2001. С. 164–172.

Любавский, 1918 – Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М.: Фотолитографировано т/д Г. А. Леман и П. С. Филиппов, 1918. 306 с.

Мавродин, 2009 – Мавродин В. В. Древняя и средневековая Русь. СПб.: Наука, 2009. 719 с.

Мельникова, 1976 – Мельникова Е. А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 141–156.

Новосельцев, 1965 – Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VII–X вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. 477 с.

Повесть, 1950 – Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 504 с.

ПСРЛ, 1962 – Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1962. Т. II. Ипатьевская летопись. 706 с.

REFERENCES

Biblioteka, 1767 – Biblioteka Rossijskaya istoricheskaya, soderzhashchaya drevniya letopisi i vsyakiya zapiski... SPb.: Pri Imp. Akad. nauk, 1767. Ch. 1. Letopis' Nestorova s prodolzhatelyami po Kenigsbergskomu spisku, do 1206 goda. 50 s. (in Russian)

Bykovskij, 1928 – Bykovskij S. N. K voprosu o tryoh vazhnejshih centrah Rusi. Vyatka [B.i.], 1928. 72 s. (in Russian)

Vernadskij, 2000 – Vernadskij G. V. Istoriya Rossii. Drevnyaya Rus'. Tver'-Moskva: LEAN AGRAF, 2000. 448 s. (in Russian)

Garkavi, 1870 – Garkavi A. Ya. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih. SPb. [B.i.], 1870. 308 s. (in Russian)

Izvestiya, 1869 – Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russkih Abu-Ali Ahmeda Ben Omar Ibn-Dasta. S.-Peterburg, 1869. 199 s. (in Russian)

Konovalova, 2001 – Konovalova I. G. Rusy na Kaspii v IX – pervoj polovine X v. (K voprosu o sostave uchastnikov kaspijskih pohodov) // Velikij Volzhskij put': Mat. Kruglogo stola i Mezhd. nauch. seminara. Kazan', 2001. S. 164–172. (in Russian)

Lyubavskij, 1918 – Lyubavskij M. K. Lekcii po drevnej russkoj istorii do konca XVI veka. M.: Fotolitografirovano t/d G. A.Leman i P. S.Filippov, 1918. 306 s. (in Russian)

Mavrodin, 2009 – Mavrodin V. V. Drevnyaya i srednevekovaya Rus'. SPb.: Nauka, 2009. 719 s. (in Russian)

Mel'nikova, 1976 – Mel'nikova E. A. Drevnyaya Rus' v islandskih geograficheskih sochineniyah // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1975 g. M.: Nauka, 1976. S. 141–156. (in Russian)

Novosel'cev, 1965 – Novosel'cev A. P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VIIX vv. // Novosel'cev A. P., Pashuto V. T., Cherepnin L. V., Shusharin V. P., Shchapov Ya. N. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. M., 1965. S. 419. (in Russian)

Povest', 1950 – Povest' vremennyh let. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. T. 1. 504 s. (in Russian)

PSRL, 1962 – Polnoe sobranie russkih letopisej. M.: Nauka, 1962. T. II. Ipat'evskaya letopis'. 706 s. (in Russian)

ПСРЛ, 2004 – Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. 368 с.

Рачюнайте-Вичиниене, 2008 – Рачюнайте-Вичиниене Д. Большетерцовый трихорд в литовской вокальной народной традиции и формы его проявлений в музыке финно-угров и славян // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 135–157.

Россия, 2006 – Россия: Иллюстрированная энциклопедия. М.: «ОЛМА Медиа Групп», «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2006. 600 с.

Рыбаков, 2004 – Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М.: АиФ Принт, 2004. 447 с.

Скрынников, 2006 – Скрынников Р. Г. Русская история X–XVII веков. СПб.: Изд-во С.- Петербургского ун-та, 2006. 582 с.

Толочко, 1999 – Толочко А. П. Химера «Киевской Руси» // Родина. 1999. № 8. С. 29–33.

Украинцы, 2000 – Украинцы. М.: Наука, 2000. 535 с.

Франклин, Шепард, 2009 – Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 671 с.

Шаронов, 2010 – Шаронов А. М. Масторава. Саранск: Эрзянь Мастор, 2010. 264 с.

Шахматов, 1910 – Шахматов А. А. Древнейшия судьбы русскаго племени. Петроград: 2-я Гос. тип., 1910. 64 с.

Щекатов, 1804 – Щекатов А. Словарь географический Российского государства, описывающий Азбучным порядком. М.: Университетск. тип., 1804.

PSRL, 2004 – Polnoe sobranie russkih letopisej. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. T. XLIII. Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo. 368 s. (in Russian)

Rachyunajte-Vichiniene, 2008 – Rachyunajte-Vichiniene D. Bol'shetercovyj trihord v litovskoj vokal'noj narodnoj tradicii i formy ego proyavlenij v muzyke finno-ugrov i slavyan // Finno-ugorskie muzykal'nye tradicii v kontekste mezhetnicheskih otnoshenij: sb. nauch. tr. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2008. S. 135–157. (in Russian)

Rossiya, 2006 – Rossiya: Illyustrirovannaya enciklopediya. M.: «OLMA Media Grupp», «OLMA-PRESS Obrazovanie», 2006. 600 s. (in Russian)

Rybakov, 2004 – Rybakov B. A. Rozhdenie Rusi. M.: AiF Print, 2004. 447 s. (in Russian)

Skrynnikov, 2006 – Skrynnikov R. G. Russkaya istoriya X–XVII vekov. SPb.: Izd-vo S.- Peterburgskogo un-ta, 2006. 582 s. (in Russian)

Tolochko, 1999 – Tolochko A. P. Himera «Kievskoj Rusi» // Rodina. 1999. № 8. S. 29–33. (in Russian)

Ukraincy, 2000 – Ukraincy. M.: Nauka, 2000. 535 s. (in Russian)

Franklin, Shepard, 2009 – Franklin S., Shepard D. Nachalo Rusi: 750–1200. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2009. 671 s. (in Russian)

Sharonov, 2010 – Sharonov A. M. Mastorava. Saransk: Erzyan' Mastor, 2010. 264 s. (in Russian)

Shahmatov, 1910 – Shahmatov A. A. Drevnejshiya sud'by russkago plemeni. Petrograd: 2-ya Gos. tip., 1910. 64 s. (in Russian)

Shchekatov, 1804 – Shchekatov A. Slovar' geograficheskij Rossijskogo gosudarstva, opisyvayushchij Azbuchnym poryadkom. M.: Universitetsk. tip., 1804. (in Russian)

A. M. Sharonov, E. A. Sharonova

THE ERZYA PEOPLE AND THREE RUSSIAN TRIBES: KIIJAWA, SALAVIA, ARSAIJA (ERSANIJA)

The present paper presents the point of view upon Russian, Erzya and Finnish worlds of the 9th–12th centuries that differs from the traditional one. The description of the Russian history up to the 15th–16th centuries cannot be considered as a detailed presentation in the context of its actual characters, events, internal and external political, social, ethnic, cultural and other connections and relations. This is indicated by the Norman and Antinormanist theories presenting the origin of Russia as a state entity from the opposed points of view or by the histories by M. V. Lomonosov, V. N. Tatishchev, N. M. Karamzin, V. O. Klyuchevsky, I. D. Ilovaisky, M. K. Lyubavsky, B. A. Rybakov, V. V. Mavrodin, A. N. Sakharov and E. A. Melnikova which are different in many aspects and based on different concepts. The very interesting ideas of V. G. Belinsky based on the recognition of the autochthony of Russia and its emergence on the Novgorod, Ryazan, Vladimir, Tver and Moscow lands are not included in the global concept of the Russian

history. In historical works, the participation of the Baltic and Finno-Ugric peoples in the state, ethnic and cultural processes in Russia is mentioned very briefly; the fact that Russia is the result of the creativity of its multinational people is left out of account. The works describing the "three Russian tribes" Kiijawa, Salavia, Arsaija (Ersanija) which are interesting from the point of view of the political and ethnic organization of Russia of the 9th–10th centuries written by the eastern authors of the 10th century Al-Istrakhi, Ibn Hawqal and Ibn Hakala have not been thoroughly studied. It has not been conclusively clarified what the tribes Kiijawa, Salavia, Arsaija (Ersanija) are; the available interpretations are neither sufficiently substantiated nor sufficiently competent and objective. Most researchers doubt that the Arsaija (Ersanija) belonged to the Erzya people though in the texts by Al-Istrakhi, Ibn Hawqal and Ibn Hakala the name and description of the people are found. The Erzya-language name 'Ki-ava' is thought to be Slavic because researchers are not acquainted with the Erzya language or do not want to take into consideration the Erzya people. The present paper presents the textual and comparative analysis of the comments and opinions of the historians of the 19th–21st centuries concerning Kiijawa, Salavia and Arsaija (Ersanija) and the conclusion is made that Kiijawa is Ki-ava in the text by Konstantin Bagryanorodnyy "On Empire Management", Arsaija (Ersanija) is Erznia, the Erzyan country, and Slavia or Salavia is, probably, the territory inhabited by the Slavs. Slavia is not necessarily the Novgorod principality. The authors of the present paper intend to arouse interest to further deeper, more objective and thorough investigation of the problem under discussion.

Keywords: Erzya, Rus, Kiijawa, Salavia, Arsaija (Ersanija), Kiev, Novgorod, Slovene, Merya, Meshchera, Muroma.

Шаронов Александр Маркович,
доктор филологических наук, профессор,
Научный центр социально-экономического мониторинга
(Саранск, Россия)
sharon.ov@mail.ru

Шаронова Елена Александровна,
доктор филологических наук, доцент,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва
(Саранск, Россия)
sharon.ov@mail.ru

Sharonov Alexander Markovich,
Doctor of Philology, Professor,
Scientific Center for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia
(Saransk, Russia)
sharon.ov@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna,
Doctor of Philology, Associate Professor,
N. P. Ogarev Mordovia State University
(Saransk, Russia)
sharon.ov@mail.ru

УДК 39+728(=512.1)

Е. В. Попова

СОВРЕМЕННЫЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСТРОЙКИ КРЯШЕН УДМУРТИИ: СТРОИТЕЛЬНЫЕ, ПЛАНИРОВОЧНЫЕ И ДЕКОРАТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ*

В статье рассматриваются традиционные и современные планировка, архитектурные особенности усадеб, типы жилищ, строительные материалы и приемы строительства кряшен Удмуртии. В основе статьи экспедиционные материалы 2018 г., собранные в деревне Порым. Сельская застройка включает жилище разного времени от середины XX в., 1960-х и преимущественно 1970–1980-х гг., дома для двух семей колхозного строительства и современные дома типа коттеджей. Основная часть усадеб сохраняет старую планировку, в том числе, традиционные постройки – клеть, навесы и дворы для скота. Многие постройки представляют интерес как объекты наследия и редкие типы архитектуры. Современные материалы и технологии, изменения в структуре хозяйства, составе семьи привносят свои новации в сельскую архитектуру. Этническая особенность селения отмечается в типе поселения, наличие в его черте культовых сооружений (часовни), в архитектурном и планировочном решении усадеб.

Ключевые слова: кряшены, жилище, усадьба, поселение, новации в архитектуре села, этнические особенности.

В настоящее время кряшены в Удмуртии проживают в нескольких селениях двух административных районов – в Граховском районе – в с. Новогорское, д. Нижний Тыловай (Крещеный Тыловай), д. Порым, д. Мещеряково, д. Гаранькино, д. Шарберды, в том числе, в районном центре в с. Грахово, в д. Паново кряшены сейчас не проживают. Среди селений кряшен в Кизнерском районе значатся – д. Балдейка, д. Рождественское (ныне не жилое), д. Ямушан-Ключи (несколько жителей) и в районном центре – п. Кизнер.

Кряшен, проживающие на территории Удмуртии, исследователи относят к *елабужской этнографической группе* кряшен [Этнотерриториальные группы татар, 2002, с. 140]. Эту *елабужскую группу* составляют кряшены бывшей Вятской губернии, чьи селения ныне входят в пределы современных Елабужского, Менделеевского, Нижнекамского районов Республики Татарстан и прилегающих селений кряшен Граховского района Удмуртии.

В основе статьи предварительный обзор строительных и планировочных решений, способов декорирования усадеб кряшенских селений Удмуртии по результатам экспедиционного выездак кряшенам в д. Порым, Нижний Тыловай, с. Новогороское, с. Грахово, Граховского района Удмуртской Республики, предпринятого в августе 2018 г. в рамках выполнения Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН (проект №18-6-6-38 «Цивилизационное пространство Урало-Поволжья: социально-демографические характеристики, политико-экономический статус, этнокультурные традиции»). Описание жилища, этнических и региональных особенностей,

* Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект №18-6-6-38 «Цивилизационное пространство Урало-Поволжья: социально-демографические характеристики, политико-экономический статус, этнокультурные традиции»

анализ изменений были в числе задач экспедиции в комплексе с другими вопросами, связанными с изучением материальной культуры, в том числе одежды, пищи, особенностей хозяйства, обрядов и верований. В центре внимания также были особенности этнической идентичности, языка, современных этнических процессов.

В статье приводятся предварительные материалы по одному селению – д. Порым Граховского района, а именно её «кряшенской части». Такой подход позволяет рассмотреть в хронологической динамике изменения типов жилища, планировочных решений селения и усадеб на примере одного селения. В ходе экспедиции первичный материал, но требующий дальнейшего уточнения, был собран в с. Новогорское и д. Нижний Тыловай (Крещеный Тыловай) и учтен при подготовке статьи. В работе рассматриваются типы построек, особенности планировки усадеб, основные подходы в декоративном оформлении жилища. Интерьер и внутренняя планировка требуют специального изложения, как и подробный анализ декоративного оформления жилища и усадьбы. При анализе особенностей жилища внимание уделялось визуальной фиксации типов жилых помещений, хозяйственных построек, планировки, декора с учетом изменений в сельском домостроительстве, по крайней мере, со второй половины XX в. и в настоящее время. Основной визуальный материал получен в ходе фото-фиксации построек, усадебных комплексов при обходе улиц с фиксацией планировочных решений усадеб и их изменений. Предварительное знакомство при обходе деревни показало, что требуется более тщательный анализ, замеры и осмотр ранних и уже редких построек. В сфере изучения были изменения в планировке поселений, старых и новых частей улиц. В ходе бесед с местными жителями была получена дополнительная информация.

Предпринятая экспедиция отчасти является продолжением специального этносоциологического исследование кряшен Удмуртии, начатого в 2000 г. группой сотрудников отдела этнологии и социологии Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН среди кряшен Граховского района. Целью исследования 2000 г. было выявление социально-экономического положения и психологического самочувствия кряшен, уровня этнического самосознания, степени консолидации [Шкляев, 2002]. Исследование проводилось по обращению общественной организации кряшен Удмуртии и по договору с Министерством национальной политики УР. Материалы данного исследования были опубликованы в ряде статей [Шкляев, 2002; Никитина 2012(а); Никитина, 2012(б)]. Общий анализ материальной культуры и место в этнической идентичности были в задачах опроса, хотя и не являлись специальной темой. Деревня Порым была в данном социологическом опросе и позже вошла в число селений специальной программы по изучению этнически-смешанных поселений Урало-Поволжья [Попова, 2009].

Изучение этнических особенностей жилища, в частности елабужской и других групп, было предпринято в ряде специальных работ о материальной культуре кряшен [Мухаметшин, 1977; Мухаметшин, 1993] и в обобщающие исследования [История и культура, 2017]. Результаты исследований были учтены при составлении программы экспедиции и при сопоставительном анализе сельской застройки кряшен и её типологии.

Общее описание и планировка селения

Населенный пункт Порым в настоящее время состоит из двух объединенных селений – кряшенской д. Порым и удмуртско-русской д. Кузебаево. По указу Президиума Верховного Совета УАССР от 20 апреля 1978 г. деревни Порым и Кузебаево были объединены в д. Порым Граховского района [Справочник, 1995, с. 270].

Состав обеих селений по ранним источникам был смешанным кряшенско-русским и удмуртско-русским. По Материалам статистики Вятской губернии, на 1887 г. в починке Порым значилось 74 двора, где как татарские записаны 67 хозяйств, русских – 7 дворов. Относительно починка Порым также отмечалось, что «Населяют починок русские и крещеные татары, те и другие государственные крестьяне. Основано селение около 1792 года. Первые поселенцы – крещеные татары приехали сюда на лес в числе 7 семей из деревни Старо-Гришкина, Кураковской волости, а русские (бывшие удельные) в числе 5 семей поселились здесь в 1865 году из Качкинской волости и одна семья из села Грахова» [Материалы, Приложение, 1889, с. 32]. В деревне Кузебаево (старое название Адам-Ятчи) из 59 хозяйств – 11 русских дворов, 48 удмуртских [Материалы, 1889, с. 20]. В кряшенской части – д. Порым прежде была миссионерская школа [Материалы, Приложение, 1889, с. 32]. Деревня, как и соседние селения, входила в приход с. Грахово (ныне районный

Фото 1. Вид сельской улицы, д. Порым.
Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Фото 2. Часовня, д. Порым.
Фото Поповой Е. В., 2018 г.

центр). С закрытием церкви в 1935 г., жители посещали сохранившиеся церкви в округе. В числе культовых православных объектов на территории деревни имеются несколько каменных часовен-столбов.

Население д. Кузебаево по данным на 1887 г. составляли государственные крестьяне. Деревню основали удмурты, первые русские (бывшие дворовые) приехали в 1864 г. в числе двух семей [Материалы, Приложение, 1889, с. 31].

Деревня расположена в четырех километрах от районного центра и часть жителей в настоящее время работает в с. Грахово. В объединенном селении имеется общеобразовательная школа, детский сад, фельдшерско-акушерский пункт, сельский клуб, филиал центральной библиотечной системы.

Приведенный в статье материал касается «кряшенской» части объединенного селения, а именно исторического поселения – кряшенской д. Порым. Однако, не смотря, что в административном плане эти два селения объединены и имеют общие социально-культурные объекты, еще сохраняется деление на кряшескую и удмуртскую части, т.е. отдельные исторические деревни. Жители, несмотря на общее хозяйство, объекты социальной и культурной инфраструктуры, сохраняют каждый внутри своего селения структуру родственных и соседских связей, коммуникативные связи, календарную и семейную обрядность, отсылающую к разным традициям – кряшенской и удмуртской. В планировке объединенной деревни между двумя историческими селениями сохраняется условная «граница» – часть незастроенного пространства, постепенно исчезающего за счет общественных зданий, новой частной постройки, двухквартирных домов, возведенных при колхозном строительстве. В середине между двумя деревнями – кряшенской (Порым) и удмуртской (Кузебаево) находятся школа, сельский клуб, магазин. Сельскохозяйственные сооружения и фермы расположены за чертой селения.

Планировка кряшенского селения, собственно исторической д. Порым, уличная (фото 1) с двусторонней застройкой. Одна центральная улица и параллельно ей расположена вторая. Огороды одного ряда улицы упираются в ряд огородов другой. Эти основные улицы в обоих концах соединены двумя перпендикулярными, где одна с двусторонним и частично односторонним расположением домов. Улицы в деревне широкие. Деревня расположена на речке Кузебайке, где устроен пруд. Тип поселения приречно-овражный, имеются родники.

Рассматривая этнические особенности исторического поселения кряшенской д. Порым, необходимо отметить несколько почитаемых объектов – каменные часовни. По сообщениям жителей, их четыре в разных частях деревни «с четырех сторон». Одна часовня высотой до 1,5 метра стоит на главной улице ближе к ее концу на обочине проезжей части дороги (фото 2). С четырех сторон в верхней части

часовни имеются небольшие ниши, как пояснили жители, для стоявших некогда икон. Под ними по периметру часовни с четырех сторон прикреплены на шнуре-тесемке четыре белых полотнища (занавеси) примерно 50х50 см с вышитыми красными нитками крестами. Еще одна часовня высотой около метра стоит на другой улице также на обочине улицы. Третья по сообщения жителей располагалась в противоположной части селения, и одна около источника.

Усадьбы и постройки

В настоящее время в деревне можно увидеть усадьбы и дома, относящиеся к разному времени застройки. Некоторые середины XX в., но есть и более ранние. Большинство усадеб и жилых построек, сохраняющих традиционные особенности архитектуры и планировки, декор относятся к 1960–1970-м гг. застройки. Часть двухквартирных деревянных и кирпичных домов – колхозные квартиры 1980-х гг. Среди новых домов есть построенные в 1990–2000-х гг. В современной застройке встречаются дома, сохраняющие некоторые традиционные элементы, но и появляются постройки коттеджного типа, ранее не характерные для села. В целом деревня еще сохраняет этническую специфику и особенности сельской архитектуры. Однако активная сельская застройка меняет её облик, что ставит задачи скорейшей фиксации ранних типов жилища и сельской архитектуры в целом.

Сельские усадьбы кряшен д. Порым включают собственно двор с жилыми и хозяйственными сооружениями и заднюю часть, расположенную за постройками, где располагаются огород для овощных культур и картофеля, небольшой покос для скота в черте усадьбы. Огород отделен от жилой части изгородью и хозяйственными постройками (хлев, клеть, сараи). Незначительную часть усадьбы занимает жилой дом с хозяйственными постройками для домашнего скота и птицы, хранения дров и инвентаря, кормов для скота, и баней. В черте усадьбы располагается гараж для транспорта. Подобная планировка в целом встречается и в других селениях народов данного региона и, в частности, юга Удмуртии.

Для кряшенских усадеб деревни характерен открытый двор. Большинство имеют покоеобразную планировку, где с одной стороны двора располагается дом, напротив с другой – клеть или сараи, замыкают двор со стороны огорода другие постройки. Ворота и глухой высокий дощатый забор соединяют эти постройки со стороны улицы (фото 3). В задней части двора по периметру стоят сараи и дворы. В современной планировке клеть иногда заменяется гаражом или перестраивается под гараж. Зафиксированы и несколько Г-образных видов планировки, где к дому примыкают сени, клеть, сарай и обычно перпендикулярно им помещения для скота. Иногда в задней части двора усадьбу замыкает постройка и изгородь. Хозяйственные сооружения (дворы и сараи) обычно группируются и размещаются под одной крышей.

Отмеченный в деревне двухрядный тип постройки включает дом с сенями или прирубом, а противоположную сторону усадьбы занимают хозяйственные сооружения. Задняя часть двора отделяется от огорода и других построек изгородью, обычно дощатым забором.

Среди ранней застройки встретилось несколько однорядных построек. Например, в одной, расположенной в проулке, постройка включает под одной крышей – дом с рубленым бревенчатым пристроем сбоку (со стороны двора), сени-клеть, рубленый

Фото 3. Планировка усадьбы со стороны улицы. Изба, изгородь, ворота и клеть, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

хлев, навес с проездом для гужевого транспорта и глухими воротами, теплый хлев (фото 4).

Несколько трехрядных построек относятся к позднему типу. Включают, например, в первом ряду – дом, сени, некоторые хозяйственные сооружения (навес, хлев, клеть), во втором ряду – клеть или летнюю кухню в виде небольшого помещения (мастерская) и третий ряд – гараж (фото 5). Иногда под иные хозяйственные нужды (мастерская, кухня, гараж) перестраивается традиционная клеть.

Жилище располагается по отношению к улице узким передним фасадом. Дома с рубленным пристроем, дома пятистенки, редкий тип «изба-сени-изба» и двухквартирные дома стоят длинным боковым фасадом. В этом случае вход в дом такого типа бывает с задней стороны фасада, в двухквартирных домах – сбоку. Фасады домов располагаются в сторону улицы, преимущественно на юг, юго-восток. За усадьбами находятся огороды. Однако, некоторые дома середины XX вв., стоящие в проулках, расположены главным фасадом на юго-восток и боковым параллельно улице. В однорядной застройке некоторых улиц дома также расположены на юг, юго-восток. Многие ранние постройки и постройки второй половины XX вв. без палисадников. Параллельно дому идут ворота и далее клеть. Этот тип застройки сохраняется и доминирует.

В ходе обследования отмечено несколько типов жилища, включая и ранние, практически уже уходящие из сельской архитектуры. Эти типы встречались и в других селениях кряшен данной территории и среди жилищ соседних народов, что связано с этническими и региональными особенностями.

Распространенным типом является двух и трехкамерное жилище, встречающееся в застройке с середины XX в. до настоящего времени. Большинство усадеб состоит из таких построек. Рассмотрим основные типы жилых построек деревни.

Фото 4. Однорядная постройка. Изба, сени, теплый хлев, навес с выездом, хлев, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Фото 5. Трехрядная постройка, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

1. *Дом+сени* – редкий тип ранней постройки, чаще послевоенной (1940–1950-х гг.), но еще сохраняется на усадьбах, где обычно уже имеется второй более новый дом. В такой постройке сени иногда имеют перегородку отделяющую чулан (иногда это позднее изменение). Сени как и дом рубленные и при современном расширении пространства они иногда перестраиваются под жилье (кухня), где устанавливается печь для отопления. В этих случаях в избе прежняя кухня переделывается под вторую комнату.

2. *Дом+сени+клеть.* В этом типе постройки изба и клеть соединяются холодными сенями, а вход в клеть из сеней (фото 6). Встречается как однокамерная одноярусная (одноэтажная) клеть с входом из сеней, так и высокая клеть при высоких избах, где имеется подклеть с входом в нее со стороны ограды. К сеням, как и в первом типе жилища, примыкает крыльцо, а позже – крыльцо с достроенной верандой, или выстроенной одновременно с крыльцом. Крыльцо и веранда иногда имеют перегородку и часть веранды выполняет роль кладовки. Оба перечисленных выше типа жилища имеют двускатную крышу и обычно располагаются узким фасадом на улицу.

3. Изба с прирубом (холодным или отапливаемым): *изба+изба+ прируб+сени*. Такая постройка имеет общий вход через пристрой сеней или крыльцо с верандой. Этот тип является в деревне достаточно распространенным, наряду с первыми двумя. Прируб может быть не отапливаемым, использоваться как летняя половина, или отапливаться за счет тепла от общей печи, иногда имеет отдельное отопление. Дома такого типа, как и пятистенки, обычно длинной торцовой стороной располагаются вдоль улицы или на юг, юго-восток, то есть должны быть максимально освещены (фото 7). Они имеют двускатную и часто четырехскатную крышу.

4. В деревне, особенно на центральной улице, встречаются дома *пятистенки* (фото 8). Внешне они похожи на дома с прирубом, но в отличие от них, имеют капитальную несущую бревенчатую стену и оба отапливаемых помещения чаще за счет общей печи.

5. Встретился и редкий ныне тип ранней постройки – *изба+сени+изба*, где два жилых помещения разделены холодными рублеными сенями. Все застройки под одной крышей (фото 9). Эти три вида жилища, особенно изба-пятистенок, изба-сени-изба, изба с прирубом имеют четырехскатную крышу и располагаются длинным боковым фасадом на улицу.

6. *Двухквартирные деревянные рубленные и кирпичные дома* колхозной застройки, где каждая квартира для отдельной семьи и имеет отдельный вход и пристроенные деревянные сени или веранду. Этот тип застройки уже можно отнести к историческому типу сельского жилища (фото 10).

7. *Современная застройка котеджного типа одно и двухэтажная* из дерева, кирпича и блоков, ранее не характерная для села. Новый для села тип жилища обычно не несет этнически узнаваемых элементов, но иногда это может прослеживаться в декоре.

Фото 6. Жилища по типу изба+сени+клеть, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Фото 7. Жилище изба+изба прируб+сени. Ворота калитка. Рядом располагается клеть, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Фото 8. Дом пятистенок с четырехскатной крышей, ворота и рядом расположена клеть, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Фото 9. Тип жилища изба+сени+изба, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Фото 10. Двухквартирный деревянный дом, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Отмечая типы жилища, следует подчеркнуть, что для рассматриваемых селений елабужской группы кряшен характерное одноэтажное жилище, двухэтажное или двухэтажное с полуподвалом появляется лишь в самой поздней современной застройке типа коттеджей.

В типах жилища как изба-сени, или изба-сени-клеть к сеням примыкает открытое с навесом крыльцо (в позднем варианте обшитое досками) или в некоторых типах домов это крыльцо с верандой. Отдельные новые дома имеют кроме крыльца с большой верандой с противоположной стороны дома пристроенную вторую веранду, куда вход ведет из сеней. Эта вторая веранда используется как летнее помещение, в то время как первая, соединена с крыльцом и выполняет функцию парадного входа.

Типы жилища как изба-сени, изба-сени-клеть, изба-сени-изба и пятистенки, пятистенки с пристроем, в своё время были зафиксированы у кряшен региона Ю. Г. Мухаметшиным [Мухаметшин, 1977, с. 85]. Все они встретились и в ходе экспедиции 2018 г. к кряшенам д. Порым, включая и уже редкие типы изб, хозяйственных построек и планировок усадьбы.

Постройки типа изба-сени, изба-сени-клеть располагаются узким передним фасадом на улицу, в то время как избы пятистенки и избы с пристроем, часто имеющие четырехскатную крышу, расположены торцовой длинной стороной параллельно улице. Преобладающими типами жилища являются дом-сени-клеть, избы с прирубом, дома пятистенки.

Основной строительный материал – хвойный и очень редко лиственный лес, иногда используемый лишь для хозяйственных сооружений. Для строительства шел кругляк разного диаметра (большой для жилых построек и пристроев, включая сени и клеть, если располагались в одной связи с избой), меньшего диаметра использовался для возведения холодных хозяйственных сооружений (сараи или отдельно стоящие клети), среднего размера для теплых хлевов и бани. Распиленные и обтесанные плахи также шли на строительство. Кровля домов встречается из теса, или теса позже покрытого шифером, железом. В современной застройке крыши из кровельного железа или железа «под черепицу».

Большинство изб, за исключением современной застройки, из срубов. Некоторые бревенчатые дома позже обшиваются доской – «вагонкой» и выкрашиваются, в последние годы обшивают сайдингом. Из особенностей в ранней жилой застройке необходимо отметить наличие деревянных ставен.

Хозяйственные постройки включают несколько типов сооружений: 1) постройки для хранения дров, кормов, инвентаря. Это холодные сараи, дровенники, навесы или специальные клети, амбары для хранения кормов и продуктов (муки, зерна, мяса); 2) бытовые сооружения – летние кухни, погреба и ямы для хранения овощей и продуктов, бани; 3) постройки для домашних животных – загоны, холодные летние дворы и навесы, теплые рубленые дворы, помещение для птицы; 4) гаражи для транспорта и домашние отапливаемые (или холодные) мастерские для работы с древесиной и хранения инструментов.

Среди хозяйственных построек, придающих своеобразие сельской архитектуре кряшен, еще повсеместно встречающиеся традиционные однокамерные рубленные холодные клети (без мха) с широкими выступающим над дверью навесом и помостом (площадкой), одностворчатой дверью. Широкие навес и помост (почти до одного метра) при этом поддерживаются и составляют единое целое с выступающими бревнами торцовых стен. Кровля клетей двускатная, чаще безстропильная с бревенчатым фронтоном, некоторые типы со стропильной кровлей и дощатым фронтоном. Фронтоны иногда имеют слуховое квадратное или в форме полумесяца окно, прибитые скворечники. Клети срубные, четырех или слегка вытянутой прямоугольной формы, крытые тесом, в поздних вариантах перекрытые шифером. Они располагаются фасадом на улицу, параллельно дому, по другую сторону ограды (фото 11). Постройка и в наши дни служит для хранения зерна, продуктов, инвентаря и утвари. Встретился тип планировки, где клеть длинной частью фасада – задней стеной располагалась в сторону улицы, а дверью и крыльцом в глубину двора. Многие старинные клети имеют кованые внутренние замки, или закрываются потайным замком с деревянной задвижкой. К поздним типам замков можно отнести – покупные навесные. Между домом и клетью располагаются ворота. К клети обычно примыкают в глубину двора навесы, хлев и другие постройки.

Большинство клетей однокамерные, но в одной из ранних усадеб встретилась двухкамерная клеть с рубленной бревенчатой перегородкой и двумя отдельными входами, с широким навесом и помостом.

Фото 11. Клеть, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Встречаются в застройке середины и второй половины XX вв. высокие клети на подклети, примыкающие к сеням. Они располагаются в последовательности: изба-сени-клеть. Вход в клеть из сеней. Все постройки в ширину избы и на одной высоте, под общей крышей. Клеть и изба, соединяются срубными сенями. Подклеть используется для хозяйственных нужд.

Хлева в старой застройке встречаются однокамерные, соединенные летним загоном под навесом, и двухкамерные. В черте ограды или в виде пристроя к хлеву имеются для скота летние загоны из жердей. В глубине двора вдали от построек располагаются бани, но в новой планировке они стоят ближе к усадебным постройкам или в их черте.

Отмечая особенности усадеб, построенных в последние пять-десять лет, следует отметить, что они частично еще сохраняют старые хозяйственные постройки, но большинство новых уже без традиционной клети, с меньшим числом хозяйственных сооружений и помещений для скота. Если имеются современные хлева для ухода за домашним скотом, то они сохраняют прежние черты, что связано с климатическими условиями края и особенностями скотоводства, включая необходимые постройки для содержания скота и хранения кормов в длинный зимний стойловый период.

Изменение хозяйства на селе, уменьшение поголовья домашнего скота, или его отсутствие ведет к изменению характера усадеб. Некоторые постройки для домашних животных и птицы пустуют, перестраиваются под другие нужды, сносятся из-за ветхости. Поэтому современные усадьбы иногда ограничиваются домом, сараем и баней, минимумом хозяйственных сооружений. Надо отметить, такой тип застройки пока не преобладает. Отчасти намечается тенденция, что с отсутствием домашнего скота в застройке некоторых новых усадеб хозяйственных построек для содержания скота не встречается или они ограничиваются минимумом.

К современному типу следует отнести двухквартирные деревянные и кирпичные дома, построенные колхозом для селян. Каждая такая усадьба имеет уже собственноручно возведенные хозяйственные постройки, ворота. Отличается и в целом декор дома, наличников, ворот, и обычно у каждого из хозяев такого дома они индивидуальны.

Изгороди

Усадьбы между собой разделены изгородями из досок, бревен или жердей. Со стороны больших огородов с картофелем и покосом усадьбы обычно разделены жердями или изредка межой, если нет изгороди. Глухие изгороди идут обычно со стороны улицы и располагаются параллельно воротам или калитке. Они встречаются и вокруг усадьбы в пределах построек и маленьких огородов для овощей, защищая их от птицы и животных.

Со стороны улицы обычно расположены массивные воротами и глухие дощатые высокие заборы из вертикально расположенных досок, часто выстой достигающие кровли ворот.

В деревне встретился и уже редкий сегодня тип усадьбы с дощатым рубленным глухим забором,

Фото 12. Усадьба с глухим рубленым забором из теса, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

соединенным с воротами и состоящим из горизонтально расположенных массивных досок (распил бревен). Забор составляет единое сооружение с трехстворчатыми воротами (фото 12).

В современной застройке и перестройке старых усадеб, ворота часто делают из металлических листов, как иногда заборы и штакетник из металла. Глухой дощатый забор используется именно в передней части усадьбы – со стороны улицы, тем самым закрывая пространство двора от посторонних. С задней части функцию ограждения выполняют постройки, где между ними при необходимости выстраиваются глухие или решетчатые изгороди. Палисадники, обычно засаженные цветами или мелким декоративным кустарником, как более позднее явление, имеют лишь некоторые усадьбы. Они могут быть из деревянных реек, металлической сетки, и как распространившееся в сельском строительстве явление – из металлических листов и металлического штакетника. Некоторые палисадники декорированы, выкрашены, имеют орнамент или резьбу по верхней части штакетника. Но в целом палисадник и в новой застройке не является обязательным элементом.

Ворота

Сельской архитектуре д. Порым особый вид и монументальность придают массивные деревянные ворота, которые в новых усадьбах уже заменяются низкими металлическими воротами или калитками. Рассмотрим основные типы встречающихся ворот.

1. Наиболее распространенным типом являются ворота на трех опорных столбах с проемом для пешеходов и с более широким проемом для проезда гужевого транспорта (фото 13). Глухие дощатые полотнища крепятся к столбам. Одно располагается на столбе в проходе для пешеходов. Два полотнища,

Фото 13. Ворота на трех столбах с двускатной кровлей, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Фото 14. Ворота на трех столбах с обшитой перекладиной, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

закрепленных на разных столбах, в зоне для проезда гужевого транспорта. В верхней части столбов располагается перекладина к которой крепится двускатная дощатая крыша. В некоторых усадьбах позже она обшита металлическими листами или шифером, как и кровля дома. Двускатная кровля с боковых фронтонов обшивается наглухо досками. Особым способом прибитые доски являются защитой конструкции от осадков и декоративным элементом. Крыша также защищает ворота от осадков, придает монументальность и завершенность конструкции. Ворота высокие и строились с учетом свободного въезда груженого гужевого транспорта. Такой тип ворот в верхней части пешеходного проема имеет декоративную дощатую решетку (доску).

2. Встречается и тип ворот на трех столбах, с проходной частью для пешеходов и зоной для проезда транспорта, с перекладиной вместо двускатной кровли. Такие ворота имеют три дощатых полотнища или чаще два – оно узкое для той части, где входят пешеходы и одно более широкое полотнище, где проезжает транспорт. Верхняя перекладина таких ворот обшита досками и декорирована за счет самой обшивки (фото 14).

3. Встречаются в незначительном числе, но, возможно, в будущем будут доминировать в сельской застройке ворота, представляющие дощатую калитку (в современной застройке из металлического листа). Ворота-калитка представляют единое целое с дощатой (металлической) изгородью.

4. Низкие ворота из калитки для прохода пешеходов, и рядом прикрепленные также низкие, но более широкие одно иди двустворчатые ворота для транспорта. Такие ворота без кровли и высота конструкции до полутора метров.

Многие старые ворота сохраняют на столбах металлическое кольцо для привязи лошадей. Механизмы, закрывающие ворота, остаются во многом традиционными. Это особые конструкции, открывающие железную щеколду за счет пружины и металлической ручки, плетеного шнура или

Фото 15. Декор ворот. Пропильная резьба. Солярная символика, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Фото 16. Декор ворот. Пропильная резьба. Растительный орнамент, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

веревки. Ворота для въезда гужевого транспорта закрываются с внутренней стороны ограды длинной жердью, закрепляющейся в особые металлические скобы в столбах ворот.

Необходимо отметить, что деревня еще сохраняет редкие типы ворот и их декор, что придает своеобразие и уникальность не только усадьбе, но и улице в целом. Среди декоративных элементов необходимо отметить тип декоративной обшивки ворот и дощатых полотнищ, строительные конструкции. Среди ярких и своеобразных элементов декора – особые деревянные решетки-доски пропильной резьбы с различными видами орнамента. Это выполненные сверлом солярные символы (фото 15), выпиленные растительные и геометрические (цветы, растения) (фото 16), накладные выемчатые (птицы, цветы). Декор доски над воротами пешеходной части ворот – распространенный элемент и в селениях других народов деревень и частной городской застройки юга Удмуртии. Своеобразие заключается в особенностях собственно декоративных элементов и орнаментов.

Декоративная отделка усадьбы и дома

Декоративная полихромная отделка фасадов в оформлении жилища для кряшен данной территории не была характерна ранее. Рубленые дома не обшивались, а декоративные функции достигались за счет самой архитектуры и элементов декора ворот, слухового окна, наличников. Полихромная раскраска фасадов начинает встречаться в застройке 1980–1990-х гг. или чаще при обшивке деревянным брусом более ранней застройки с последующим окрашиванием обычно в жёлтый, синий или голубой цвета. В последние годы встречается в сельской застройке обшивка сайдингом аналогичного или других цветов (белый, коричневый разных оттенков). В этом же стиле обычно оформляют ворота и изгороди.

Ярким декоративным элементом является резьба ворот и наличников. Декорирование наличников остается актуальным и самобытным элементом украшения усадьбы. В декоре наличников встречаются как ранние типы орнамента и резьбы, так и современные – в виде росписи красками или достигающиеся за счет декора кладки сочетания кирпича красного и белого цветов. Рассмотрим выявленные типы домовой резьбы.

1. Дощатые выкрашенные белой, синей или зеленой краской наличники без резьбы и декора. Они относятся к раннему типу наличников.

2. Среди ранней постройки встретились наличники с простой, но изысканной выпиленной резьбой доски в некоторых местах по периметру наличника и выкрашенные в белый цвет (фото 17).

3. Наличники с глухой резьбой, выполненные долотом, где солярные розетки и полурозетки сделаны в технике трехгранно-выемчатой и ногтевидно-выемчатой резьбы (фото 18). Исследователи относят этот тип резьбы к наиболее ранним. Он встречается в д. Порым на старой застройке жилища типа изба+сени+изба, и отмечен на доме примерно этого же периода в д. Нижний Тыловай (Крещеный Тыловай). Вероятно, был выполнен одним мастером. Эти наличники имеют ставни. Наряду с таким типом резьбы среди элементов декора в старых наличниках, или в сочетании с трехгранно-выемчатой и ногтевидно-выемчатой резьбой изредка ещё встречается плосковыямчатая резьба из прямых линий, ромбов, прямоугольников. Эти типы глухой резьбы характерны для наиболее ранних типов застройки.

4. Популярны наличники с пропильной резьбой разной сложности орнамента (геометрический,

Фото 17. Наличники с выпиленной по периметру резьбой, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Фото 18. Наличники с глухой резьбой и ставнями, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

Фото 19. Пропильно-накладная резьба наличников, д. Порым. Фото Поповой Е. В., 2018 г.

растительный). Узор достигается за счет удаления фона в виде сквозных орнаментов, сделанных ножовкой, лобзиком или сверлом. Наличники или элементы декора часто имеют разные сочетания узоров. В таком случае узор просматривается за счет сквозного фона. Другой способ, когда пропиливается узор, но фон остается целым. В данной технике пропильной резьбы выполняются сами наличники, их края, карнизы домов.

5. Накладная резьба образуется за счет ажурных пропильных деталей, наложенных на гладкую доску наличника. Накладные элементы – ромбы разной конфигурации, квадраты, прямоугольники, более сложные многосоставные геометрические или растительные орнаменты накладываются на доску наличника. Декоративность и сложность орнамента в данном случае достигается не за счет прорезей, контурности резьбы и её окраски в другой цвет, чем сам наличник. Сложность орнамента получается и за счет сочетания разных узоров, выполненных по трафарету или вырезанных отдельных деталей (геометрических, растительных орнаментов).

6. Пропильно-накладная резьба, пожалуй, самый распространенный тип в оформлении наличников деревни (фото 19). Выпиленная накладная резьба орнамента накладывается или сочетается с деревянной доской (досками) с пропильным орнаментом. Богатый декор наличника достигается и за счет пропильной резьбы отдельных его элементов. Иногда он дополняется вырезанными контурными фигурками.

Среди распространенных видов орнамента – геометрический, растительный, мотивы зооморфного происхождения (птицы), солярная символика, розетки, советская символика (звезды), роспись краской. Несмотря на разнообразие типов резьбы и орнамента, разное время изготовления, всё же резные наличники деревни имеют узнаваемые общие черты.

Сложность орнаментов наличников достигается как за счет монохромного окрашивания красой или защитными материалами древесины, так и за счет полихромности в окраске разных элементов. В одном общем цветовом решении часто выполнена вся усадьба, где декор и цвет наличников определяет всё цветовое решение. Типичным для деревни приемом окрашивания наличников можно назвать сочетание белого и голубого (синего) цветов, где фон обычно темный, а накладные элементы, выполнены белой краской или, наоборот, на белом фоне синие элементы.

Некоторые хозяева выполняли наличники самостоятельно, или заказывали опытным мастерам в деревне. До недавнего времени мастера составляли узоры, беря образцы орнамента со старых наличников, комбинируя разные орнаменты самостоятельно, вырезая с узоров скатертей, обоев и линолеума. В последние годы необходимые орнаменты и шаблоны берут в интернете, часто комбинируя несколько понравившихся элементов.

Сложное и изысканное декоративное оформление усадеб, наличников придает общему виду деревни и улицы своеобразие, монументальность и декоративность при этом сохраняя яркую индивидуальность каждой усадьбы.

Таким образов, внешний осмотр планировочных и архитектурных решений селения, усадеб позволяет говорить, что д. Порым сохраняет разные типы жилой застройки и планировки, в том числе и ныне редкие. Это связано как с характером бытования в деревне наиболее распространенных у кряшен типов жилища и построек, так и сохранением усадеб, построенных в разное время. Близость к с. Грахово как важному прежде и позже административному, экономическому центру, центру прихода привнесла в селение и «современные» для своего времени типы жилища (пятистенки, дома с пристроем, веранды), что отчасти связано и с уровнем экономического состояния самого кряшенского селения. Особенность селению до настоящего времени придают традиционные типы жилища и отдельные постройки, как, например, клети, ворота, и декор в оформлении усадьбы и наличников. Многие постройки представляют интерес как объекты наследия, уже редкие типы архитектуры, и требуют скорейшего изучения и описания. Современные материалы и технологии, изменения в структуре хозяйства, составе семей привносят свои новации в сельскую архитектуру. Этническая особенность селения отмечается в типе поселения, наличие в его черте культовых сооружений (часовни), и в общем архитектурном и планировочном решении усадеб.

Благодарим за беседы, объяснения и помощь в работе экспедиции жителей деревень Порым, Нижний Тыловай и с. Новогорское Граховского района, лично Ю. П. Данилова и М. К. Кулакова.

ЛИТЕРАТУРА

История и культура, 2017 – История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.). Казань, 2017.

Материалы, 1889 – Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VI. Елабужский уезд. Вятка, 1889.

Материалы, Приложения, 1889 – Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VI. Елабужский уезд. Вятка, 1889. Приложения к подворной описи.

Мухаметшин, 1977 – Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены: Историко-этнографическое исследование материальной культуры. М.: Наука, 1977.

Мухаметшин, 1993 – Мухаметшин Ю. Г. Общее и особенное в сельских постройках молькеевских кряшен (структурно-типологическое сопоставление с материальной культурой народов Среднего Поволжья) // Молькеевские кряшены. Казань, 1993. С. 25–57.

Национальный состав, 2005 – Национальный состав населения Удмуртской Республики (итоги Всероссийской переписи населения 2002 года). Ижевск, 2005.

Никитина, 2012(а) – Никитина Г. А. Кряшены // Удмуртская Республика: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 2012. С. 273–284.

Никитина, 2012(б) – Никитина Г. А. Кряшены Удмуртии: этнокультурный портрет // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 3. С. 73–81.

REFERENCES

Istoriya i kul'tura, 2017 – Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.). Kazan', 2017. (in Russian)

Materialy, 1889 – Materialy po statistike Vyatskoj gubernii. T. VI. Elabuzhskij uezd. Vyatka, 1889. (in Russian)

Materialy, Prilozheniya, 1889 – Materialy po statistike Vyatskoj gubernii. T. VI. Elabuzhskij uezd. Vyatka, 1889. Prilozheniya k podvornoj opisi. (in Russian)

Muhametshin, 1977 – Muhametshin Yu. G. Tatary-kryasheny: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noj kul'tury. M.: Nauka, 1977. (in Russian)

Muhametshin, 1993 – Muhametshin Yu. G. Obshchee i osobennoe v sel'skih postrojkah mol'keevskih kryashen (strukturno-tipologicheskoe sopostavlenie s material'noj kul'turoj narodov Srednego Povolzh'ya) // Mol'keevskie kryasheny. Kazan', 1993. S. 25–57. (in Russian)

Nacional'nyj sostav, 2005 – Nacional'nyj sostav naseleniya Udmurtskoj Respubliki (itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 goda). Izhevsk, 2005. (in Russian)

Nikitina, 2012(a) – Nikitina G. A. Kryasheny // Udmurtskaya Respublika: Istoriko-etnograficheskie ocherki. Izhevsk, 2012. S. 273–284. (in Russian)

Nikitina, 2012(b) – Nikitina G. A. Kryasheny Udmurtii: etnokul'turnyj portret // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2012. № 3. S. 73–81. (in Russian)

ПМА, 2007 – Полевые материалы автора, д. Порым, Граховский район Удмуртии, 2007.

ПМА, 2014 – Полевые материалы автора, д. Порым, Граховский район Удмуртии, 2014.

Попова, 2009 – Попова Е. В. Современные процессы межэтнического и межкультурного взаимодействия у удмуртов – жителей смешанных селений // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 132–159.

Справочник, 1995 – Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. Ижевск, 1995.

Шкляев, 2003 – Шкляев Г. К. Кряшены Удмуртии. Современное социальное и психологическое состояние этноса // Феномен Удмуртии. М.; Ижевск, 2003. Т. 3. Кн. 3. С. 578–583.

Этнотерриториальные группы татар, 2002 – Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2002.

PMA, 2007 – Polevye materialy avtora, d. Porym, Grahovskij rajon Udmurtii, 2007. (in Russian)

PMA, 2014 – Polevye materialy avtora, d. Porym, Grahovskij rajon Udmurtii, 2014. (in Russian)

Popova, 2009 – Popova E. V. Sovremennye processy mezhetnicheskogo i mezhkul'turnogo vzaimodejstviya u udmurtov – zhitelej smeshannyh selenij // Opyt vzaimodejstviya i vzaimnoj adaptacii v etnicheski smeshannyh seleniyah Uralo-Povolzh'ya. M.: IEA RAN, 2009. S. 132–159. (in Russian)

Spravochnik, 1995 – Spravochnik po administrativno-territorial'nomu deleniyu Udmurtii. 1917–1991 gg. Izhevsk, 1995. (in Russian)

Shklyaev, 2003 – Shklyaev G. K. Kryasheny Udmurtii. Sovremennoe social'noe i psihologicheskoe sostoyanie etnosa // Fenomen Udmurtii. M.; Izhevsk, 2003. T. 3. Kn. 3. S. 578–583. (in Russian)

Etnoterritorial'nye gruppy tatar, 2002 – Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ih formirovaniya. Istoriko-etnograficheskij atlas tatarskogo naroda. Kazan', 2002. (in Russian)

E. V. Popova

MODERN RURAL BUILDINGS OF KRYASHENS IN UDMURTIA: CONSTRUCTION, PLANNING AND DECORATIVE SOLUTIONS

The article deals with the traditional and modern planning of farm buildings and their special architectural features, as well as types of dwellings, building materials and construction techniques of Kryashens in Udmurtia. The article is based on the expedition material collected in the village of Porym in 2018. The rural buildings in question include dwellings of different times from the mid-twentieth century, the 1960s and mainly the 1970-80s, semi-detached houses of collective farm buildings and modern cottage type houses. The main part of the farm buildings retains old layout, including traditional structures – barns, sheds and cattle yards. Many buildings cause interest as both heritage objects and rare types of architecture. Modern materials and technologies as well as changes in the structure of economy and family bring innovations into the rural architecture. The ethnic feature of the village is marked up in the type of settlements and is present in the features of religious buildings (chapels), in architectural and planning decisions of farmsteads.

Keywords: Kryashens, dwelling, farm building, settlement, innovations in village architecture, ethnic features.

Попова Елена Васильевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
(Ижевск, Россия)
elvpopova@yandex.ru

Popova Elena Vasilyevna,
PhD in History, Senior Researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Researcher Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)
elvpopova@yandex.ru

УДК 902 (470.5); 904

А. И. Тузбеков

КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВЫХ САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ВОКРУГ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Начатая в 2013 г. работа над проектом «Археологические памятники Южного Урала как объекты сакрализации» позволила сотрудникам Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН выявить более сотни археологических памятников, имеющих признаки сакрализации. Выражается это в виде проведения всевозможных ритуалов, повязывании ленточек, платков, подношения монет и иных символов. В последующем из года в год на Южном Урале фиксировался рост количества таких объектов. Информация о памятниках, известная прежде лишь археологам, придавалась широкой огласке, далее они становились «брендом» используемым как приверженцами новых религиозных движений, так и представителями, исповедующими традиционные религии. Проведенные исследования позволили установить крайнюю неравномерность распределения «святых мест» в пределах региона и выделить некоторые сакральные локусы, связанные в основном с курганами. Удалось также выявить, что региональная специфика описываемых процессов заключается в стихийности формирования сакрального объекта и конструировании искусственных, заведомо ложных представлений, поддерживаемых при этом духовенством и властными структурами. Довольно часто базовыми проводниками процессов сакрализации выступают неоязычники, представители новых религиозных движений и маргинальные религиозные объединения (так называемые секты). В последние годы фиксируются продолжающиеся процессы сакрализации памятников и включения в него все новых археологических объектов. Проведенные полевые исследования, анализ научной литературы, групп в социальных сетях и др. позволили выделить характерные признаки сакрализации памятников, установить основных инициаторов и участников процесса. На основе полученных данных выделены отдельные модели, сгруппированные в последующем в три достаточно универсальных для Южного Урала направления сакрализации археологических памятников.

Ключевые слова: Южный Урал, сакрализация, археологические памятники.

Предгорья Южного Урала являются естественной северо-западной границей Великого пояса степей в Волго-Уральском регионе, поэтому любые миграции из среднеазиатского и Саяно-Алтайского региона в древности неизбежно упирались в горный массив хребта Урал-тау. Наличие в южноуральском регионе ландшафтно обусловленных меридиональных связей (хребты Урал-тау, Ирендык и Крыкты, реки Сакмара и Урал) с южными и восточными территориями привели к образованию в регионе, начиная с эпохи бронзы и заканчивая этнографическим временем, чересполосной системы расселения. Исторически сложившаяся система межкультурного взаимодействия определила специфику пространственного распространения объектов археологического наследия. При этом формирующаяся этнокультурная мозаичность детерминирована природно-географическим факторами – барьерными ландшафтами.

На сегодняшний день объекты археологического наследия на Южном Урале рассматриваются как духовная составляющая идентичности, а в некоторых случаях, как составная часть этнической истории населения региона. Если последний тезис

является предметом достаточно продолжительной дискуссии (археологическая культура и этнос, соотношение археологических и этнографических данных), то изучение проблемы использования объектов археологии в ритуальной духовной практике этнических групп населения до недавнего времени не являлось предметом отдельных исследований.

На рубеже XX–XXI вв. исследователями повсеместно фиксируются, в том числе и на Южном Урале, результаты формирования новых сакральных объектов, среди которых выделяются комплексы, возникшие вокруг археологических памятников.

Начиная с середины XX в., в научных отчетах ученые регулярно отмечали наличие элементов сакрализации на археологических памятниках Южного Урала (см. напр.: [Садыкова, 1958, с. 6; Обыденнов и др., 1977, с. 2; Гарустович, 1987, с. 37–39] и др.), но им не придавалось особого значения. Значимой работой в этом направлении стала статья Н. С. Савельева [Савельев, 2012]. В публикации рассматриваются малые культовые объекты Башкирского Зауралья, предлагается вариант их типологизации и описываются наиболее распространенные случаи включения древних курганов в ритуальную сферу современного населения региона. В работах Д. Г. Здановича, Е. В. Куприяновой, Ф. Н. Петрова характеризуются процессы оформления новых «святых мест» и формирования неомифологии вокруг укрепленного поселения бронзового века Аркаим [Зданович и др., 2008; Куприянова, 2014; Петров, 2015]. Подробную характеристику и классификацию надмогильных сооружений, а также описание их включения в культовую практику тюрков Казахстана находим также и в работе казахского исследователя С. Е. Ажигали [Ажигали, 2002]. В работах В. А. Шнирельмана на примере укрепленного поселения Аркаим прослеживаются процессы конструирования представителями различных групп населения исторического наследия [Шнирельман, 2015(а); Шнирельман, 2015(б)]. Большой интерес в рамках исследуемой нами проблемы представляют работы А. Б. Юнусовой, А. Г. Селезнева, З. Г. Аминева, в которых рассматриваются вопросы ассоциированности большей части новых сакральных комплексов с яркими, получившими широкий резонанс в общественном дискурсе археологическими памятниками, на основе которых строится мифология истории, новые идеологии и обрядовая практика [Юнусова, 2015; Селезнев, 2013; Селезнев, Селезнева, 2017; Аминев, 2008].

Даже беглый обзор литературы показывает «точечное» восприятие исследователями процессов сакрализации археологических объектов на Южном Урале (один объект – одно сакральное пространство), где наиболее известные – городище Аркаим, Ахуновские менгиры и т.д. Между тем данные, полученные нами в ходе полевых работ 2013–2017 гг., указывают на то, что процессы сакрализации пространств вокруг археологических памятников явление не частное, а широко распространенное, включающее с каждым годом все большее количество объектов. Только на территории Республики Башкортостан в 2013–2015 гг. археологами ИЭИ УФИЦ РАН зафиксировано 113 археологических памятников, являющихся местами паломничества. В большинстве случаев, это каменные курганы, курганные могильники и каменные выкладки диаметром от 2,5 до 7 м. Более 70% из них находятся в восточных предгорьях хребта Уралтау и лесостепном Приуралье. Они расположены в основном на возвышенностях и сопках вблизи (от 1 до 5 км.) населенных пунктов, основанных не позднее XIX в. с преимущественно башкирским населением. Наиболее посещаемые памятники находятся на вершинах одиноких гор или возвышенностей. Проведенный по результатам изучения сакрализованных памятников анализ показывает, что объект, первоначально связанный с некими архаичными представлениями населения (например, культ война у башкир), в последующем становится объектом поклонения мусульман и может перейти в разряд «могилы святого». По мере распространения информации часть памятников внедряется в сферу интересов представителей традиционных религий, неоязычников и новых религиозных движений.

Ранее проведенные исследования позволили выделить несколько моделей сакрализации объектов археологии [Ахатов и др., 2016], но обнаружение новых памятников и более детальное изучение признаков сакрализации показал ряд схожих черт. На основе зафиксированных признаков (табл. 1) нами предлагается выделить 3 достаточно универсальных направления сакрализации археологических объектов на Южном Урале:

1. Ислам в формировании святых мест.

2. Новые религиозные движения в поиске «мест силы».

3. Архаичные культы и археологические памятники.

Таблица 1

Признаки сакрализации археологических памятников на Южном Урале

Перечень признаков сакрализации ОАН	Направ-ление 1	Направ-ление 2	Направ-ление 3
Стела на ОАН (с именем святого, надписями на арабском или тюрки, полумесяцем)	+		
Культовое сооружение ассоциированное с ОАН	+		
Каменная выкладка (обо) ориентирующая памятник на Каабу	+	+	
Регулярные богослужения и коллективные молитвы по религиозным праздникам	+		
Жертвоприношения (монеты, лоскутки ткани, мыло)	+	+	+
Облагороженный «святой источник» вблизи ОАН	+	+	
Следы многократного обхода ОАН	+	+	+
Восстановленная каменная выкладка или насыпь в пределах ОАН	+	+	+
Очаг-жертвенник		+	
Установка идола		+	
Оборудованная ритуальная площадка		+	
Разрушение элементов ОАН в ритуальных целях		+	
Действия ритуального характера на ОАН инициированные представителями НРД		+	
Новая легенда или миф о памятнике (не известный местному населению)		+	
Архаические обряды и культы на памятнике (омывание водой, кровью, лечение животных и т.д.)			+

Далее предлагаем более подробно разобрать эти направления, а в качестве примеров привести археологические памятники, подвергшиеся сакрализации и наиболее ярко характеризующие каждую тенденцию.

Направление 1. Ислам в формировании святых мест.

Начиная с X–XI в., на территории Южного Урала начал распространяться ислам [Гарустович, 2011], в XIV в. элементы язычества в регионе встречаются уже как пережитки, а большинство погребений совершено по мусульманскому обычаю [Гарустович, 1986; Гарустович, 1991]. Ввиду существовавших традиционных торгово-экономических и культурных связей народов Южного Урала с населением Центральной Азии, распространение ислама шло из региона, бывшего ареалом распространения самобытной мусульманской культуры, которую можно охарактеризовать как синтез суннитского ислама ханафитского толка и суфийской формы его бытования. С другой стороны, мирное проникновение ислама на территорию Южного Урала стало возможным благодаря индивидуальной миссионерской деятельности суфиев. Среди башкир активную миссионерскую деятельность проводили шейхи братства Иасавийа (XIV–XV вв.) и братства Накшбандийа-Муджаддидийа (XVIII–XIX вв.) [Аминев, Ямаева, 2009, с. 108]. Начиная с XIV в. для башкир-мусульман характерной особенностью стал культ ишанов (руководителей суфийских тарикатов) – почитание их в качестве святых, а могил ишанов – в качестве святых мест, где совершаются поклонения и жертвоприношения. Культ ишанов был обусловлен приписываемой им способностью творить чудеса (караматы), исцелять, предвидеть будущее [Юнусова, 2015, с. 106].

В настоящее время объекты почитания и паломничества связанные с культом святых (аулия) широко распространены по всей территории Южного Урала. При этом часть элементов почитания или целые комплексы связаны с памятниками археологии. Примером могут послужить Ильчигуловский IV курганный могильник (Признаки №№1-2, 4-8) [Тузбеков, Бахшиев, 2015], одиночный курган Сураманово-1 (Признаки №№ 1, 4-5, 7-8), Махмутово-2, одиночный курган (Признаки №№ 3, 5, 7-8) [Тузбеков, Бахшиев, 2013], мавзолеи Хусейн-бека, Тура-хана, Бэндебике (Признаки №№ 4-5, 7). Процесс сакрализации данных памятников описан в предыдущих работах [Ахатов и др., 2016].

Направление 2. Новые религиозные движения в поиске «мест силы».

Одной из причин начала процесса сакрализации объектов культурного наследия не только в отдельно взятых населенных пунктах и районах, но и на всей территории Южного Урала является появление и активное распространение новых религиозных движений в конце XX – начале XXI вв. Признаки включения археологических объектов в их сферу интересов в основном выражается в виде проведения всевозможных ритуалов, повязывании ленточек, платков, подношении монет и иных символов. Примером могут послужить курганный могильник Махмутово-3, каменная выкладка Ишкулово-6 (Признаки №№ 3, 5, 7-8), Кара-Якуповское городище (Признаки №№ 6, 13, 14). Из года в год на Южном Урале наблюдается рост количества памятников, отнесенных к данному направлению, в основном они привлекают небольшие группы паломников или людей, желающих обрести «силу». Большую роль в сакрализации памятников в рамках данного направления играют последователи движения «Ата жолы» (Путь предков) или «Орда» (запрещена на территории РФ с 2011 г.) [Тузбеков, Бахшиев, 2013], а так же приверженцы многочисленных НРД объединенных вокруг харизматичных лидеров [Тузбеков, 2018].

Направление 3. Архаичные культы и археологические памятники.

К моменту проникновения ислама на территорию расселения башкир их духовно-религиозная жизнь отличалась большим разнообразием. Начиная с эпохи бронзы, здесь сосуществовали различные культурно-идеологические системы, среди которых выделялись древнеиранская мифология и огромный пласт древнетюркских верований (поклонение природе, культ предков, обожествление неба – тенгрианство). Взаимодействие разных культурных традиций неизбежно порождало синкретизм, характерный для всего доисламского культурного слоя [Аминев, Ямаева, 2009, с. 160].

Одним из распространенных культов среди тюркских народов Южного Урала является *культ воина-защитника.* В представлении населения воин-защитник, некогда захороненный у населенного пункта, в случае угрозы выходит из могилы и защищает их. Культ воинов-защитников, погребенных в курганах, достаточно широко распространен в южных и юго-восточных районах Республики Башкортостан, особенно у жителей населенных пунктов, близ которых расположены хорошо выраженные в рельефе курганные насыпи и/или естественные возвышенности их напоминающие. Примером культа почитания воина-защитника служат курганные некрополи Учалинского района Республики Башкортостан – Кантубинские II курганы, курганный могильник Калуево-1 (Признаки №№ 8,15) и др. [Тузбеков, Бахшиев, 2013].

Значительное место в верованиях тюркских народов Южного Урала занимает *культ, связанный с почитанием гор,* где особую роль играют горы, на вершинах которых находятся археологические памятники. Ярким примером проявления данного культа служит гора Тура-тау, на вершине которой расположено городище (Признаки №№ 5, 15). Академик И. И. Лепехин, путешествуя по Башкирии в XVIII в., отмечал, что юрматинские башкиры с особым трепетом относятся к горе Тура-тау: «Башкирцы к горе сей имеют особливое почтение, и почитают её за освящённое место. В старину, по их сказкам, жительствовал на ней нагайский хан со своим семейством, а после служила она прибежищем богобоязливым и уединённым мусульманам, которых они угодниками называют» [Лепехин, 1772, с. 31–32]. Во второй половине XX – начале XXI вв., вершина горы была многократно обследована археологами. Ими зафиксированы остатки рва, в шурфах обнаружены многочисленные фрагменты кальцинированных костей и керамики, относящиеся к кушнаренковской, кара-якуповской чияликской культурам, также были найдены монеты XVIII, XIX, XX вв. Современное население до сих пор с почтением относится к горе Тура-тау. Ежегодно у подножья горы организуются национальные и календарные праздники. В 2014 г. на склоне горы была установлена могильная плита с якобы мусульманской надписью, но без имени «погребенного». Вероятно, подобными действиями определенная религиозная группа пытается переформатировать знаковый объект известный для большего количества людей как место захоронения только известного им святого, тем самым легитимизируя свое религиозное течение.

К проявлению описанного выше культа можно отнести также верования связанные с горой Югамаш (Янаульский район), на вершине которой находится *Югамашевское III городище* (Признаки №№ 5, 15) [Тузбеков, Колонских, 2016, с. 120].

При проведении исследований памятников археологии Южного Урала, в особенности погре-

бального типа, ученые довольно часто отмечают существование у населения *культа почитания богатыря-великана (Алпамышы)*, который якобы похоронен в удлиненных насыпях или каменных выкладках вытянутых форм. Наличие подобных представлений фиксируется практически по всей территории региона. Например, в населенных пунктах, расположенных вблизи Кромлеха Ахуново, Бакалинских курганов, Кушманакского грунтового могильника, Казангуловского кургана (Признаки № 15) и т.д.

Подводя итоги, отметим, что:

1. Археологические памятники, являясь органическими элементами историко-культурных и природных ландшафтов, до настоящего времени продолжают занимать важное место в обрядовой практике населения Южного Урала. Элементы сакрализации отдельных мест знакомы исследователям еще с периода первобытных обществ: под воздействием сверхъестественных сил в представлении людей освещалось определенное место, которое в дальнейшем преобразовывалось в культовое, наделялось сакральным смыслом и выделялось в отдельную территорию. Существование подобных пространств было обусловлено потребностью в реализации духовных представлений человека и играло одну из важнейших ролей в мировосприятии людей. Сакральные объекты и пространства сохраняли преемственность и каждая новая группа людей, осваивающая территорию, создавала свои. А, осознавая значение существующих, сооружала на них собственные храмово-ритуальные комплексы [Жерносенко, Батурина, 2013], интерпретируя их уже в рамках своих духовных воззрений, включала в собственные религиозные представления, наслаивая свой культурный текст поверх предыдущего, не разрушала, а дополняла его. Поэтому выделенные направления сакрализации археологических объектов весьма условны, их границы размыты. Сложности даже первичной классификации заключаются в активной трансформации представлений о святости объекта. В одном объекте могут сочетаться признаки нескольких видов сакрализации – аулия, лечебная и метеорологическая магия, древние представления и верования народов Южного Урала. Даже предварительная статистическая обработка материалов и картографирование комплексов указывает на чрезвычайную пестроту, динамичность и сложность происходящих процессов, обусловленных, вероятно, высокой чувствительностью к внешним регуляторам.

2. Для большинства обследованных в Башкирии археологических объектов характерна стихийность формирования сакрального ареала, порой конструирование абсолютно искусственных представлений, поддерживаемых при этом мусульманским духовенством и часто властными структурами – могила Урал-батыра, могила Ермака, могила Сахабов на горе Нарыстау, могила святого на горе Ауштау и др.

3. Недостаточно полное освещение средствами массовой информации результатов исследований, проводимых учеными, зачастую приводит к тому, что среди населения формируются ошибочные представления об археологических памятниках. На основе субъективных взглядов отдельных личностей, посредством социальных сетей и иных медиаресурсов распространяется заведомо необъективная информация, вследствие чего создаются новые туристические и паломнические маршруты на археологические объекты и приуроченные к ним комплексы поклонения (обустроенные родники, культовые здания и сооружения).

4. Включение новых, не исследованных в полной мере археологических объектов, в туристические и паломнические маршруты и бесконтрольное посещение археологических объектов ведет к дополнительным антропогенным нагрузкам на памятники, что зачастую выражается в значительном преобразовании как самого места, так и его окружения, а в крайних случаях может привести и к его полному разрушению.

ЛИТЕРАТУРА

Ажигали, 2002 – Ажигали С. Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии: памятники Аральско-Каспийского региона. Алматы: Гылым, 2002. 654 с.

Аминев, 2008 – Аминев З. Г. О поклонении башкирами-мусульманами могилам святых (әүлиә) // Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыс-

REFERENCES

Ahatov, Bahshiev, Tuzbekov, 2016 – Ahatov A. T., Bahshiev I. I., Tuzbekov A. I. Rol arheologicheskih obektov v formirovanii novyh sakralniyh prostranstv Yuzhnogo Urala // Uralskiy istoricheskiy vestnik. 2016. № 4 (53). Pp. 33–42. (in Russian)

Aminev, 2008 – Aminev Z. G. O poklonenii bashkirami-musulmanami mogilam svyatih (awliya) // Zaynulla

литель-философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира. Уфа: РИЦ БГУ, 2008. С. 10–15.

Аминев, Ямаева, 2009 – Аминев З. Г., Ямаева Л. А. Региональные особенности ислама у башкир. Уфа: Дизайн-ПолиграфСервис, 2009. 184 с.

Ахатов и др., 2016 – Ахатов А. Т., Бахшиев И. И., Тузбеков А. И. Роль археологических объектов в формировании новых сакральных пространств Южного Урала // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 33–42.

Гарустович, 1986 – Гарустович Г. Н. Раннемусульманские погребальные памятники и вопрос о распространении ислама в Южно-Уральском регионе (к постановке проблемы) // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа. 1986. С. 77–81.

Гарустович, 1987 – *Гарустович* Г. Н. *Отчет* об *археологических работах* в *Мелеузовском*, *Кугарчинском*, *Чишминском*, Миякинском, *Бижбулякском* и Зианчуринском районах Башкирской АССР в 1986 году. Уфа. 1987 // Личный архив автора. Б/н.

Гарустович, 1991 – Гарустович Г. Н. Распространение ислама в Южноуральском регионе // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. Уфа. 1991. С. 26–27.

Гарустович, 2011 – Гарустович Г. Н. Погребальный обряд Бакалинского курганного могильника эпохи средневековья // Уфимский археологический вестник. 2011. № 11. С. 80–95.

Жерносенко, Батурина, 2013 – Жерносенко И. А., Батурина М. М. Комплексные исследования священных объектов Каракольской долины // Karadeniz – Black Sea – Черное море. 2013. № 20. С. 128–148.

Зданович и др., 2008 – Зданович Д. Г., Куприянова Е. В., Петров Ф. Н. Археология в современной культуре России (региональные аспекты). Челябинск, 2008. 108 с.

Куприянова, 2014 – Куприянова Е. В. Заповедник «Аркаим» и проблемы популяризации археологии на Южном Урале // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 12 (341). История. Вып. 60. С. 22–29.

Лепехин, 1772 – Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. СПб., 1772. С. 31–32.

Обыденнов и др., 1977 – Обыденнов М. Ф., Латыпов Ф. Ф., Исмагилов Р. Б. Отчет об археологических исследованиях в южных районах БАССР в 1976 г. Уфа. 1977 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Б/н.

Rasulev – vydayuchiysa bashkirskiy mislitel – filosof, teolog i pedagog-prosvetitel musulmanskogo mira. Ufa: RIC BGU, 2008. Pp. 10–15. (in Russian)

Aminev, Yamaeva, 2009 – Aminev Z. G., Yamaeva L. A. Regionalniye osobennosti islama u Bashkir. Ufa: Dizajn-PoligrafServis, 2009. (in Russian)

Azhigali, 2002 – Azhigali S. E. Arhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kultury Evrazii: pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona. Almaty: Gilim, 2002. (in Russian)

Garustovich, 1986 – Garustovich G. N. Rannemusulmanskie pogrebalnye pamyatniki i vopros o rasprostranenii islama v yuzhnouralskom regione (K postanovke problemy) // Istochniki po istorii i kulture Bashkirii. Ufa, 1986. Pp. 77–81. (in Russian)

Garustovich, 1991 – Garustovich G. N. Rasprostranenie islama v Yuzhnouralskom regione // Problemy duhovnoy kultury tyurkskih narodov SSSR. Ufa, 1991. Pp. 26–27. (in Russian)

Garustovich, 1987 – Garustovich G. N. Otchet ob arheologicheskih rabotah v Meleuzovskom, Kugarchinskom, Chishminskom, Miyakinskom, Bizhbulyakskom i Zianchurinskom rayonah Bashkirskoj ASSR v 1986 g. Ufa, 1987. (in Russian)

Garustovich, 2011 – Garustovich G. N. Pogrebalnyy obryad Bakalinskogo kurgannogo mogilnika epohi srednevekovya // Ufimskiy arheologicheskiy vestnik. 2011. № 11. Pp. 80–95. (in Russian)

Kupriyanova, 2014 – Kupriyanova E. V. Zapovednik «Arkaim» i problemy populyarizacii arheologii na Juzhnom Urale // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 60. Pp. 22–29. (in Russian)

Lepehin, 1772 – Lepehin I. I. Dnevnye zapiski puteshestvija doktora Akademii nauk adyunkta Ivana Lepehina po raznym provinciyam Rossiyskogo gosudarstva. Part. 2. SPb., 1772. Pp. 31–32. (in Russian)

Obydenov, Latypov, Ismagilov, 1977 – Obydenov M. F., Latypov F. F., Ismagilov R. B. Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah v Yuzhnyh rayonah BASSR v 1976 g. Ufa, 1977. (in Russian)

Petrov, 2015 – Petrov F. N. Poseleniye Arkaim v nauchnoy i nauchno-populyarnoy literature // Rossiyskaja arheologiya. 2015. № 2. Pp. 167–176. (in Russian)

Sadykova, 1958 – Sadykova M. H. Sarmatskie pamyatniki na territorii Karmaskalinskogo i Fedorovskogo rayonov. 1958. (in Russian)

Savelev, 2012 – Savelev N. S. Malye kultovye obekty Yuzhnogo Urala: ot arheologii k etnograficheskoy sovremennosti // Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (s drevnejshih vremen do serediny XVI v.). Ufa: IIYAL UNC RAN, 2012. Pp. 128–166. (in Russian)

Петров, 2015 – Петров Ф.Н. Поселение Аркаим в научной и научно-популярной литературе // Российская археология. 2015. № 2. С. 167–176.

Савельев, 2012 – Савельев Н. С. Малые культовые объекты Южного Урала: от археологии к этнографической современности // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Уфа, 2012. С. 128–166.

Садыкова, 1958 – Садыкова М. Х. Сарматские памятники на территории Кармаскалинского и Федоровского районов. 1958 // Архив УФИЦ РАН. Б/н.

Селезнев, 2013 – Селезнев А. Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 111–119.

Селезнев, Селезнева, 2017 – Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Археологические памятники и новые сакральные пространства: иеротопия, хронотоп и глобальная информационная среда // Уральский исторический вестник. 2017. №1 (54). С. 135–143.

Тузбеков, Бахшиев, 2013 – Тузбеков А. И., Бахшиев И. И. О. Объекты археологического наследия Башкирского Зауралья в современной ритуальной практике юго-восточных башкир // Ислам и государство в России сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа. 2013. С. 99–102.

Тузбеков, Бахшиев, 2015 – Тузбеков А.И., Бахшиев И.И. Археологические памятники как объекты сакрализации (на примере могильника Ильчигулово IV) // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2015. № 4. С. 103–107.

Тузбеков, Колонских, 2016 – Тузбеков А. И., Колонских А. Г. Городища Калатау в системе культурных ландшафтов северо-западного Башкортостана // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2016. № 3. С. 117–122.

Тузбеков, 2018 – Тузбеков А. И. Городище у с. Кара-Якупово в Башкирии – новый объект сакрализации археологического памятника // Studia Mythologica Slavica. 2018. № 21. С. 39–49.

Шнирельман, 2015(а) – Шнирельман В. А. Конструирование исторического наследия случай Аркаима // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 53–65.

Шнирельман, 2015(б) – Шнирельман В. А. Археология и религия: вызовы постмодерна // Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях. М: ИЭА РАН, 2015. С. 82–121.

Seleznev, 2013 – Seleznev A. G. Islamskie kulytovye kompleksy astana v Sibiri kak ierotopii: sakralynye prostranstva i religioznaya identichnosty // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2013. № 2 (21). Pp. 111–119. (in Russian)

Seleznev, Selezneva, 2017 – Seleznev A. G., Selezneva I. A. Arheologicheskiye pamyatniki i noviye sakralnye prostranstva: ierotopiya, hronotop i globalnaya informacionnaya sreda // Uralskiy istoriceskiy vestnik. 2017. № 1 (54). Pp. 135–143. (in Russian)

Shnirelman, 2015(a) – Shnirelman V. A. Konstruirovanie istoricheskogo naslediya sluchay Arkaima // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2015. № 2. Pp. 53–65. (in Russian)

Shnirelman, 2015(b) – Shnirelman V. A. Arheologiya i religiya: vyzovy postmoderna // Innovacii v antropologii: novye napravleniya, obekty i metody v rossiyskih antropologicheskih issledovaniyah. Moscow: IEA RAN, 2015. Pp. 82–121. (in Russian)

Tuzbekov, Bahshiev, 2013 – Tuzbekov A. I., Bahshiev I.I. Obekty arheologicheskogo naslediya Bashkirskogo Zauralya v sovremennoy ritualnoy praktike yugo-vostochnyh bashkir // Islam i gosudarstvo v Rossii sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii. Ufa: GUP RB Ufimskiy poligrafkombinat, 2013. Pp. 99–102. (in Russian)

Tuzbekov, Bahshiev, 2015 – Tuzbekov A. I. Bahshiev I.I. Arheologicheskiye pamyatniki kak obekty sakralizacii na primere mogilnika Ilchigulovo IV // Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk. 2015. № 4. Pp. 103–107. (in Russian)

Tuzbekov, Kolonskih, 2016 – Tuzbekov A. I. Kolonskih A. G. Gorodischa Kalatau v sisteme kulturnyh landshaftov severo-zapadnogo Bashkortostana // Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk. 2016. № 3. Pp. 117–122. (in Russian)

Tuzbekov, 2018 – Tuzbekov A. I. Gorodische u s. Kara-Yakupovo v Bashkirii noviy obekt sakralizacii arheologicheskogo pamyatnika // Studia Mythologica Slavica. 2018. № 21. Pp. 39–49. (in Russian)

Yunusova, 2015 – Yunusova A. B. Mobilizovanniy arhaizm: novye tendencii v tradicionnoy religioznoy praktike pokloneniya bashkirskih musulman // Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra RAN. 2015. № 3. Pp. 106–115. (in Russian)

Zdanovich, Kupriyanova, Petrov, 2008 – Zdanovich D.G., Kupriyanova E.V., Petrov F.N. Arheologiya v sovremennoy kulture Rossii (regionalniye aspekty). Chelyabinsk: Krokus, 2008. (in Russian)

Юнусова, 2015 – Юнусова А. Б. Мобилизованный архаизм: новые тенденции в традиционной религиозной практике поклонения башкирских мусульман // Известия Уфимского научного центра РАН, 2015. № 3. С. 106–115.

Zhernosenko, Baturina, 2013 – Zhernosenko I. A., Baturina M. M. Kompleksnye issledovaniya svyashhennyh obektov Karakolskoy doliny // Karadeniz – Black Sea – Черное море. 2013. № 20. Pp. 128–148. (in Russian)

A. I. Tuzbekov

FORMATION OF NEW SACRED SPACES AROUND ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE SOUTHERN URALS

Started in 2013 the work on the project "Archaeological sites of the Southern Urals as objects of sacralization" allowed the staff of R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of the Ufa Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, to identify more than a hundred of archaeological sites bearing some sacralization signs. This is often expressed in the form of carrying out all sorts of rituals, tying ribbons, scarves, offering coins and other symbols. An increase in the number of such facilities has been subsequently previously recorded in the Southern Urals. Information about the sites, initially known only to archaeologists, was given wide publicity, and then it has become a "brand" used by adherents of new religious movements, as well as by representatives of traditional religions. Studies conducted in 2013–2016 allowed establishing the extreme irregularity of the dastribution of "holy places" within the region and identifying some sacral loci that formed mainly around individual burial mounds and burial cemeteries. It was also possible to reveal that the regional specificity of the described processes are as follows: the spontaneity of the formation of a sacred object; the construction of artificial, deliberately false understandings supported by the clergy and authorities. Fairly often, neo-pagans, representatives of new religious movements and marginal religious associations (so-called sects) act as basic conductors of sacralization processes. In recent years, ongoing process of sacralization of sites and the inclusion into him the new archaeological objects have been recorded. The conducted field studies, analysis of scientific literature, groups in social networks etc., allowed identifying the characteristic signs (features) of sacralization of archaeological sites, as well as the main initiators and participants of the process. On the basis of the data obtained, individual models are grouped and subsequently combined into three types of sacralization of archaeological sites that are fairly universal for the Southern Urals.

Keywords: Southern Urals, sacralization, archeological sites.

Тузбеков Айнур Ильфатович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт этнологических исследований
им. Р. Г. Кузеева,
Уфимский федеральный исследовательский центр
Российской академии наук
(Уфа, Россия)
tuzbek.80@mail.ru

Tuzbekov Ajnur Il'fatovich,
PhD in History, Research Associate,
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Ufa, Russia)
tuzbek.80@mail.ru

УДК 902.2

А. Г. Колонских

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА «КУРОЧКИНОЙ ГОРЕ»

В работе представлены результаты обследования местности «Курочкина гора» на территории г. Уфы. Данная местность хорошо известна жителям города, на её территории проводились археологические исследования. В ходе археологической разведки, автором публикации локализован объект археологического наследия «Курочкино городище», открыт новый памятник «Курочкина-гора-2, селище». Курочкино городище выявлено Н. Г. Рутто в 1974 г. в ходе археологической разведки на территории г. Уфы и её окрестностей. Первооткрыватель характеризует памятник как укрепленное поселение, при том, что следов фортификации в ходе обследования обнаружено не было. Вал или ров не были обнаружены в ходе осмотра памятника в 2017 г., что является достаточным основанием для определения данного объекта, как открытого поселения (селища). Повторное обследование городища «Курочкина гора» проведено В. И. Лясовичем в 2015 г. Исследователем обнаружен культурный слой в виде фрагментов керамики с примесью раковины и ямочным орнаментом. Выявленный памятник «Курочкина гора-2, селище» также является неукрепленным поселением, несмотря на топографию, более характерную для городища. Археологический материал представлен фрагментами лепной керамики с примесью раковины или следами выщелачивания раковины. Орнамент представлен ямочными вдавлениями. Собранный археологический материал позволил дать хронологическую атрибуцию осмотренным объектам и установить их культурную принадлежность. В соответствии с аналогиями керамического комплекса раннекара-абызского населения на близлежащей территории среднего течения р. Белой, поселения на Курочкиной горе функционировали в эпоху раннего железного века. Предположение Н. Г. Рутто о присутствии средневековых материалов на городище «Курочкино гора» не подтвердилось. Проведенные археологические исследования 2017 г. дают основание изменить наименование объекта «Курочкина городище» на «Курочкина гора-1, селище».

Ключевые слова: Курочкина гора, поселение, селище, керамика, ранний железный век, кара-абызская культура, Уфимский полуостров.

История изучения археологических памятников на Курочкиной горе начинается в 1974 г. В ходе обследования г. Уфы и её окрестностей Н. Г. Рутто выявлен ОАН «Курочкино городище» [Рутто, 1974, с. 4, 11, рис. 7]. В соответствии с описанием автора проводимых работ, поселение находится на северо-восточной окраине г. Уфы в 200 м к востоку от пос. Курочкино на тупом мысу горы, носящей название «Курочкина гора» (рис. 1). С поверхности собрано 40 фрагментов керамики светло-желтого цвета, толщиной 6-8 мм, с примесью шамота и гальки в тесте. Обследование территории памятника не позволило обнаружить следов оборонительных сооружений. По мнению Н. Г. Рутто, вал не был обнаружен потому, что территория городища ранее распахивалась, а в момент исследования оказалась засажена деревьями. На площадке памятника был заложен шурф, который выявил мощность культурного слоя городища равную 0,8 м при том, что его насыщенность характеризуется обнаруженными в шурфе 4 фрагментами керамики по фактуре и внешнему виду аналогичных подъемному материалу (рис. 2). Из-за большой фрагментарности и отсутствия орнамента культурную принадлежность исследованного памятника определить не удалось.

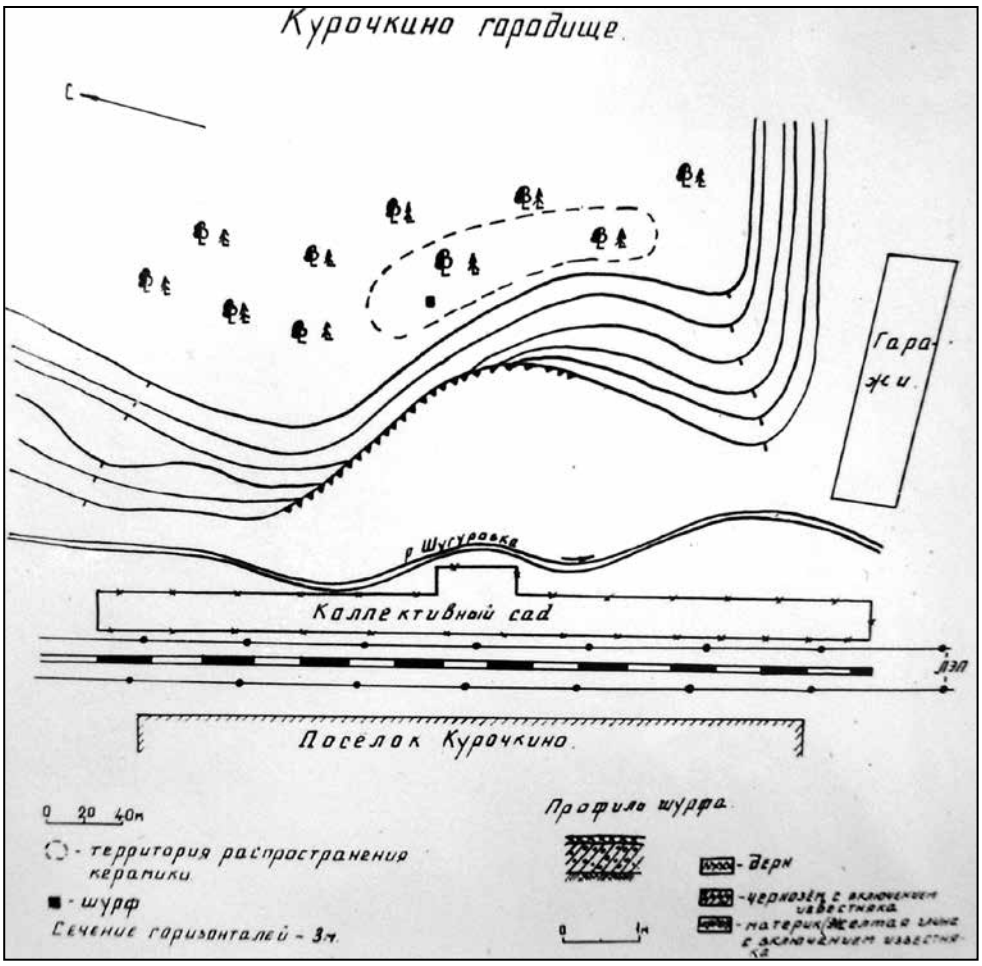

Рис. 1. Топографический план ОАН «Курочкино городище» [Рутто, 1974]

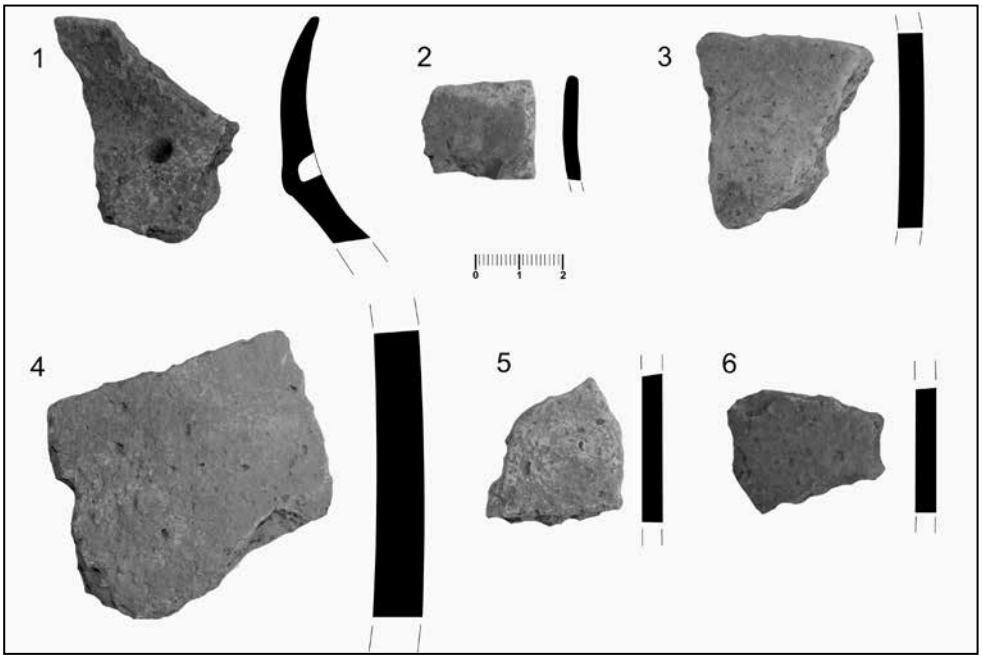

Рис. 2. Материалы коллекции Курочкино городище [Рутто, 1974] // Фонд МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

Дальнейшие упоминания о городище на Курочкиной горе встречаются в справочных изданиях: «Каталог памятников археологии Башкирии» [Каталог, 1982, с. 37] и в «Каталоге археологических коллекций Музея археологии и этнографии» [Каталог, 1994, с. 94–95]. В основе данных упоминаний лежат археологические исследования, проведенные Н. Г. Рутто на территории местности Курочкина гора.

Повторное обследование памятника в 2015 г. провел В. И. Лясович [Лясович, 2015, с. 34]. В ходе осмотра на площадке памятника был собран подъемный археологический материал, представленный 29 фрагментами лепной керамики орнаментированной ямочными вдавлениями (рис. 3). Автор отнес находки керамическому комплексу кара-абызской культуры. Исследование В. И. Лясовича является попыткой локализации территории памятника на фоне современного ландшафта. При этом автору не удалось точно сопоставить границы памятника с данными Н. Г. Рутто. В основном это связано с ошибочной локализацией территории археологического объекта обследованного в 1974 г. Какие-либо следы фортификационных сооружений, в виде вала, рва или их сохранившихся фрагментов на площадке памятника В. И. Лясовичем также обнаружены не были.

В 2017 г. местность под названием «Курочкина гора» вновь была подвергнута археологическому исследованию автором данной публикации. Перед проведением разведочных работ были сформулированы следующие задачи исследования:

1) локализация границ ОАН «Курочкино городище» и сопоставление имеющихся данных о территории распространения археологического материала;

2) поиск оборонительных сооружений;

3) культурно-хронологическая атрибуция материалов памятника.

В результате археологический памятник «Курочкино городище» был обнаружен. Границы распространения археологического материала, в ходе археологической разведки значительно расширены, за счёт находок керамического материала практически на всей северо-западной оконечности горы, включая пологие склоны, ведущие к её вершине (рис. 4, 5).

Объект находится в северо-западной части «Курочкиной горы», представленной коренной террасой водораздела р. Уфы и р. Шугуровки. Памятник расположен в 250 м юго-западнее телевышки и в 350 м северо-восточнее перекрестка бульвара Плеханова и улицы Адмирала Ушакова, на левом берегу р. Шугуровки. Площадка памятника неровная, представляет собой пологий склон от вершины «Курочкиной горы», задернована и покрыта широколиственным лесом. По территории памятника проходят тропинки, зафиксированы следы устройство пикников.

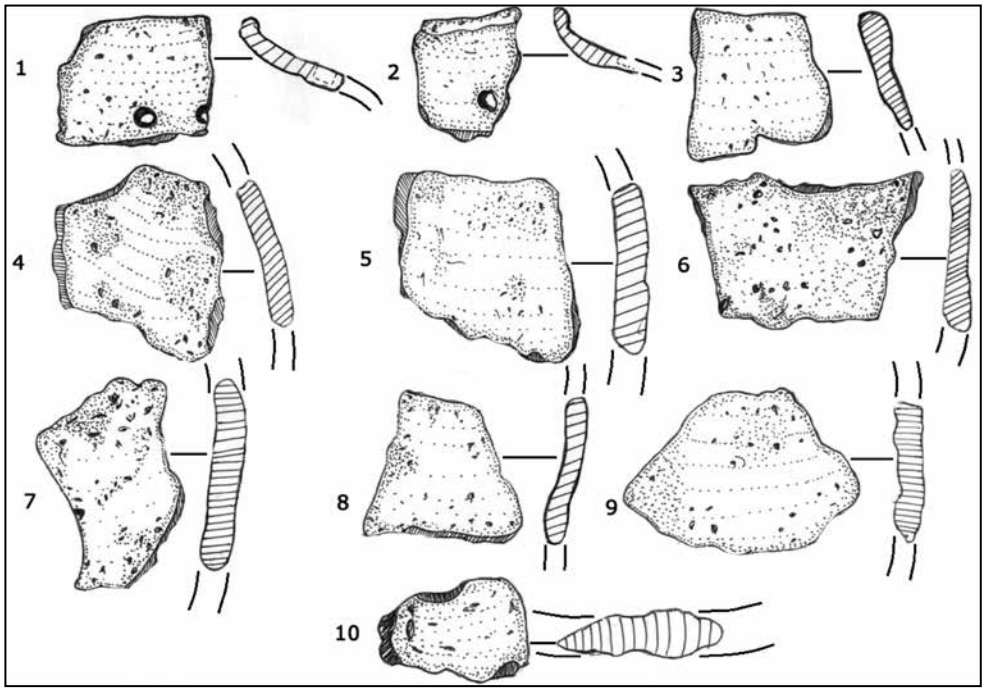

Рис. 3. Случайные находки на Курочкином городище [Лясович, 2015]

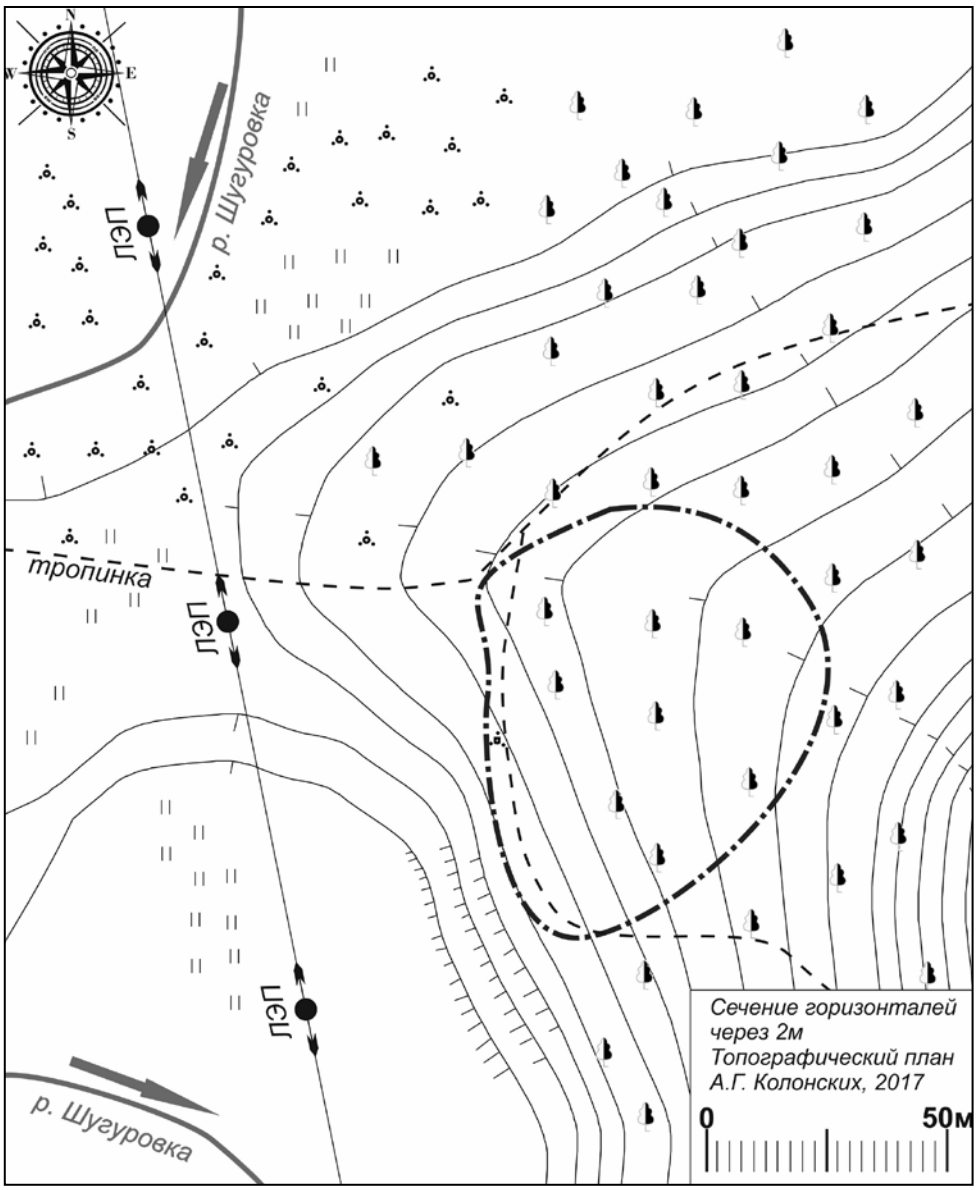

Рис. 4. Топографический план ОАН «Курочкина гора-1, селище» [Колонских, 2017]

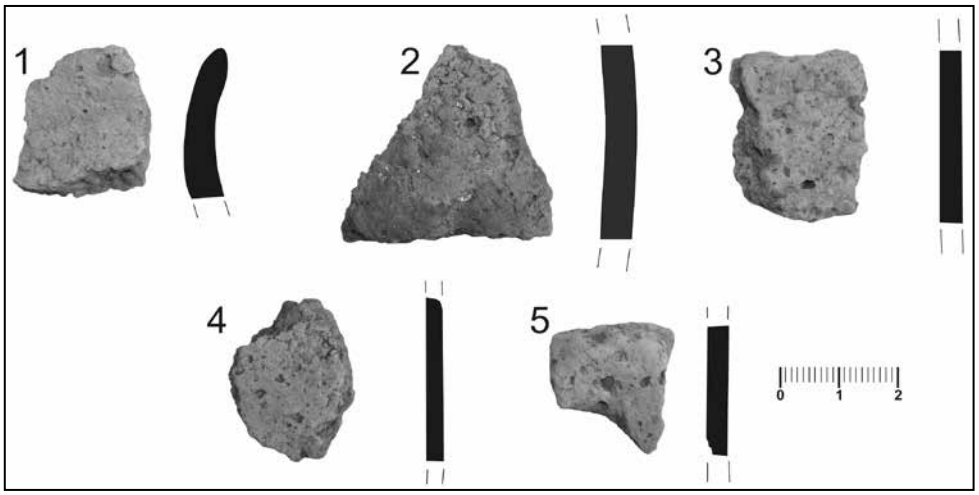

Рис. 5. Керамика ОАН «Курочкина гора-1, селище» [Колонских, 2017]

Оборонительные сооружения на поселении зафиксировать не удалось. Несмотря на предположения Н. Г. Рутто о возможном уничтожении следов фортификации в ходе распашки, топография памятника, его невысокое расположение над современным уровнем поймы р. Шугуровка, а также довольно большая территория, вероятнее всего говорят об открытом характере данного поселения.

При тщательном осмотре территории горы в ходе поиска следов укреплений на противоположной части возвышенности был выявлен новый объект археологического наследия (рис. 6). Памятник расположен в 600 м к северо-западу от моста через р. Шугуровка, и в 600 м к юго-востоку от ж/д станции «Шугуровка». Площадка памятника представлена узким мысообразным выступом (протяженностью 60-70 м), на юго-восточной окраине Курочкиной горы, вытянутым по направлению северо-запад–юго-восток. Площадка памятника является одним из самых высоких мест вдоль всего периметра горы. В напольной части расположено концентрическое углубление (возможно карстовый провал) диаметром около 20 м и глубиной до 2 м. На площадке памятника, а также в местах обнажения грунта было обнаружено множество фрагментов лепной керамики с примесью раковины в формовочных массах. Территория памятника имеет ярко выраженные следы антропогенного воздействия (столбы ЛЭП, металлические конструкции, следы земляных работ, тропинки), сохранность памятника неудовлетворительная, при этом концентрация археологической керамики на поверхности довольно высока (рис. 7).

С одной стороны топография и расположение выявленного объекта являются потенциально перспективными для организации на этом месте городища – наиболее высокая часть возвышенности, господствующее положение по отношению к прилегающей территории, отличный обзор на долину р. Уфа, небольшие размеры и высокий уровень естественной защищённости площадки крутыми склонами. Яркая особенность объекта заключается в том, что с напольной стороны он «ограничен» широкой ямой (карст). Среди укрепленных поселений Уфимско-Бельского междуречья, известен пример Варьязского городища бахмутинской культуры, где роль рва перед валом выполняет глубокий карстовый провал [Иванов, 1974, с. 2, 10]. Однако выявленный в 2017 г. на Курочкиной горе памятник следов фортификационных сооружений не имеет. Вполне вероятно, что карстовый провал выполнял функцию естественного укрепления, а площадка памятника была вписана в данную территорию с учетом рельефа местности. Однако утверждать это можно лишь после проведения полноценных археологических работ на данном поселении.

Обращаясь к материалам исследуемых объектов, можно охарактеризовать керамический комплекс как аналогичный на обеих поселенческих площадках, с учётом всех известных находок происходящих с территории Курочкиной горы. Это лепная керамика с примесью раковины, довольно часто имеет следы пустот от выщелоченной раковины, а потому производит впечатление рыхлой и не прочной структуры. Небольшое количество сохранившихся верхних частей сосудов, позволяющих реконструировать вероятные формы, представляются фрагментами сосудов горшечной формы имеющих невысокую, слабо отогнутую или прямую шейку. Срез устья округлый, реже слегка заостренный. Примеров плоских или уплощенных днищ не обнаружено. Орнамент встречается редко, в виду плохой сохранности и фрагментированности керамического материала, в основном представлен ямочными вдавлениями, расположенными на верхней части плечика сосудов (возможно в один или два ряда). Два фрагмента на внутренней стенке имеют «жемчужину», сопровождающую ямочное вдавление (рис. 2. 1; 7. 1). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что данная керамическая серия обнаруживает четкие аналогии в керамике кара-абызской культуры раннего этапа, в соответствии с периодизацией В. В. Овсянникова [Овсянников, 2014(а), с. 375–377; Овсянников, 2015, с. 85–110]. Наиболее близкий материал, как по морфологии, так и в плане территориальной близости, встречается на площадке селища Воронки, а также некоторых памятниках в среднем течении р. Белая (Камышинское-I, городище, Бирское II, Новобиктовское, Андреевское и Черниковское селища) [Овсянников, 2014(б), с. 303–313].

Таким образом, исследование хорошо известной местности – «Курочкина гора», позволило локализовать территорию памятника, открытого в 1974 г. Н. Г. Рутто, а также выявить новый объект археологического наследия. В ходе обследования удалось установить, что оба объекта не имеют следов оборонительных сооружений. Следовательно, целесообразно именовать данные объекты открытыми поселениями – «Курочкина гора-1, селище» (памятник, выявленный Н. Г. Рутто в 1974 г.) и «Курочкина гора-2, селище» (выявленный в 2017 г.).

Идентичный материал на площадках обследованных памятников позволяет предполагать, что

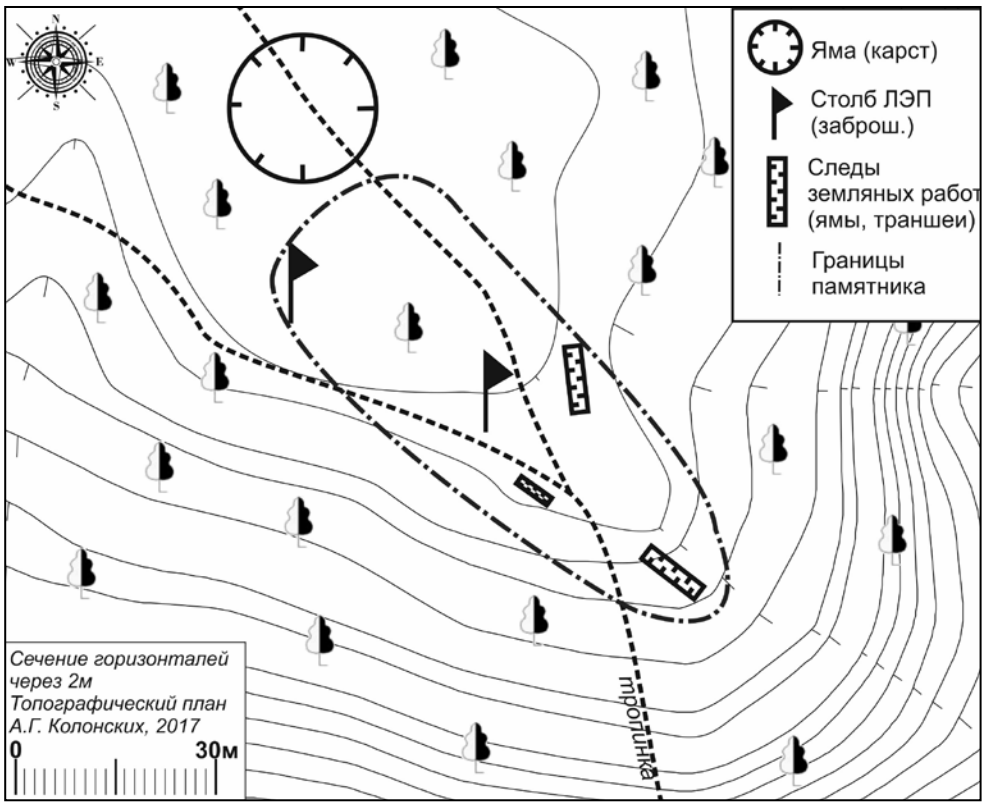

Рис. 6. Топографический план ОАН «Курочкина гора-2, поселение»

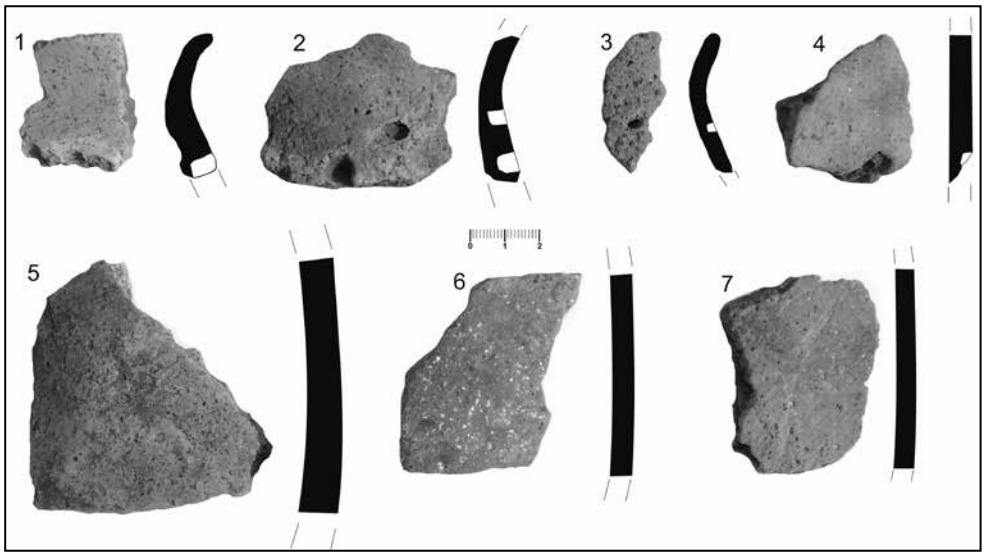

Рис. 7. Керамика ОАН «Курочкина гора-2, поселение» [Колонских, 2017]

данные поселения вполне могли существовать синхронно, а также учитывая существенные различия в их топографии, возможно, выполняли разные функции в поселенческой структуре раннекара-абызского общества. «Курочкина гора-1, селище» в виду своей специфики – пологая невысокая площадка, расположенная в непосредственной близости к руслу р. Шугуровка, могло выполнять функцию открытого поселения. «Курочкина гора-2, селище» расположено на высоком участке террасы, с которого открывается хороший вид на долину р. Уфы, зона визуального контроля местности с данной площадки достигает 5-10 километров. Кроме того данный памятник имеет высокие и крутые склоны, представляющие возможность естественной защиты от внезапного нападения.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов, 1974 – Иванов В. А. Отчёт о раскопках памятников расположенных в бассейне рек Белой и Уфы, по открытому листу № 327 1974 год. // Архив АЛ БашГУ. Ф. 6. Д. 13.

Каталог, 1982 – Каталог памятников археологии Башкирии открытых в 1971–1980 гг. / Сост. М. Ф. Обыденнов, В. А. Банников. Уфа, 1982. 80 с.

Каталог, 1994 – Каталог археологических коллекций / Сост. Н. Г. Рутто. Вып. 1. Уфа, 1994. 130 с.

Лясович, 2015 – Лясович В. И. Случайные находки на Курочкином городище // VIII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы региональной научной конференции (г. Уфа, 11-12 декабря 2015 г.) / отв. ред. А. Н. Султанова. Уфа, 2015. С. 34–40.

Овсянников, 2014(а) – Овсянников В. В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань, 2014. С. 375–377.

Овсянников, 2014(б) – Овсянников В. В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 20. Казань, 2014. С. 303–313.

Овсянников, 2015 – Овсянников В. В., Каюмов И. Х., Бабин И. М. Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 85–110.

Рутто, 1974 – Рутто Н. Г. Научный отчёт и альбом иллюстраций о результатах археологических работ на территории г. Уфы в 1974 г. // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 829.

REFERENCES

Ivanov, 1974 – Ivanov V. A. Otchyot o raskopkah pamyatnikov raspolozhennyh v bassejne rek Beloj i Ufy, po otkrytomu listu № 327 1974 god // Arhiv AL BashGU. F. 6. D. 13. (in Russian)

Katalog, 1982 – Katalog pamyatnikov arheologii Bashkirii otkrytyh v 1971–1980 gg. / Sost. M. F. Obydennov, V. A. Bannikov. Ufa, 1982. 80 s. (in Russian)

Katalog, 1994 – Katalog arheologicheskih kollekcij / Sost. N. G. Rutto. Vyp. 1. Ufa, 1994. 130 s. (in Russian)

Lyasovich, 2015 – Lyasovich V. I. Sluchajnye nahodki na Kurochkinom gorodishche // VIII Bashkirskaya arheologicheskaya konferenciya studentov i molodyh uchenyh: materialy regional'noj nauchnoj konferencii (g. Ufa, 11-12 dekabrya 2015 g.) / otv. red. A. N. Sultanova. Ufa, 2015. S. 34–40. (in Russian)

Ovsyannikov, 2014(a) – Ovsyannikov V. V. Kul'turno-istoricheskie processy v lesostepnom Predural'e v seredine I tys. do n.e. – seredine I tys. n.e. // Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani. T. I. Kazan', 2014. S. 375–377. (in Russian)

Ovsyannikov, 2014(b) – Ovsyannikov V. V. Selishche Voronki – rannij pamyatnik kara-abyzskoj kul'tury // «Anan'inskij mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by». Seriya «Arheologiya evrazijskih stepej». Vyp. 20. Kazan', 2014. S. 303–313. (in Russian)

Ovsyannikov, 2015 – Ovsyannikov V. V., Kayumov I. H., Babin I. M. Novye materialy s poselenij kara-abyzskoj kul'tury // Ufimskij arheologicheskij vestnik. 2015. Vyp. 15. S. 85–110. (in Russian)

Rutto, 1974 – Rutto N. G. Nauchnyj otchyot i al'bom illyustracij o rezul'tatah arheologicheskih rabot na territorii g. Ufy v 1974 g. // NA UFIC RAN. F. 3. Op. 2. D. 829. (in Russian)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛ БашГУ – Археологическая лаборатория Башкирского государственного университета; ИЭИ УФИЦ РАН – Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; МАЭ – Музей археологии и этнографии; НА – Научный архив; ОАН – объект археологического наследия.

A. G. Kolonskikh

SETTLEMENTS OF THE EARLY IRON AGE ON «KUROCHKINA GORA»

The paper presents the results of a survey of the area "Kurochkina gora" on the territory of Ufa. This area is well known to the residents of the city, the archaeological survey was conducted on its territory. In the course of archaeological exploration, the author of the publication localized object of archaeological heritage "Kurochkino hillfort", opened a

new monument “Kurochkina mountain-2, settlement”. “Kurochkino hillfort” was identified by N. G. Rutto in 1974 in the course of archaeological exploration on the territory of Ufa and its surroundings. The discoverer characterizes the monument as a fortified settlement, despite the fact that no traces of fortification were found during the survey. The shaft or moat was not found during the inspection of the monument in 2017, which is reason enough to consider the object as an open settlement. Re-examination of the settlement “Kurochkino hillfort” was conducted by V. I. Ljasovich in 2015. The researcher discovered a cultural layer as fragments of ceramics with an admixture of shells and ornament in the form of pits. The revealed monument “Kurochkina mountain-2, settlement” is also an unfortified settlement, despite the topography, more characteristic of the hillfort. Archaeological material is represented by fragments of stucco ceramics with an admixture of the shell or traces of leaching of the shell. The ornament is represented by dimple depressions. The collected archaeological material allowed us to give chronological attribution to the inspected objects and to establish their cultural identity. In accordance with the analogies of the ceramic complex of the early Kara-Abyz population in the nearby territory of the middle stream of the river Belaya, settlements on Kurochkina hill functioned in the early iron age. N. G. Rutto’s assumption about the presence of medieval materials on the settlement “Kurochkino hillfort” was not confirmed. Archaeological research conducted in 2017 give grounds to change the name of the object “Kurochkino hillfort” to “Kurochkina mountain-1, settlement”.

Keywords: «Kurochkina gora», settlement, ceramics, early Iron Age, Kara-Abyz culture, Ufa Peninsula.

Колонских Александр Геннадьевич,
младший научный сотрудник,
Институт этнологических исследований
им. Р. Г. Кузеева,
Уфимский федеральный исследовательский центр
Российской академии наук
(Уфа, Россия)
kontrobazzz@mail.ru.

Kolonskikh Alexander Gennadievich,
Junior Researcher,
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Ufa, Russia)
kontrobazzz@mail.ru

УДК 902.01

Е. Л. Русских, Т. М. Сабирова

СОСТАВ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ГОРОДИЩ ЧЕПЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИДНАКАР И УЧКАКАР)*

В статье публикуются данные рентгенофлуоресцентного анализа коллекции изделий из цветного металла Солдырского I городища Иднакар, полученные в результате исследований 2018 г. Авторами выявлены основные группы металлических сплавов, используемых средневековыми ювелирами укрепленного поселения, осмыслена взаимосвязь видов инвентаря с типами сплавов. Все иднакарские изделия, проанализированные в работе, изготовлены из латуни. Большая часть выборки относится к так называемому «сырьевому» металлу – двухкомпонентной высокоцинковистой латуни. Из нее же выполнены почти все предметы производственного цикла (проволоки и пластины). Это свидетельствует об активном и регулярном поступлении в Иднакар латунных заготовок, пути поступления которых необходимо установить. Вводятся в научный оборот данные сравнительного анализа металла двух крупных укрепленных поселений чепецкой культуры – городища Иднакар и Кушманского городища Учкакар. Выявлены первые локальные особенности состава цветных металлов памятников, которые можно будет подтвердить или уточнить в ходе дальнейшей планомерной работы по исследованию металла чепецкой археологической культуры. В отличие от иднакарских, кушманские мастера чаще использовали металлический лом для переплавки в новые изделия, а также активно применяли бронзовые сплавы со свинцом и оловом.

Ключевые слова: рентгенофлуоресцентный анализ, цветной металл, сплавы, чепецкая археологическая культура, средневековье, Солдырское I городище Иднакар, Кушманское городище Учкакар.

Среди городищ чепецкой археологической культуры особое место занимают два памятника – Солдырское городище Иднакар и Кушманское городище Учкакар. Оба они соотносятся с богатырским эпосом удмуртского народа и стали предметом пристального внимания археологов. Благодаря многолетней работе экспедиции УИИЯЛ УрО РАН удалось охватить полевыми работами более 9000 м^2 на площадке городища Иднакар (около 22,5% общей площади памятника) и провести междисциплинарные исследования на площадке Учкакара (сочетая классические археологические раскопки с использованием данных геофизической разведки) [Иванова, 1998; Иванова, 2016].

Особый интерес для исследователей представляет вещевой материал памятников. Иднакар и Учкакар обладают обширными керамическими и остеологическими коллекциями, а также содержат большое количество находок из цветных металлов. Анализ последних указывает на функционирование на площадках обоих памятников центров цветной металлообработки. Совокупность материальных источников включает литейный инструментарий (фрагменты тиглей, льячки, литейные формы), отходы производства (шлак, выплески), изделия производственного характера (обрезки пластин, проволоки, металлические заготовки и слитки, бракованные и незаконченные предметы из цветного металла), а также серию готовых изделий и их фрагментов.

* Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ (проект №18–49–183002 «Цветной металл средневековых памятников бассейна реки Чепцы: рецептуры сплавов по данным естественно-научных исследований»).

Наиболее выразительный материал по цветной металлообработке получен на городище Иднакар, что, безусловно, определяется степенью изученности поселения. По мнению М. Г. Ивановой, обзор инструментария иднакарских ювелиров и их продукции убеждает в высоком уровне обработки цветных металлов со многими технологическими операциями и значительном объеме изготовляемой продукции, обеспечивающей потребности не только городища и его округи, но и предназначенной на экспорт [Иванова, 1998, с. 134–144].

Следы металлообрабатывающей деятельности, зафиксированные на всех структурных частях Кушманского городища Учкакар, также указывают на происходившие здесь процессы литья. В целях выявления рецептуры сплавов, использовавшихся при создании изделий из цветного металла, был осуществлен рентгенофлуоресцентный анализ около 200 образцов цветной металлообработки из коллекции Учкакарского комплекса памятников: городища и примыкающего к нему КушманскогоIII селища [Русских, Сабирова, 2017; Русских, Сабирова, 2019]. Полученные данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития бронзолитейного производства кушманского населения, которое использовало довольно устойчивые рецептуры сплавов, учитывая их технические и декоративные свойства.

Целью дальнейших исследований коллектива авторов является продолжение исследования чепецкого металла методами естественных наук: для получения обобщенных данных по всей археологической культуре в общем. В рамках поставленных задач были проведены анализы для изделий крупных поселенческих и погребальных чепецких памятников. Наиболее обширная коллекция была отобрана в материалах городища Иднакар, что позволяет установить аналогии в использовании одних и тех же рецептур сплавов на двух синхронно существовавших ключевых городищах, и, тем самым, наметить тенденции во взаимосвязи производственных традиций цветной металлообработки в рамках одной культурно-исторической общности.

Металл Солдырского I городища Иднакар

В 2018 г. исследовательским коллективом была выполнена работа по изучению состава цветного металла Солдырского I городища Иднакар*. С целью выявления основных сплавов, применявшихся иднакарскими ювелирами, произведена выборка наиболее выразительных образцов, доступных к исследованию. Общее количество предметов в выборке составляет 34 образца, среди которых представлены основные группы находок:

1. *Украшения и принадлежности костюма*: подвески и их элементы (6), пронизки разной формы (3), пряжки (3), пуговицы (2), кольца (2), копоушка (1), наконечник ремня (1).

2. *Предметы быта*: фрагменты котелков и их ручек (8), варган (1).

3. *Находки производственного характера*: фрагменты пластин разной формы (2), металлические заготовки (4).

4. *Предметы неопределенного назначения* (1).

Элементный состав металла изделий определен современным, условно неразрушающим методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) посредством портативного спектрометра Bruker S1 Turbo SD LE (Germany). Предварительная обработка поверхности образцов на месте взятия пробы производилась путем механического обнажения чистого металла из-под слоя патины. Использован универсальный режим. Подготовленная поверхность каждого образца (площадью около 1 см^2) измерена трижды со временем накопления спектра не менее 1 минуты. Данные многократных замеров одного и того же участка сведены вместе с последующим определением среднего арифметического значения представленности металлов в сплаве позволили выявить рецептуры сплавов, использовавшихся иднакарскими мастерами (табл. 1).

Все 34 иднакарских образца относятся к латунным сплавам. Среди них можно выделить следующие подгруппы (рис. 1):

Двухкомпонентная латунь (CuZn): это наиболее классическая рецептура, так называемый «первичный» сплав, не подвергшийся многочисленным переплавкам. Согласно экспериментальным работам по производству латуни путем цементации рудного сырья, максимальное содержание цинка в готовом сплаве в средневековое и античное время не превышало 28% [Ениосова, Сарачева, Митоян, 2000, с. 99–100]. Выборка предметов из двухкомпонентной латуни (20 экз.) имеет удивительно стабильный состав с высоким и очень высоким

* Авторы выражают благодарность коллективу БУК УР «Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар» за предоставленную возможность работы с коллекциями.

Таблица 1

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа изделий городища Иднакар

№ анализа	Наименование	Шифр	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Pb	Тип сплава
1250	Заготовка кольца (?)	МЗИ 26/268		76.80	22.50				0.45	CuZn
1251	Наконечник ремня	МЗИ 26/283	0.66	67.00	24.80		0.29		7.26	CuZnPb
1252	Подвеска шумящая	МЗИ 26/235	0.48	76.30	17.90			1.52	0.71	CuZnSn
1253	Заготовка металла	МЗИ 26/156		72.00	27.60	0.073	0.33			CuZn
1254	Пряжка	МЗИ 26/203		71.90	27.00		0.33		0.49	CuZn
1255	Пронизка двухчастная	МЗИ 26/35	0.93	66.70	24.90		0.31		5.22	CuZnPb
1256	Пряжка-фибула	МЗИ 26/48		73.90	25.80	0.11				CuZn
1257	Копоушка	МЗИ 26/212	0.48	71.60	25.80			1.14	0.87	CuZnSn
1258	Фрагмент пластины	НВ 1/67	0.40	72.50	26.80				0.17	CuZn
1259	Подвеска шаровидная	МЗИ 1/73	3.27	81.50	11.30				3.13	CuZnPb
1260	Кольцо	МЗИ 1/86		70.50	26.30					CuZn
1261	Пуговица	НВ 1/69	1.08	64.30	26.40					CuZn
1267	Подвеска шаровидная	МЗИ 13/14	0.62	68.60	23.70			1.92	4.57	CuZnSnPb
1268	Заготовка металла	МЗИ 13/15	0.32	72.30	26.70		0.30		0.20	CuZn
1269	Фрагмент котелка	НВ 13/2	0.40	76.90	22.50				0.13	CuZn
1270	Фрагмент котелка	НВ 13/3	0.41	74.00	24.50		0.30		0.85	CuZn
1271	Пуговица	МЗИ 2/137	5.04	55.50	14.60	8.43			10.30	CuZnAsPb
1272	Пронизка спиралевидная	МЗИ 2/213	2.21	61.60	20.50				8.08	CuZnPb
1273	Подвеска	МЗИ 2/133	1.20	68.40	24.60			4.45	0.89	CuZnSn
1274	Пронизка трехчастная	МЗИ 2/214	13.30	71.10	9.93				4.65	CuZnPb
1275	фрагмент котелка	НВ 14/131	0.25	73.50	24.70				0.92	CuZn
1276	Заготовка металла	МЗИ 14/115		72.20	27.30		0.28		0.09	CuZn
1277	Подвеска-колбочка	МЗИ 14/120	2.66	74.90	6.32		0.67	4.71	10.30	CuZnSnPb
1278	Пластина	НВ 14/229	0.33	74.40	24.80				0.43	CuZn
1279	Варган	НВ 14/127	0.77	71.20	24.60		0.69	1.19	1.50	CuZnSnPb
1280	Предмет неопределенный	НВ 14/128		72.40	26.90		0.27		0.11	CuZn
1281	Фрагмент котелка	НВ 14/130	0.71	76.10	21.30		0.32		1.58	CuZnPb
1282	Ручка котелка (?)	НВ 14/138	0.31	71.90	27.40	0.05	0.33			CuZn
1283	Пряжка	НВ 14/135	0.70	72.90	25.90				0.45	CuZn
1284	Ручка котелка	МЗИ 14/112		71.20	27.60		0.35			CuZn
1285	Ручка котелка (?)	НВ 14/138	0.36	70.70	27.40	0.08	0.35			CuZn
1286	Привеска-лапка	МЗИ 14/118	0.37	73.30	25.90	0.13	0.33			CuZn
1287	Кольцо	МЗИ 14/119	0.39	71.80	27.80					CuZn
1288	Пластина	МЗИ 14/117	0.38	70.70	26.80		0.35		1.67	CuZnPb
1289	Фрагмент котелка	НВ 14/140	0.42	71.30	27.30				0.60	CuZn

содержанием цинка – от 22,5% до 27,8% (табл. 1). Учитывая, что с каждой последующей переплавкой исходная латунь теряет от 1% до 10% цинка, который при нагреве становится довольно летучим [Ениосова, Сарачева, Митоян, 2000, с. 102], становится ясно, что эта группа предметов изготовлена из исходного сырьевого металла (заготовок в виде слитков, проволоки и проч.). В выборку двухкомпонентных латуней вошли все три основные группы находок (рис. 1): украшения (пряжки, кольца, пуговица), предметы быта (фрагменты котелка: стенок, ручек, проушин), а также предметы производственного цикла: заготовки металла в виде проволоки и пластинок.

Свинцовая латунь (CuZnPb) – второй по распространенности сплав в выборке (рис. 1). Из него изготовлено семь проанализированных предметов, которые в основном представлены украшениями и принадлежностями костюма (наконечник ремня, пронизки, подвеска). В единичных случаях из свинцовой латуни изготовлены фрагмент котелка (ан. 1281) и металлическая пластина (ан. 1288). Количество цинка в этой группе различно: наиболее высокий показатель у заготовки металла (26,8%), у остальных образцов он варьирует в пределах 9,93–24,9%.

Оловянистая латунь (CuZnSn) в выборке иднакарских находок представлена тремя предметами: копоушкой, шумящей подвеской и подвеской-колокольчиком. Количество в сплаве олова небольшое: 1,14–4,45%.

Многокомпонентная латунь (CuZnSnPb. CuZnAsPb) также, как и предыдущие сплавы, имеет в основе состава медь и цинк, которые значительно дополнены другими легирующими элементами – оловом, свинцом, мышьяком (последний представлен лишь в ан. 1271 в количестве 8,43%).

В целом, первичная выборка предметов из городища Иднакар характеризуется стабильностью состава металла и представлена только латунями. В этом преобладании она схожа с такими древнерусскими памятниками как Великий Новгород, Гнездово, Городка на Ловати и др., а также с могильниками Восточной Пруссии, Прибалтики, Ладоги. Вместе с тем, анализируя выборку новгородских металлов, авторы обращают внимание, что в ней отсутствуют предметы производственного цикла, сделанные из «сырьевого металла» (двухкомпонентной латуни), и в целом процентное содержание высокоцинковыстой латуни (20–30%) в выборке латуней составляет менее 10%, что

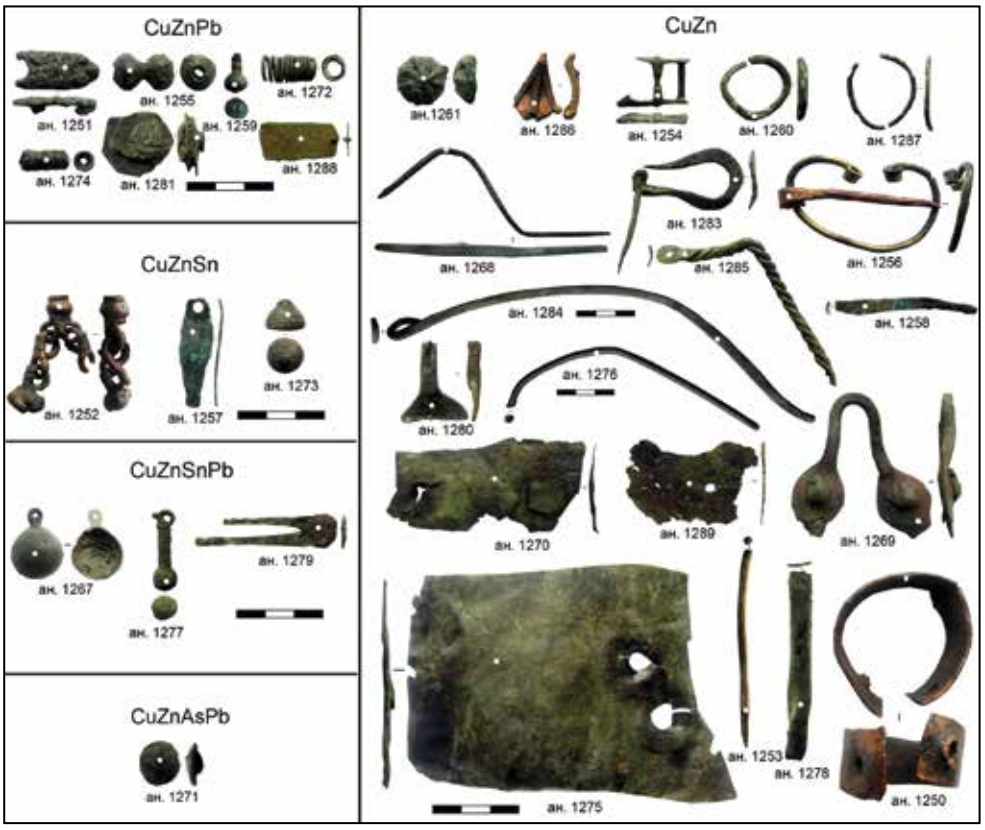

Рис. 1. Типы сплавов цветных металлов городища Иднакар (место взятия пробы на каждом предмете отмечено белой точкой)

в совокупности говорит о многоразовых переплавках и редких поступлений «свежей» латуни на территорию Древней Руси [Ениосова, Сарачева, Митоян, 2000].

Латуни Иднакара в изученной выборке напротив, представлены преимущественно двухкомпонентной высокоцинковистой латунью, среди находок много заготовок металла. Для получения точных выводов необходимо продолжать обработку иднакарских материалов, однако выявившаяся в ходе данного исследования тенденция показывает, что мастера имели доступ к первичной латуни, активно использовали ее в производстве и не испытывали необходимости в многочисленных переплавках металлического лома для выполнения своих заказов.

Сравнительная характеристика состава цветных металлов Иднакара и Учкакара

Используемая авторами классификация сплавов основывается на распределении массива данных по группам в зависимости от наличия основных легирующих компонентов (олова, свинца, цинка) и сопоставима с данными других памятников. Данный факт позволяет уже на данном этапе исследования металла чепецкой культуры провести сравнительный анализ цветного металла двух уникальных памятников бассейна р. Чепцы – Солдырского I городища Иднакар IX–XIII вв. и Кушманского городища Учкакар X–XIII вв.

Археологические исследования городища Иднакар выявили характер слоя и сооружений на всех структурных частях: были изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений. Территория городища, основанного в конце IX в., в течение четырех столетий дважды расширялась вдвое, многократно усиливались фортификационные возможности, что свидетельствует об интенсивном развитии производительных сил и демографическом росте населения, а также о необходимости защиты от усиливающегося влияния Волжской Булгарии и Древней Руси. Городище Иднакар с плотно заселенной округой, расположенное в центре чепецких земель, было основано как военно-оборонительный, аграрно-ремесленный и торговый, культурный, общественно-административный центр консолидирующегося этносоциального образования [Иванова, Степанова, 2012, с. 329–334].

Кушманское городище Учкакар, локализованное в нижнем течении р. Чепцы, является северо-западным форпостом чепецкой археологической культуры. Наряду с городищами Иднакар и Гурьякар, оно относится к числу крупнейших укрепленных поселений, имеет три линии оборонительных сооружений, мощный культурный слой и является центром средневекового микрорегиона. В сравнении с Иднакаром, площадь городища изучена археологическими методами на 1%, но на принципиально новом уровне. Благодаря соотнесению результатов раскопок со сводной геофизической картой была получена обоснованная структура и планировка памятника. Раскопки ключевых участков обозначили время функционирования поселения в пределах X–XIII вв. (начальный период заселения остается пока не совсем ясным). По площади, топографии, системе укреплений и мощности культурного слоя Учкакар соизмерим с основными памятниками финно-угорского Прикамья эпохи средневековья. По характеру культурного слоя, составу коллекций, данным исследований оборонительных сооружений прослеживаются прямые аналогии с динамикой развития структуры городища Иднакар [Иванова, 2016, с. 143; Иванова, Модин, 2015, с. 145].

Следует отметить, что отбор проб для проведения РФА анализа на данном этапе исследований нельзя считать полностью репрезентативным. Выбор материалов для анализа во многом определяется исследовательскими целями, степенью сохранности и доступностью коллекций, и является индивидуальным для каждого автора. В исследуемой выборке материалы Кушманского городища преобладают над иднакарскими в количественном выражении (180 анализов против 34), и, к сожалению, находятся в обратной пропорциональной зависимости от степени изученности памятников. Безусловно, данный факт несколько сужает возможности для интерпретации, но позволяет наметить основные тенденции в различии и сходстве исследуемых выборок.

Для удобства аналитической работы с выборками была составлена сравнительная таблица, где отражено наличие различных сплавов металлов отдельно для Иднакара, Учкакара, а также для Кушманского III селища, которое можно считать структурной частью городища Учкакар (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика металлических сплавов городища Иднакар и Кушманского комплекса памятников (городища и селища)

Тип сплава	Кушманское городище Учкакар X–XIII вв.	Кушманское III селище (городище) X–XIII вв.	Солдырское I городище Иднакар IX–XIII вв.
«чистая» медь **Cu** **7 образцов**	***6 - изделия и их фрагменты*** предметы н/о - 4 (ан. 935, 936, 937, 939), пронизка (ан. 1086) ***1 - предмет производственного характера*** пластина (ан. 933) *Cu: 86,2-97,7%*	-	-
оловянная бронза **Cu+Sn** **3 образца**	***3 - изделия и их фрагменты*** привески – 2 (ан. 1024, 1069), фрагмент пряжки (ан. 914) *два образца Sn: 8,5-14,6% (ан. 914, 1069)* *один образец Sn: 1,2% (ан. 1024)*	-	-
свинцовая бронза **Cu+Pb** **41 образец**	***23 - предметы производственного характера*** пластины и их обрезки – 19 (ан. 928, 929, 932, 942, 943, 945, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 1015, 1016, 1018, 1019, 1022), проволока – 2 (ан. 934, 1017), дрот (ан. 1021), заготовка металла (ан. 1036) ***18 - изделия и их фрагменты*** браслеты – 3 (ан. 1003, 1008, 971), фрагменты котелка – 3 (ан. 916, 974, 1090), предметы н/о – 4 (ан. 913, 931, 938, 1000) фрагменты пряжек – 2 (ан. 920, 1007), цепь (ан. 923), пуговица (ан. 924), крючок (ан. 977), фрагмент подвески (ан. 1012), пронизки – 2 (ан. 962, 969) *В 3 случаях содержание Pb: 35,6-59% (ан. 962, 969, 1036)*	***3 - предметы производственного характера*** пластины и их обрезки - 2 (1045, 1048) металлический выплеск (1046) *Содержание Pb: 19,3-28%*	-
оловянно-свинцовая бронза **Cu+Sn+Pb** **22 образца**	***19 - изделия и их фрагменты*** фрагменты подвесок – 4 (ан. 963, 1088, 964, 1089), перстень (ан. 983), фрагменты пряжек – 2 (ан. 922, 1006), накладки – 3 (ан. 979, 1105, 1106), пуговицы – 2 (ан. 1124, 1108), кольцо (ан. 1004), привески – 2 (ан. 981, 1029, 1098), предметы н/о – 2 (ан. 941, 1001) ***1 - предметы производственного характера*** проволока (927) *Содержание Sn: 10,7-22,6% (*ан. *981, 1004, 1029, 1105)* *Содержание Pb: 12,7-43,2% (941, 1001)* *Содержание Sn (8-16,7%) и Pb (8-36%) (ан. 922, 964, 1089)*	***2 - предметы производственного характера*** фрагмент проволоки (ан. 1049), фрагмент пластины (ан. 1047) *Высокое содержание Pb: 8-13,4%*	-
двойная латунь **Cu+Zn** **34 образца**	***10 - предметы производственного характера*** фрагменты проволоки – 2 (ан. 970, 1112), фрагменты пластин – 8 (ан. 1140, 1065, 1119, 1120, 1122, 1113, 1117, 1124) ***3 - изделия и их фрагменты*** предмет н/о (ан. 996), фрагменты подвесок – 2 (ан. 1077, 1078) *Содержание Zn: 4,4-21%*	***1 - изделия и их фрагменты*** фрагмент котелка (ан. 1059) *Содержание Zn: 7,8%*	***6 - предметы производственного характера*** металлические заготовки – 4 (ан. 1268, 1276, 1253, 1250), фрагмент пластин – 2 (ан. 1258, 1278) ***14 - изделия и их фрагменты*** пуговица (ан. 1261), привеска (ан. 1286), пряжки – 3 (ан. 1254, 1283, 1256), кольца – 2 (ан. 1260, 1287), фрагменты котелков – 6 (ан. 1284, 1285, 1270, 1289, 1269, 1275), предмет н/о (ан. 1280) *Высокое содержание Zn: 22,5-27,8%*
оловянная латунь **Cu+Zn+Sn** **3 образца**	-	-	***3 - изделия и их фрагменты*** подвески – 2 (ан. 1252, 1273), копоушка (ан. 1257) *Высокое содержание Zn: 17,9-25,8*
свинцовая латунь **Cu+Zn+Pb** **54 образца**	***10 - предметы производственного характера*** фрагменты пластины - 5 (944, 1061, 1062, 1063, 1068), заготовка металла (1035) фрагменты проволоки - 3 (1064, 1115, 1116), выплеск (1123) ***29 - изделия и их фрагменты***	***3 - предметы производственного характера*** фрагмент пластины (ан. 1052), фрагмент проволоки (ан. 1050), стружка (ан. 1051) ***5 - изделия и их фрагменты***	***7 - изделия и их фрагменты*** наконечник ремня (ан. 1251), пронизки – 3 (ан. 1255, 1274, 1272), подвеска (ан. 1259), фрагмент котелка (ан. 1281), пластина с орнаментом (ан. 1288)

В исследованных материалах всех памятников превалирующим сплавом являются латуни (общее количество – 150 образцов или 65%). При этом в Учкакаре, в отличие от Иднакара, преобладают многокомпонентные сплавы с небольшим содержанием цинка после многочисленных переплавок. Свинцовая латунь представлена примерно одинаково во всех трех выборках, двойная латунь в материалах памятников имеет значительные отличия – в Иднакаре очень много высокоцинковистыхсоеднинений (свыше 20%), в то время, как двухкомпонентные латуни Учкакара имеют низкое и среднее содержание цинка (4,4–21%).

В отличие от иднакарской выборки, кушманский цветной металл представлен отнюдь не только латунями: значительная часть находок из коллекции городища и селища выполнена из бронз с добавлением олова и свинца в разных соединениях и пропорциях (66 анализов, 28,5% от общей выборки). Также там присутствуют изделия из чистой меди (7 образцов), сплавы меди с серебром (7 изделий) и единичная находка оловянной пуговицы (табл. 2).

Предварительное сравнение состава металла выборки изделий из коллекций двух крупных памятников чепецкой культуры выявило определенные закономерности, выражающиеся в значительном преобладании «сырьевой» высокоцинковистой двухкомпонентной латуни в Иднакаре, что свидетельствует о доступе мастеров к привозному металлу. Кушманские мастера больше работали с переплавленными сплавами, используя лом и старые украшения для изготовления новых. Находки высокоцинковистых латуней более редки, и почти все они (10 из 14 образов) относятся к предметам производственного характера (проволока и пластины), полные аналогии которым зафиксированы в Иднакаре. По всей видимости, именно Иднакар был главным производственным центром чепецкой культуры, куда поступал ценный привозной металл, Учкакар же, имея представительную производственную площадку и хорошо налаженное производство, использовал для изготовления вещей латунный и бронзовый лом. Отсутствие в результатах анализов иднакарских изделий предметов из бронзы пока нельзя рассматривать как некую локальную особенность, поскольку необходимо продолжать исследования, расширяя выборку за счет изделий из различных хронологических горизонтов и жилищ.

ЛИТЕРАТУРА

Ениосова, Сарачева, Митоян, 2000 – Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г., Митоян Р. А. Латуни средневекового Новгорода // Новгород и новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции. 2000. С. 99–111.

Иванова, 1998 – Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: Монография. Ижевск. УИИЯЛ УрО РАН. 1998. 294 с.

Иванова, 2016 – Иванова М. Г. Хронология структурных частей городища Учкакар в бассейне р. Чепцы // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2016. Том 9. Вып. 3. С. 134–145.

Иванова, Модин, 2015 – Иванова М. Г., Модин Р. Н. Кушманское городище УчкакарX–XIII вв.: материалы внешней части в контексте развития средневековых поселений // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. 2015. Вып. 10. С. 138–151.

Иванова, Степанова, 2012 – Иванова М. Г., Степанова Г. А. Уровни планировки средней части городища Иднакар // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные

REFERENCES

Eniosova, Saracheva, Mitoyan, 2000 – Eniosova N. V., Saracheva T. G., Mitoyan R. A. Latuni srednevekovogo Novgoroda // Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya: materialy nauchnoj konferencii. 2000. S. 99–111. (in Russian)

Ivanova, 1998 – Ivanova M. G. Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. Izhevsk. UIIYAL UrO RAN. 1998. 294 s. (in Russian)

Ivanova, 2016 – Ivanova M. G. Hronologiya strukturnyh chastej gorodishcha Uchkakar v bassejne r. Chepcy // Ezhegodnikfinno-ugorskih issledovanij. Izhevsk, 2016. Tom 9. Vyp. 3. S. 134–145. (in Russian)

Ivanova, Modin, 2015 – Ivanova M. G., Modin R. N. Kushmanskoe gorodishche Uchkakar X–XIII vv.: materialy vneshnej chasti v kontekste razvitiya srednevekovyh poselenij // Trudy kamskoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii. 2015. Vyp. 10. S. 138–151. (in Russian)

Ivanova, Stepanova, 2012 – Ivanova M. G., Stepanova G. A. Urovni planirovki srednej chaste gorodishcha Idnakar // Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii. Vyp. VIII: Arheologicheskie pamyatniki Povolzh'ya i Urala: sovremennye issledovaniya, prob-

исследования, проблемы сохранения и музеефикации. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 327–335.

Русских, Сабирова, 2017 – Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Цветной металл Кушманского городища УчкакарIX–XIII вв.: рентгенофлуоресцентный анализ изделий и литейного оборудования средней и внешней площадок памятника // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Том 11. Вып. 3. С. 90–105.

Русских, Сабирова, 2019 – Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Цветной металл Кушманского комплекса памятников X–XIII вв. по результатам РФА // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2019. Вып. 1. (в печати).

lemy sohraneniya i muzeefikacii. Perm': PGPU, 2012. S. 327–335. (in Russian)

Russkih, Sabirova, 2017 – Russkih E. L., Sabirova T. M. Cvetnoj metal Kushmanskogo gorodishcha Uchkakar IX – XIII vv.: rentgenofluorescentnyj analiz izdelij i litejnogo oborudovaniya srednej i vneshnej ploshchadok pamyatnika // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2017. Tom 11. Vyp. 3. S. 90–105. (in Russian)

Russkih, Sabirova, 2019 – Russkih E. L., Sabirova T. M. Cvetnoj metal Kushmanskogo kompleksa pamjatnikov X–XIII vv. Po rezultatam RFA // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Historija i philologija. 2019. Vyp. 3 (v pechati) (in Russian)

E. L. Russkih, T. M. Sabirova

COMPOSITION OF NON-FERROUS METAL ARTIFACTS FROM SETTLEMENTS OF CHEPECKAYA ARCHEOLOGICAL CULTURE (IDNACAR AND UCHKAKAR)

The article publishes the data of X-ray fluorescent analysis of a collection of non-ferrous metal products of the Soldyrsky I settlement (Idnakar), obtained as a result of research in 2018. All Idnakar artefacts analyzed in the work are made of brass. Most of the sample refers to the so-called "raw" metals – two-component high-zinc brass. Almost all the items of the production cycle (wires and plates) are made of it. This indicates an active and regular supply of brass blanks to Idnakar, the delivery ways of which need to be established in the future. The data of a comparative analysis of the metal of two large fortified settlements of the Chepetskaya culture – t he ancient settlement Idnakar and the Kushmansky settlement (Uchkakar) – are entered into scientific circulation. The first local features of the composition of non-ferrous metals of settlments that can be confirmed or clarified in the course of further systematic work on the study of metal from the Chephetskay archaeological culture are revealed. In contrast to the Idnakar ones, the Kushman masters used scrap metal for melting it into new products more often. They also actively used bronze alloys with lead and tin.

Keywords: X-ray fluorescence analysis, non-ferrous metal, alloys, Chepetskaya archaeological culture, Middle Ages, Soldyrsky I settlement Idnakar, Kushmansky settlement Uchkakar.

Русских Елена Львовна,
младший научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
(Ижевск, Россия)
elenalar87@mail.ru

Сабирова Татьяна Михайловна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
(Ижевск, Россия)
elenalar87@mail.ru

Russkih Elena Lvovna,
Junior Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Researcher Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)
elenalar87@mail.ru

Sabirova Tatyana Mikhailovna,
PhD in History, Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Researcher Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)
lemelon@inbox.ru

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81’373

О. А. Теуш

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕГО ОБИТАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ)

В статье рассматриваются русские диалектные лексемы, в семантике или внутренней форме которых реализуются представления человека о мифологическом пространстве и его обитателях. Выявляются доминантные представления о мифологическом топосе. Этимологически интерпретируются наименования заколдованных мест, описываются места обитания мифологических персонажей. Особое внимание уделяется лексемам, заимствованным из финно-угорских языков: интерпретируется фразеологическая сочетаемость обозначений мифологических персонажей, выявляются финно-угорские источники лексем, анализируется межкультурное взаимодействие, воплощенное в диалектных наименованиях. На основании лингвистического анализа проводится этнокультурная интерпретация русских диалектных выражений *ма́рдас (ма́ртас) вы́ел (вы́кусил, нае́л)* и *о́рт укуси́л* ‘о синих (реже – красных) пятнах на теле человека, появляющихся, по народным поверьям, к смерти самого человека или его близких, плохому событию’: выявляются финно-угорские источники заимствования, оценивается трансформация семантики фразеологизмов в севернорусских диалектах.

Ключевые слова: лексика, семантика, мифология, топос.

Окружающий мир представлялся человеку очень опасным. Передвижение по пространству вызывало сложности. «Страшными» местами представлялись, прежде всего, лес, болото и омут, водоворот на реке, т.е. те локусы, которые трудны для преодоления. Общая семантика опасности отразилась во внутренней форме лексических сочетаний *самогро́зное ме́сто* ‘очень опасное (в сказке)’ (Олон.: Пет.) [Куликовский, 1898, с. 104], *чижо́лые места́* ‘заколдованные места, мимо которых боятся ходить’ (Яр.) [Мельниченко, 1961, с. 215].

Если человек заблудился в лесу, то ему представлялось, что его «водит» нечистая сила: *о́бод* ‘зачарованное место, околдованное место’ (Твер., Пск.) [Даль, 1955, т. 2, с. 609] (< **obvodъ*), *заведе́нье* ‘глухое место в лесу, куда «заводит» нечистая сила’ (Костр.: Мант.) [КСГРС]. Однако, и с себя человек ответственности не снимал: *блуди́ха* ‘место в лесу, где можно заблудиться’ (Арх.: Вил.) [АОС, 1982, с. 35]. Животных заставить заблудиться мог и колдун: *блугода́* ‘место в лесу, где скотина блужит или блужится, плутает, блуждает сама по себе, или блугавит, блуждает по напуску недоброго ведуна, и хозяин ищет ее по целым дням’ (Арх.) [Даль, 1955, т. 1, с. 100].

Семантика верчения реализуется в *за́кретье* ‘заколдованное место’ (Карел.: Медв.) [СРГК, т. 2, с. 139], которое связано с праславянским **kręt-*/**krǫt-* ‘крутить’ [Фасмер, 1964–1973, т. 2, с. 392].

Местом обитания водяного считали омут: *домови́ще* ‘омут, в котором суеверы предполагают местопребывание водяника’ (Арх.: Мез.) [Подвысоцкий, 1885, с. 38], ‘опасный омут, притон водяного’ (Арх.) [Даль, 1955, т. 1, с. 467], ср.: *домови́на*, *домови́ще* ‘гроб’, эвфемистическое образование от *дом* [Фасмер, 1964–1973, т. 1, с. 528].

На болоте, в поле, в лесу, в лесной реке обитает леший: *лешаи́нка* ‘голое, лишенное растительности место среди поля, луга, леса’ (Арх.: Вил.) [КСГРС], *лешак* ‘ягодное болото’ (Помор.) [Гемп, 2004, с.

379], *леша́тник* ‘болото’ (К.-Перм.) [КСГРС], *ле́шева тро́пка* ‘место, где «водит» или происходят сверхъестественные события’ (Влг.: Бабуш.) [КСГРС], *ле́шего сто́рожье* ‘глушь непроходимая, болото, лес по топи, коренной притон лешего’ (Арх.), *ле́ший но́гу сло́мит, друго́й вы́вихнет* (*ле́ший но́гу сло́мит, другу́ю подвернёт*) ‘о непроходимом месте’ (Влг.: Влгд.) [КСГРС], *ле́ший тя́нет* ‘о водовороте на реке’ (Арх.: Прим.) [КСГРС].

Энантиосемическое представление о святости/нечистоте пространства реализуется во внутренней форме лексемы *мона́шка* ‘темное лесное место, где может появляться нечистая сила’ (Арх.: Лен.) [КСГРС], производной от *мона́х* (из греч. *μοναχός* ‘одинокий’ [Фасмер, 1964–1973, т. 2, с. 649]).

В целом, мифологический мир топоса человек воспринимает через свое состояние, негативные особенности которого приписывает воздействию мифологических персонажей. Общая тенденция к преобладанию негативной семантики над позитивной подтверждается.

Экспедицией Уральского госуниверситета на Русском Севере записано выражение, ранее не фиксировавшееся в других источниках: *ма́рдас (ма́ртас) вы́ел (вы́кусил, нае́л)* ‘о синих (реже – красных) пятнах на теле человека, появляющихся, по народным поверьям, к смерти самого человека или его близких, плохому событию’, ср.: *«Синяк будет на ноги или на руки, скажут, мардас выел: если мардас выел в себе – покойники будут, а если в наружну сторону – плохо событие», «А на теле образуется, я слышал, когда выело сине и зубы обозначены – мардас выел»*, *«Мардас выел, дак кто-то умрет, скажут, если из нутра-то синяк»*, *«Мардас выкусил, говорят, когда синяк появился: на правой руке если – кто-то близкий умрет, на левой – так не очень»* (Арх.: Леш.), *«Пожилые утром проснутся, а у них синие места на ляжках, на плечах – мардас выел, говорят»*, *«Мардас выел – это пятна пошли, мардас выел – это к смерти: у сестры перед смертью это пятно жёлто было, мардас выел»*, *«Мардас выел: так если на видном месте, то к худу, а дак если в нутро, то к добру»*, *«Мардас выел, так смерть скоро, он у стариков всегда появляется»*, *«Мартас выел на руке-то: скоро помирать»*, *«Мартас наел: если синие к себе, дак к добру, а на сторону, дак не к хорошему»* (Арх.: Мез.) [КСГРС].

В самостоятельном употреблении лексема *ма́рдас* отмечена в значении ‘видение, плохой знак’: *«Чего ли привидится, мардас наверно»*, *«Вот привидится что, а потом и сделается что худоё, вот, говорят, мардас был, мардас привиделся»*, *«Я сама вижу мардаса перед плохим временем, пойду имать, так ведь нет никого»* (Арх.: Мез.) [КСГРС]. Диалектоносители делают различные предположения о том, кто такой *ма́рдас*. По одной из версий, это животное: *«Мардас – невидима животинка, мардас выел – пятна на руках появляются, там и зубы заметно, мардас выел – редко рассасывается»* (Арх.: Мез.), *«Мардас – животное чито ли какое. Говорят: мардас выел, если у кого синяк»* (Арх.: Леш.) [КСГРС]. Один информант уточнил значение лексемы *ма́рдас* – ‘моль’: *«Мало ли какую плешину выел, пальто ли что, дыра какая – как будто мардас выел. Мардас – летат животина така»* (Арх.: Мез.) [КСГРС]. Дважды *мардас* отождествлен с щукой: *«Мардас – это значит хорошее что-нибудь попадёт перед плохим: брат мой щуку вытянул и умер скоро»*, *«Привидится что – это мардас какой-то будет: если щуку пощупат кто – к плохому»* (Арх.: Мез.) [КСГРС]. Наиболее частотно представление о *ма́рдасе*, *ма́ртасе*, как о домовом: *«Мардас – наверно, домовеюшко»*, *«Мартас меня во сне давил. Мартас овцам на ноги сено накрутит-накрутит, так смотреть страшно»* (Арх.: Мез.) [КСГРС].

Предания о *ма́рдосе*/*ма́ртосе* записаны также О. А. Черепановой: *«Мартос какой-то синяки выкусыват. Ежели на заднице выкусит, нигде больше нету, это не к добру. Нигде не вережалась, чтоб синило* [синяк]. *Мартос, конечно. Ежели пятно от себя, это к худу. Въедат меня мартос. Можно, ето и есть дедушко. Не знаю. Дедушко, говорили, выкусыват»* (Арх., Мез., Лампожня, 1986); *«Мардос выкусал, если к себе, то к неприятности, а от себя, то к добру. Говорят, что домовой выкусал. Какой синило появится, говорят, дедушка-домовеюшко кусал. И не чувствуешь, и не больно. Мартос это. Я легла как-то, и надавило на меня, и вижу – ручонка тоненька-тоненька. А оказывается, надо было попроситься у дедушки, когда ложилась»* (Арх., Мез., Закокурье, 1986) [Мифологические рассказы, 1996, с. 89].

Фонетически и семантически близкое русск. *марду́й* ‘черт, нечистая сила’ [СРНГ, т. 17, с. 370] М. Фасмер [Фасмер, 1964–1973, т. 2, с. 573, со ссылкой на J. Kalima] возводит к эст. *mardus* ‘привидение, дурная примета, загробный голос’. СРНГ отмечает также *ма́рус* в бранном выражении *слепо́й*

ма́рус: *«Ах ты, слепой марус, и сам не живешь и людям не даешь»* (Смол.) [СРНГ, т. 17, с. 377]. С представленными существительными связан глагол *мардо́сить* ‘казаться’ (Олон.) [СРНГ, т. 17, с. 370] и, возможно, *мара́скаться* ‘привередничать, капризничать, быть слишком разборчивым’ (Арх., Вят.) [СРНГ, т. 17, с. 369].

Указанное М. Фасмером эст. *mardus* фиксируется в «Эстонско-русском словаре» И. Тамма: эст. *mardus* ‘привидение, предвещающее несчастье или смерть’ [Тамм, 1988, с. 294]. В. Я. Петрухин в книге «Мифы финно-угров» также указывает, что *ма́рдус* является персонажем эстонской мифологии: «дух преисподней *мардус*, чей голос (а также таинственный шум в доме, звуки прядения или пение сверчка) предвещал смерть» [Петрухин, 2003, с. 145–146). Ю. Г. Рочев сообщает о том, что «у эстонцев бытуют предания о Мардусе, представителе подземного мира, который создает неясный шум перед тем, как кто-то умрет. В этом он похож на Орта, который тоже любит пошуметь в такие моменты. Оба они – персонажи мифологии финно-угорских народов» [Рочев, 1986].

Согласно представлениям многих финно-угорских народов, душа умершего может являться в виде призрака, звука, животного, рыбы или птицы, предвещая тем самым смерть. Вепсы верили, что «душа-птица, улетевшая в мир мертвых, могла возвратиться к живым как вестник смерти. По вепсским поверьям, если любая птица залетала в окно дома, то это предвещало скорую смерть одного из ее обитателей» [Прибалтийско-финские народы, 2003, с. 434]. В финском языке зафиксировано слово *marras* ‘существо, предвещающее смерть’, ‘необычный, большой, редкий зверь – рыба в снастях’ – «означает смерть ловца», ‘видение, происшествие, предзнаменование’ – «означает, что в это время умер близкий родственник» [Симонсуури, 1991, с. 48–49], ср. русск. *«Мардас – это значит хорошее что-нибудь попадёт перед плохим: брат мой щуку вытянул и умер скоро»* [КСГРС]. Финскому родственно эст. *mardus* ‘привидение, предвещающее несчастье или смерть’ [Тамм, 1988, с. 294]. Финская и эстонская лексемы заимствованы из арийского *marras* ‘умерший, покойник’ [Хакулинен, 1955, с. 66–67].

Наиболее полная информация представлена в этимологических словарях финского языка: фин. *marras* (род. п. *martaan*), *marta* ‘несущий смерть, предсказывающий смерть’, ‘дряхлый’, ‘мертвый’, ‘покойник’, ‘предвестник смерти (например, неожиданная добыча, улов)’, ‘смертельно бледный’, *martaus* ‘дряхлый, немощный, слабый’, *martauskapeet* ‘души умерших’, ‘души родителей’, *marrasuhri* ‘искупительная жертва’, ‘человеческая жертва’, эст. *marras* (род. п. *marda*) ‘хрупкий, слабый, хилый, тонкий’, ‘сильно испорченный’, ‘предзнаменование смерти’, ‘призрак смерти’, *mardus* ‘призрак, привидение’, ‘предвестие несчастья’; фин. > саам. кольск. *mā̄rDes*, кильд. *mā̆rdes* ‘несущий смерть, предсказывающий смерть’, ‘необычная или случайно выловленная добыча, улов, которые предвещают получателю смерть’ [SKES, 2, s. 335], фин. *marrastaa* ‘предвещать наступление смерти, болезни’, ‘долго болеть’, ‘мучить, беспокоить’ [SSA, 2, s. 151]. В диалектах саамского языка заимствованное из финского слово очень активно: сонг. *mā̆r̥Dęs*ₒ нот. *mā̄r̥Dęs*ₒ кильд. *mārdas* ‘добыча (рыба или зверь), которая благодаря необычному или необыкновенному вылову предсказывает получателю смерть’ [KKLS, 1958, I, s. 240]. Саамская лексема отмечена в следующих выражениях: патс. *tę̄t l̥ᵉäi mā̆r̥Dęz òudɒ̆ŝt̀* ‘он стал мардасом’, сонг. *jĭ̆ę̆Ǵ-GᴬmärDạin lëäDẹ* ‘быть при смерти, готовиться к смерти’ [KKLS, 1958, I, s. 240].

По сообщению Л. А. Елисеевой, в эстонской мифологии «согласно народным представлениям, *мардус* являлся призраком из мира мертвых, наводящим на людей страх и ужас. Он появлялся ночью у заброшенных пустых домов, на развалинах и болотах в образе людей, умерших неестественной или преждевременной смертью и исчезал потом, не оставляя ни малейших следов своего присутствия. Согласно эстонской легенде, *мардус* предвещает смерть и появляется там, где кто-то должен умереть. Интересно, что у финнов (Suomi) словом *мардус* обозначался месяц ноябрь, в котором на севере Финляндии наступает полярная ночь. Этот период именуется финнами как *Kaamos*, символизирующий смерть лета, приход зимы – мрака, смерти и холода» [Елисеева, 2018]. Действительно, в финском языке *marraskuu* ‘ноябрь’, ‘месяц, в который природа уже почти умерла, легла отдохнуть зимой’, ср. *marrasaika* ‘печальное время’, в эстонском *marras aeg* ‘время, когда можно встретить опасных животных’, ‘месяц, когда души умерших, покойников особо подвижны, активны’, *mardikuu*, *märdikuu*, *martnakuu* ‘ноябрь’ [SKES, 2, s. 335–336].

От наименования *marras* производны финские лексемы *marraskesi*, *marraskettu*, *marrasnahka*

‘верхний слой кожи’, карел. *marrašnahka*, ливв. *märräznahku*, люд. *mardàznahk*, водск. *marreskettu* ‘то же’ при *kesi*, *kettu* ‘кожица, пленка’, *nahka* ‘кожа, шкура’, эст. *maras*, *marask*, *maraski* ‘верхний слой кожи’, *jalg on marraskil* ‘на ноге ссадина’, *marrastama* ‘содрать или ссадить кожу’ [SKES, 2, s. 335]. Лексическую параллель находим в фин. *huu* ‘ах, ух (при выражении страха’ [ФРС, 1998, с. 131] (< герм. **hugu* ‘душа, дух’) и производных *huunpurema*, *huunhaukko* ‘веснушка, синеватое или черное пятнышко на коже, появляющееся якобы к смерти близких родственников’ при внутренней форме ‘призрака умершего укус’ [SKES, 1, s. 91], «само собой возникшее иссиня-черное пятно на коже – укус хуу, *huunpurema* ‘зуд смертной кости’, *kuolinluu* – означают смерть ловца» [Симонсуури, 1991, с. 50].

В существование двух душ верили саамы: «одна из них была неотъемлемой частью живого человека и покидала тело с его последним вздохом. Вторая душа была «свободной». Она могла покинуть тело и без того, чтобы человек умер» [Прибалтийско-финские народы, 2003, с. 121]. Те же верования обнаруживаются у вепсов: «Душа-птица, улетевшая в мир мертвых, могла возвратиться к живым как вестник смерти. По вепсским поверьям, если любая птица залетала в окно дома, то это предвещало скорую смерть одного из ее обитателей» [Прибалтийско-финские народы, 2003, с. 434].

Синонимичной выражению *ма́рдас (ма́ртас) вы́ел (вы́кусил, нае́л)* является идиома *о́рт укуси́л* ‘о синих (реже – красных) пятнах на теле человека, появляющихся, по народным поверьям, к смерти самого человека или его близких, плохому событию’ (Арх.: Лен.): *«Когда появится темное пятно, скажут: орт укусил. Кто-то умрет из знакомых или сам человек умрет»*; *«Человек даже не помнит, где наткнулся, а сделается синее: ну, орт укусил. Предвещает смерть в родне, к покойнику»*; *«От дедушки слыхала: орт укусил – скоро умру. А кто этот орт – незнамо, только что пятна делаются, знаки смерти»*; «*Орт укусил, значит, скоро помирать. У стариков-то появляются синие пятна на руках. Заметят, скажут: орт укусил»*; *«Орт укусил – бывает такое поверье. Василий у меня проснулся – на руке красное пятнышко. Свекровка говорит: это орт тебя укусил, значит, кто-то помрет»*; *«Вот появился де-ка тут синяк – к смерти, мол, орт укусил»*; *«Когда появится темное пятно, скажут: орт укусил. Кто-то умрет из знакомых или сам человек умрет»*; *«Орт укусил, если черное пятно, кто-то в родне умрет. Задеваешь его и небольно»* [КСГРС].

Выражение отмечено также в варианте *а́орт укуси́л* (Арх.: Лен.): *«Меня ночью кто-то кусает. Если синяк будет, то покойник будет. Обязательно на жилке синяк. Аорт укусил, вроде как покойник»; «Синяк на теле будет, говорят, аорт укусил»* [КСГРС].

В самостоятельном употреблении зафиксировано *орд* ‘в суеверных представлениях – привидение, призрак’ (Влг.: Ярен.) [СРНГ, т. 23, с. 331].

Источником заимствования является коми язык: *орт* ‘двойник, призрак, дух’, поэт. ‘тень’, *орт бедь кодь* ‘костлявый, худой как палка (букв. как палка призрака)’ [КРС, 2000, с. 460]; *орт*, *ôрт*, *орд* ‘привидение, тень, призрак покойника; дух, двойник человека, который по поверьям ходит среди людей перед смертью кого-л. и может кусать людей до синяков’ [ССКЗД, 1961, с. 277], *орт чепöль* ‘синяк на теле’ (при *чепöль* ‘щепоть, щепотка’, ‘щипок’) – букв. ‘щипок орта’ [ССКЗД, 1961, с. 700], уд. *орд би* ‘слабый, еле мерцающий огонь’, уд. *орт пасьтала куйлыны* ‘лежать распластавшись’ (при *пасьтала* ‘кругом, всюду, по всей ширине’ [ССКЗД, 1961, с. 277], *куйлыны* ‘лежать, покоиться’ [ССКЗД, 1961, с. 178]), скр. *орт везь* ‘очень худой, одна тень (о ком-л.)’ [ССКЗД, 1961, с. 261]; *orti/s vetle/* ‘дух умершего парит здесь’, *ort t´śɛpl´alɛ jai≈te* ‘*орт* щипает тебя в тело; место станет синим’, *ort t´śɛpl´ala:ma uźig kosti* ‘*орт* меня во сне (во время сна) ущипнул’ («перед бедой, перед случаем смерти появляется *ort* тому, которого коснется беда, или его знакомым; он представляется также звуками в воздухе») [Fokos-Fuchs, 1959, S. 711].

Соответствия коми *орт* обнаруживаются в удм. *урт* ‘душа, дух’, *urtsas’kis’* ‘призрак, привидение’, мар. *ӧрт* ‘самообладание’, ‘присутствие духа’, ‘душа’, хант. *орт* ‘глава, предводитель, хозяин’, ‘дух, душа’ [КЭСК, 1999, с. 208], удм. *урт* ‘душа, дух’, *урткыч_* ‘летучая мышь’ [УРС, С. 311] при *кыч_* ‘шелуха’, ‘петля (ловушка для дичи)’, ‘испражнения насекомых’ [УРС, 1948, с. 168]. Удмурты считали, что *урт* могла покинуть тело при испуге и болезни, тогда человек лишался душевного здоровья. С уходом *урт* весь дом мог лишиться счастья-доли, можно было лишиться доли после смерти хозяина, поэтому после выноса его тела сразу выходили на улицу с белой

скатертью, хлебом и одеждой покойного, просили *урт* вернуться в дом и заводили ее обратно в избу.

Сходные представления отмечены в коми *урес* ‘призрак, привидение, которое будто бы показывается родственникам или друзьям перед смертью кого-л., двойник человека’, *урӧс* ‘беда, несчастье, неприятный случай’ [ССКЗД, 1961, с. 400], *урес* ‘привидение, тень, призрак покойника’, ‘дух, двойник человека, который по поверьям ходит среди людей перед смертью кого-либо и может кусать людей до синяков’ [ССКЗД, 1961, с. 277], *ureş* ‘порча’ [КЭСК, 1999, с. 298]. Этимологически лексему сопоставляют с удм. *урод* ‘плохой, дурной, худой’ [КЭСК, 1999, с. 298], ср. также удм. диал. *урод* ‘злостный, злобный, злой’, *уродэ усьыны* ‘попасть в беду’ [УРС, 1948, с. 454].

Рассматриваемая идеограмма отмечается только на востоке Архангельской области. Здесь же зафиксировано выражение *смёртные пя́тна* ‘синие пятна, появляющиеся у человека перед смертью’ [КСГРС].

Лексема *мо́йга* ‘пигментное пятно синего цвета у пожилых людей, предвещающее смерть’ записана в Мезенском районе Архангельской области и имеет также значения ‘ляп в игре’, ‘пятно на лбу животных’ [КСГРС]. Слово прибалтийско-финского происхождения и может быть сопоставлено с фин. *mojoa*, *mojota* ‘влиять, помогать’, ‘ныть, болеть’, ‘сиять (о тепле очага)’, ‘досадно кому-либо’, *mojo*, *moju* ‘боль’, ‘сильный, энергичный’, ‘могущественный, большой’, *mojova* ‘чувствительный, ощутимый’, ‘действенный’, эст. *mõjuda* ‘влиять, действовать’, *mõju* ‘влияние, воздействие’ – дескриптивно-ономатопоэтического происхождения, ср. *mojuta* ‘гудеть, греметь’, ‘ворчать, бурчать’, ‘пробормотать’, *mojo* ‘гулкий’, ‘глухой’, ‘треснутый’, ‘стук’,‘грохот’, *moju* ‘грохот, шум, гвалт’, ‘колокольчик, бубенец’ [SKES, 2, s. 347].

В Ленском районе Архангельской области одним из основных мифологических персонажей является *богали́м*, *бугали́м*, *бу́данко*, *бу́ден*, *бу́денко*, *бу́дон* ‘филин’: *«Бугалим – страшная птица, бугалим в деревню прилетел – к пожару»*, *«Бугалим в деревню редко залетает. Как залетит – не к добру. В ём нечистая сила сидит. Бугалим прилетел, «бу-бу-бу» – покойник будет»*, *«Буданко бухает – ненастная погода будет»*, *«Буден, буденко его зовут. Говорили, что он может в лес увести человека, особенно пьяного. Он кричит «буди-буди», а пьяный думает, что это человек кричит «буди! буди!». И идёт туда»* [КСГРС]. Отмечено фонетически близкое *бухали́м* ‘филин’, ‘неуклюжий человек’, ‘человек, который идет с шумом’, ‘угрюмый человек’, ‘человек с отрывистой речью’, ‘человек, который бормочет’, ‘лгун’, ‘непослушный ребенок’, ‘человек в мешковатой одежде’ [КСГРС].

Лексемы восходят к коми иж. *бугуй*, *бухуй*, *буду*, скр. *сюзь бугуй* ‘филин’ [ССКЗД, 1961, с. 359], ср. также вс., вым., иж., лл., нв., печ., скр.. сс., уд. *буксыны*, вв. *буксіні*, уд. *буксасьны* ‘ухать (о филине)’, ‘реветь, рычать (о животных)’, уд. сюзь *кӧ буксасьӧ*, *пӧгедьдя вежсяс* ‘филин ухает – погода переменится’, нв., скр., сс. *букшасьны*, вв. *букшасьні* ‘поглядывать изподлобья’, ‘хмуриться (о человеке)’, ‘хмуриться (о погоде)’ [ССКЗД, 1961, с. 29].

Русское *филин* встречается в обороте *фи́лин уведё́т (увё́л)* ‘о ситуации, когда человек заблудился в лесу’: *«Поманится – филин может увести: закричит по-своему и человек пойдет за ним. Говорят: филин уведёт, филин увёл»* (Лен., Суходол) [КСГРС], ср. выше *бу́ден*, *бу́денко*.

В целом, географическое мифологическое пространство связано с представлением об опасности. Номинируются места, трудные для преодоления: леса, болота, речные водовороты. В наименованиях мифологических персонажей отражается активное межъязыковое взаимодействие.

СОКРАЩЕНИЯ

1. *Географические названия*: Арх. – Архангельская область (губерния); Бабуш. – Бабушкинский район Вологодской области; Вил. – Вилегодский район Архангельской области; Влг. – Вологодская область (губерния); Влгд. – Вологодский район Вологодской области; Вят. – Вятская губерния; Карел. – Республика Карелия; Костр. – Костромская область; К.-Перм. – Коми-Пермяцкий автономный округ; Лен. – Ленский район Архангельской области; Леш. – Лешуконский район Архангельской области; Мант. – Мантуровский район Костромской области; Медв. – Медвежьегорский район Республики Карелия; Мез. – Мезенский район Архангельской области; Олон. – Олонецкая губерния; Пет. – Петрозаводский уезд; Помор. – Поморье (побережье Белого моря); Прим. – Приморский район Архангельской области; Пск. – Псковская область (губерния); Смол. – Смо-

ленская область; Твер. – Тверская область (губерния); Яр. – Ярославская область (губерния); Ярен. – Яренский уезд Вологодской губернии.

2. *Языки и диалекты*: вв. – верхневычегодский диалект коми языка; водск. – водский язык; вс. – верхнесысольский диалект коми языка; вым. – вымский диалект коми языка; герм. – германские языки; греч. – греческий язык; иж. – ижемский диалект коми языка; карел. – карельский язык; кильд. – кильдинский диалект саамского языка; кольск. – кольский диалект саамского языка; коми – коми-зырянский язык; ливв. – ливвиковский диалект карельского языка; лл. – лузско-летский диалект коми языка; люд. – людиковский диалект карельского языка; мар. – марийский язык; нв. – нижневычегодский диалект коми языка; нот. – нотозерский диалект саамского языка; патс. – диалект Патсйоки саамского языка; печ. – печорский диалект коми языка; русск. – русский язык; саам. – саамский язык; скр. – сыктывкарский диалект коми языка; сонг. – сонгельский диалект саамского языка; сс. – среднесысольский диалект коми языка; уд. – удорский диалект коми язык; удм. – удмуртский язык; фин. – финский язык; хант. – хантыйский язык; эст. – эстонский язык.

3. *Прочие*: букв. – буквально; диал. – диалектное; поэт. – поэтическое; род. п. – родительный падеж; ср. – сравни; т.е. – то есть.

ЛИТЕРАТУРА

АОС, 1982 – Архангельский областной словарь. Т. 2. Береза-Бяще. М.: МГУ, 1982.

Гемп, 2004 – Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004.

Даль, 1955 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.

Елисеева, 2018 – Елисеева Л. А. Мардус // Мифология. Режим доступа: http://mifolog.ru/mythology/item/f00/s03/e0003173/index.shtml (дата обращения: 21.10.2018)

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

КРС, 1961 – Коми-русский словарь. М., 1961.

КРС, 2000 – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000.

Куликовский, 1898 – Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КЭСК, 1999 – Краткий этимологический словарь коми языка / Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Сыктывкар, 1999.

Мельниченко, 1961 – Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Мифологические рассказы, 1996 – Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. 212 с.

Петрухин, 2003 – Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель, 2003. 464 с.

Плесовский, 1983 – Плесовский Ф. В. Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар, 1983. 208 с.

Подвысоцкий, 1885 – Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

REFERENCES

AOS, 1982 – Arhangel'skij oblastnoj slovar'. T. 2. Bereza-Byashche. M.: MGU, 1982. (in Russian)

Gemp, 2004 – Gemp K. P. Skaz o Belomor'e. Slovar' pomorskih rechenij. M.; Arhangel'sk, 2004. (in Russian)

Dal', 1955 – Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. M., 1955. T. 1–4. (in Russian)

Eliseeva, 2018 – Eliseeva L. A. Mardus // Mifologiya. Rezhim dostupa: http://mifolog.ru/mythology/item/f00/s03/e0003173/index.shtml (data obrashcheniya: 21.10.2018) (in Russian)

KSGRS – Kartoteka «Slovarya govorov Russkogo Severa» (hranitsya na kafedre russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrFU). (in Russian)

KRS, 1961 – Komi-russkij slovar'. M., 1961. (in Russian)

KRS, 2000 – Beznosikova L. M., Ajbabina E. A., Kosnyreva R. I. Komi-russkij slovar'. Syktyvkar, 2000. (in Russian)

Kulikovskij, 1898 – Kulikovskij G. I. Slovar' oblastnogo oloneckogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii. SPb., 1898. (in Russian)

KESK, 1999 – Kratkij etimologicheskij slovar' komi yazyka / Lytkin V. I., Gulyaev E. I. Syktyvkar, 1999. (in Russian)

Mel'nichenko, 1961 – Mel'nichenko G. G. Kratkij yaroslavskij oblastnoj slovar'. Yaroslavl', 1961. (in Russian)

Mifologicheskie rasskazy, 1996 – Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa / Sost. i avtor kommentariev O. A. Cherepanova. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996. 212 s. (in Russian)

Petruhin, 2003 – Petruhin V. Ya. Mify finno-ugrov. M.: Astrel', 2003. 464 s. (in Russian)

Прибалтийско-финские народы, 2003 – Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. 671 с.

Рочев, 1986 – Рочев Ю. Г. Традиционные представления коми об орте и их трансформации в современности // Komi Zyryans Traditional Culture. Режим доступа: http://foto11.com/komi/ethnography/magicians/ort.shtml (дата обращения6 21.11.2018)

Симонсуури, 1991 – Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991. 210 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. М.-Л.; СПб., 1965–2016.

ССКЗД, 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Тамм, 1988 – Тамм И. Эстонско-русский словарь. Таллин, 1988.

УРС, 1948 – Удмуртско-русский словарь. М., 1948.

Фасмер, 1964–1973 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. 1-е изд. М., 1964–1973.

ФРС, 1998 – Финско-русский словарь. Таллин, 1998.

Хакулинен, 1955 – Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 2. М., 1955.

Fokos-Fuchs, 1959 – Fokos-Fuchs D. Syrjanisches Worterbuch. Bd. 1–2. Budapest, 1959.

KKLS, 1958 – Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I–II. LSFU, XV. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 1958.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. LSFU, XII. Helsinki, 1958–1981.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.

Plesovskij, 1983 – Plesovskij F. V. Komi poslovicy i pogovorki. Syktyvkar, 1983. 208 s. (in Russian)

Podvysockij, 1885 – Podvysockij A. I. Slovar' oblastnogo arhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii. SPb., 1885. (in Russian)

Pribaltijsko-finskie narody, 2003 – Pribaltijsko-finskie narody Rossii. M., 2003. 671 s. (in Russian)

Rochev, 1986 – Rochev Yu. G. Tradicionnye predstavleniya komi ob orte i ih transformacii v sovremennosti // Komi Zyryans Traditional Culture. Rezhim dostupa: http://foto11.com/komi/ethnography/magicians/ort.shtml (data obrashcheniya6 21.11.2018). (in Russian)

Simonsuuri, 1991 – Simonsuuri L. Ukazatel' tipov i motivov finskih mifologicheskih rasskazov. Petrozavodsk, 1991. 210 s. (in Russian)

SRGK – Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej / Gl. red. A. S. Gerd. SPb., 1994–2005. Vyp. 1–6. (in Russian)

SRNG – Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 1–49. M.-L.; SPb., 1965–2016. (in Russian)

SSKZD, 1961 – Sravnitel'nyj slovar' komi-zyryanskih dialektov. Syktyvkar, 1961. (in Russian)

Tamm, 1988 – Tamm I. Estonsko-russkij slovar'. Tallin, 1988. (in Russian)

URS, 1948 – Udmurtsko-russkij slovar'. M., 1948. (in Russian)

Fasmer, 1964–1973 – Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 1–4. 1-e izd. M., 1964–1973. (in Russian)

FRS, 1998 – Finsko-russkij slovar'. Tallin, 1998. (in Russian)

Hakulinen, 1955 – Hakulinen L. Razvitie i struktura finskogo yazyka. Ch. 2. M., 1955. (in Russian)

O. A. Teush

LANGUAGE IMAGE OF MYTHOLOGICAL SPACE AND ITS INHABITANTS (BASED ON THE RUSSIAN DIALECTAL VOCABULARY)

The article deals with Russian dialect lexemes, in the semantics or internal form of which the ideas of man about the mythological space and its inhabitants are realized. Dominant ideas about mythological topos are revealed. The names of enchanted places are interpreted etymologically, the dwelling places of mythological characters are described. Special attention is paid to the lexemes borrowed from the Finno-Ugric languages: the phraseological compatibility of the symbols of mythological characters is interpreted, the Finno-Ugric sources of lexemes are revealed, the intercultural interaction embodied in dialect names is analyzed. On the basis of the linguistic analysis the ethno-cultural interpretation of Russian dialect expressions is carried out: *ма́рдас (ма́ртас) вы́ел (вы́кусил, нае́л)* and *о́рт укуси́л*

‘about the blue (less – red) spots on the human body, appearing, according to a popular belief, before the death of the person or his relatives or a bad event’; Finno-Ugric sources of the borrowing are revealed, the transformation of the semantics of phraseological units in the North Russian dialects is evaluated.

Keywords: vocabulary, semantics, mythology, topos.

Теуш Ольга Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина,
(Екатеринбург, Россия)
olga.teush@yandex.ru

Teush Olga Anatol’evna,
PhD in Philology, Associate Professor,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)
olga.teush@yandex.ru

УДК 811.511.151

С. С. Сибатрова

К ИСТОРИИ МАРИЙСКИХ ОБРАЩЕНИЙ-МЕЖДОМЕТИЙ К ЛОШАДЯМ И ЖЕРЕБЯТАМ: ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена одной из лексико-семантических подгрупп марийских императивных междометий – обращениям к лошадям и жеребятам, а именно их происхождению. Марийские обращения-междометия к животным, в т.ч. к лошадям и жеребятам, до настоящего времени не были предметом подобного специального исследования. Цель работы состоит в установлении лексического состава и места русских заимствований в системе изучаемых единиц. Для достижения цели определено выполнение ряда промежуточных задач: наиболее полное выявление лексического состава обращений-междометий к лошадям и жеребятам, зафиксированных в источниках, систематизация их по общему семантическому признаку с учетом ареала распространения (марийских наречий), проведение этимологического анализа описываемых слов и представление результатов количественного подсчета в зависимости от их происхождения, прежде всего русских заимствований. Исследование выполнено на базе фактических материалов современных грамматик, отдельных монографий и статей по марийскому языку, лексических данных словарей (десятитомного, диалектных, этимологического). В ходе изучения генезиса слов активно использованы этимологические и лексикографические работы по марийскому, русскому и тюркским языкам. Сбор, разностороннее изучение и анализ материала осуществлены при помощи таких методов лингвистического исследования, как описательный (наблюдение, обобщение, интерпретация, классификация), сравнительно-исторический (при определении генетической принадлежности слов), сопоставительный (сравнение с фактами русского и тюркских языков), также применены приблизительные математические подсчеты изучаемых единиц. В работе впервые представлены в систематизированном виде обращения-междометия к лошадям и жеребятам, подвергнуто анализу их происхождение. Установлены отдельные ряды слов для подзыва, понукания и остановки, причем они составлены в соответствии с основными марийскими наречиями. В источниках обнаружено всего 20 междометий с фонетическими вариантами – более 10 ед. для зова лошадей и жеребят, около 10 ед. – для понукания, 2 ед. – для остановки, 1 ед. – для обращения во время водопоя. Согласно результатам этимологического исследования, многие из них имеют русское и тюркское происхождение. Немалая часть таких обращений-междометий (всего 8 ед., или около 40%; в том числе: 4 ед. для понукания лошадей и жеребят, 2 ед. – для подзыва, 1 ед. – для остановки, 1 ед. – для обращения во время поения) вошла из русского языка. Как видно, русский язык сыграл заметную роль в пополнении лексического ряда обращений-междометий к лошадям и жеребятам.

Ключевые слова: марийский язык, междометия, обращения к лошадям и жеребятам, семантика, происхождение, русские заимствования.

Исследование влияния русского языка на марийский было и остается одним из актуальных направлений марийской лингвистики. До настоящего времени наибольшее внимание со стороны специалистов уделялось лексическим заимствованиям из русского языка. В статьях и книгах, посвященных явлениям различных уровней марийского языка, отмечены или рассмотрены также фонетические,

семантические и отдельные грамматические изменения, происшедшие под воздействием русского языка. Однако при этом совершенно недостаточно, не говоря уже о системности, изучена роль русского языка в развитии марийской грамматики, в частности морфологии – частей речи, в их числе и междометий.

Целью настоящей статьи является попытка выявить русские заимствования среди междометий, используемых в обращении к лошадям и жеребятам, и установить их место в данной системе. Для достижения цели намечены следующие задачи: обобщить междометия изучаемой группы (обращения к лошадям и жеребятам), зафиксированные в источниках, провести их систематизацию по семантическому признаку с учетом ареала распространения, представить этимологический анализ и результаты количественного подсчета описываемых слов в зависимости от их происхождения.

Статья должна внести определенный вклад в разработку проблем марийских частей речи в аспекте влияния на них русского языка. Она может быть использована в подготовке научной грамматики (морфологии) и лексикологии современного марийского языка (а именно их разделов о междометиях и о происхождении марийской лексики), а также при разработке отдельных лекций и практических занятий, соответствующих разделов учебных пособий и сборников упражнений по марийской морфологии и лексикологии для студентов марийских отделений. Материалы и обобщения, содержащиеся в исследовании, могут быть полезны специалистам родственных языков и языковых контактов.

Марийские языковеды междометные обращения к животным, как и обращения к людям, относят к побудительным междометиям [СМЯМ, 1961, с. 318; Гордеев, 1972, с. 8–10; Коведяева, 1976, с. 90; Учаев, 1985, с. 177; Саваткова, 2002, с. 284; Мустаев, 2013, с. 334]. При этом отмечают их использование для зова, призыва или подзывания – с одной стороны, и для отпугивания или отгона – с другой. Однако, очевидно, по причине отсутствия обобщенного фактического материала, большого разнообразия выражения и вариантов в диалектах и говорах (даже у одного «объекта»), значительной сложности объяснения происхождения исследователи мало обращались к изучению этих слов. Можно назвать только две работы в данной области – тезисы доклада Ф. И. Гордеева «Императивные междометия марийского языка, обращенные к животным и птицам» [Гордеев, 1972] и статью В. А. Иванова «О двух периферийных лексических группах в горномарийском языке» [Иванов, 2016]. В тезисах Ф. И. Гордеева содержатся интересные мысли и иллюстративные материалы не только по марийскому, но и другим родственным языкам. Заслуживает внимания объяснение автора многочисленности и разнообразия состава марийских «подзывных и отгонных слов» «большей частью... проникновением из разных источников», а отсутствия этимологической связи между такими словами «волжских и пермских финно-угров» – «поздним развитием скотоводства и птицеводства у носителей этих языков» [Гордеев, 1972, с. 8–10]. В статье В. А. Иванова рассмотрены, наряду со словами детской речи, «слова клича и отгона животных (подзывные слова, подзывы)», а именно, для коров, лошадей, овец и коз, свиней, кошек и собак, а также для домашних птиц. Автором представлены функционально-семантические группы горномарийских подзывов, установлен их лексический состав, отмечены основные особенности значения и употребления, иногда приведены их параллели в других языках, отражена (как правило, словообразовательная) связь подзывов с детскими словами [Иванов, 2016, с. 13–23]. Так, из словаря горного наречия марийского языка А. А. Саватковой в статье приведены следующие «подзывы» для лошадей: употребляемые «в качестве подзывов» – *ымбо, ындо-ындо, птö-птö-птö* (правда, с замечанием, что «однако в обследованном говоре не удалось зафиксировать особых слов клича или отгона. Возможно, это связано с тем, что в настоящее время лошадей в частном хозяйстве практически не держат и эти слова могут быть забыты. Кроме того, можно использовать клички»), «для понукания лошади (команда идти вперед)» – *но* (часто с удлинением гласного), «с целью остановить животное» – *тррр* [Иванов, 2016, с. 15]. По результатам исследований сделан вывод, что подзывы (и детские слова) «принадлежат периферии языка и речи», «демонстрируют явные связи с несомненными составляющими изобразительной системы языка, поэтому их справедливо отнести к изобразительной лексике» [Иванов, 2016, с. 21–22].

Исследование проведено на основе фактических материалов современных марийских грамматик, соответствующих разделов других подобных работ, отдельных статей по марийскому языку

[СМЯМ, 1961; Гордеев, 1972; Коведяева, 1976; Учаев, 1985; Саваткова, 2002; Мустаев, 2013; Иванов, 2016], лексических данных десятитомного «Словаря марийского языка» [СМЯ, 1990–2005], диалектных словарей А. А. Саватковой [Саваткова, 1981] и В. И. Вершинина [Вершинин, 2011] и, в особенности, первых двух томов «Этимологического словаря марийского языка» Ф. И. Гордеева [Гордеев, 1979; Гордеев, 1983]. Богатый материал по изучаемой теме содержит монография М. Н. Кузнецовой «Названия диких и домашних животных в марийском языке» [Кузнецова, 2010].

На базе вышеуказанных источников установлены отдельные ряды слов для подзывания, для понукания и для остановки лошадей и жеребят (однако в статье представлены без ссылок); они составлены по основным марийским наречиям, правда, единицы северо-западного наречия, в связи с отсутствием информации в источниках, даны ограниченно. Далее рассмотрены этимологии междометий, прежде всего на основе словаря Ф. И. Гордеева, а также монографии М. Н. Кузнецовой, в отдельных случаях предложены свои соображения по происхождению. При необходимости приведены факты и мнения по генезису русских или тюркских слов, как правило, являющихся источниками марийских единиц или предполагаемых в качестве таковых. К сожалению, некоторые этимологии остались на уровне гипотезы и требуют дальнейшего изучения; а для отдельных единиц пока не удалось представить какую-либо версию генезиса. По результатам обобщения выявленных данных по происхождению и выделения русских заимствований сделано предположительное заключение о лексическом составе и месте русских заимствований в системе марийских обращений-междометий к лошадям и жеребятам.

В ходе отбора и изучения фактического материала, всей работы над темой применены такие методы лингвистического исследования, как описательный (наблюдение, обобщение, интерпретация, классификация), сравнительно-исторический (при определении генетической принадлежности слов), сопоставительный (сравнение с фактами русского и тюркских языков), также осуществлены простые подсчеты описываемых единиц (русских заимствований) по происхождению.

В источниках выявлено более 20 междометий, употребляемых в марийских наречиях при обращении к лошадям и жеребятам (правда, в статье недостаточно отражены особенности их использования в зависимости от возраста животных).

Подзывные слова для лошадей и жеребят (более 10 ед. с вариантами):

л. *до-до-до, дö-дö-дö, док-док-док; бо-бо, боб-бо, бö-бö, ба-ба, во-во, бок-бок; ло-ло-ло; лош-лош; чом-чом;*

в. *до-до-до, дох-дох; бо-бо, боб-бо, во-во, бох-бох, вох-вох, бах-бах; вий-вий; гули-гули, гӱлö-гӱлö, гӱльö-гӱльö, гыли-гыли;*

г. *до-до, дох-дох, дуо; да-да, нда-нда, ындо-ындо; во-во;* (килем.) *птö-птö-птö; даши-даши, дашик; ымбо, ымбо, мбо-мбо;*

с.-з. *доб-доб.*

В работе М. Н. Кузнецовой приведены (без указания ареала распространения) также междометия для призыва: *про-про-про, гӱдо-гӱдо, гльӱ-гльӱ* [Кузнецова, 2010, с. 103].

Как видно, фонетические варианты *до-до* и *во-во* имеют широкое распространение, употребляются в большинстве наречий. Ф. И. Гордеев императивное междометие *до-до,* а также *дох-дох* и *док-док-док* считает развившимися из «общемар. **дох* при русск. (Олонецк.) *чох-чох... < тох* – кличка для лошадей». При этом, по его предположению, и мар. **дох,* и рус. *чох* (< **тох*) «восходят к булг. (др.-чув.) источнику, хотя в современном чув. яз. соответствующих параллелей обнаружить... не удалось». Им приводятся соответствия койб. *тääк* ‘кобылка’, кирг. *такь* («возглас, успокаивающий лошадь»), рассматриваемые при ягноб. *таак-таак* («слово, которым гоняют лошадь») [Гордеев, 1983, с. 266]. Со ссылкой на *до-до,* то есть как заимствования «из булг. (др.-чув.) источника», Ф. И. Гордеев объясняет этимологию единиц: г. *дуо* [Гордеев, 1983, с. 272], л. *дö-дö* – «сращение *до-до* и звательн. суф. *-(а)й*» [Гордеев, 1983, с. 270], с.-з. *доб-доб*, представляющей собой «контаминацию двух самостоятельных лексем» – *до-: до-до* и *бо-: боб-бо* [Гордеев, 1983, с. 265] (*бо-бо* см. ниже).

На взгляд Ф. И. Гордеева, г. *да-да* также «восходит к булг. (др.-чув.) источнику: чув. *тиха, тäйха, тыйха, тойга...* ‘жеребенок’»; соответствия последнему, в том числе фонетически близкие к марийскому слову, находятся в ряде тюркских языков [Гордеев, 1983, с. 251], ср. тат., башк. *тай* ‘жеребенок’ [Егоров, 1964, с. 254]. Согласно мнению этимолога, междометие *да-да* представлено и во второй части призывного слова г. *нда-нда* (происхождение первой части *н-* «не ясно», хотя,

«возможно, представляет собой булг. (др.-чув.) наследие») [Гордеев, 1983, с. 251], ср. также слово для понукания лошадей *ндо-ндо-до-до* (см. ниже). Оно же предполагается в первой части подзыва г. *даши, дашик,* второй компонент которого *-шик* «по всей вероятности, восходит к русск. источнику»: *шиня* – окрик на лошадей, *шиняшка* ‘лошадка’, *шинька* ‘жеребенок, молодая лошадь’ [Гордеев, 1983, с. 256–257], ср. также подзывные слова для лошадей и жеребят в ярославских говорах *шень-шень, шенька-шенька, шеньтя-шеньтя* [Кандакова, 2003, с. 11]. Правда, М. Фасмер название *шинька* ‘жеребенок, молодая лошадь’ «нижегор., перм. (Даль)», «которое нельзя отрывать от межд.», «которым подгоняют лошадей и жеребят, южн. (Даль)», вслед за Б. Мункачи, сравнивает «с удм. *tśuńi̯* ‘жеребенок’» [Фасмер, 1987(б), с. 440].

Как заимствования из булгарского (др.-чув.) языка Ф. И. Гордеев рассматривает и подзывы л. *боб-бо,* г. *бо: мбо-мбо* [Гордеев, 1979, с. 221], л. *бок-бок* [Гордеев, 1979, с. 224], в. *бох-бох* [Гордеев, 1979, с. 229], л., в., г. *во-во* [Гордеев, 1983, с. 125], в. *вох-вох* [Гордеев, 1983, с. 147], которые представляет со ссылкой на такое же заимствование л. *ба-ба, бо-бо* при «чув. *пах* (дет. яз.) ‘лошадь’ и *пах-пах* – подзывные слова для лошадей; др.-чув. **бäх-бäх,* тат. *бах-бах* ‘тж’» [Гордеев, 1979, с. 182; Гордеев, 1972, с. 9]. С указанием на *ба-ба* даются и этимологии подзывных слов л. *бö-бö: < ба-ба* + «вокативн. суф. *-ö*. Ср. *авöй* ‘мама’ (в обращении)» [Гордеев, 1979, с. 230] и в. *бах-бах* – «заимств. из тат. яз.: *бах-бах* ‘тж’ < булг. < сармат.» [Гордеев, 1979, с. 206]. Надо добавить, что в чувашском языке общеупотребительным словом призыва лошадей является «*пах* с многочисленными фонетическими вариантами: *пах, бах, пох, упах, бо-бо, поххи-бо, мах, мах-мах* и т. д.», а для подзыва жеребят используются «*бах-бах, пах-пах, пăх, бох, па, бо-бо, ба-ба*» [Денисова, Сергеев, 2015, с. 34–35]. В связи с происхождением здесь можно отметить также варианты детских слов-названий, зафиксированные в восточномарийских говорах: *бово, бопо, бокбо, попо* ‘лошадка’ [Вершинин, 2011, с. 41, 443].

В подзывании для жеребят в. *вий-вий* Ф. И. Гордеев предполагает «перенос семантики с заимствованного из тат. яз. *биби*... ‘гусёнок; ягненок’» [Гордеев, 1983, с. 103]. В. И. Вершининым в. *ви-ви-ви* определяется как подзывание гусят и отмечается подобное же использование татарского соответствия [Вершинин, 2011, с. 51]. На наш взгляд, в. *вий-вий* может иметь непосредственную связь с тат. *бия* ‘кобыла, кобылица’ [ТРС, 1966, с. 75].

Междометия в. *гули-гули, гÿлö-гÿлö* (также *гÿльö-гÿльö*), *гыли-гыли*, согласно Ф. И. Гордееву, «восходят к татарскому источнику: *гölкäй, кölкäй...* ‘жеребенок’» < *гöл (кöл)* + *-кäй (-кай)* [Гордеев, 1983, с. 244, 247, 249]. Нужно добавить, подзыв для жеребят *гулю-гулю,* название *гулю* ‘жеребенок’ используются и в удмуртском языке [Иванов, 2014, с. 50].

Подзыв л. *ло-ло-ло* генетически связывается с названием лошади в финно-угорских языках: венг. *ló (lovat),* манс. *luw, лоэке,* хант. *loχ, law,* ненец. *lau,* также к.-зыр. *лола* ‘лось’ [Гордеев, 1972, с. 9; Кузнецова, 2010, с. 94].

Междометие для подзывания лошадей л. *лош-лош* Ф. И Гордеев считает вошедшим из русского языка, при нем приводит «русск. *лошак* ‘помесь жеребца и ослицы’» [Гордеев, 1972, с. 10]; см. в словаре В. Даля (в словарной статье *лошадь*) также «*лоша,* ср. *лошенокъ* м. юж. жеребенокъ. *Лошнякъ* м. нвг. прм. *лощакъ* или *лоншакъ* тмб. годовалый жеребенокъ» [Даль, 1955(б), с. 270]. Согласно М. Фасмеру, *лошадь, лоша* и др. («др.-русск. **лоша*») – «стар. заимствование из тюрк.; ср. чув. *laša* ‘лошадь’...» [Фасмер, 1986(б), с. 525–526]. К данному тюркскому источнику возводится и мар. *алаша, олаша* ‘мерин’ [Кузнецова, 2010, с. 97–98].

Подзывное слово для жеребят л. *чом-чом* вполне справедливо рассматривается Ф. И. Гордеевым «при *чома* ‘жеребенок’» [Гордеев, 1972, с. 9], а *чома* исторически сопоставляется, некоторыми специалистами со знаком вопроса, с подобными наименованиями в других финно-угорских (пермских, прибалтийско-финских, венгерском) языках [Кузнецова, 2010, с. 101–102].

История междометий *про-про-про, птö-птö-птö* и (всё же) *ындо-ындо, ымбо, ымбо, мбо-мбо* остается неясной. Правда, можно поставить вопрос по поводу *про-про-про* и *птö-птö-птö:* не имеют ли они отношения к словам для понукания в. *ψₒko·i̯, ˈψₒśo,* с.-з. *ˈψₒso* и к словам для остановки л. *тпр*, *трₒ*, в. *трₒ, т(ы)рр,* г. *тпру*, *тпр, тр-р-р* (см. ниже), а также к коми диалектным словам *сьтпро, спру* ‘зов лошади’ [Хаузенберг, 1972, с. 121].

Слова для понукания лошадей (в наречиях выявлено около 10 ед. с фонетическими вариантами):

л. *но, но-о*, *нö-нö, ʔнö-öть; уйт-уйт*, *вью; атю; айда; гуда;*

в. *но, н'о,* (уст.:) *нö, ну*^{ö}*;* $^{t}\psi_{o}ko\cdot$ *i̯;* $^{t}\psi_{o}\acute{s}o$ (ψ – между *p* и *r* [Кузнецова, 2010, с. 123], губно-губной вибрант);

г. *но, но-но*; *хӹдö;*

с.-з. $^{t}\psi_{o}so$.

В работе М. Н. Кузнецовой приведены (без указания ареала распространения) также: *дуо-дуо, худе, ндо-ндо-до-до, во-вуо, нох-нох, куде-куде, кӱснеч* [Кузнецова, 2010, с. 103].

Широко распространенное междометие для понукания *но* и варианты л. *нö-нö,* в. *н'о,* (уст.:) *нö, ну*^{ö}*,* очевидно, связаны с русскими понукательными возгласами *но* [ССРЛЯ, 1958, с. 1347] и *ну* [Даль, 1955(б), с. 558; ССРЛЯ, 1958, с. 1439]. Междометие *ну* в марийском языке, как и в русском, употребляется также для выражения общего побуждения к действию, несомненно, является русским заимствованием [Саваткова, 1969, с. 106; Исанбаев, 2014, с. 61]. Для русского императивного междометия *ну* М. Фасмер приводит параллели из ряда славянских языков и объясняет их происхождение как звукоподражательное [Фасмер, 1987(а), с. 88].

Междометие-свист л. *уйт-уйт*, употребляемое при погоне лошади, также вошло из русского языка; ср. рус. *фью, фью-фью, фьють, фюйть, фють* – обозначает свист [ССРЛЯ, 1964, с. 1608–1610]. Фонетически (и графически) адаптированным вариантом является и единица л. *вью*; хотя Ф. И. Гордеев отмечает ее образование как «междометное» [Гордеев, 1983, с. 219]. Нужно добавить, в марийском языке известно и подражание свисту (человека, птиц, пули) *фийт, фью, фють* [СМЯ, 2003, с. 227], заимствованное из русского языка [Сибатрова, 1916, с. 88].

Источником понукания л. *атю*, возможно, является русское междометие *ату* «усь, бери, крик травли; псовые охотники травят только зайца окриком: *ату!*» [Даль, 1955(а), с. 29], ср. также «*атата, ататя, атати* влгд. ол. межд. травли: ату, улюлю, усь-усь…» [Даль, 1955(а), с. 28]. Согласно М. Фасмеру, «клич к охотничьим собакам» *ату* вошел, «скорее, из франц. *à tout*» [Фасмер, 1986(а), с. 96].

Понукивание *айда,* как и общемарийское побудительное обращение-междометие к людям *айда* 'айда', Ф. И. Гордеевым отмечается как «заимств. из тат. яз.: *äйдä,* кирг. *айда...* 'гнать, понукать кого'» [Гордеев, 1979, с . 62, 61; Исанбаев, 1994, с. 10]. В русском языке «восклицание, подгоняющее животных», *айда, гайда* М. Фасмером рассматривается как заимствование «из тат. *aida, äidä* 'понукающий, подгоняющий окрик'» [Фасмер, 1986(а), с. 64].

По мнению Ф. И. Гордеева, л. *гуда* «заимств. из русск. яз. – восходит к апеллятиву *куда!*» [Гордеев, 1983, с. 244]. Однако обращает внимание то, что в чувашском языке для отгона лошадей и жеребят «используют общераспространенное слово *хуте* и его различные фонетические варианты: *хутя, хута, куте, кута, кути*». Происхождение *хуте* объясняется возможной «редукцией полнозначного слова *ху (хӑв), хутер (хутяр)* 'гнать, отгонять, пугать' < *ху* 'гнать, прогнать' + аф. понудительного залога *-тар (-тер)*» [Денисова, Сергеев, 2015, с. 35]. Идентичные марийские единицы л. *гуда,* г. *хӹдö,* а также *худе, куде-куде* и междометие для призыва *гӱдо-гӱдо,* скорее всего, восходят к чув. *хуте* с его вариантами.

Междометия для понукания *дуо-дуо, ндо-ндо-до-до, во-вуо,* должно быть, имеют общее (булгарское) происхождение с аналогичными подзывными словами для лошадей (см. выше).

Единицы в. $^{t}\psi_{o}ko\cdot$*i̯ (*^{m}*пр*$_{o}$*кой),* $^{t}\psi_{o}\acute{s}o$ *(*^{m}*пр*$_{o}$*сьо),* с.-з. $^{t}\psi_{o}so$ *(*^{m}*пр*$_{o}$*со)*, наверное, являются результатом семантических сдвигов в значении или междометий-русизмов, используемых в марийском языке для остановки лошади, или (в случае заимствования) аналогичных русских междометий для подзывания лошадей и для ласкательного обращения к ним (см. ниже).

Нет каких-либо (убедительных) версий по истории слов л. *нö-öть* < ? *нö-ö* + *уйт, кӱснеч, нох-нох* – ? ср. междометие для призыва жеребят чув. *нях-нях* [Денисова, Сергеев, 2015, с. 35].

Слова для остановки лошади (2 ед. с фонетическими вариантами):

л. *тпр*, *тр*$_{o}$;

в. *тр*$_{o}$*, т(ы)рр;*

г. *тпру*, *тпр, тр-р-р.*

В исследовании М. Н. Кузнецовой приводятся (без указания ареала распространения, однако судя по огласовке, первое характерно для западного ареала) междометия *нä-нä* для остановки и *чо-чо-чо*, используемое при водопое [Кузнецова, 2010, с. 103].

Вышеприведенные широко распространенные междометия, по-видимому, являются русскими заимствованиями, ср. рус.: «*тпру!* гов. лошади: *сс, стой!*» [Даль, 1955(в), с. 424]; «*птру,* с-с,

стой» [Даль, 1955(б), с. 558]; *тпррр, тпру* «возглас, которым останавливают лошадь», *трр* «тж» [ССРЛЯ, 1963, с. 763–764]. По утверждению М. Фасмера, междометие *тпру,* «подзывание коров» *тпруга,* «ласкат. обращение к лошади» *тпрселя*, «подзывание лошади» *тпрсё, тпрсель* основаны «на ономатопоэтическом образовании» [Фасмер, 1987(б), с. 91]. Нужно добавить, подобные междометия для остановки лошади используются также в говорах удмуртского и мокшанского языков [Иванов, 2014, с. 50], в соседних тюркских языках, например, чув. *тпру, тпрр, трр, тăр* [Денисова, Сергеев, 2015, с. 35].

Происхождение междометия *нä-нä*, возможно, связано с чувашским «сл. понукания лошади» *на* [Ашмарин, 1935, с. 3].

Обращение *чо-чо-чо* (употребляется при водопое), скорее всего, имеет отношение к междометию л. *чу,* которое означает «призыв обратить внимание на какие-то звуки, прислушаться, в знач. слышишь (слышите)?; ... призыв остановиться ненадолго, прекратив делать что-л. в знач. постой (постойте), погоди (погодите)» [СМЯ, 2003, с. 418], в. *чо* «1) чу (постой)... 2) ну-ка (начни, прекрати и т. д.)... 3) давай (надо, возьмемся)...» [Вершинин, 2011, с. 668] < рус. *чу* «означает призыв обратить внимание на какие-то звуки в знач. слышишь?» [Ожегов, 1983, с. 789], «*чу, чуй* слышь» [Даль, 1955(в), с. 610]; у В. Даля при *чу, чуй* даны также «*чу, чух* у казаков, понужденье верхового коня; *чухать, чухнуть,* тронуть коня вскачь» [Даль, 1955(в), с. 610], «*чухать,* побуждать коня под собою окриком: *чух-чух!*» [Даль, 1955(в), с. 616]. Согласно М. Фасмеру, рус. *чу* представляет собой форму исконного глагола *чуть, чуять,* имеющего генетические параллели в ряде славянских языков [Фасмер, 1987(б), с. 375, 390].

Итак, в использованных источниках выявлено более 20 слов-команд для лошадей и жеребят. Среди них около половины (более 10 ед.) составляют междометия для зова (призыва), около 10 – для понукания, 2 – для остановки, одно междометие используется во время поения. Результаты изучения их происхождения подтверждают справедливость высказывания Ф. И Гордеева об истории императивных междометий, обращенных к животным и птицам вообще, и в отношении обращений к лошадям и жеребятам: «междометия этой группы в основном булгаро-чувашского, татарского и русского происхождения» [Гордеев, 1972, с. 8–10]. Но нужно заметить, некоторые такие слова (подзывы л. *ло-ло, чом-чом*) все же являются исконными. История 8 ед. (или около 40%), в т.ч. 3 ед. предположительно, связана с русским языком. Из русского языка вошли 4 ед. для понукания лошадей и жеребят, 2 – для подзыва, 1 – для остановки, 1 – для обращения во время поения. К русским источникам восходят следующие междометные обращения к лошадям и жеребятам:

– подзывы:

(возможно) второй компонент *-ши, -шик* в г. *даши, дашик* – ср. рус. *шиня* (окрик на лошадей), *шиняшка* ‘лошадка’, *шинька* ‘жеребенок’, *шень-шень, шенька-шенька, шеньтя-шеньтя* (подзывные слова для лошадей и жеребят);

л. *лош-лош* – ср. рус. *лоша* (ср. *лошенок* ‘жеребенок’), *лошак* ‘помесь жеребца и ослицы’;

– слова для понукания:

но, л. *нö-нö,* в. *н’о,* (уст.:) *нö, ну*^{ö} – ср. рус. *но, ну* (понукательные возгласы);

л. *уйт-уйт* (свист при погоне), *вью* – ср. рус. *фью, фью-фью, фьють, фюйть, фють* (обозначают свист);

(возможно) л. *атю* – ср. рус. *ату, атата, ататя, атати* (крик собаке при травле зайца);

в. *ᵗψₒko·į (ᵐпрₒкой), ᵗψₒśo (ᵐпрₒсьо),* с.-з. *ᵗψₒso (ᵐпрₒсо)* – ср. рус. *тпрсё, тпрсель* (подзывание лошади), *тпрселя* (ласкат. обращение к лошади), также *тпруконя* ‘корова’, *тпрусё* (зов коровы, иногда лошади), *тпрюси, тпруга, тпрусень* (подзывы для коров, телят);

– слова для остановки:

л. *тпр*, *трₒ*; в. *трₒ, т(ы)рр;* г. *тпру*, *тпр, тр-р-р* – ср. рус. *тпру, птру, тпррр, трр* (возгласы для остановки лошади);

– слово, используемое при водопое:

(возможно) *чо-чо-чо* – ср. рус. *чу* (призыв обратить внимание на звуки), *чу, чух* (понужденье, понукание коня).

Таким образом, русские заимствования занимают заметное место среди марийских императивных обращений-междометий к лошадям и жеребятам. Однако нужно признать, требуется дальнейшее глубокое изучение истории подобных слов на материале ряда языков всего волго-камского региона. Ибо, как видно и из статьи, немалое количество схожих междометий, генетически как-то связанных, встречается в близкородственных финно-угорских, соседних тюркских и русском языках.

СОКРАЩЕНИЯ

Аф. – аффикс, *башк.* – башкирский, *булг.* – булгарский, *в.* – восточное наречие марийского языка, *венг.* – венгерский, *влгд.* – вологодский, *вокативн.* – вокативный, *г.* – горное наречие марийского языка, *дет.* – детский, *др.-русск.* – древнерусский, *др.-тюрк.* – древнетюркский, *др.-чув.* – древнечувашский, *ед.* – единица, *заимств.* – заимствование, *звательн.* – звательный, *знач.* – значение, *килем.* – килемарский говор горного наречия марийского языка, *кирг.* – киргизский, *койб.* – койбальский, *к.-зыр.* – коми-зырянский, *л.* – луговое наречие марийского языка, *ласкат.* – ласкательный, *м.* – мужской, *манс.* – мансийский, *мар.* – марийский, *межд.* – междометие, *нвг.* – новгородский, *ненец.* – ненецкий, *нижегор.* – нижегородский, *общемар.* – общемарийский, *ол., олонецк.* – олонецкий, *перм., прм.* – пермский, *пск.* – псковский, *рус., русск.* – русский, *сармат.* – сарматский, *с.-з.* – северо-западное наречие марийского языка, *стар.* – старый, *суф.* – суффикс, *тат.* – татарский, *тмб.* – тамбовский, *тюрк.* – тюркский, *удм.* – удмуртский, *уст.* – устаревший, *франц.* – французский, *хант.* – хантыйский, *чув.* – чувашский, *юж., южн.* – южный, *ягноб.* – ягнобский, *яз.* – язык.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин, 1935 – Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Словарь чувашского языка. Вып. IX: Н–Ҥ–П. Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1935. 319 с.

Вершинин, 2011 – Вершинин В. И. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 794 с.

Гордеев, 1972 – Гордеев Ф. И. Императивные междометия марийского языка, обращенные к животным и птицам // Вопросы советского финно-угроведения: Языкознание: Тез. докл. и сообщ. на XIV Всесоюзной конф. по финно-угроведению, посвящ. 50-летию образования СССР. Саранск, 1972. С. 8–10.

Гордеев, 1979 – Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. I: А–Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 255 с.

Гордеев, 1983 – Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. II: В–Д. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 287 с.

Даль, 1955(а) – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. I: А–З. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. 699 с.

Даль, 1955(б) – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. II: И–О. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. 779 с.

Даль, 1955(в) – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. IV: Р–V. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. 683 с.

Денисова, Сергеев, 2015 – Денисова Т. В., Сергеев Л. П. Слова-обращения к животным в говорах чувашской диаспоры Ульяновской области // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2015. № 1 (85). С. 32–37.

Егоров, 1964 – Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1964. 355 с.

REFERENCES

Ashmarin, 1935 – Ashmarin N. I. Chăvash sămahĕsen kĕneki. Slovar' chuvashskogo yazyka. Vyp. IX: Н–Ҥ–П. Cheboksary: Chuv. gos. izd-vo. 1935. 319 s. (in Russian)

Vershinin, 2011 – Vershinin V. I. Slovar' marijskih govorov Tatarstana i Udmurtii. Joshkar-Ola: MarNIIJaLI. 2011. 794 s. (in Russian)

Gordeev, 1972 – Gordeev F. I. Imperativnye mezhdometija marijskogo jazyka, obraschennye k zhivotnym i pticam // Voprosy sovetskogo finno-ugrovedenija: Jazykoznanie: Tez. dokl. i soobsch. na XIV Vsesojuznoj konf. po finno-ugrovedeniju, posvjasch. 50-letiju obrazovanija SSSR. Saransk. 1972. S. 8–10. (in Russian)

Gordeev, 1979 – Gordeev F. I. Etimologicheskij slovar' marijskogo jazyka. T. I: A–B. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo. 1979. 255 s. (in Russian)

Gordeev, 1983 – Gordeev F. I. Etimologicheskij slovar' marijskogo jazyka. T. II: V–D. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo. 1983. 287 s. (in Russian)

Dal', 1955(a) – Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. V 4 t. T. I: A–Z. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slov. 1955. 699 s. (in Russian)

Dal', 1955(b) – Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. V 4 t. T. II: I–O. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slov. 1955. 779 s. (in Russian)

Dal', 1955(v) – Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. V 4 t. T. IV: R–V. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slov. 1955. 683 s. (in Russian)

Denisova, Sergeev, 2015 – Denisova T. V., Sergeev L. P. Slova-obrashcheniya k zhivotnym v govorah chuvashskoj diaspory Ul'yanovskoj oblasti // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva. 2015. № 1 (85). S. 32–37. (in Russian)

Egorov, 1964 – Egorov V. G. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka. Cheboksary: Chuv. kn. izd-vo. 1964. 355 s. (in Russian)

Иванов, 2014 – Иванов В. А. Подзывные слова в финно-угорских и русских диалектах и их связь с названиями животных // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XIV Всерос. науч. конф. Уфа, 2014. С. 47–52.

Иванов, 2016 – Иванов В. А. О двух периферийных лексических группах в горномарийском языке // Финно-угорский мир. 2016. № 4 (29). С. 13–23.

Исанбаев, 2014 – Исанбаев Н. И. Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке: словарь-справочник / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2014. 97 с.

Кандакова, 2003 – Кандакова Е. Н. Подзывные слова как особая функционально-грамматическая группа (на примере ярославских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2003. 21 с.

Коведяева, 1976 – Коведяева Е. И. Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1976. С. 3–96.

Кузнецова, 2010 – Кузнецова М. Н. Названия диких и домашних животных в марийском языке / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2010. 316 с.

Мустаев, 2013 – Мустаев Е. Н. Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2013. 396 с.

Ожегов, 1983 – Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.

Саваткова, 1969 – Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 130 с.

Саваткова, 1981 – Саваткова А. А. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235 с.

Саваткова, 2002 – Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка // Bibliotheca ceremissica. T. V. Savariae, 2002. 292 p.

Сибатрова, 2016 – Сибатрова С. С. О русских заимствованиях в системе марийских подражательных слов // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2016. С. 84–98.

СМЯ, 1990–2005 – Словарь марийского языка. В 10 т. / гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990–2005.

СМЯ, 2003 – Словарь марийского языка. Т. VIII: У, Ӱ, Ф, Х, Ц, Ч. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 511 с.

СМЯМ, 1961 – Современный марийский язык. Морфология / отв. ред. Пенгитов Н. Т. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 323 с.

Ivanov, 2014 – Ivanov V. A. Podzyvnye slova v finno-ugorskih i russkih dialektah i ih svyaz' s nazvaniyami zhivotnyh // Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii: materialy XIV Vseros. nauch. konf. Ufa. 2014. S. 47–52. (in Russian)

Ivanov, 2016 – Ivanov V. A. O dvuh periferijnyh leksicheskih gruppah v gornomarijskom jazyke // Finno-ugorskij mir. 2016. № 4 (29). S. 13–23. (in Russian)

Isanbaev, 2014 – Isanbaev N. I. Russkie leksicheskie zaimstvovaniya dooktyabr'skogo perioda v marijskom yazyke: slovar'-spravochnik / Mar. gos. un-t; N. I. Isanbaev. Joshkar-Ola. 2014. 97 s. (in Russian)

Kandakova, 2003 – Kandakova E. N. Podzyvnye slova kak osobaya funkcional'no-grammaticheskaya gruppa (na primere yaroslavskih govorov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yaroslavl'. 2003. 21 s. (in Russian)

Kovedjaeva, 1976 – Kovedjaeva E. I. Marijskij jazyk // Osnovy finno- ugorskogo jazykoznanija: Marijskij, permskie i ugorskie jazyki. M.: Nauka. 1976. S. 3–96. (in Russian)

Kuznecova, 2010 – Kuznecova M. N. Nazvanija dikih i domashnih zhivotnyh v marijskom jazyke. Joshkar-Ola. 2010. 316 s. (in Russian)

Mustajev, 2013 – Mustajev E. N. Sopostavitel'noe jazykoznanie. Russkij i marijskij jazyki. Joshkar-Ola. 2013. 396 s. (in Russian)

*Ozhegov, 1*983 – Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. N. Yu. Shvedovoj. 14-e izd., ster. M.: Rus. yaz. 1983. 816 s. (in Russian)

Savatkova, 1969 – Savatkova A. A. Russkie zaimstvovaniya v marijskom yazyke. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo. 1969. 130 s. (in Russian)

Savatkova, 1981 – Savatkova A. A. Slovar' gornogo narechija marijskogo jazyka. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo. 1981. 235 s. (in Russian)

Savatkova, 2002 – Savatkova A. A. Gornoe narechie marijskogo jazyka // Bibliotheca ceremissica. Vol. V. Savariae. 2002. 292 p. (in Russian)

Sibatrova, 2016 – Sibatrova S. S. O russkih zaimstvovaniyah v sisteme marijskih podrazhatel'nyh slov // Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii: sb. st. / Mar. gos. un-t; otv. red. R. A. Kudryavceva. Joshkar-Ola. 2016. S. 84–98. (in Russian)

SMYA, 1990–2005 – Slovar' marijskogo jazyka. V 10 t. Gl. red. Galkin I. S. Joshkar-Ola, 1990–2005. (in Russian)

SMYA, 2003 – Slovar' marijskogo yazyka. T. VIII: U, Ӱ, F, H, C, Ch. Joshkar-Ola: MarNII. 2003. 511 s. (in Russian)

*SSRLYA, 1*958 – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. VII: N. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. 1958. 1467 s. (in Russian)

ССРЛЯ, 1958 – Словарь современного русского литературного языка. Т. VII: Н. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 1467 с.

ССРЛЯ, 1963 – Словарь современного русского литературного языка. Т. XV: Т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1286 с.

ССРЛЯ, 1964 – Словарь современного русского литературного языка. Т. XVI: У–Ф. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964. 1610 с.

ТРС, 1966 – Татарско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1966. 863 с.

Учаев, 1985 – Учаев З. В. Марий йылме: Туныктышо-влаклан. 2-шо ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.

Фасмер, 1986(а) – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. I (А–Д) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 573 с.

Фасмер, 1986(б) – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. II (Е–Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Фасмер, 1987(а) – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. III (Муза–Сят) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Фасмер, 1987(б) – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. IV: Т–Ящур / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

Хаузенберг, 1972 – Хаузенберг А.-Р. Названия животных в коми языке: Сравнительно-исторический анализ. Таллинн, 1972. 238 с.

SSRLYA, 1963 – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. XV: T. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. 1963. 1286 s. (in Russian)

SSRLYA, 1964 – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. XVI: U–F. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. 1964. 1610 s. (in Russian)

SMYAM, 1961 – Sovremennyj marijskij jazyk. Morfologija. Gl. red. Pengitov N. T. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo. 1961. 323 s. (in Russian)

TRS, 1966 – Tatarsko-russkij slovar'. M.: Sov. encikl. 1966. 863 s. (in Russian)

Uchaev, 1985 – Uchaev Z. V. Marij jylme: Tunyktysho-vlaklan. 2-sho uzhash. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo. 1985. 183 s. (in Mari)

Fasmer, 1986(a) – Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka. V 4 t. T. I (A–D). Per. s nem. i dop. Trubacheva O. N.; 2-e izd., ster. M.: Progress. 1986. 573 s. (in Russian)

Fasmer, 1986(b) – Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka. V 4 t. T. II (E–Muzh). Per. s nem. i dop. Trubacheva O. N.; 2-e izd., ster. M.: Progress. 1986. 672 s. (in Russian)

Fasmer, 1987(a) – Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka. V 4 t. T. III (Muza–Sjat). Per. s nem. i dop. Trubacheva O. N.; 2-e izd., ster. M.: Progress. 1987. 832 s. (in Russian)

Fasmer, 1987(b) – Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka. V 4 t. T. IV: T–Jashhur. Per. s nem. i dop. Trubacheva O. N.; 2-e izd., ster. M.: Progress. 1987. 864 s. (in Russian)

Hauzenberg, 1972 – Hauzenberg A.-R. Nazvanija zhivotnyh v komi jazyke: Sravnitel'no-istoricheskij analiz. Tallinn. 1972. 238 s. (in Russian)

S. S. Sibatrova

ON THE ORIGIN OF THE MARI INTERJECTIONS ADDRESSING HORSES AND FOALS: BORROWINGS FROM THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is concerned with one of the lexical-semantic subgroups of the Mari imperative interjections, namely the interjections addressing horses and foals, with especial focus on their origin. So far the imperative interjections addressing animals, including horses and foals, haven't been the subject of a special study. The aim of the paper is to reveal the Russian borrowings among the interjections in question and to define their place within the system of the studied material. To achieve this goal the following intermediate tasks were defined: search for the studied lexems in the sources, systematization of the revealed lexems according to their semantics and territory (of Mari dialects) of their use, the etymological analysis of the studied data and quantitative calculation of the lexems according to their origin, first of all, the Russian borrowings. The research was carried out on the base of the materials of modern grammars, special monographs and articles on the Mari language, the lexical data of dictionaries (a 10 volume dictionary, dialectical, etymological ones). When analysing the origin of the lexems in question etymological and lexicographical

works on Mari, Russian and Turkic languages were used. The following research methods were applied: descriptive (observation, generaliztion, interpretation, classification), comparative-historical (defining the genetic origin of the word) and comparative (comparison with the same phenomena in Russian and Turkic languages). Mathematical calculation was used as well. In the paper the imperative interjections addressing horses and foals have been generalized and systematized for the first time, with their origin being revealed. There were established the sets of words for calling, pestering and stopping, with them being made according to the main dialects of the Mari language. Altogether there were found 20 interjections with phonetic variants: more than 10 for calling horses and foals, about 10 for pestering, 2 for stopping, 1 for calling under watering. The etymological analysis shows, that many of the interjections have Russian and Turkic origin. A large part of them (altogether 8 items or 40%: 4 for pestering horses and foals, 2 for calling, 1 for stopping, 1 for watering) was borrowed from the Russian language. Thus, the Russian language had played a significant role in the formation of the lexical range of Mari interjections addressing horses and foals.

Keywords: the Mari language, interjections, addressing horses and foals, semantics, origin, Russian borrowings.

Сибатрова Серафима Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева
(Йошкар-Ола, Россия)
simasibatrova802@rambler.ru

Sibatrova Serafima Sergeevna,
PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher,
Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev
(Йошкар-Ола, Россия)
simasibatrova802@rambler.ru

УДК 94(09)(=16=99)

Н. В. Беленов

ЭРЗЯНИЗМЫ МОКШАНСКИХ ГОВОРОВ САМАРСКОЙ ЛУКИ В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ*

В статье выявляется и анализируется с этноисторических позиций пласт эрзянской лексики в торновском и шелехметском говорах мокша-мордовского языка самаролукской мордвы. Выявленные лексемы являются дополнительным аргументом в пользу гипотезы этноязыковой преемственности между мордвой Самарской Луки и смешанным мокшано-эрзянским мордовским населением, оставившем Барбашинский могильник – археологический памятник XIII–XIV вв., расположенный на левом берегу Волги, в черте города Самары, напротив Самарской Луки. Археологические исследования данного памятника позволили достоверно определить этническую принадлежность похороненных на Барбашинском могильнике людей. Это мордва-мокша и мордва-эрзя. Вероятно, данное население было переселено сюда с запада целенаправленно ордынской администрацией. Мордовское население, которому принадлежал этот могильник, покинуло данную территорию во второй половине XIV в., дальнейшие исторические судьбы его неизвестны. Неизвестна и дата появления первых мордовских поселенцев на Самарской Луке. Из источников очевидно одно: на рубеже XVI–XVII столетий мордва на Самарской Луке уже имела свои поселения, причём всё мордовское население полуострова было представлено исключительно мокшанами. Проведённый автором анализ географической лексики мокша-мордовских говоров самаролукской мордвы, а также тюркских заимствований в них, позволяет предполагать преемственность между мордовским населением, оставившим Барбашинский могильник и самаролукской мордвой, поскольку в них содержится значительная доля кыпчакских лексем, не встречающихся в других мокшанских говорах. Эти лексемы, по мнению автора, были заимствованы предками самаролукской мордвы у кыпчаков, в период их пребывания под властью ордынских ханов. Мокшане, по-видимому, численно преобладали в составе мордовского населения, переселившегося на территорию Самарской Луки, поэтому принадлежность современных говоров полуострова – безусловно, мокшанская. Вместе с тем, эрзянские группы не исчезли бесследно, оставив в языке мордвы Самарской Луки пласт эрзянской лексики, которому и посвящена настоящая работа. Данный пласт служит ещё одним аргументом в цепочке доказательств этноязыковой преемственности между мордовским населением Самарского Поволжья ордынского периода и историческим мордовским населением Самарской Луки.

Ключевые слова: мордва, мокшанский язык, эрзянский язык, этноязыковая история, Самарское Поволжье.

Исследование мордовских диалектов на современном этапе изучения мордовских языков, по справедливому замечанию Д. В. Цыганкина, является первостепенной задачей мордовского языкознания. Именно диалектные варианты мокшанского и эрзянского языков, зачастую, дают ключ к решению основополагающих вопросов раннего состояния мордовских языков, формирования литературных мокшанского и эрзянского языков, этноязыковых контактов и этнической истории различных частей мордовского этноса. Данный вопрос стоит сегодня тем более актуально, что в настоящее время, в силу различных лингвистических и экстралингвистических факторов, мордовские

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-412-630002\18)

говоры стремительно деградируют – в особенности, на периферии ареала расселения мордвы. К такого рода говорам относятся и мокшанские говоры Самарской Луки. Между тем, именно они могут способствовать решению ключевых для этнической истории мордвы на территории Самарского Поволжья вопросов: откуда пришла мордва на данную территорию; какова была её этноязыковая и диалектная принадлежность; с какими этносами она контактировала; каковы её исторические судьбы на данной территории. Мордва Самарской Луки отличается от остальных мордовских насельников Самарского Поволжья. Если в остальных случаях имеются архивные документы или исторические предания о переселении той или иной группы представителей мокши или эрзи в Самарское Поволжье с территорий Казанской, Симбирской или Пензенской губерний, то для самаролукской мордвы подобными источниками мы не располагаем. Архивные материалы позволяют уверенно датировать существование мордовских поселений на Самарской Луке в первой трети XVII в., в связи с чем ряд самарских историков, исходя из исторического контекста, умозрительно относит появление мордвы здесь к рубежу XVI–XVII столетий [Смирнов, Дубман, 1995]. Между тем, имеется ряд свидетельств о существовании мордовских поселений на Самарской Луке ещё во времена Казанского ханства [Беленов, 2018]. Археологически же присутствие мордвы на территориях, непосредственно примыкающих к Самарской Луке, фиксируется с XIII в. – это Муранский и Барбашинский памятники. Исторические судьбы данного мордовского населения удаётся проследить до второй половины XIV столетия, когда, в результате междоусобных войн ордынских ханов, жизнь на них прекращается. По нашему мнению, часть этого мордовского населения могла переселиться на близлежащие, пустующие в те времена, территории Самарской Луки, составив таким образом основу будущего исторического мордовского населения полуострова.

Основными источниками данной работы явились материалы проведённых автором полевых исследований в течение 2017–2018 гг. в мокшанских населённых пунктах Самарской Луки: сёлах Шелехметь и Торновое Волжского района Самарской области и селе Бахилово Ставропольского района Самарской области. В этот период автором проводились работы по сбору мокша-мордовской топонимии в рамках проекта «Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки» (грант № 18-412-630002\18), а также корпуса географической лексики и основного лексического фонда мокша-мордовских говоров указанных населённых пунктов. В данном исследовании отражены эрзянизмы торновского и шелехметского говоров мокша-мордовского языка.

При реконструкции этнической истории мордвы Самарского Поволжья в золотоордынский период мы опирались на материалы археологических исследований В. Н. Поливанова, Г. И. Матвеевой, Д. А. Сташенкова.

Среди работ по мордовской диалектологии нам не встретилось трудов, посвящённых изучению мокшанских говоров Самарской Луки, поэтому лингвистической основой исследования послужили исключительно собственные материалы, собранные в ходе полевых экспедиций. Археологические материалы по мордве в Самарском крае содержатся в трудах В. Н. Поливанова [Поливанов, 1900], Г. И. Матвеевой [Матвеева, 1986], антропологические исследования по Барбашинскому могильнику проводились А. А. Хохловым [Хохлов, 2007], новейшие результаты по исследованию памятника с очерком истории его изучения можно найти в работе Д. А. Сташенкова [Сташенков, 2014]. Указанные работы и ряд других исследований позволяют достаточно точно датировать существование памятника и идентифицировать этноязыковую принадлежность оставившего его населения.

Лексический материал для исследования собирался в ходе экспедиций 2017–2018 гг., в ходе которых использовался полевой метод сбора данных. При интерпретации собранного материала использовался этимологический и семантический анализ.

В результате исследований торновского и шелехметского говоров мокша-мордовского языка мордовского населения Самарской Луки был выявлен представительный корпус эрзянизмов, причём в шелехметском говоре их было выявлено больше, чем в торновском. Также надо отметить, что эрзянизмы мокшанских говоров Самарской Луки подверглись тем же самым специфическим изменениям, что и весь состав коренной лексики данных говоров. Это касается, в том числе, значительного влияния тюркских языков, которое имело место, согласно современным этноисторическим концепциям, не позднее середины XVI в. (например, смещение ударения на последний слог).

Эрзянизмы встречаются практически во всех кластерах лексики торновского и шелехметского говоров, преобладая, по нашим исследованиям, в терминах родства [ПМА, Самарская область, Волжский район, село Шелехметь, 2018]. С них и начнём наш обзор. Прежде всего, надо заметить, что термины родства у самаролукской мордвы соответствуют их звательным формам в литературных мордовских языках.

Тетей – отец. В мокшанском языке «аля», в эрзянском – «тетя».

Авай – мать. В эрзянском языке лексема «ава/авай» имеет ведущее значение при обозначении данного термина родства, в мокшанском она также присутствует, но предпочтение отдаётся термину «тядя». Учитывая рассмотренный выше эрзянизм, и в этом случае считаем более вероятной эрзянскую трактовку.

Акай – сестра. В мокшанском и эрзянском литературных языках распространена данная лексема в значении «старшая сестра». В исследуемых говорах она употребляется в общем значении «сестра», независимо от возраста и иных характеристик. Кроме того, в Шелехмети зафиксирована и эрзянская форма термина – «патяй», в имени фольклорного персонажа «Анка-патяй». Этот термин в мокшанском языке отсутствует, в ряде диалектов мокшанского языка имеется термин «патя» для обозначения старшего брата.

Также нами выявлены эрзянизмы среди зоонимов, географической лексики и ряда других лексических кластеров торновского и шелехметского говоров мокша-мордовского языка.

Ям – щи, суп. В мокшанском языке – «лям», в эрзянском – «ям». В литературном мокшанском языке слово «ям» имеет значение «каша», в торновском и шелехметском говорах данное слово обозначается русским заимствованием «каша».

Анксема – колодец (шелехметский говор). В торновском говоре лексема «колодец» обозначается «лифтима». Ни одна из указанных лексем не находит параллелей в литературных мордовских языках со значением «колодец», однако в эрзянском языке имеется лексема «анксема» со значением «прорубь» (в мокшанском ей соответствует лексема «аньцема»).

Гоборьг – погреб. В мокшанском языке «бохарям; матф», в эрзянском – «гобрёк».

Варака – ворона. В мокшанском языке «варси», в эрзянском – «варсей; варака».

Псака – кот. В мокшанском языке «ката» (диалектное «мата»), в эрзянском языке – «псака». Обе лексемы являются ранними заимствованиями из русского языка, однако, в мордовских языках присутствует их чёткое разделение.

Верь – кровь. В мокшанском языке «вер», в эрзянском – «верь». В данном случае нельзя исключать случайных фонетических изменений, закономерные же фонетические изменения форму «верь» из «вер» в исследуемых говорах не дают [ПМА, Самарская область, Волжский район, сёла Торновое и Шелехметь, 2017–2018].

Рамки данной работы не позволяют анализировать здесь весь корпус эрзянизмов рассматриваемых говоров, поэтому мы ограничились приведением наиболее значимых из них, по возможности, охватив большее число лексических кластеров.

На основании выявленного корпуса эрзянских заимствований в торновском и шелехметском говорах мокша-мордовского языка на Самарской Луке, вкупе с данными по кыпчакским заимствованиям у самаролукской мордвы и местной мокшанской ойконимии [Беленов, 2018, с. 15], уместно сформулировать следующие выводы:

1. Значительное число эрзянизмов в торновском и, в особенности, шелехметском говорах мокша-мордовского языка мордовского населения Самарской Луки хорошо коррелирует с данными об этническом составе населения, оставившего Барбашинский могильник XIII–XIV веков.

2. Сам по себе данный факт не может являться исчерпывающим доказательством этноязыковой преемственности между мордовским населением Самарского Поволжья XIII–XIV вв. и историческим мордовским населением Самарской Луки, однако, в совокупности с другими доказательствами, он служит важным звеном в обосновании наличия данной преемственности.

3. Независимо от решения вопроса о преемственности ордынской и самаролукской мордвы, выявленный нами корпус эрзянизмов и их распределение в торновском и шелехметском говорах мокша-мордовского языка могут служить опорным материалом для дальнейшего изучения языковой и этнической истории мордовского населения Самарской Луки.

ЛИТЕРАТУРА

Беленов, 2018 – Беленов Н. В. Ойконим Шелехметь на Самарской Луке в этноисторическом контексте // СИСП. 2018. № 2. С. 12–17.

Васильев, Матвеева, 1986 – Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1986. 232 с.

Поливанов, 1900 – Поливанов В. Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: АРФ, 1900. 193 с.

Смирнов, Дубман, 1995 – Смирнов Ю. Н., Дубман Э. Л. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. Самара: Самарский университет, 1995. 200 с.

Сташенков, 2014 – Сташенков Д. А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. №3. С. 326–329.

Хохлов, 2007 – Хохлов А. А. Антропология // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: Самарский Дом печати, 2007. С. 379–398.

REFERENCES

Belenov, 2018 – Belenov N. V. Ojkonim Shelehmet' na Samarskoj Luke v jetnoistoricheskom kontekste // SISP. 2018. №2. S. 12–17. (in Russian)

Vasil'ev, Matveeva, 1986 – Vasil'ev I. B., Matveeva G. I. U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ja. Kujbyshev: Kujbyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. 232 s. (in Russian)

Polivanov, 1900 – Polivanov V. N. Arheologicheskaja karta Simbirskoj gubernii. Simbirsk: ARF, 1900. 193 s. (in Russian)

Smirnov, Dubman, 1995 – Smirnov Ju. N., Dubman Je. L. Samarskaja Luka v XVI – nachale XX vv. Samara: Samarskij universitet, 1995. 200 s. (in Russian)

Stashenkov, 2014 – Stashenkov D. A. Barbashinskij mogil'nik na territorii goroda Samary: nekotorye itogi izuchenija i perspektivy issledovanija // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. 2014. № 3. S. 326–329. (in Russian)

Hohlov, 2007 – Hohlov A. A. Antropologija // Drevnie kul'tury i jetnosy Samarskogo Povolzh'ja. Samara: Samarskij Dom pechati, 2007. S. 379–398. (in Russian)

N. V. Belenov

ERZYA-MORDOVIAN LEXEMES IN THE MOKSHA DIALECTS OF THE SAMARSKAYA LUKA IN ETHNOHISTORICAL CONTEXT

The article identified and analysed from the ethnohistorical perspective, the formation of the Erzya language in tornovsky and shelemetsky dialects of the Moksha-Mordovian language of Mordovians of the Samarskaya Luka. The revealed lexemes are an additional argument in favor of the hypothesis of ethnolinguistic continuity between the Mordovians of the Samarskaya Luka and mixed Moksha-Erzya Mordovian population, who left Barbashinsky burial ground-an archaeological monument of XIII–XIV centuries, located on the left bank of the Volga, in the city of Samara, opposite the Samarskaya Luka. Archaeological research of this monument allowed to determine the ethnicity of people buried in the Barbashin burial ground. Those are Mordva-Moksha and Mordva-Erzya. Probably, this population was moved here from the West purposefully by the Horde administration. The Mordovian population, to whom this burial ground belonged, left this territory in the second half of the XIV century, its further historical destiny is unknown. The date of appearance of the first Mordovian settlers on the Samarskaya Luka is also unknown. One thing is obvious from the sources: at the turn of the XVI–XVII centuries the Mordovians on the Samarskaya Luka had already had their settlements with all the Mordovian population of the Peninsula being represented exclusively by mokshans. The analysis caused out by the author of the geographical vocabulary of the Moksha-Mordva dialects of the Samarskaya Luka Mordovians, as well as Turkic loanwords in them, suggests the continuity between the Mordovian population, that had left Barbashinski burial and Samarskaya Luka Mordovians, as they contain a significant proportion of the Kypchak lexemes not found in other Moksha dialects. These lexems, according to the author, had been borrowed by the ancestors of the Mordvinians of the Samarskaya Luka from Kipchaks during the period of their stay under the power of the Horde khans. Moksha, apparently, was prevalent in the Mordovian population who had moved into the territory of the Samarskaya Luka, therefore, the modern dialects of the Samarskaya Luka – of course, belong to Moksha. However, Erzya groups did not disappear without a trace, but lebt a layer of Erzya vocabulary in the language

of the Mordvinians of the Samarskaya Luka, which is the subject of this work. This layer serves as another argument in the chain of evidence of ethnolinguistic continuity between the Mordovian population of the Samara–Volga region of the Horde period and the historical Mordovian population of the Samarskaya Luka.

Keywords: Mordva, Moksha language, Erzya language, ethnic-language history, Samara–Volga region.

Беленов Николай Валерьевич,
кандидат педагогических наук, доцент,
Самарский государственный социально-педагогический университет
(Самара, Россия)
belenov82@gmail.com

Belenov Nikolay Valerievich,
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Samara State University of Social Sciences and Education
(Samara, Russia)
belenov82@gmail.com

УДК 811.511.131

О. В. Титова

О НАИМЕНОВАНИЯХ ПЕЧЕЙ И ИХ ДЕТАЛЕЙ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье рассматриваются названия печей и их деталей, употребляющиеся в удмуртском литературном языке и диалектах, которые до настоящего времени не были объектом специального исследования в удмуртском языкознании. Необходимость изучения данного лексического пласта вызвана тем, что эта часть лексики постепенно переходит в пассивный словарный фонд языка. Анализ проводится на материале различных словарей удмуртского языка. В ходе исследования выявлено, что в формировании рассматриваемой лексики важную роль сыграли лексические новообразования, возникшие при помощи продуктивных словообразовательных средств удмуртского языка. Проанализировав лексический материал с точки зрения структурных особенностей, приходим к выводу, что большинство названий, обозначающих детали печи, являются сложными или составными образованиями, состоящими из двух слов. Они составляются по модели «определяющее + определяемое», в роли первого компонента часто выступают слова *гур* ‘печь’, *муръё* ‘дымоход’. Названия многих деталей печи представляют собой метафорические наименования по схожести их внешних признаков с частями тела человека или другими объектами реальной действительности. В наименованиях типов печей продуктивным словообразовательным типом является модель «имя прилагательное + имя существительное». В качестве определительного компонента выступают качественные прилагательные, которые указывают на форму, размер или материал изготовления печей. Кроме наименований исконного происхождения, в лексической системе изучаемой тематической группы немаловажную роль играют заимствования из русского языка. Проникновение иноязычных слов послужило для некоторой вариативности тех или иных названий. Отдельные лексемы заимствованы из тюркских (булгарского, татарского) языков. Некоторая часть названий образована способом сложения исконной и иноязычной основ.

Ключевые слова: языкознание, лексикология, удмуртский язык, исконная лексика, заимствования.

Печь являлась одним из наиболее значимых элементов жилища удмуртов. По сведениям этнографов, в доме печь располагалась у входа, чаще на правой стороне, устьем к фасадной стене. Устройство печи у северных и южных групп удмуртов несколько отличалось: на севере налево или направо от устья печи устраивался очаг с подвешенным котлом, южные удмурты сооружали печь со вмазанным котлом [Удмурты, 1993, с. 110–111]. В настоящее время изменились как внешний вид, так и внутренняя планировка жилища удмуртов.

В данной статье рассматриваются наименования печей и их частей, употребляющиеся в удмуртском литературном языке и диалектах, которые до сих пор не были объектом специального исследования в удмуртском языкознании. Необходимость изучения данного лексического пласта обусловлена тем, что эта часть лексики постепенно переходит в пассивное употребление. Анализ проводится на материале различных словарей удмуртского языка [Борисов, 1991; РУС, 1956; Насибуллин, Семенов, 2013; УРС, 2008].

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-34-00026-ОГН «Предметные реалии удмуртской этнокультуры».

Понятие «печь» в удмуртском литературном языке передается словом общепермского происхождения *гур* [УРС, 2008, с. 172] (ср.: к. *гор* ‘каменка’; *g«r* вс.; *gor* п. кя. ‘печь’ < общеп. *g«r*- ‘печь’ [Лыткин, Гуляев, 1999, с. 78]. Данная лексема часто выступает в качестве словообразовательного компонента сложных или составных наименований деталей печи и других понятий, например: *гурсуран* ‘кочерга’ (*суран* – сущ. от глаг. *сураны* ‘мешать, размешать’), *гуршуккон* ‘чекмарь (*деревянный молот для изготовления глинобитной печи*)’ (*шуккон* – сущ. от глаг. *шуккыны* ‘бить’), *гурӟужон* ‘метёлка для подметания печи’ (*ӟужон* – сущ. от глаг. *ӟужыны* ‘подметать’) и др. При помощи данного слова образовано и наименование кухни *гуразьпал* (*азь* ‘перед, передняя часть’, *пал* ‘сторона’, букв. ‘сторона перед печью’). Но в связи с тем, что в настоящее время во многих домах уже нет печей, то и кухню всё чаще называют заимствованным из русского языка словом *кухня*.

Понятие «чело (*печи*)» выражается сложными словами *гурым* [УРС, 2008, с. 174] (*ым* ‘рот’, букв. ‘рот печи’), *гурпась* [УРС, 2008, с. 174] (*пась* ‘отверстие; дыра’, букв. ‘отверстие печи’), *гурымдор* [УРС, 2008, с. 174] (*ым* ‘рот’, *дор* ‘место возле, около *чего-либо*’, букв. ‘место возле рта печи’).

В значении «передние верхние выступы печи» в удмуртском литературном языке используется сложное слово *гурпельпум* [УРС, 2008, с. 173] (*пельпум* ‘плечо’, букв. ‘плечо печи’). В диалектах бытует название *гурпелед* [УРС, 2008, с. 173] (*пелед* < *пель* ‘ухо’ + *-ед* – словообразовательный суффикс). Лексическая единица *пелед* в указанном значении может употребляться и без определительного компонента. В лексикографических трудах зафиксировано и диалектное наименование *гурадыма* [УРС, 2008, с. 172] (*адыма* < *адым* ‘лестница’ + *-а* – словообразовательный суффикс. По мнению В. И. Алатырева, в удмуртском языке произошло семантическое развитие татарского заимствования *адым*: ‘шаг’ > ‘место шагания’ > ‘предмет, предназначенный для шагания’ > ‘лестница’ [Алатырев, 1988, с. 55]. Перенос названия лестницы на обозначение передних верхних выступов печи осуществлен на основе сходства внешнего вида, формы). В указанном значении используются и сочетания слов, в качестве определительного компонента которых выступают лексемы, обозначающие дымоход: *муръёпельпум* [УРС, 2008, с. 444], *муры пельпум* [Насибуллин, Семенов, 2013, с. 195] (*муръё, муры* ‘дымоход’, *пельпум* ‘плечо’).

Понятие «очелок *обл.* (*свод перед устьем русской печи*)» передается сочетанием слов *гур бам* [УРС, 2008, с. 58] (*бам* ‘щека’, букв. ‘щека печи’).

Как видно из вышеприведенных примеров, названия многих деталей печи представляют собой метафорические наименования по схожести их внешних признаков с частями тела человека (*пельпум* ‘плечо’, *ым* ‘рот’, *бам* ‘щека’ и др.) или другими объектами реальной действительности (*адым* ‘лестница’ и др.).

Для обозначения понятия «шесток» в удмуртском литературном языке употребляется сложное слово *гуразь* [УРС, 2008, с. 172] (*азь* ‘перед’, букв. ‘перед печи’). В словаре Т. К. Борисова в указанном значении зафиксировано сочетание слов *муры азь* [Борисов, 1991, с. 187] (букв. ‘перед дымохода’).

Понятие «лежанка (*на печи*)» передается сложным словом *гурвыл* [УРС, 2008, с. 172] (*выл* ‘верхняя часть; поверхность’, букв. ‘верхняя часть печи’).

В значении «подпечье» используется сложное слово *гурул* [УРС, 2008, с. 174] (*ул* ‘низ’, букв. ‘низ печи’). В сочетании с лексемой *пу* ‘дерево’ обозначает понятие «доска для закрывания отверстия в подпечье»: *гурул пу* [УРС, 2008, с. 174].

Понятие «загнетка (*углубление в углу шестка для горячих углей*)» передается сложными словами *ӝукысон, ӝуподон* [Насибуллин, Семенов, 2013, с. 195] (*ӝу* ‘раскаленные (горящие) угли’; *кысон, подон* – сущ. от глаг. *кысыны, подыны* ‘тушить, гасить (*угли*)’). В указанном значении употребляется и русское заимствование *учог* [УРС, 2008, с. 708] (< рус. *очаг*), встречается и лексический вариант *мучог* [УРС, 2008, с. 445] (*му* ‘земля’ + *учог*).

Для обозначения понятия «под печи» используются наименования *гур пыдэс* [УРС, 2008, с. 172] (*пыдэс* ‘дно; днище’, букв. ‘дно печи’), *гур пуш* [РУС, 1956, с. 720] (*пуш* ‘внутренность’, букв. ‘внутренность печи’), *пуд*, *гурпуд* [УРС, 2008, с. 173, 552] (*пуд* ‘под (*печи*)’ < рус. *под*). В диалектах встречается фонетический вариант *гурпыд* [Борисов, 1991, с. 80] как результат корреспонденции гласных *у* ~ *ы*.

В значении «основание печи» зафиксированы названия *гур пыдэс ул* [УРС, 2008, с. 172] (*пыдэс* ‘дно’, *ул* ‘низ’), *гур инты* (*инты* ‘место’, букв. ‘место печи’), *гуршай* [Насибуллин, Семенов, 2013, с. 184] (*шай* ‘кладбище’, букв. ‘кладбище печи’),

последнее из которых в некоторых словарях отмечено в значении «опалубка глинобитной печи» [УРС, 2008, с. 174]. Понятие «опечье» передается словосочетанием *гур кӧзоно* (*кӧзоно* ‘балка, перекладина (*для настила половых досок*), поперечный брус’, букв. ‘перекладина печи’).

Понятие «дымоход, дымоходная труба» передается заимствованным из булгарского языка словом *муръё* [УРС, 2008, с. 444] (ср.: чув. *мӑрье, мурье* ‘труба (дымоходная)’ [Тараканов, 1993, с. 100–101; Федотов, 1996, с. 351]. Из чувашского источника и мар. *мурья* / *мурля* / *мурня* ‘тж.’). В диалектах функционирует фонетический вариант *муры* [УРС, 2008, с. 444]. Для обозначения дымохода используется и сочетание слов *ӧын потон* [РУС, 1956, с. 235] (*ӧын* ‘дым’, *потон* – сущ. от глаг. *потыны* ‘выходить’).

Лексема *муръё* часто выступает в качестве словообразовательного компонента сложных или составных названий деталей печи, например: *муръё чутрык (чутырык)* ‘изгиб (колено) дымохода’ [УРС, 2008, с. 741] (*чутрык, чутырык* – производные от наречно-изобразительного слова *чутыр* ‘извилистый, с изгибами’), *муръё гырк* ‘приступок трубы с внутренней стороны’ [Борисов, 1991, с. 187] (*гырк* ‘углубление’), *муръё усьян* ‘затворка’ [Борисов, 1991, с. 187] (*усьян* – сущ. от глаг. *усьяны* ‘открывать’), *муръё каӵ* ‘передняя часть печи’ [УРС, 2008, с. 444] (*каӵ* ‘вершина’) и др.

В значении «боров (*часть дымохода*)» в лексикографических трудах зафиксировано русское заимствование *боров* [РУС, 1956, с. 60] (< рус. *боров*), а также сочетание слов *муръё гырпум* [РУС, 1956, с. 60] (*гырпум* ‘локоть’, букв. ‘локоть дымохода’) и слово *бериськон* [Насибуллин, Семенов, 2013, с. 195].

Для обозначения понятия «вьюшка» используется заимствованная лексема *юшка* [УРС, 2008, с. 819] (< рус. *вьюшка*). Кроме этого, употребляются сочетания слов *муръё ворсэт* [УРС, 2008, с. 444], *муръё пытсэт* ‘заслонка, вьюшка’ [РУС, 1956, с. 171, 260] (*муръё* ‘дымоход, дымоходная труба’, *ворсэт, пытсэт* – сущ. от глаг. *ворсаны, пытсаны* ‘закрыть’).

Понятие «заслонка» передается сложными словами *гурпул* [УРС, 2008, с. 173] (*пул* ‘доска’, букв. ‘доска печи’), *гурпытсэт* [УРС, 2008, с. 173], *гурворсэт* [УРС, 2008, с. 172] (*пытсэт, ворсэт* – сущ. от глаг. *пытсаны, ворсаны* ‘закрыть’). В диалектах бытует наименование *гурборӟет* [УРС, 2008, с. 172] (*борӟет* – сущ. от глаг. *борӟаны* ‘закрыть’), а также русское заимствование *заслонка* [УРС, 2008, с. 227] (< рус. *заслонка*).

В значении «свод печи» зафиксированы сочетания слов *гур берыг* [УРС, 2008, с. 172] (*берыг* ‘поворот’), *гур берыктэм* [Насибуллин, Семенов, 2013, с. 195] (*берыктэм* – сущ. от глаг. *берыктыны* ‘повернуть’).

По типу и форме печей в удмуртском языке бытуют следующие наименования:

В значении «глинобитная печь» используются сочетания слов *шуккем гур* [УРС, 2008, с. 172], *сюйлэсь шуккем гур* [РУС, 1956, с. 179] (*сюй* ‘глина’ + *-лэсь* – суффикс разделительного падежа, *шуккем* – прич. от глаг. *шуккыны* ‘ударить; бить’, *гур* ‘печь’, букв. ‘битая печь’, ‘битая из глины печь’).

Для обозначения понятия «голландская печь» употребляется заимствование *галанка* [УРС, 2008, с. 156] (< рус. *голландка*), а также сочетание слов русского и исконного происхождения *голландской гур* [УРС, 2008, с. 163] (*голландской* < рус. *голландский, гур* ‘печь’). В лексикографических трудах в указанном значении зафиксировано и словосочетание *котырес гур* [Насибуллин, Семенов, 2013, с. 195] (букв. ‘круглая печь’).

Понятие «русская печь» передается сочетанием слов *ӟуч гур* [РУС,1956, с. 696] (букв. ‘русская печь’). В данном значении зарегистрировано и словосочетание *бадӟым гур* [Насибуллин, Семенов, 2013, с. 195] (букв. ‘большая печь’).

В значении «маленькая железная печка, буржуйка» выступает сложное слово *кортгур* (букв. ‘железная печка’). Кроме этого, используется наименование *пичигур* [УРС, 2008, с. 530] (букв. ‘маленькая печь’), которое в диалектах служит и для обозначения понятия «печурка (*в русской печи*)».

Исследователи материальной культуры удмуртов отмечают, что в старину, как правило, печь ставилась вплотную к стенам, задней и боковой, либо к одной из них. Позднее печь постепенно «отходит» от стен, за нею появляются проходы [Удмурты, 1993, с. 110]. Понятие «запечье» в удмуртском литературном языке передается сложными словами *гурбер* [УРС, 2008, с. 172], *гурсьӧр* [УРС, 2008, с. 173] (*бер, сьӧр* ‘зад, задняя часть; пространство, находящееся за чем-либо’, букв. ‘пространство за печью’). В диалектах бытуют русские заимствования *голбеч* [УРС, 2008, с. 163], *гулбеч* [Борисов, 1991, с. 79] (< рус. *голбец*).

В значении «лавка (*широкая скамья около печи*)» функционирует слово *гурдэс* [УРС, 2008, с. 173] (*гур* ‘печь’ + *урдэс* ‘бок, боковая сторона’). В значении «маленькая лавка, скамейка (*прикрепляемая к печке*)» в диалектах бытует слово татарского происхождения *уша* [УРС, 2008, с. 709] (ср. тат. диал. *уша* ‘дощечка вдоль печи, приступок; доска вдоль стены перед шестком для посуды’, *ушал* ‘лавочка вдоль печки’ [Вершинин, 2015, с. 218].

Проанализировав лексический материал с точки зрения структурных особенностей, приходим к выводу, что большинство названий, обозначающих детали печи, являются сложными или составными образованиями, состоящими из двух слов. Они составляются по модели «определяющее + определяемое», в роли первого компонента часто выступают слова *гур* ‘печь’ (например, *гурым* ‘чело (*печи*)’, *гур бам* ‘очелок *обл.*’ и др.), *муръё* ‘дымоход’ (например, *муръёпельпум* ‘боковые выступы между потолком и дымоходом’, *муръё пытсэт* ‘заслонка, вьюшка’). В наименованиях типов печей продуктивным словообразовательным типом является модель «имя прилагательное + имя существительное». В качестве определительного компонента выступают качественные прилагательные, которые указывают на форму (например, *котырес гур* ‘голландская печь’, букв. ‘круглая печь’), размер (например, *бадзым гур* ‘русская печь’, букв. ‘большая печь’) или материал изготовления (например, *кортгур* ‘маленькая железная печка, буржуйка’ (букв. ‘железная печка’) печей.

Кроме наименований исконного происхождения, в лексической системе изучаемой тематической группы немаловажную роль играют заимствования из русского языка, например: *галанка* ‘голландская печь’ (< рус. *голландка*), *голбеч, гулбеч* ‘запечье’ (< рус. *голбец*), *пуд* ‘под печи’ (< рус. *под*), *юшка* ‘вьюшка’ (< рус. *вьюшка*), *душник* ‘душник (*в печи*)’ (< рус. *душник*), *печурка* ‘печурка *обл.* (*углубление в наружной стене русской печи*)’ (< рус. *печурка*), *поддувало* ‘поддувало’ (< рус. *поддувало*), *сход* ‘сход’ (< рус. *сход*) и др.

Отдельные лексемы заимствованы из тюркских языков: *муръё* «дымоход, дымоходная труба» < булг., ср.: чув. *мăрье, мурье* ‘труба (дымоходная)’; *уша* ‘маленькая лавка, скамейка (*прикрепляемая к печке*)’ < тат. диал. *уша* ‘дощечка вдоль печи, приступок; доска вдоль стены перед шестком для посуды’, *ушал* ‘лавочка вдоль печки’. Некоторая часть названий образована способом сложения исконной и иноязычной основ, например: *голландской гур* (< рус. *голландский, гур* ‘печь’), *муръё ворсэт* ‘заслонка, вьюшка’ (*муръё* ‘дымоход, дымоходная труба’ < булг., ср.: чув. *мăрье, мурье* ‘тж.’, *ворсэт* – сущ., образованное при помощи суффикса *-эт* от глаг. *ворсаны* ‘закрывать’), *гурпуд* ‘под печи’ (*гур* ‘печь’, *пуд* ‘под (*печи*)’ < рус. *под*) и др.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

букв. – буквально, вс. – верхнесысольский диалект коми-зырянского языка, глаг. – глагол, диал. – диалектное слово, к. – коми язык, кя. – коми-язьвинский диалект, мар. – марийский язык, общеп. – общепермский праязык, п. – коми-пермяцкие диалекты, прич. – причастие, рус. – русский язык, ср. – сравните, сущ. – существительное, тат. – татарский язык, чув. – чувашский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Алатырев, 1988 – Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б. Ижевск, 1988. 240 с.

Борисов, 1991 – Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов. 2-е изд. Ижевск, 1991. 384 с.

Вершинин, 2015 – Вершинин В. И. Этимологии удмуртских слов. Йошкар-Ола, 2015. 255 с.

Лыткин, Гуляев, 1999 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.

REFERENCES

Alatyrev, 1988 – Alatyrev V. I. Etimologicheskij slovar’ udmurtskogo yazyka: Bukvy A, B. Izhevsk, 1988. 240 s. (in Russian)

Borisov, 1991 – Borisov T. K. Udmurt kyllyukam = Tolkovyj udmurtsko-russkij slovar’: Okolo 15 tys. slov. 2-e izd. Izhevsk, 1991. 384 s. (in Russian)

Vershinin, 2015 – Vershinin V. I. Etimologii udmurtskih slov. Joshkar-Ola, 2015. 255 s. (in Russian)

Lytkin, Gulyaev, 1999 – Lytkin V. I., Gulyaev E. S. Kratkij etimologicheskij slovar’ komi yazyka. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1999. 431 s. (in Russian)

Насибуллин, Семенов, 2006 – Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г. Системно-тематический русско-удмуртский словарь. Ижевск: Изд-во «Ассоциация «Научная книга», 2013. 380 с.

РУС, 1956 – Русско-удмуртский словарь: Ок. 40 000 слов. М., 1956. 1360 с.

Тараканов, 1993 – Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 172 с.

Удмурты, 1993 – Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. 392 с.

УРС, 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов. Ижевск, 2008. 925 с.

Федотов, 1996 – Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1. Чебоксары, 1996. 470 с.

Nasibullin, Semenov, 2006 – Nasibullin R. Sh., Semenov V. G. Sistemno-tematicheskij russko-udmurtskij slovar'. Izhevsk: Izd-vo «Associaciya «Nauchnaya kniga», 2013. 380 s. (in Russian)

RUS, 1956 – Russko-udmurtskij slovar': Ok. 40 000 slov. M., 1956. 1360 s. (in Russian)

Tarakanov, 1993 – Tarakanov I. V. Udmurtsko-tyurkskie yazykovye vzaimosvyazi (Teoriya i slovar'). Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta, 1993. 172 s. (in Russian)

Udmurty, 1993 – Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki. Izhevsk, 1993. 392 s. (in Russian)

URS, 2008 – Udmurtsko-russkij slovar': Ok. 50 000 slov. Izhevsk, 2008. 925 s. (in Russian)

Fedotov, 1996 – Fedotov M. R. Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka. T. 1. Cheboksary, 1996. 470 s. (in Russian)

O. V. Titova

ON THE NAMES OF FURNACES AND THEIR PARTS IN THE UDMURT LANGUAGE

The article deals with the names of the furnaces and their parts, used in the Udmurt literary language and dialects, which until now have not been the object of special research in Udmurt linguistics. The need to study this lexical stratum is caused by the fact that this part of the vocabulary is gradually moving into the passive vocabulary fund of the language. The analysis is carried out on the material of various dictionaries of the Udmurt language. The study revealed that in the formation of the considered vocabulary an important role was played by new words that emerged with the help of productive word-formation means of the Udmurt language. After analyzing the lexical material from the point of view of structural features, we come to the conclusion that most of the names designating furnace parts are complex or composite formations consisting of two words. They are compiled according to the model «determining + defined», the words *gur* 'stove', *murjo* 'chimney' often act as the first components. The names of many parts of the furnace are metaphorical names based on the similarity of their external features with the parts of the human body or other objects of reality. In the names of furnace types, the productive word-formation type is the pattern «adjective + noun». Qualitative adjectives that indicate the shape, size or material of furnaces production act as a determinative components. In addition to the names of the primordial origin, borrowings from the Russian language play an important role in the lexical system of the thematic group under study. Penetration of foreign words has caused some variation of these or those names. Separate lexemes are borrowed from Turkic (Bulgarian, Tatar) languages. Some of the names are formed by the method of adding the original and foreign language bases.

Keywords: linguistics, lexicology, the Udmurt language, native vocabulary, borrowing.

Титова Ольга Владимировна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
(Ижевск, Россия)
ovtitova@rambler.ru

Titova Olga Vladimirovna,
PhD in Philology, Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Researcher Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)
ovtitova@rambler.ru

УДК 811.511.131

А. А. Шибанов

УДМУРТСКИЕ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В ПРЕДЛОЖЕНИИ

В удмуртском языкознании на сегодняшний день нет специальных работ, посвященных синтаксису подражательных слов. В существующих научных трудах затронуты отдельные вопросы структуры, семантики и функционирования звукоподражательных слов в исследуемом языке. Подражательные слова в предложении можно разделить на подражания, подражательные глаголы, существительные, прилагательные, обладающие своими грамматическими и семантическими особенностями. С лексико-морфологической точки зрения в большинстве языков подражательные корни можно разделить на две основные группы: корни, имеющие статус самостоятельного слова, и корни, встречающиеся только в составе какой-либо части речи, чаще всего в составе глагола. Морфологически подражательные слова относятся к числу неизменяемых слов. Однако в синтаксическом плане они не изолированы и могут вступать в сочетания, являясь членами предложения. В качестве членов предложения подражательные слова могут выполнять роль подлежащего, сказуемого, определения, обстоятельства, дополнения. Поскольку подражательные слова чаще входят в глагольные сочетания, то ведущей их функцией является обстоятельственная. Подражательные слова могут вступать в сочетание с существительными в качестве их определения, обозначая признак существительного. При этом определяемому предмету приписывается в качестве признака тот звук или действие, которое им производится. Звукоподражательные слова могут выступать в позиции сказуемого, когда возникает необходимость ярко, живо, экспрессивно представить то действие, которое вызвало обозначенное ими явление. Поэтому употребление в данной функции ограничено особыми условиями: сказуемое, выраженное одним только звукоподражательным словом, должно быть уточнено, конкретизировано предыдущим или последующим глагольным словом. В качестве подлежащего и дополнения образоподражательные слова выступают очень редко. Роль подлежащего смогли бы выполнить звукоподражательные слова лишь в случае субстантивации.

Ключевые слова: удмуртский язык, звукоподражание, синтаксис, предложение, подлежащее, сказуемое, определение, обстоятельство, дополнение.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью определения места, роли и специфики подражательных слов в языке. Также необходимость ее выбора обусловлена тем, что данная проблема до сих пор не была специально изучена в плане синтаксического описания. В контексте заметно усилившегося интереса к обще и частнотеоретическим исследованиям в современной лингвистике проблема сопоставительно-типологического изучения отдельных грамматических и лексических единиц разных языков приобретает особую значимость.

В удмуртском языкознании на сегодняшний день нет специальных работ, посвященных синтаксису звукоподражательных слов. В существующих научных трудах затронуты отдельные вопросы структуры, семантики и функционирования звукоподражательных слов в исследуемом языке.

Образо- и звукоподражательные коренные основы удмуртского языка служат для образования:

1) существительных (*таргетон* ‘тарахтение’ < *таргетыны* ‘тарахтеть’, *жильыртон* ‘журчание’ < *жильыртыны* ‘журчать’, *дамбыртон* ‘грохот, стук’ < *дамбыртыны* ‘грохотать, стучать, греметь’,

жургетэм ‘журчание, гудение’ < *жургетыны* ‘журчать, гудеть’, *жиетэм* ‘визг’ < *жиетыны* ‘визжать’, *гудыръям* ‘грохот’< *гудыръяны* ‘грохотать’; *ургетэм* ‘ор, шум’ < *ургетыны* ‘урчать, шуметь’, *викышъян* ‘всхлипывание’ < *викышъ-я-ны* ‘всхлипывать’ и др.);

2) прилагательных (*губыр-губыр* ‘сгорбившийся’, *ӧуштыр-ӧуштыр* ‘шероховатый’, *лап-лап* ‘развесистый’, *быльыр-быльыр* ‘обильный’, *шим-шим* ‘опустевший’, *жин-жин* ‘звонкий’, *ньыс-ньыс* ‘сладкий’ и др.). В разряд прилагательных переходят образо- и звукоподражательные слова, которые остаются в своей начальной форме, т. е. не принимают никаких суффиксов; определяющим моментом при этом является контекст предложения.

3) Образо- и звукоподражательных слов (*чирак* ‘*звукоподр.* пронзительному крику’ < чир ‘тж.’, *чулькак* ‘вдруг, внезапно, неожиданно’ < чульк ‘вдруг, моментально’, *шатырак* ‘с шумом, грохоча’ < шатыр ‘тж.’, *ӧажак* ‘с треском’ < ӧаж ‘тж’, *чоркак* ‘вдруг’ < чорк ‘тж.’, *йыгак* ‘*звукоподр.* одиночному стуку, удару о твердый предмет’ < *йыг* ‘тж’, *куажырак* ‘*звукоподр.* скрипу, хрусту’ < *куажыр* ‘тж’, *бугырак* ‘*изобр. сл.*, выражающее густые клубы дыма, пара, туч, идущих с перебоями’ < бугыр ‘тж’ и др.);

4) глаголов (*вӧлыны* ‘разостлать, расстилать’, *ӟурыны* ‘ворчать; скрипеть’, *жӧмыны* ‘попасться, наскочить’, *путыны* ‘дать трещину, треснуть, лопнуть’, *викыны* ‘икнуть, икать’, *пальккыны* ‘выплеснуть, плеснуть; разбить в дребезги’, *куальккыны* ‘лакать, вылакать; визжать, скулить; пустословить, болтать; пить, выпивать’, *бызгыны* ‘жужжать; ворчать’ и др.)

5) причастий (*дымбыртӈсь* ‘грохочущий’, *жильыртэм* ‘журчащий’, *супырӟоно* ‘разваристый’, *гудыръямон* ‘гремящий’ и др.);

6) деепричастий (*йыгаса* ‘стуча’, *куаньгетытэк* ‘без писка’, *дамбыртыку* ‘во время стука’, *сачырмытозь* ‘до мокрого состояния’ и др.).

Морфологически подражательные слова относятся к числу неизменяемых слов. Однако в синтаксическом плане они не изолированы и могут вступать в сочетания, являясь членами предложения. При этом для них характерна лишь подчинительная и подчиняющая связь с другими частями речи.

Чаще всего в роли сказуемого выступают звукоподражательные глаголы. В удмуртском языке их представлено большое количество:

Берын пукисьёс муш кадь ***жужгетыны*** *кутскизы* [Медведев, 1989а, с. 89]. ‘Сидевшие сзади, словно пчелы начали шуметь (букв. жужжать)’.

Отын но татын автомат но пулемёт куараос кылйсько, бур паламы, кыдёкын, самолётъёс ***жургето****, пушкаос* ***дыбырто*** [Шихарев, 1989(а), с. 266–267]. ‘И там и тут слышатся звуки выстрелов из автоматов и пулеметов, справа от нас, вдали, гудят самолеты, грохочут пушки’.

Вӧлдэтын син мальдымон электролампа жуа, борддоре кыӧе ке плакатъёс лякылэмын; кытын ке каллен гинэ ***тиккетэ*** *час* [Красильников, 1976, с. 238]. ‘На потолке горит лампа, ослепляющая глаза, на стену наклеены какие-то плакаты; где-то тихо тикают часы’.

Подражательные слова чаще всего выступают в сочетании с глаголами *карыны* ‘делать’, *вазьыны* ‘послышаться’, которые при этом теряют свое лексическое значение и, следовательно, синтаксическую самостоятельность и превращаются в словообразовательный элемент подражательных глаголов: *куажыр карыны* ‘хрустеть’, *куажыр вазьыны* ‘хрустеть’, *дамбыр карыны* ‘греметь’, *дамбыр вазьыны* ‘греметь’, *тачыр карыны* ‘трескать’, *тачыр вазьыны* ‘трескать’ и т. д., где с полным основанием можно говорить о сложном звукоподражательном глаголе, поскольку между его компонентами нет никаких синтаксических отношений.

Резь-куаж! вазе *машина* [Митрей, 1989, с. 36]. ‘Машина грохочет’.

Кыз борды урдэм пыӧалэз кутыса, Желобов затворен ***шильк-шальк каре*** [Гаврилов, 1989, с. 238]. ‘Схватив ружье, прислоненное к ели, Желобов щелкает затвором’.

Корказьтӈзы пырыкуз буш ведра борды канжаськыса, ***дыбыр-колтыр кариз****, ӧс кутонэз шедьтыса, ас бордаз кыскиз* [Красильников, 1976, с. 40]. ‘Входя через сени, запнувшись за пустое ведро, поднял грохот (букв. прогремел), найдя дверную ручку, потянул на себя’.

Сочетаемость звукоподражательных слов с глаголом, обозначающим ‘делать’, имеет место во многих языках. Подобные синтаксические свойства, как отмечают исследователи ономатопов лезгинских языков А. С. Алисултанов, и Т. А Сулейманова, выводят звукоподражания за рамки междометий, которые, как известно, не включаются в состав предложения [Алисултанов, Сулейманова, 2013, с. 51]. Сравним сходную, но не идентичную

характеристику звукоподражаний и междометий в русском языке: «По ряду признаков к междометиям примыкают звукоподражания, представляющие собой условные, преднамеренные воспроизведения звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом…» и далее: «Междометия являются характерной принадлежностью эмоциональной сферы языка, где они употребляются вне связи с другими словами (а также и не для связи последних)» [Русская грамматика, 1980, с. 732]. Хотя авторы данной работы и называют междометия словами, которые лишены номинативного значения, в ту же очередь отмечают: «Как выразительные языковые средства междометия нередко употребляются и за пределами собственно эмоционально речевой сферы. Такое употребление влечет за собой значительное усложнение и расширение их семантических и синтаксических функций и ведет к их сближению со словами других лексико-грамматических классов» [Русская грамматика, 1980, с. 732].

Поскольку подражательные слова чаще входят в глагольные сочетания, то ведущей их функцией является обстоятельственная, причем функция обстоятельства образа действия*:

Залын пукись нылкышноос ***огыр-бугыр карись-кизы****, соиз но таиз ас кылзэ вера* [Красильников, 1976, с. 75]. ‘Сидящие в зале женщины оживились, и та, и другая начали высказываться’.

Олексан но пӧсекъяны кутскиз, йылсо вӧлэм карандашезлэн пумыз ***тэрс****!* ***чигиз*** [Красильников, 1976, с. 101]. ‘И Александр начал злиться, кончик остро заточенного карандаша с треском обломился’.

Озьы сылон куспазы бакча ыбес ***ӟукрак****!* ***кариз****, азбаре ачиз Гирой пыриз* [Красильников, 1976, с. 104]. ‘Пока так стояли, калитка в огород заскрипела, во двор вошел сам Гирой’.

Во всех приведенных примерах ономатопоэтические единицы выступают в функции обстоятельств образа действий и обозначают качественную характеристику действия или способ его осуществления.

В этой функции необычайно широко выступают сложные подражательные глаголы, образованные от множества звукоподражательных и образоподражательных корней с помощью десемантизированных глаголов, которые в данном случае принимают форму деепричастия на *-са*:

Олексанэн огшап ваче син, огзэс огзы тылын ӵушкано кадь учкыса сылћзы но, Шахтинлэн урдэм киыз кысмыляк ошиськиз, пуконэз, ***дыбыр-колтыр карыса****, выж вылэ усиз* [Красильников, 1976, с. 102]. ‘С Александром на какое-то время встретились глазами, стояли, смотря друг на друга сжигающим взглядом, и поднятая рука Шахтина вмиг обвисла, стул, прогремев, упал на пол’.

Шуныт киосты со кырмиз но нылэз, ас палаз ***зӥрак****! кыскыса, огпумысь* ***ӝик-ӝик ӟыгыртӥз*** [Воронцов, 1989, с. 191]. ‘Он сжал теплые руки и резко прижав к себе девушку, заодно крепко обнял’.

Но огпол нуназе ёроскын Чипеевлэн кабинетаз пырыса, со адӟиз: председательзы, оло кудӟыса, оло макмырен жуммыса, ӝӧк сьӧраз ик ***сор****! поттыса изе* [Перевощиков, 1977, с. 60]. ‘Но однажды в районе обеда зайдя в кабинет Чипеева, он увидел: их председатель, или будучи пьяным, или страдая от похмелья, спал и храпел прямо за своим столом’.

В современном удмуртском языке из всех деепричастий, употребляемых в письменной и устной речи, наиболее распространенными являются деепричастия с формой *-са*.

Звукоподражательные слова могут выступать в позиции сказуемого, когда возникает необходимость ярко, живо, экспрессивно представить то действие, которое вызвало обозначенное ими явление. Поэтому употребление в данной функции ограничено особыми условиями: сказуемое, выраженное одним только звукоподражательным словом, должно быть уточнено, конкретизировано предыдущим или последующим глагольным словом:

Дыр чидантэм каллен ортче, котькуд минутэн сюлмысьтыз шапыкен вир усе кадь: ***тёп-тёп-тёп****…* [Красильников, 1976, с. 155]. ‘Время тянется невыносимо медленно, словно с каждой минутой падает капля крови из сердца: кап-кап-кап…’.

Висъет сьӧрын мур шокаса кӧло Олексанэн Глаша, кытын ке сэргын, выж вылэ усем нянь кӧмез йырйыса, дћсьтытэк гинэ ***шатыртэ*** *шыр, борддорын шарккетэ бадӟым туй гиръёсын час, дырыз вуэ ке, пушказ маиз ке ӟукыртыны, куажы-*

* Наречия образа или способа действия показывают, каким образом, каким способом протекает действие [Шибанов, 2012, с. 56]. Эти наречия при глаголах играют ту же роль, какую и качественные имена прилагательные при именах существительных. Они показывают качественный признак действия так же, как качественные имена прилагательные показывают качественный признак предмета [СКЯ, 1955, с. 259].

*ртыны кутске, собере зӧк куараен шукке: «**Дон-н, дон-н, дон-н**...»* [Красильников, 1976, с. 191]. ‘За стеной глубоко дыша, спят Александр с Глашей, где-то в углу, разгрызая упавшую на пол корку хлеба, нерешительно шуршит мышь, на стене стучат часы с большими латунными гирями, когда подходит время, внутри что-то начинает скрежетать, хрустеть, потом громко стучат: «Бом-бом-бом…»’.

*Часлэн йыггетэмез кадь, тэлетӊ шуккиське кусо йыгамез: **тик-так, тик-так, тик-так**!* [Самсонов, 1989, с. 302]. ‘Словно стук часов разносится по лесу заточка кос: тик-так, тик-так, тик-так!’

Примеры, в которых сказуемое выражено только звукоподражательным словом, в удмуртском языке и вообще в языках немногочисленны.

Подражательные слова могут вступать в сочетание с существительными в качестве их определения, обозначая признак существительного. При этом определяемому предмету приписывается в качестве признака тот звук или действие, которое им производится:

*Ӝытазе кужмо сильтӧл ортчемен, село **тӝмтӝм пеймытэ** кылемын* [Шихарев, 1989(б), с. 281]. ‘Из-за того что вечером прошелся сильный ураган, село погрузилось в кромешную тьму’.

*Пыд улаз азвесяськись тусэн олокыӵе **кырыж-конгыль букваос** сыло* [Медведев, 1989б, с. 101]. ‘Под ногами стоят какие-то кривые-косые буквы, принявшие серебряный облик’.

*Ваньмыз **буль-буль синъёссэ** кырметъяса сылӊсь Петыр шоры учкизы* [Медведев, 1989в, с. 90]. ‘Все посмотрели в сторону Петра, стоявшего с заплаканными глазами’.

В качестве подлежащего и дополнения образоподражательные слова выступают очень редко. Роль подлежащего смогли бы выполнить звукоподражательные слова лишь в случае субстантивации. Нами зафиксировано два примера:

Лексема *колтыр-колтыр* в некоторых диалектах удмуртского языка, характеризующая глухой скрип, звон, субстантивировалась и стала обозначать пластиковую тару для хранения жидкости: *тин’ кӧн’а тырттэм **колтыр-колтыр** ул’чаын лошйас’кэ*. ‘Вон сколько пустой **пластиковой посуды** валяется на улице’.

*Огшоры бумага вылын кыӵе-кыӵе шонер верамын. Мыным нош **кунгыр-мангыръёс** гинэ адсо, – Заркей Ӵана ӝожтӊськиз* [Медведев, 1989б, с. 99]. ‘На простой бумаге как все верно изложено. А мне одни **каракули** виднеются, – пожаловалась Заркей [тт͡ш]ана (букв. Галка)’.

Звукоподражательное слово, выступающее в роли дополнения, зафиксировано нами в одном примере:

*План, ма, **тыч-тачен** ик составить каремын ӧй вал но, можно терпеть карыны* [Яковлев, 1989, с. 41]. ‘План-то что, хоть и не был составлен щелк-щелк (*то есть счетами*), можно терпеть’.

Таким образом, вступая в различные синтаксические отношения, подражательные слова в предложении могут выполнять роль подлежащего, дополнения, сказуемого, определения, обстоятельства.

ЛИТЕРАТУРА

Алисултанов, Сулейманова, 2013 – Алисултанов А. С., Сулейманова Т. А. Фонетические и синтаксические особенности звукоподражаний в лезгинских языках // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 50–53.

Воронцов, 1989 – Воронцов М. С. Тонэ вити // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 189–208.

Красильников, 1976 – Красильников Г. Д. Вуж юрт: Дилогия. Ижевск, 1976. 412 с.

Медведев, 1989а – Медведев Г. С. Ярдурын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 82–94.

Медведев, 1989б – Медведев Г. С. Лёва Матрон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 94–100.

REFERENCES

Alisultanov, Sulejmanova, 2013 – Alisultanov A. S., Sulejmanova T. A. Foneticheskie i sintaksicheskie osobennosti zvukopodrazhanij v lezginskix yazykax // Izvestiya DGPU. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2013. № 3. S. 50–53. (in Russian)

Voronczov, 1989 – Voronczov M. S. Tone viti // Vyl dunne. Udmurt veros: Antologiya 1 / Dasyaz Romanova G. V. Izhevsk: Udmurtiya, 1989. S. 189–208. (in Udmurt)

Krasilnikov, 1976 – Krasilnikov G. D. Vuzh yurt: Dilogiya. Izhevsk, 1976. 412 s. (in Udmurt)

Medvedev, 1989a – Medvedev G. S. Yarduryn // Vyl dunne. Udmurt veros: Antologiya 1 / Dasyaz Romanova G. V. Izhevsk: Udmurtiya, 1989. S. 82–94. (in Udmurt)

Medvedev, 1989b – Medvedev G. S. Lyova Matron // Vyl dunne. Udmurt veros: Antologiya 1 / Dasyaz Romanova G. V. Izhevsk: Udmurtiya, 1989. S. 94–100. (in Udmurt)

Медведев, 1989в – Медведев Г. С. Выль дунне // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 100–113.

Митрей, 1989 – Кедра Митрей. Вожмин // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 29–38.

Перевощиков, 1977 – Перевощиков Г. В. Йыбыртты музъемлы. Роман. Нырысетӧ книга. Ижевск: Удмуртия, 1977. 260 с.

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика. Т. I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980. 784 с.

Самсонов, 1989 – Самсонов Е. В. Солдатлэн анаез // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 294–306.

СКЯ, 1955 – Современный коми язык: Фонетика, лексика, морфология / Под ред. проф. В. И. Лыткина. Коми филиал АН СССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 312 с.

Шибанов, 2012 – Шибанов А. А. Наречия в удмуртском языке. Екатеринбург; Ижевск, 2012. 192 с.

Шихарев, 1989(а) – Шихарев С. Т. Мина // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 254–270.

Шихарев, 1989(б) – Шихарев С. Т. Пытьыос кузя // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 276–284.

Яковлев, 1989 – Яковлев К. С. Коньяк // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 39–42.

Medvedev, 1989v – Medvedev G. S. Vyl dunne // Vyl dunne. Udmurt veros: Antologiya 1 / Dasyaz Romanova G. V. Izhevsk: Udmurtiya, 1989. S. 100–113. (in Udmurt)

Mitrej, 1989 – Kedra Mitrej. Vozhmin // Vyl dunne. Udmurt veros: Antologiya 1 / Dasyaz Romanova G. V. Izhevsk: Udmurtiya, 1989. S. 29–38. (in Udmurt)

Perevoshhikov, 1977 – Perevoshhikov G. V. Jybyrtty muzjemly. Roman. Nyryseti kniga – Izhevsk: Udmurtiya, 1977. 260 s. (in Udmurt)

Russkaya grammatika, 1980 – Russkaya grammatika. T. I. Fonetika, fonologiya, udarenie, intonaciya, slovoobrazovanie, morfologiya / AN SSSR. In-t rus. yaz. M.: Nauka, 1980. 784 s. (in Russian)

Samsonov, 1989 – Samsonov E. V. Soldatlen anajez // Vyl dunne. Udmurt veros: Antologiya 1 / Dasyaz Romanova G. V. Izhevsk: Udmurtiya, 1989. S. 294–306. (in Udmurt)

SKYa, 1955 – Sovremennyj komi yazyk: Fonetika, leksika, morfologiya / Pod red. prof. V. I. Lytkina. Komi filial AN SSSR. – Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1955. 312 s. (in Russian)

Shibanov, 2012 – Shibanov A. A. Narechiya v udmurtskom yazyke. Ekaterinburg; Izhevsk, 2012. 192 s. (in Russian)

Shiharev, 1989a – Shiharev S. T. Mina // Vyl dunne. Udmurt veros: Antologiya 1 / Dasyaz Romanova G. V. Izhevsk: Udmurtiya, 1989. S. 254–270. (in Udmurt)

Shiharev, 1989b – Shiharev S. T. Pytyos kuza // Vyl dunne. Udmurt veros: Antologiya 1 / Dasyaz Romanova G. V. Izhevsk: Udmurtiya, 1989. S. 276–284. (in Udmurt)

Yakovlev, 1989 – Yakovlev K. S. Konyak // Vyl dunne. Udmurt veros: Antologiya 1 / Dasyaz Romanova G. V. Izhevsk: Udmurtiya, 1989. S. 39–42. (in Udmurt)

A. A. Shibanov

UDMURT IMITATIVE WORDS IN SENTENCES

In Udmurt linguistics today there are no special works on the syntax of onomatopoeic words. In the existing scientific works, certain issues of the structure, semantics and function of onomatopoeic words in the studied language are touched upon. The words in the sentence can be divided into the actual soundimitating, sound-reflective verbs, nouns, adjectives, which have their own grammatical and semantic features. From the lexical-morphological point of view, in most of the languages, the sound-reflective roots can be divided into two main groups: the roots having the status of an independent word, and the roots found only in the composition of any part of speech, most often in the verb. Morphologically imitative words are among the unchangeable words. However, syntactically, they are not isolated and can join combinations as parts of a sentence. As parts of the sentence onomatopoeic words can act as a subject, a predicate, an attribute, an adverbial modifier an object. Since imitative words are more often included in verb combinations, their leading function is adverbial. Imitative words may be combined with nouns as their attributes, denoting their features. In this case, the object being defined is attributed as a feature the sound or action it produces. Onomatopoeic words can appear in the position of the predicate, when it becomes necessary to clearly, vividly, expressively present the action that caused the phenomenon designated by them. Therefore, the use of this function is

limited to special conditions: the predicate, expressed only by an onomatopoeic word, must be clarified, specified by the previous or subsequent verbal word. Onomatopoeic words are very rarely used as subjects and objects. The role of the subject could be fulfilled by onomatopoeic words only in the case of substantivation.

Keywords: Udmurt language, onomatopoeic, syntax, sentence, subject, predicate, attribute, adverbial modifier, object.

Шибанов Алексей Александрович,
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
(Ижевск, Россия)
jarik7979@mail.ru

Shibanov Aleksey Aleksandrovich,
PhD in Philology, Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Researcher Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)
jarik7979@mail.ru

УДК 821.511.131

А. А. Арзамазов

ПРЕДМЕТНЫЕ РЕАЛИИ «ДВЕРЬ» И «ОКНО» В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ПОЭЗИИ МИХАИЛА ФЕДОТОВА*

В статье рассматриваются предметные реалии *«дверь»* и *«окно»* в поэзии Михаила Федотова, одного из ярких представителей удмуртской постперестроечной поэзии. Творчество Михаила Федотова в истории удмуртской литературы, бесспорно, заслуживает значительной культурологической дискуссии. М. Федотов, без преувеличения, стал символом литературного поколения, оказался в роли своего рода поэтического гуру. Его трагическое мировосприятие, ретроспективность художественной картины мира, мистификация повседневной жизни, мучительное этнопсихологическое «Откуда Я?», «урбанистические призраки» вызвали не просто ответные творческие импульсы, но превратились в цепочку сквозных поэтических интересов, которые продолжают волновать современных удмуртских писателей. О творчестве М. Федотова написан ряд научных работ, воспоминаний, однако многое только готовится к обсуждению и осмыслению – реакция на имя и художественную значимость поэта еще очень жива, многогранна, в чем-то препятствующая относительно объективной интерпретации. Поэзия Федотова зачастую расценивается как поэзия боли (к такому выводу приводит и название его главного сборника – «Вӧсь» («Боль») и в целом – трагичность, апокалиптичность «Я»-миротекста). При этом экзистенциальная боль М. Федотова генетически предопределена: ее природа, в первую очередь, этнокультурная. Бесермянский вопрос для поэта так и остался художественно неразрешимым. Не раз подчеркивалось, что М. Федотов через боль и отторжение искал свое место в городе и, вероятно, так его и не нашел. Боль как психопоэтическая доминанта нуждалась в нетривиальном творческом преломлении, в новом языке выражения. М. Федотов чувствовал эту потребность и старался по-своему символически наполнить, образно ритмизировать тексты. Художественная картина мира бесермянского поэта являет собой пример значительного эволюционного преобразования, мировоззренческого переустройства: между первым сборником «Тӧдьы юсьёс берто» («Лебеди возвращаются») и эпохальной книгой «Вӧсь» («Боль») – метафизическая пропасть, это непохожие, а подчас и противоположные, способы творческого мышления, стратегии переживания реальности. За незначительный хронологический отрезок (10-15 лет) удмуртская литература обрела два поэтических «Я» одного поэта, раннего и зрелого, каждое из которых двигалось в разных духовных, творческих направлениях. В рамках статьи выявляются основные художественно-семантические функции двух образов (дверь/окно), устанавливается их сопряженность с удмуртской традиционной культурой, мифологическими представлениями. На анализе обширного текстового корпуса было установлено, что дверь и окно в поэтическом восприятии Михаила Федотова являются многомерными экзистенциальными символами, характеризующими бытие лирического субъекта, его внутренние переживания, индивидуальное ощущение времени, пространства. Исследовательская сопряженность двух символов мотивирована: они являются важными пространственными маркерами, их символические функции могут совпадать, они востребованы поэтическим сознанием как значимые компоненты метафоризации, образно-ассоциативной компарации.

Ключевые слова: предметные реалии, образная символика, удмуртская поэзия, этнопоэтика, традиционная культура.

* Статья выполнена в рамках проекта «Предметные реалии удмуртской этнокультуры» (грант РФФИ № 16–34–00026).

В художественной традиции самых разных народов существуют национальные, этнически маркированные символы, характеризующиеся высокой степенью повторяемости. Их научное рассмотрение, как правило, сфокусировано на выявлении специфической семантики в рамках репрезентируемой модели мира. Вместе с тем выделяется пласт универсальных, общецивилизационных символических образов, которые встречаются в «текстах» практически любой культуры. Анализ их знаковых проявлений в отдельно взятой культуре, ее некоторых срезах (фольклор, литература, изобразительное искусство) также является актуальным, популярным в современной гуманитаристике исследовательским направлением. Семиотическая значимость символа понимается, осознается не только в контексте своего культурного ландшафта, но в сравнительной проекции на другие традиции, территории, эпохи. Именно макросемиотический контекст нередко позволяет прояснить те или иные инвариантные семантические функции, свойственные различным частным реализациям образа-символа в универсуме культуры.

Урбанистический образно-мотивный кластер включает в себя большое количество символов, с разной долей очевидности художественно раскрывающих город, городскую среду, жизнь рефлексирующего, творческого человека в мегаполисе. Среди таких символических элементов – образы двери и окна. В удмуртской поэзии конца 1980 – начала 2010-х, они, как правило, «рассказывают» экзистенциальные истории горожанина в первом поколении. За окнами, дверями – частная жизнь, «маленькие трагедии», такие одинаковые и разные психологические сюжеты, обычно отмеченные разочарованностью, печалью несбывшегося. Двери и особенно окна в удмуртских поэтических мирах редко показывают, отражают читателю развернутую природную панораму, пейзаж. Природа созерцается на природе, в окнах и дверях же – вспышки и «угасания» города, его некоторые фрагменты, «осколки» урбанистической мозаики, авторские «визуальные фантомы».

В статье использованы структурно-семантические методы литературоведческой интерпретации, материалом послужили поэтические тексты Михаила Федотова.

Дверь (*öс*) и окно (*укно*) как образно-изобразительные константы достаточно широко представлены в удмуртском фольклоре. Они являются сакральными границами, отделяющими пространство дома, избы от внешнего мира: «пространство за дверями считалось первой враждебной человеку средой. Если человек выходил из дома, он как бы лишался покровительства очага и предков и мог быть подвергнут влиянию злых сил» [Владыкина, 1998, с. 249]. Дверь, порог в мифологических представлениях удмуртского народа – локусы, которые требовали особого внимания, поведения, в отношении их работала определенная система запретов: *«Öс пыдулэ пуксьыны уг косо: анаед-атаед кулоз»* («Нельзя садиться на порог: родители умрут»); *«Öс куспын пукид ке, кускыд висись, пе, луоз»* («Если будешь сидеть на пороге, поясница будет болеть»); *«Öс кусыпез öд ке миськы, ныл курасьёс уз ветлэ, шуо»* («Если не будешь мыть порог, сваты приезжать не будут»); *«Öсэтӥ потыкуд, «остэ» öд ке шу, висён кутоз»* («Если при выходе из дому не скажешь «Господи» – заболеешь») и т.д. [Владыкина, 1998, с. 250]. Релевантным символом в удмуртской народной культуре является окно. Окно, подобно двери, воспринималось как граница между потусторонним и этим миром. В окно во время весеннего праздника Акашка, исторически слившегося с Пасхой, подавали милостыню верховым. Считалось, что если в окно стучится / залетает птица – это знак возвращения души умершего. Окна ассоциативно воспринимались как глаза дома. На окна смотрели и составляли представление о хозяине.

Нам представляется актуальным рассмотреть две обозначенные предметные реалии в стихотворениях Михаила Федотова, творчество которого явило собой новый этап в истории национальной литературы, стало примечательным поворотом от соцреализма к этнофутуризму. Стихи М. Федотова концентрируют в себе и пейзажную, натуралистическую изобразительность, и образную систему противоположного ряда – хронотоп города у поэта со временем превращается в визуальную художественную доминанту.

В дебютной книге Михаила Федотова «Тöдьы юсьёс берто» («Белые лебеди возвращаются») окна и двери являются часто привлекаемыми образами, тесно связанными с реальностью лирического субъекта. Следует заметить, что стихи, составившие сборник, в некоторой степени соцреалистичны. М. Федотов начинает свой творческий путь с оптимистичных, «бодрых» текстов. Двери в одном из его ранних стихотворений семантически

сопряжены с понятием *дунне* «мир, вселенная» – «Я»-субъект смело постучался в двери мира. Он знает – всё впереди, впереди – целая жизнь, наполненная радостью созидания, большими победами, трудовыми подвигами [Федотов, 1986, с. 5]. Дверь – рубеж, черта между этим и тем мирами. К лирическому герою приходит погибший на войне дед, дверь открывает ему дорогу в мир живых. И в то же время дверь защищает субъекта от зимней непогоды, ассоциирующейся с войной, врагом: *«Песятае ветлӥз туннэ дорам, / Каллен гинэ усьтӥз корка ӧсэз. / Мур лулӟыса пуксиз ӱуслэн шораз, / Кисыысьтыз поттӥз сӧр тамаксэ. / Нош ӧс сьӧрын тушмон кадь йыгаське, / Липет вылтӥ ветлэ шимес сильтӧл…»* [Федотов, 1986, с. 13] «Дед приходил сегодня ко мне. / Тихо открыл дверь дома. / Глубоко вздыхая, сел на середину скамейки. / Достал из кармана табак. / А за дверью, как враг, бьется вьюга, / По крыше страшно ходит…». Это стихотворение, репрезентированный в нем сюжет с дверью показывают, насколько мифоцентрично художественное сознание Михаила Федотова. В его ранней поэзии, несмотря на еще работающие соцреалистические установки, звучит язык удмуртских мифологических представлений. Его поэтическая действительность не ограничивается измерением живых людей – человеку постоянно напоминает о себе инобытие, до поры до времени остающееся за окнами / дверями дома, жилища.

Вниманием к окнам в поэтическом сборнике «Тӧдьы юсьёс берто» пронизаны многие стихотворения. В окнах героев поэзии М. Федотова живет природа. Необходимо обратить внимание на грамматическое окружение образа *укно*. Так, регулярно употребляемая форма *укно улын* «под окнами», как правило, указывает на деревья, цветы. Под окнами Михаила Федотова цветет вишня, торжествует весна [Федотов, 1986, с. 6]. *Улын* – не единственный послелог, сопровождающий окна. Часто используется слово *сьӧрын* «за», которое обычно актуализирует мотив непогоды, природных стихий. За окнами в книге «Тӧдьы юсьёс берто» ходит зимняя вьюга, стонет ветер*: «Укно сьӧрын вузэ сильтӧл, / Лымы бӧмез погма…»* [Федотов, 1986, с. 36) «За окном воет вьюга, / снежную копну мнет…». Еще один послелог – *дорын / дораз* – акцентирует действие, состояние человека у окна. Во втором тексте цикла «Кырӟа■о■, анай» («Споем, мама») [Федотов, 1986, с. 40] окно оказывается символом ожидания – мать ждет возвращения сына с войны. Образ окна также востребован в контексте лирического описания любовных переживаний. Любовь многогранно связана с природой, их эмоциональная сопряженность «отражается» в окнах: *«Южтолэзь зор тышка укно синэ, / Сюло йылын жуге со мугорам. / Кожай поннам: уг адӟы ни тонэ, / Синме усьтӥ но – учкиськод шорам…»* [Федотов, 1986, с. 35] «Апрельский дождь бьет в оконное стекло, / Кнутом он бьет мое тело. / Подумал: не увижу больше тебя, / Открыл глаза – ты смотришь на меня…».

Окно в книге М. Федотова «Берекет» встречается не часто, однако, как и прежде, играет важную роль в воплощении авторских замыслов. Срубить, сделать окно – одну из важнейших частей дома – цель участников бесермянского обряда *веме* [Федотов, 1988, с. 50]. Образ-предмет в данном случае связан с поэтическим изображением коллективного труда, с подчеркивающейся автором силой этнической традиции, духом взаимопомощи. Окно становится неслучайным элементом в описательной цепочке ритуала – окна непременно нужно сделать хорошо, качественно, поскольку они в сознании автора / героя – ключевой атрибут, соединяющий в себе прагматическую и мифосимволическую функции. Образ окна может быть включен в сферу психологических размышлений, рассуждений лирического «Я». «Материальное», открывающееся-закрывающееся окно противопоставляется открытому сердцу, которое невозможно закрыть: *«Чагыр-лыз инбам но бездэ ни, / Мынам но сӥяз мылкыды. / Усьтэм укноез ворсано ни, / Усьтэм сюлэмез нош кызьы?»* [Федотов, 1988, с. 59] «Голубое-синее небо уже блекнет, / И мое желание «остыло». / Открытое окно нужно уже закрыть, / А как же быть с открытым сердцем?». Деепричастие *ворсано*, выражающее решительность субъекта, решенность его действий относительно окна, контрастирует со следующей безглагольной стихотворной строкой – закрыть, завершить любовь мучительно трудно. Глаголы-действия «отменяются» риторическим вопросительным финалом – *кызьы* «как»?

Окно в книге «Берекет» – нередко граница между домом и внешним урбанистическим миром, частной жизнью и сложной действительностью перестройки. По ту сторону окна злая зима, воет вьюга, улицы города захвачены снегом. По эту сторону – теплый домашний уют, семейная идил-

лия, лепка пельменей [Федотов, 1988, с. 61]. Окна отражают природу. М. Федотов использует такое отражение для передачи внутреннего состояния девушки – она «растворяется» в картине окна, становится частью природы – светлой, радостной, романтической. И когда вдруг появляется птица – это важный знак. Снегирь (*шушы*) возникает в оконной панораме как посланник судьбы. Автор читает птичьи следы-узоры и предсказывает своей героине скорую свадьбу, большое личное счастье [Федотов, 1988, с. 62].

Окно в сборнике «Берекет» функционирует и в качестве своеобразного холста, на котором можно нарисовать портрет любимой. Попыток может быть много – «творческие неудачи» сразу же стираются, и перед художником – новый чистый лист: *«Укно синэ / Суредасько тонэ. / Ӧд кельшы – ӵушисько, / Выльысь суредасько. / Нош улонын но ке тазьы..?»* [Федотов, 1988, с. 82] «На оконном стекле / Рисую тебя. / Не понравилось – стираю. / Снова рисую. / А если и в жизни так..?». Стихотворение вновь заканчивается риторическим вопросом. «Берекет», второй сборник удмуртско-бесермянского поэта, можно смело назвать книгой вопросов, обращенных к себе. Приведенные строки, выстроенные в стиле японских танка, перекликаются с творчеством Владимира Владыкина (Омель Лади) – похожий минимализм, близкий стихам В. Владыкина «градус сомнения», отточенность сопоставлений, сравнений, резюмирующая вопросительность.

В книге М. Федотова «Вӧсь», пожалуй, главной в его творчестве, наиболее сложной для восприятия, литературоведческого прочтения текстов, образы окон и дверей отличаются достаточно высокой частотой употребления. В книге «Вӧсь» применительно к первым двум сборникам отчасти повторяется семантический контекст функционирования рассматриваемых поэтических доминант, вместе с тем происходит значительное мировоззренческое усложнение самого художественного дискурса. Неоднократно подчеркивалось, что книга «Вӧсь» – это этапное, ключевое событие в истории удмуртской литературы. Окна и двери здесь нередко появляются и содержательно взаимодействуют в рамках одного произведения – такой сценарий наблюдается в тексте «Тӧдьы кылбур» («Белое стихотворение») [Федотов, 1991, с. 16–17]. «Белое стихотворение» насыщено метафорами, сравнениями, образами, свидетельствующими о мифологической гиперчувствительности субъекта. И дверь, и окно здесь – составные элементы белого хронотопа, цвет которого подчеркнуто семиотичен. Место окна в произведении связано с разграничением экстерьерной и интерьерной реальности: за окном слышится скрип саней – полумифического транспортного средства, «разрывающего» время. Внутри белого пространства – больничный полусон, беззвучие, «предметный примитивизм» человеческой жизни. Двери снова употребляются в значении границы между мирами. В сознании лирического субъекта существуют белые и черные двери – первые для входа, вторые – для выхода. Между белыми дверями жизни и черными дверями смерти выстраиваются очереди душ. Примечательно, что всё это доступно зрению «Я»-героя: *«Тӧдьы ӧстӥ пырод, / Потод пеймыт ӧстӥ. / Татын но вань черод, / Лулъёс лобӟо возтӥм…»* [Федотов, 1991, с. 17] «Войдешь в белую дверь, / Выйдешь в черную дверь. / И здесь есть очередь, / Души пролетают мимо меня…». Дверь семантически соотносится с темой смерти, с мотивом условной границы между живыми и мертвыми в стихотворении, посвященном Владимиру Романову [Федотов, 1991, с. 24–25]. Раздается стук в дверь – и на пороге дома ушедший из жизни поэт, друг, наставник, по общению с которым очень скучает лирическое «Я». Дверь в мифологизированном авторском восприятии символизирует пограничье между реальным и потусторонним. Упомянутый сюжет – один из многих в удмуртской литературе, запечатлевающих глубокую внутреннюю привязанность удмуртских писателей к личности В. Романова. Таким встречам, беседам не может помешать даже смерть – двери своего пространства для близкого друга всегда открыты.

В книге «Вӧсь» двери и окна часто ведут в мир одинокого, покинутого всеми человека. На земле не осталось никого, все близкие – там, здесь же – осень и дождь, стучащиеся в двери, вздыхающие в окна: *«Одӥг мурт но ӧз мычы кизэ, / Шоканэ пытсаське вал куке. / Дыртыса дасязы сьӧд иззэс, / Мон вылын со зӥбет кадь пуке. / Нош ӧсам йыгаське вал сӥзьыл, / Векчи зор укноям шокчылэ…»* [Федотов, 1991, с. 34] «Ни один человек не протянул руки, / Когда закрывалось мое дыхание. / Спеша, искали черный камень, / Тяжким грузом он на мне лежит. / А в мою дверь стучалась осень, / Мелкий дождь дышал в мое окно…». В этом стихотворении

представлена характерная для позднего М. Федотова лирическая ситуация – субъект наблюдает за тем, как воспринимают его кончину другие. Его душа еще здесь, ей доступна зрительность происходящего. «Я» противопоставляет себя людям – они для него чужие, их невнимание, молчание, пустота убийственны, реальный мир отвергается. Двери в книге «Вӧсь» нужны для того, чтобы показать читателю обычно недоступные таинства бытия. Лирический герой знает, видит, чувствует в несколько больших объемах, чем обычный человек. Среди ночной тишины двора он слышит, как наводит чистоту мифический персонаж *кенос кузё*. Открытая дверь позволяет ощутить величие ночной природы, увеличивает масштабы обозреваемого, выполняя микроскопическую функцию. Сквозь открытую дверь постигается мистическая красота ночи. Двери и окна – детали ночного хронотопа в стихотворении «Нош уйсы кесяське нюк сьӧрын» («А за оврагом кричит филин») [Федотов, 1991, с. 41]. Сквозь окно на лирического героя смотрит месяц, и сразу отступает боль, забывается обида. Дверь ассоциируется с полуночными страхами, на пороге начинает дрожать человеческая тень. В этой жизни, размышляет поэт, очень важно не ошибиться дверью. Подобная сентенция заклинательно звучит в любовной лирике. Нужно постучаться в ту дверь, за которой ждет настоящая любовь и, разумеется, дверь эта персонифицирована: *«Мурт ӟезьые / Эн йыгаськы тон, эн, / Удйсь шедёз, / Уз лу тонэ валась… / Тон йыгаськы мынам гинэ ӧсам…»* [Федотов, 1991, с. 39] «В чужую калитку / Не стучи ты, нет, / Найдется тот, кто будет спаивать, / Не будет того, кто поймет тебя… / Ты постучи только в мою дверь…». Можно предположить, что любовный план текста не является единственным, хотя этот смысловой вариант наиболее очевидный. В контексте стихотворения речь может идти и о потерявшемся на дорогах жизни друге-поэте, и даже – о самом себе. Часто встречающаяся в стихах М. Федотова маркированность слова *ӧс* показателем первого лица единственного числа подчеркивает, что предмет превращается в релевантный авторский концепт, в экзистенциальную метафору. Лирический субъект закрывает свои внутренние двери для тех, кто причиняет ему боль, кто распространяет ложь: *«Со дырысен ӈогай ӧсме / Юнме зулись лек ымъёслы…»* [Федотов, 1991, с. 73] «С тех пор закрыл я свою дверь / Напрасно болтающим злым ртам». В творчестве позднего Михаила Федотова эксплицировано недоверие к людям. Не каждому человеку нужно открывать двери дома / сердца. Двери открываются природе, свежему воздуху, зиме [Федотов, 1991, с. 111].

Окно в книге «Вӧсь» еще более употребительный образ, чем дверь. Это, по-видимому, объясняется изначальной эстетической функцией окна. Оно, казалось бы, показывает хорошо знакомый пейзаж, обыгранный в сознании множество раз. Однако поэтическое зрение непременно найдет неожиданности в привычном ландшафте, увидит новые краски, детали в стертых визуальных гранях повседневности. В творческом мире М. Федотова центральное место занимает природа. В чувствовании ее, в общении с ней, в возвращении к ней складывается смысл жизни «Я»-субъекта. Соответственно, окна – один из доступных путей, способов коммуникации с природным космосом, даже в городских условиях. Следует заметить, что важная функциональная особенность окон в стихотворном произведении – визуализация пространства, которое в удмуртской литературе нередко описывается банально, на скучном языке констатации, перечисления. У Михаила Федотова немало скучно-обыденных пейзажных зарисовок, остающихся на периферии авторского внимания, читательского прочтения. В то же время природа, отражаемая в окнах, предполагает нетривиальное поэтическое выражение. М. Федотов интуитивно чувствует эту потребность, обращается к ярким сравнениям, актуализирует цветовой код, включается мифологическое мышление: «*Укно ултӥм тӧдьы валъёс / Чилектыса выллем кошко. / Дӧдьыосын тӧдьы муртъёс / Йӧ синъёсын монэ бышко…»* [Федотов, 1991, с. 55] «Под моим окном белые кони, / Сверкая молнией, пролетают, / Белые люди в санях / Ледяными глазами меня пронзают…». Зимняя непогода преподносится как страшный увлекательный спектакль, что разворачивается за окном. Важно подчеркнуть, что стихотворно упоминаемый белый человек *тӧдьы мурт* – в данном контексте – мифологическое существо, появляющееся в святки (удм. *вожодыр*). Этот образ связан с потусторонним миром, характерен для северных удмуртов, бесермян.

Лирическому герою в определенные моменты жизни особенно остро не хватает природы. Находясь в больнице, он замечает, что в окно палаты смотрят березы. Созерцание деревьев отвлекает

от тяжелых мыслей, помогает обрести временное спокойствие, усомниться в реальности смерти: *«Азбарын вожектэ ни ожо, / Мон больница зынэн шокасько. / Висисьёс асфальтэз, дыр, ӈужо, / Мон татын, ӝокытын, кыллисько. / Укноям учкыло кызьпуос. / Мугорзы муспотон шонскылэ. / Чик ӧвӧл кадь татын кулонъёс, / Кошконъёс, Ышонъёс ӝомалэ…»* [Федотов, 1991, с. 69] «Во дворе уже зеленеет трава, / Я вдыхаю запах больницы. / Больные асфальт, наверное, подметают, / Я же здесь, в духоте, лежу. / В мое окно смотрят березы. / Их стволы раскачиваются. / Как будто и нет здесь смертей, / Уходов, исчезновений во мрак…». Тема болезни, мотив больничного плена просматриваются в стихотворении «Тӧдьы бӧз вылын кыллисько» («Лежу на белой ткани») [Федотов, 1991, с. 72]. И снова экзистенциально спасительным оказывается окно, выходящее в природу. Там – другая жизнь: радостная, весенняя. Здесь – боль, страдание, тающая надежда на исцеление. Лирическому субъекту кажется, что в окна его судьбы стучатся несчастья, болезни, разочарования: *«Пукисько но кагаз кесясько, / Чик уг лыкто, уг вордско чуръёс. / Укноям гинэ весь йыгасько / Йыртышме вандыны дась черъёс…»* [Федотов, 1991, с. 139] «Сижу и рву бумагу, / Совсем не приходят, не рождаются строки. / Только в мое окно все время стучатся / Готовые отрезать мой затылок болезни…». При этом на картине окна нарисована зима, дома засыпаны снегом, деревня тонет в сугробах. В окнах лирический субъект видит мифических персонажей – горящие в ночи огоньки бани зазывают на шабаш, обещают неземные ощущения. В итоге субъект сам становится участником этого странного праздника, ночным пленником «банных» красавиц [Федотов, 1991, с. 42–43]. Мотив возвращения домой, в родные края также не обходится без окон. В стихотворении «Мынэ поезд Кильмезь палъёсы» («Едет поезд в сторону Кильмези») [Федотов, 1991, с. 131] фигурируют окна поезда, в которых мелькают древние удмуртские леса, напоминающие автору великанов-зэрпалов. Преломляющаяся во мраке окон природа резонирует с тревожной задумчивостью «Я»: впереди – туманное будущее, в настоящем – осознание быстротечности времени. Жизнь пролетает, как станции за окном. Регулярным для удмуртской поэзии можно считать сюжет, когда дождь стучится в окно. В таких случаях психологическими доминантами обычно являются печаль, тоска, одиночество, погруженность в себя. В стихотворении «Йылпумъян» («Итог») дождь просится в ночное окно, однако вместо привычной для подобного ситуативного расклада «хрестоматийной» грусти звучит иная сентенция – «Я»-субъекту хочется просто хорошо жить: *«Педлон каллен гинэ зоре, / Сьӧд укноям со шлачкетэ. / Таӵе дыре, таӵе дыре / Сыӵе умой улэм потэ»* [Федотов, 1991, с. 86] «Снаружи моросит дождь, / По темному окну шлепает. / В такое время, в такое время / Хочется жить по-хорошему».

Окна, как и прежде, в сборнике «Вӧсь» участвуют в поэтическом освещении любовной тематики. Лирический субъект намеревается зашторить «городские» окна, чтобы остаться наедине с любимой, закрыться от внешнего мира, чужих глаз: *«Мон возъяло укноосмес. / Тӥм пеймытын ӟыгыръяны, / Пӧсь ымдурдэ чупалляны / Сӥто берпум лул ӟырдытме»* [Федотов, 1991, с. 92] «Я зашторю наши окна. / Чтобы в темноте (тебя) обнимать, / Горячие губы твои целовать / Отдам последнюю страсть души». В одном из текстов он ходит под ее окнами, надеясь на скорую встречу [Федотов, 1991, с. 100], В другом – лирическая героиня прядет у окна, посматривая на улицу – не идет ли любимый [Федотов, 1991, с. 101]. В стихотворении «Усьты укнодэ» («Открой окно») герой просит возлюбленную открыть окно – только после исполнения просьбы могут быть сказаны самые главные слова. Открывание окон – символический акт риторического значения, «открытая метафора», не имеющая прямого отношения к прагматике реального действия: *«Тон усьты мыным укнодэ, / Гажан кылъёсме верало. / Толскын катьтэммем сюлэмдэ / Туно кадь шунто, пелляло… / Тон усьты, тон усьты мыным / Муртлы ворсаськем укнодэ. / Соку керпотӥсь сюлмыныд / Тон веша монэ, кунодэ»* [Федотов, 1991, с. 104] «Ты открой мне свое окно, / Я скажу тебе слова любви. / За зиму обессилившее сердце твое, / Как знахарь, согрею, исцелю… / Ты открой, ты открой мне / Для чужих закрытое твое окно. / Своим кротким сердцем / Ласкай меня, твоего гостя». Не напрасно в рассматриваемом произведении образ окна перекликается с сердцем – между этими словами в удмуртской поэзии существует прочная ассоциативная связь: сердце, подобно окну, открывается и закрывается.

Приведенные в данной статье и оставшиеся «за кадром» фрагменты свидетельствуют о том,

что априорные мифологические представления удмуртско-бесермянского поэта регулярно «срабатывают» в моделировании художественной семантики рассматриваемых образно-символических констант. Однако поэтическое сознание не стремится к точной передаче первичных этнокультурных, фольклорных смысловых инвариантов, текстуальных моделей. «Маршруты» поэтического восприятия символики разные, как и сама удмуртская поэзия.

ЛИТЕРАТУРА

Владыкина, 1998 – Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанров эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 356 с.

Федотов, 1988 – Федотов М. И. Берекет: Выль книга. Ижевск: Удмуртия, 1988. 108 с.

Федотов, 1991 – Федотов М. И. Вӧсь: кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 144 с.

Федотов, 1986 – Федотов М. И. Тӧдьы юсьёс берто: кылбуръёс. Устинов: Удмуртия, 1986. 60 с.

REFERENCES

Vladykina, 1998 – Vladykina T. G. Udmurtskij fol'klor: problemy zhanrov evolyucii i sistematiki. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 1998. 356 s. (in Russian)

Fedotov, 1988 – Fedotov M. I. Bereket: Vyl' kniga. Izhevsk: Udmurtiya, 1988. 108 s. (in Udmurt)

Fedotov, 1991 – Fedotov M. I. Vös': kylburyos. Izhevsk: Udmurtiya, 1991. 144 s. (in Udmurt)

Fedotov, 1986 – Fedotov M. I. Töd'y yus'yos berto: kylbur"yos. Ustinov: Udmurtiya, 1986. 60 s. (in Udmurt)

A. A. Arzamazov

SUBJECT REALITIES OF THE "DOOR" AND "WINDOW" IN THE FIGURATIVE SYSTEM OF MIKHAIL FEDOTOV'S POETRY

The article deals with the subject realities of the "door" and "window" in the poetry of Mikhail Fedotov, one of the brightest representatives of Udmurt post-perestroika poetry. Mikhail Fedotov's creativity in the history of the Udmurt literature, no doubt, deserves considerable culturological discussion. M. Fedotov, without exaggeration, became a symbol of the literary generation, received the role of a poetic guru. His tragic world outlook, retrospectiveness of the artistic picture of the world, the mystification of everyday life, the painful ethno-psychological question "Where am I from?, "urban ghosts" not only provoked creative impulses in response, but also turned into a chain of poetic cross-interests that continue to excite modern Udmurt writers. A number of scientific works and memoirs have been written about the works of M. Fedotov, but much is just being prepared for discussion and reflection – the reaction to the name and artistic significance of the poet is still very much alive, multifaceted, and in some way interfering with relatively to objective interpretation. Fedotov's poetry is often regarded as the poetry of pain (the name of his main collection "Pain" and in general a tragic, apocalyptic "I"- world text lead to this conclusion). At the same time, the existential pain of M. Fedotov is genetically predetermined: its nature, first of all, is ethnocultural. The Besermyan question remained artistically unsolvable for the poet. It was repeatedly emphasized that M. Fedotov, through pain and rejection, was looking for his place in the city and, probably, had never found it. Pain as a psychopoetic dominant needed a non-trivial creative refraction and a new language of expression. M. Fedotov felt this need and tried in his own way to fill the texts symbolically to figuratively organize them rhythmically. The artistic picture of the world of the Besermyan poet is an example of significant evolutionary transformation, ideological reorganization: there is a metaphysical gulf between the first collection of "Swans returning" and the epochal book "Pain", which are unlike and sometimes opposite ways of creative thinking, strategies for experiencing reality. During an insignificant chronological period (10-15 years), the Udmurt literature found two poetic "I" of one poet, early and mature, each of which moved in different spiritual, creative directions. The article identifies the main artistic and semantic functions of the two images (door / window), establishes their associativity with the Udmurt traditional culture and mythological ideas. The analysis of the extensive text body revealed that the door and the window in the poetic perception of Mikhail Fedotov are multidimensional existential symbols characterizing the being of the lyrical subject, his inner feelings, the individual sense of time and space. The research associativity

of the two symbols is motivated: they are important spatial markers, their symbolic functions may coincide; they are demanded by poetic consciousness as significant components of metaphorization and figurative-associative comparison.

Keywords: object realities, figurative symbolism, Udmurt poetry, ethno-poetics, traditional culture.

Арзамазов Алексей Андреевич
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
(Ижевск, Россия)
arzami@rambler.ru

Arzamazov Alexey Andreevich
Doctor of Philology, Leading Researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Researcher Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)
arzami@rambler.ru

КУЛЬТУРА. ИСКУССТВО

УДК 069(470.51)

С. Д. Смирнова

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ И АПТЕЧНОГО ДЕЛА МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ*

Статья посвящена становлению и деятельности Республиканского музея истории медицины и аптечного дела Министерства здравоохранения Удмуртской Республики. Актуальность исследования заключается в воссоздании структуры музейных фондов, выявлении их научной, практической и теоретической значимости, в освещении роли музея в патриотическом воспитании молодёжи и профессиональной подготовке медицинских кадров. Источниковой базой для изучения истории учреждения послужили материалы Центрального государственного архива Удмуртской Республики и каталоги фонда временного хранения Национального музея Удмуртской Республики имени Кузебая Герда. Развертывание музея истории медицины и аптечного дела было связано с социальной потребностью, так как приобщение к сокровищам духовной и материальной культуры, нравственное и патриотическое воспитание молодёжи являлось важнейшей задачей общества. Открытие такого музея позволило создать в республике научно-просветительское учреждение, базу для проведения исследований в области здравоохранения, преподавания истории медицины и других дисциплин в вузах и училищах. Экспозиции музея формировались по историко-хронологическому принципу. В них были представлены экспонаты, имевшие отношение к медицине и организации здравоохранения, начиная с земского периода и заканчивая началом XXI в., архивные материалы. Кроме стационарных экспозиций, музейные работники создавали временные выставки – передвижные стенды, которые посвящались актуальным вопросам медицины, истории республики, юбилеям, крупным историческим событиям. Передвижные выставки существенно повышали доступность новой информации, усиливали просветительскую и пропагандистскую роль музея. Одной из основных форм работы учреждения являлись экскурсии (обзорные и тематические), которые создавали дополнительные возможности для усвоения фактов, заложенных в содержание экспозиции, играли активную роль в формировании нравственности. Экспозиции в наглядной форме рассказывали о военно-полевой медицине, о работе эвакогоспиталей на территории Удмуртии в годы Великой Отечественной войны, о персоналиях многих известных в республике врачей и их вкладе в систему здравоохранения. Документы, которыми располагал музей, позволяли привлекать к научной работе студентов. Результаты их исследований представлялись на научно-практических конференциях, применялись для подготовки выпускных, научно-квалификационных и диссертационных работ. Благодаря предметности экспозиций, материалы музея использовались и в преподавании курсов истории науки, медицины.

Ключевые слова: здравоохранение, Удмуртская Республика, история медицины, музей, экспозиция, фонд, просвещение, исследовательская работа.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-49-180002 (конкурс р-а) «Здравоохранение в национальном регионе: становление и развитие (на примере Удмуртской Республики)»

С формированием общественной медицины и организацией музейно-выставочной работы в России стали возникать научно-просветительные музеи. В 1877 г. образовались первая гигиеническая организация – Русское общество охранения народного здравия и его музей, в основу которого легли коллекции, представленные в 1876 г. на международной выставке в Брюсселе. В 1897 г. был открыт Музей гигиены и санитарной техники в Москве, в 1909 г. – Музей по борьбе с пьянством в Нижнем Новгороде. В 1919 г. начали функционировать Музей здравоохранения в Петрограде и Музей социальной гигиены в Москве, сыгравшие большую роль в развитии санитарного просвещения, улучшении условий труда и быта. В 1920–1950-е гг. появились музеи, посвящённые жизни и деятельности выдающихся учёных-медиков: И. М. Сеченова (Москва, 1925), В. М. Бехтерева (Ленинград, 1931), И. П. Павлова (Ленинград, 1937; Рязань, 1946), Н. И. Пирогова (Винница, 1947) и др. В 1942 г. был открыт Военно-медицинский музей в Ленинграде, в 1986 г. – Центральный музей медицины АМН СССР в Москве [Музеи медицинские, 1981, с. 5–6].

Особенностью первого десятилетия XXI в. стали активизация деятельности музеев медицинского профиля в Российской Федерации и создание учреждений музейного типа и их структур в высших учебных заведениях, научно-исследовательских институтах и клинических больницах. Медицинские музеи оказались тесно связаны с научными, образовательными и просветительскими центрами – академиями, университетами, институтами, научно-медицинскими обществами [Кузыбаева, 2011]. Наиболее распространенной формой медицинского музея выступили музеи-кабинеты при кафедрах и клиниках. В Удмуртии начала XXI в. функционируют следующие музеи: Ижевской государственной медицинской академии Министерства здравоохранения РФ (с 1966 г.), раскрывающий историю вуза; Республиканского медицинского колледжа им. Героя Советского Союза Ф. А. Пушиной Министерства здравоохранения УР (с 1968 г.), где находятся на хранении подлинные документы по истории и современному состоянию учебного заведения (входит в Реестр медицинских музеев России Министерства культуры РФ); народный Музей медицинской славы Глазовского филиала Республиканского медицинского колледжа (с 1980 г.), в котором хранятся документы и фотографии, связанные с историей колледжа, здравоохранения, боевой славы г. Глазова, эвакуационных госпиталей №№ 1737, 3991, 3779, 5882, 445, размещавшихся в городе во время Великой Отечественной войны. Экспозиции представлены предметами, принадлежавшими участникам войны и начальникам эвакогоспиталей [Логинов, 1994].

Вопрос о создании Республиканского музея истории медицины и аптечного дела обсуждался на заседаниях обществ, на конференциях. В условиях повышенного интереса к медицине, её историческому развитию на территории региона, создание такого музея позволило бы ему стать не только хранилищем памятников медицинской истории и культуры республики, но и использовать фонды для научно-исследовательской и научно-просветительской деятельности. С 1983 г. ведомством во главе с министром здравоохранения УАССР, доктором медицинских наук, заслуженным деятелем науки УАССР В. Н. Савельевым велась подготовка документации для открытия музея [Христолюбова, 1997, с. 737]. Материальные ценности для музея, приобретённые ранее, временно располагались в городском Доме санитарного просвещения (Ижевск). На основании приказа Министерства здравоохранения РСФСР и распоряжения Совета Министров УАССР № 678-р от 3 сентября 1985 г. был открыт Республиканский музей истории медицины и аптечного дела Удмуртской АССР (с 1991 г. – УР) со штатом 5,5 единиц. С 1985 г. музей располагался по ул. Наговицына в доме № 10 – в здании 2-го корпуса Детской городской клинической больницы № 2 г. Ижевска. По решению Совета Министров УАССР под музей истории медицины было передано старое здание Республиканского краеведческого музея. Учреждение относилось к четвертой категории. Его штат в 1986–1987 гг. состоял из 10 чел. [ЦГА УР, ф. Р-568, оп. 1, д. 2623, л. 58; д. 2777, л. 1]. Сотрудники вели работу по комплектованию, обработке, хранению, популяризации историко-медицинского наследия региона, изучению медицины как целостной системы научных знаний и практической деятельности. Огромный вклад в формирование фондов внёс основатель и первый руководитель – А. К. Сурских. Экспозиции музея состояли из следующих разделов: заводская медицина, земская медицина, аптечное дело, космическая медицина [Савельев, 2008, с. 575].

Музей приобрёл статус научного, учебного и культурно-просветительского государственного

учреждения, стал частью образовательного процесса в школах, медицинских училищах, вузах. Его фонды активно использовались в профориентационной работе учащихся. Для школьников и студентов проводились тематические экскурсии, праздничные и памятные мероприятия, встречи с ветеранами труда, выпускниками медицинских училищ и вузов. Для студентов-медиков музей представлял особый интерес, так как в процессе знакомства с экспозицией они могли непосредственно увидеть то, что давалось им в устной форме на лекциях, семинарах, и погрузиться в атмосферу конкретного периода в истории здравоохранения республики. Тем самым достигалась важная цель – сохранение преемственности поколений и формирование связей прошлого, настоящего и будущего.

С 1985 г. музей работал с более 150 дарителями, в их числе – жительница г. Глазова Л. Б. Копысова, дочь бывшего земского врача Б. А. Алфимова (1884–1979), передавшая в фонд большой набор офтальмологических инструментов. Большую помощь оказала вдова профессора Гродненского государственного медицинского университета В. Ч. Брженского, которая наряду с другими документами прислала рукописный труд профессора – «Указатель увековеченных имён медицинских работников СССР», где освещалось более 50 имен врачей, обогативших историю медицины, например, врача-окулиста, первой удмуртской поэтессы Л. Г. Векшиной, академика АМН СССР В. В. Парина и др. [Кондратьева, 1988, с. 4]. В фондах также хранились персональные дела известных учёных, медицинских работников, внесших значительный вклад в развитие здравоохранения УР: например, удмуртского государственного и политического деятеля, врача Т. К. Борисова (1891–1943), выпускника медицинского факультета Казанского университета, участника Первой мировой войны (1914–1918), врача эвакопункта, госпиталя и санитарного поезда [Павлов, 1994]; заслуженных врачей УАССР Г. А. Афанасьева (1897–1959) – одного из организаторов противотуберкулёзной службы в Удмуртии, выпускника медицинского факультета Томского университета (1923), А. И. Соковнина (1893–1973) – первого главного врача Станции скорой медицинской помощи г. Ижевска, И. А. Галачкова, А. В. Малых; доктора медицинских наук, профессора А. Н. Филипповича (1901–1961), возглавлявшего кафедру инфекционных болезней Ижевского государственного медицинского института (далее – ИГМИ); выпускника ИГМИ, авиационного врача, работавшего с отрядом космонавтов, Г. Ф. Хлебникова; отличника здравоохранения, кавалера ордена Ленина, акушерки Якшур-Бодьинской центральной районной больницы М. Я. Кокориной (1888–1966) и др.

Кроме материалов биографического характера, на экспозициях были представлены личные вещи, фотодокументы, дипломы, многочисленные награды, нагрудные знаки, а также оттиски диссертационных работ, опубликованных статей и монографий, рукописи научных трудов известных учёных. Например, один из фондов музея – персональный фонд Владимира Фёдоровича Фирекеля (1896–1968), хирурга, заслуженного врача РСФСР и УАССР, участника Первой мировой (1916) и Великой Отечественной (1941–1945) войн, главного врача Первой республиканской клинической больницы г. Ижевска. Среди его личных вещей экспонировались гимнастёрка, карманные часы, трубка. Обширный персональный фонд посвящался Борису Васильевичу Парину (1904–1968), одному из организаторов урологического отделения и кафедры факультетской хирургии ИГМИ. Он внедрил новейшие для того времени диагностические методы, в 1934 г. сделал первое в Удмуртии (в городах Ижевске, Глазове) переливание крови и организовал службу переливания крови в г. Ижевске. Республиканской станции переливания крови ныне присвоено его имя.

Большой фонд освещал научную деятельность выдающихся врачей: Хохлова Александра Васильевича (1897–1964), профессора, доктора медицинских наук, который в период работы в г. Ижевске занимался разработкой и внедрением современных методов ранней диагностики доброкачественных и злокачественных опухолей, а также спинномозговой анестезии в хирургическую практику; Сысоева Фомы Филипповича (1895–1974), окулиста, организатора борьбы с трахомой в Удмуртии, способствовавшего открытию курсов сестёр, подготовке инструкторов, обследованию населения; Губергрица Александра Яковлевича (1912–1992), профессора, заслуженного деятеля науки УАССР, по чьей инициативе в г. Ижевске начато лечение искусственными радиоактивными ваннами.

Одна из экспозиций была посвящена первым аптекам на территории Удмуртии, которые поя-

вились в 1759–1760 гг. при госпиталях Ижевского и Воткинского заводов, в том числе первому организатору медицинского и аптечного дела – врачу Воскобойникову Ивану Тимофеевичу (1772–1835), штаб-лекарю, инспектору госпиталей Камских заводов, надворному советнику.

Музей сотрудничал с архивами гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова и архивами Удмуртской Республики. В сферу научных интересов музея входили: история дореволюционного, советского и новейшего периодов региональной медицины и здравоохранения, жизнь и деятельность первых организаторов здравоохранения и медицинского института. Документы и старые фотографии открывали новые страницы из жизни медиков, работавших до 1917 г.: среди них в разное время трудились 17 докторов медицины, и первым был выпускник Петербургской военно-медицинской академии – С. Ф. Тучемский (1792–1868). Документы, которыми располагал музей, позволяли привлекать к научной работе студентов, результаты их деятельности представлялись на научно-практических конференциях, использовались для подготовки выпускных, научно-квалификационных и диссертационных работ.

Стационарная экспозиция давала посетителям возможность изучить многочисленный хирургический, лабораторный, диагностический инструментарий, в том числе область офтальмологии была представлена большим количеством линз. Инструментарий фармацевтов включал аптекарскую посуду для приготовления, смешивания и упаковки лекарств. В состав экспозиции также входили: комплект санитарной сумки, мебель, медицинские приборы, включая дыхательный наркозный портативный аппарат, лабораторный комплекс для исследования крови, физиотерапевтические приборы и многое другое. Данные коллекции активно пополнялись новыми экспонатами.

Отдельная экспозиция была посвящена космической медицине. Выставка включала подлинные экспонаты, связанные с изучением космоса, среди которых были костюм для проведения научных исследований стратосферы (дар выпускника ИГМИ профессора Е. Н. Пешкова), высотный компенсирующий костюм ВКК-6М для лётчика-испытателя, защитный шлемофон, кислородная маска, макет стола для приёма пищи на орбитальной станции, питание первых космонавтов, упакованное в металлические банки и тубы, предметы туалета, бортовая аптечка космонавтов.

Музей располагал обширным фотофондом, на основе которого регулярно оформлялись и обновлялись выставочные стенды, приуроченные к тем или иным историческим датам, например, ко Всероссийской конференции, посвящённой деятельности эвакогоспиталей в годы Великой Отечественной войны. Передвижные фотостенды посвящались актуальным вопросам медицины и истории республики, юбилеям, крупным историческим событиям. Такие фотовыставки демонстрировались на базе ИГМИ, на городских и республиканских мероприятиях.

Одно из ведущих направлений деятельности музея – изучение вклада медиков республики в Победу советского народа в Великой Отечественной войне. С первых дней войны Удмуртия являлась одной из госпитальных баз глубокого тыла страны. Здания многих школ и административных учреждений были отданы для лечения раненых. На территории республики в разные периоды войны было сформировано и перебазировано из западных районов страны 57 эвакогоспиталей и 2 батальона выздоравливающих, один санаторий-госпиталь, Республиканский госпиталь для инвалидов Отечественной войны, госпиталь восстановительной хирургии, протезный госпиталь. В целях улучшения медицинского обслуживания раненых и больных воинов были мобилизованы гражданские врачи и организована широкая подготовка среднего медицинского персонала [Стрелков, Попова, Шубин, Савельев, 2015, с. 5]. В повышении квалификации врачей большую роль играли республиканские межгоспитальные конференции, организуемые Наркомздравом, ИГМИ и местным эвакопунктом. В эвакогоспиталях была развёрнута систематическая учёба и подготовка специализированных кадров среднего звена. К октябрю 1941 г. развернувшиеся эвакогоспитали были обеспечены кадрами полностью [Анисимов, Ворончихин, Савельев, 1981, с. 132–133]. Главным хирургом управления эвакогоспиталей, назначенным Наркомздравом УАССР, был доцент ИГМИ Ворончихин Семён Иванович (1902–1982), в дальнейшем – доктор медицинских наук, заслуженный врач РСФСР, заслуженный деятель науки УАССР. Он внедрил в практику внебрюшинный способ закрытия кишечных свищей, анестезию серозных полостей. Профессором Рупасовым Николаем Фёдоровичем (1901–1967) была сконструирована раздвижная шина для лечения переломов костей предплечья.

Многое сделал в области совершенствования хирургического лечения огнестрельных остеомиелитов и раневого сепсиса профессор Михаил Александрович Благовещенский (1890–1969) [Стрелков, Попова, Шубин, Савельев, 2015, с. 71].

Фотоколлажи, созданные сотрудниками музея, демонстрировали работу и выступления врачей и преподавателей ИГМИ на конференциях, практическую деятельность в клиниках, проведение экзаменов и др. Коллектив музея трудился над созданием альбома «Лечебно-профилактические учреждения Удмуртии конца XX века» (2000). Наглядная демонстрация музейных экспонатов помогала студентам-медикам понять этапы становления и развития медицины в регионе. Ежегодно музей истории медицины и аптечного дела посещали в среднем более 600 учащихся, студентов и медицинских работников.

К 2000 г. в основном фонде Республиканского музея истории медицины и аптечного дела находилось 4506 ед. хр., во вспомогательном – 2673 ед. хр. К 2008 г. музей содержал 14,5 тыс. ед. хранения. Были собраны большая коллекция книг по медицине, насчитывавшая 3900 томов [ЦГА УР, ф. Р-568, оп. 4, д. 746, л. 12, 18; д. 909, л. 11, 13], коллекция грампластинок, произведений изобразительного искусства. В создании музейной библиотеки активную роль сыграли библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург), а также две библиотеки Удмуртии – Национальная и научно-медицинская [Волкова, Трещев, 1996, с. 242–243]. Среди многотомных изданий числилась «Реальная энциклопедия практической медицины», имелись периодические издания «Русский врач», «Врач», подаренные библиотекой им. Салтыкова-Щедрина, среди редких книг значилась «Российская фармакопея», а также труды Пироговских съездов и большая коллекция диссертаций.

Сотрудники музея принимали участие во Всероссийской конференции, посвящённой медицинской династии Париных. По заказу ИГМА музей вёл поиск и сбор данных о заслуженных медиках республики для энциклопедии «Удмуртская Республика» (Ижевск, 2000). Музей поддерживал контакты по обмену опытом с аналогичными структурами в Москве, Киеве, Екатеринбурге, принимал участие в тематических выставках, например, по борьбе с трахомой, представляя свои экспонаты в Центральном музее истории медицины (г. Москва) [Волкова, Трещев, 1996, с. 243].

В последние годы фонды музея пополнились аудиолекциями по медицине, психокоррекционными, медитативными аудиопрограммами. Кроме того, фонды музея обогащали бюсты, автопортреты, портреты ведущих организаторов здравоохранения Удмуртии и известных учёных, руководителей отрасли. Здесь хранились произведения искусства – картины, написанные в студии военных художников им. М. Б. Грекова, работы народного художника Удмуртской Республики П. В. Ёлкина, художника Е. Н. Скобелева «В. В. Бабурин – народный врач СССР»; заслуженного художника России В. Б. Кононова «Портрет заслуженного врача РСФСР профессора В. Ф. Машагатова» (холст, масло, 1985); работы народного художника УАССР С. Н. Виноградова: «К. М. Мирошкина – министр здравоохранения УАССР», «Владимир Никифорович Савельев, профессор», портреты первого директора ИГМИ Г. Г. Стерхова, ректоров С. Я. Стрелкова, С. Н. Ворончихина и др.

Большой вклад в сохранение и популяризацию медицинских знаний внесли директора музея: А. К. Сурских, В. А. Лекомцев (с 1988 г.), И. Н. Шевцов (с 1995 г.), Н. Ю. Галеева (с 1997 г.), С. А. Ходырева, исполняющие обязанности директора С. Э. Гусев, О. М. Иванова. На основании распоряжения Правительства Удмуртской Республики от 21 декабря 2009 г. № 1095-р Республиканский музей истории медицины и аптечного дела Министерства здравоохранения Удмуртской Республики был ликвидирован. Приказом Министерства здравоохранения УР от 28 января 2010 г. № 28 был утверждён состав ликвидационной комиссии. Часть фондов музея была передана на хранение в Национальный музей УР им. Кузебая Герда, книжный фонд – в Национальную библиотеку УР.

Таким образом, можно отметить, что фонды музея хранили уникальные предметы. Музейный материал использовался студентами, учащимися школ для оформления рефератов, докладов, презентаций, конкурсных работ. Многие из собранных экспонатов стали источником для написания научных трудов, позволяющих изучить историю развития медицины региона [Будко, 2018]. Материалы, собранные и представленные в музее, использовались для обеспечения главной его функции – воспитания молодёжи на примере славных боевых и трудовых подвигов старших поколений.

Медицинские музеи России, музеи медицинских вузов, как «хранители» части Музейного

фонда РФ, на междисциплинарном уровне позволяют во всей полноте представить историко-медицинское наследие России в качестве неотъемлемой части мировой культуры. Эта основная миссия позволяет музеям наращивать свои позиции источниковой базы многих научных дисциплин и занять одно из ведущих мест в структуре информационного общества.

На I Всероссийской научно-практической конференции «Медицинские музеи России: состояние и перспективы», которая проходила 27 марта 2014 г. в Москве, говорилось о подготовке Реестра медицинских музеев России, составленного в соответствии с Планом работы Совета по развитию историко-медицинских музеев при Министерстве здравоохранения РФ. Совет был сформирован приказом Минздрава России № 527 от 5 августа 2013 г. Информационная база включает сведения о 183 медицинских музеях или музеях, хранящих медицинские коллекции, из 50 городов. В реестре представлены музеи с экспонатами из более 20 областей медицины (2018). Около 97% из них являются ведомственными и подчиняются Министерству здравоохранения РФ, остальные 3% – музеи и выставочные комплексы, подведомственные Министерству культуры РФ [Медицинские музеи России, 2014].

В современных условиях медицинская наука и практика развиваются стремительно. Инструментарий, техника, используемые в здравоохранении, с каждым днём становятся совершеннее. Между тем в медицинской среде ещё не сформирована потребность сохранить ценные реликвии, которые могли бы стать неотъемлемой частью экспозиции или выставки любого музея [Семыкина, 2010, с. 7]. В настоящее время, к сожалению, нет возможности наглядно изучить фонды Республиканского музея истории медицины и аптечного дела УР и проследить весь путь становления здравоохранения в Удмуртии, так как они находятся во временном хранении в Национальном музее УР им. К. Герда. Но мы надеемся и верим, что в будущем ценнейшие экспонаты фонда музея будут представлены на всеобщее обозрение и позволят во всей полноте увидеть историко-медицинское наследие республики, как неотъемлемую часть культуры России, будут активно использоваться в туристическом бизнесе.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов, Ворончихин, Савельев, 1981 – Анисимов Н. И., Ворончихин С. И., Савельев В. Н. Деятельность эвакогоспиталей Удмуртии по восстановлению здоровья больных и раненых в годы Великой Отечественной войны // Патриотический подвиг трудящихся Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Ижевск: Республиканская типография Государственного комитета УАССР, 1981. С. 114–150.

Будко, 2018 – Будко А. А. Персональные фонды Военно-медицинского музея как способ сохранения исторического наследия медицины // Военно-исторический журнал. 2018. № 1. С. 70–75.

Волкова, Трещев, 1996 – Волкова С. М., Трещев В. С. Музей истории медицины и аптечного дела / Республиканские специализированные учреждения // Становление и развитие здравоохранения Удмуртской Республики. Ижевск: «Вектор», 1996. С. 144–242.

Кондратьева, 1988 – Кондратьева Н. Создан музей медицины // Удмуртская правда. 1988. 15 окт. № 237 (20245).

Кузыбаева, 2011 – Кузыбаева М. П. Медицинские музеи России: становление и место в музейном мире: дисс. … к.и.н. М., 2011. 294 с.

REFERENCES

Anisimov, Voronchihin, Savel'ev, 1981 – Anisimov N. I., Voronchihin S. I., Savel'ev V. N. Dejatel'nost' evakogospitalej Udmurtii po vosstanovleniju zdorov'ja bol'nyh t ranenyh v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Patrioticheskij podvig trudjashhihsja Udmurtii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Izhevsk: Respublikanskaya tipografiya Gos. komiteta UASSR, 1981. S. 114–150. (in Russian)

Budko, 2018 – Budko A. A. Personal'nye fondy Voenno-medicinskogo muzeja kak sposob sohranenija istoricheskogo nasledija mediciny // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2018. № 1. S. 70–75. (in Russian)

Volkova, Treshhev, 1996 – Volkova S. M., Treshhev V. S. Muzej istorii mediciny i aptechnogo dela / Respublikanskie specializirovannye uchrezhdenija // Stanovlenie i razvitie zdravoohranenija Udmurtskoj Respubliki. Izhevsk: «Vektor», 1996. S. 144–242. (in Russian)

Kondrat'eva, 1988 – Kondrat'eva N. Sozdan muzej mediciny // Udmurtskaja Pravda. 1988. 15 okt. № 237 (20245). (in Russian)

Kuzybaeva, 2011 – Kuzybaeva M. P. Medicinskie muzei Rossii: stanovlenie i mesto v muzejnom mire: diss. … k.i.n. Moscow, 2011. 294 s. (in Russian)

Логинов, 1994 – Логинов А. В. Памяти павших: [о воинах города Глазова и Глазовского района, погибших в годы Великой Отечественной войны]. Изд. 2-е, испр. и доп. Глазов: Глазовская типография. 1994. 719 с.

Медицинские музеи России, 2014 – Медицинские музеи России: состояние и перспективы [Электронный ресурс] // Первая Всероссийская научно-практическая конференция (27 марта 2014 г.). М., 2014. URL: http://www.Konferenciya.SELUK.RU (дата обращения: 7.9.2018).

Музеи медицины, 1981 – Музеи медицины // Большая медицинская энциклопедия: в 30-ти т. / под ред. Б. В. Петровского. Т. 16. М.: Советская энциклопедия. 1981. 512 с.

Павлов, 1994 – Павлов Н. П. Трофим Борисов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 304 с.

Семыкина, 2010 – Семыкина Т. Знакомство с медицинским музеем (актуальное интервью с директором Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации А. Будко) // Мир музея. 2010. № 6. С. 5–8.

Стрелков, Попова, Шубин, Савельев, 2015 – Стрелков Н. С., Попова Н. М., Шубин Л. Л., Савельев В. Н. Эвакогоспитали Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Учебное пособие. Ижевск: ООО «ПРОЕКТ», 2015. 174 с.

Христолюбова, 1997 – Христолюбова Л. С. Савельев Владимир Никифорович Учёные – удмурты: биобиблиографический справочник. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 737–739.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

Loginov, 1994 – Loginov A. V. Pamjati pavshih: [o voinah goroda Glazova i Glazovskogo rajona, pogibshih v gody Velikoj Otechestvennoj vojny]. Izd. 2-e, ispr. i dop. Glazov: Glazovskaya tipografiya, 1994. 719 s. (in Russian)

Medicinskie muzei Rossii, 2014 – Medicinskie muzei Rossii: sostojanie i perspektivy [Elektronnyj resurs] // Pervaja Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija (Moskva, 27.03.2014 g.). M., 2014. Rezhim dostupa: http://www.Konferenciya.SELUK.RU (07.09.2018). (in Russian)

Muzei mediciny, 1981 – Muzei mediciny // Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya: v 30-ti t. / pod red. B. V. Petrovskogo. T. 16. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1981. 512 s. (in Russian)

Pavlov, 1994 – Pavlov N. P. Trofim Borisov. Izhevsk: Udmurtiya, 1994. 304 s. (in Russian)

Semykina, 2010 – Semykina T. Znakomstvo s medicinskim muzeem (aktual'noe interv'yu s direktorom Voenno-medicinskogo muzeya Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii A. Budko) // Mir muzeya. 2010. № 6. S. 5–8. (in Russian)

Strelkov, Popova, Shubin, Savel'ev, 2015 – Strelkov N. S., Popova N. M., Shubin L. L., Savel'ev V. N. Evakogospitali Udmurtii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Uchebnoe posobie. Izhevsk: OOO «PROEKT», 2015. 174 s. (in Russian)

Hristolyubova, 1997 – Hristolyubova L. S. Savel'ev Vladimir Nikiforovich Uchyonye – udmurty: biobibliograficheskij spravochnik. Izhevsk: Udmurtiya, 1997. S. 737–739. (in Russian)

CGA UR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki. (in Russian)

S. D. Smirnova

REPUBLICAN MUSEUM OF THE HISTORY OF MEDICINE AND PHARMACY OF THE MINISTRY OF HEALTH OF THE UDMURT REPUBLIC IN THE SYSTEM OF THE PROFESSIONAL EDUCATION

The present paper is devoted to the foundation and activity of the republican museum of the history of medicine and pharmacy of the Ministry of Health of the Udmurt Republic. The investigation is of great importance since it allowed to reconstruct the structure of the museum funds; to reveal their scientific, practical and theoretical significance; to elucidate the role of the museum in the patriotic education of the youth; and to help in the professional education of the future medical workers. The study of the history of the museum is based on the materials of the Central State Archive of the Udmurt Republic and the catalogue of the Fund of the temporary keeping of documents belonging to the Kuzebay Gerd National Museum of the Udmurt Republic. The foundation of the museum of the history of medicine and pharmacy was connected with the social need to give to the youth the access to the treasures of spiritual and material culture. Moral and patriotic education of the youth is the most important task of a society. The foundation of such

museum allowed the establishment of a scientific and educational institution, the base for conducting investigations in the field of healthcare, teaching the history of medicine and other disciplines in institutes of higher education and medical training schools. The museum expositions are formed according to the historical and chronological principle. The exhibits relating to medicine and establishment of healthcare from the Zemstvo period till the beginning of the XXI century and the archive materials are presented in the museum. In addition to stationary expositions, the museum workers make temporary mobile exhibitions devoted to the topical issues of medicine, the history of the Republic, anniversaries, and important historical events. The mobile exhibitions significantly increase the accessibility of new information and enhance the educational and propagandistic role of the museum. The museum organizes various tours which provided additional possibilities for learning the facts contained in the expositions. The tours play an active role in moral development. The expositions present the materials relating to the military field medicine, evacuation hospitals in Udmurtia during the World War II, and individual biographies of the doctors well-known in the Republic of Udmurtia and their contribution into the healthcare system. The museum collection of documents can be used by students in their researches. The results of the researches are presented at the scientific and practical conferences and used for the preparation of graduation theses and theses for academic degree. The museum materials are used in teaching the history of medicine.

Keywords: healthcare services, the Udmurt Republic, history of medicine, museum, exposition, fund, education, research work.

Смирнова Светлана Дмитриевна,
специалист, Удмуртский институт истории, языка и литературы,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
(Ижевск, Россия)
smirnovasd@mail.ru

Smirnova Svetlana Dmitrievna,
Specialist, Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Researcher Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)
smirnovasd@mail.ru

УДК 930.85

Н. В. Рыжкова

ЛЕЧЕБНО-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ Г. САРАПУЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ АСПЕКТ

В статье проанализирована проблема организации, строительства и функционирования лечебно-благотворительных учреждений – богаделен, дома призрения, вдовьего дома и лечебницы с родильным отделением в г. Сарапуле во II половине XIX – начале XX в. Статья основана на впервые выявленных автором источниках – документах ГАКО (Государственного архива Кировской области, г. Киров). Основной объем документов приходится на фонды: фонд 583 – Вятское губернское правление (строительное отделение); фонд 620 – Вятская губернская строительная экспедиция; фонд 582 – Канцелярия вятского губернатора. Эти документы позволили сформировать целостное представление о процессе строительства и устройства лечебно-благотворительных учреждений города. Также в статье использованы результаты полевых исследований, проводимых автором в 2013–2014 гг. Установлено, что роль меценатов, в основном купеческого сословия, является определяющей при устройстве лечебно-благотворительных учреждений г. Сарапула. Купеческое сословие в г. Сарапуле в конце XIX – начале XX вв. в составе всего населения не было преобладающим, но играло решающую роль в предпринимательской среде, формируя и аккумулируя капиталы. Активно участвуя в самых разнообразных явлениях общественной жизни города, купцы, в том числе, нанимали архитекторов для строительства новых зданий лечебно-благотворительных учреждений, жертвовали свои жилые дома под их устройство и участвовали своими капиталами (в основном процентами с капиталов) в их содержании – покупали мебель, утварь, одежду, пищу. Отмечается, что с архитектурной точки зрения, построенные здания не противоречат существующим художественным идеалам эпохи, но имеют свои особенности – они менее объемны, просты по композиции и менее репрезентативны, по сравнению со столичными зданиями аналогичного типа. Также показано влияние этих зданий на складывание архитектурного облика города в целом.

Ключевые слова: благотворительность, учреждение, история, здание, купец, город, архитектура.

Благотворительная деятельность в России имеет давние традиции. На протяжении довольно длительного времени она приобретала самые разнообразные формы. Частью этого процесса было устройство и строительство самих зданий и сооружений лечебно-благотворительного вида. К лечебно-благотворительным относились богадельни, приюты, больницы, ночлежки для нищих, вдовьи дома, дома призрения и проч.

Действительно, среди всех общественных сооружений, особое место занимают именно лечебно-благотворительные, т.к. здесь человек получает необходимую ему, порой жизненно, разного рода помощь с одной стороны, а их устройство и строительство показывает развитие культуры в целом и городской архитектурной среды – с другой. Широкий размах строительства этих учреждений приходится на II половину XIX – начало XX в., что было обусловлено подъемом благотворительной и меценатской деятельности, прежде всего купечества, а также деятельностью местных органов власти – земств. В г. Сарапуле этот процесс имел свои особенности – местное купечество сыграло в этом решающую роль.

Для анализа в данной статье выделим основные, значимые лечебно-благотворительные учреждения г. Сарапула: Богадельня И. С. Колчина (1878), Вдовий дом У. С. Курбатова (1883), Александровский дом призрения бедных (1883), Лечебница с родильным отделением У. С. Курбатова (1899). В архитектурном отношении данные здания, объемны, весьма функциональны, но, безусловно, отличаются от архитектурных форм столиц более скромным убранством и размерами.

В январе 1875 г. в Сарапульскую городскую управу через доверенное лицо – купца 1-й гильдии У. С. Курбатова, поступило заявление И. С. Колчина, в котором он выразил желание построить каменный двухэтажный дом и таковые же службы для богадельни в г. Сарапуле на 20 человек, стоимостью в 20 тыс. руб. с содержанием % с капиталов в городском банке [ГАКО, ф. 582, оп. 26, д. 1198, л. 2]. На содержание богадельни он вносил в Сарапульский Общественный банк сумму в 30 тыс. руб.

Земельный участок для богадельни был отведен в 1876 г. и в этом же году началось ее строительство [ГАКО, ф. 582, оп. 26, д. 1198, л. 2]. Однако завершить начатое дело купец И. С. Колчин не смог – 13 января 1877 г. он умер. Уроженец Сарапула купец У. С. Курбатов был совладельцем заводов и фабрик И. С. Колчина. После смерти компаньона он расширил производство и укрепил позиции судостроительной компании. Более того, У. С. Курбатов, следуя завещанию И. С. Колчина, начатый проект богадельни достраивал.

В 1878 г. строительство дома богадельни со всеми службами было закончено (фото 1). 16.10.1878 г. У. С. Курбатов внес в городскую управу 30 тыс. руб. на содержание призреваемых в богадельне лиц. Открытие богадельни состоялось (с завезенной мебелью, посудой, одеждой для призреваемых) 13.01.1879 г. при 7 мужчинах и 13 женщинах.

Очевидно, что это не первый опыт строительства и устройства лечебно-благотворительных учреждений в династии Курбатовых. Согласно источнику [ГАКО, ф. 620, оп. 1а, д. 40, л. 4], указом его Императорского величества самодержца Всероссийского, купцу Курбатову было разрешено строить богадельню каменную длиной в 4 сажени с лавками еще в 1823 г. Несколько позже, другой источник говорит о том, что «Сарапульская городская богадельня помещается в доме, пожертвованном сарапульским купцом Курбатовым на 10 чел. в 1868 г.» [ГАКО, ф. 583, оп. 491, д. 39, л. 7]. Еще один документ, говорит о прошении также в 1868 г. купца Курбатова П. С. Великому Государю императору Александру Николаевичу расширить свой дом – сделать пристройку по Высочайше утвержденному плану № 892 [ГАКО, ф. 583, оп. 491, д. 39, л. 7] (рис. 1).

С 13.01.1879 г. богадельня И. С. Колчина находилась под контролем городской думы, управлялась особым попечительским советом с капиталов, пожертвованных покойным нижегородским 1-й гильдии купцом И. С. Колчиным (30 тыс. руб.) и 1-й гильдии купцом У. С. Курбатовым (20 тыс. руб.)

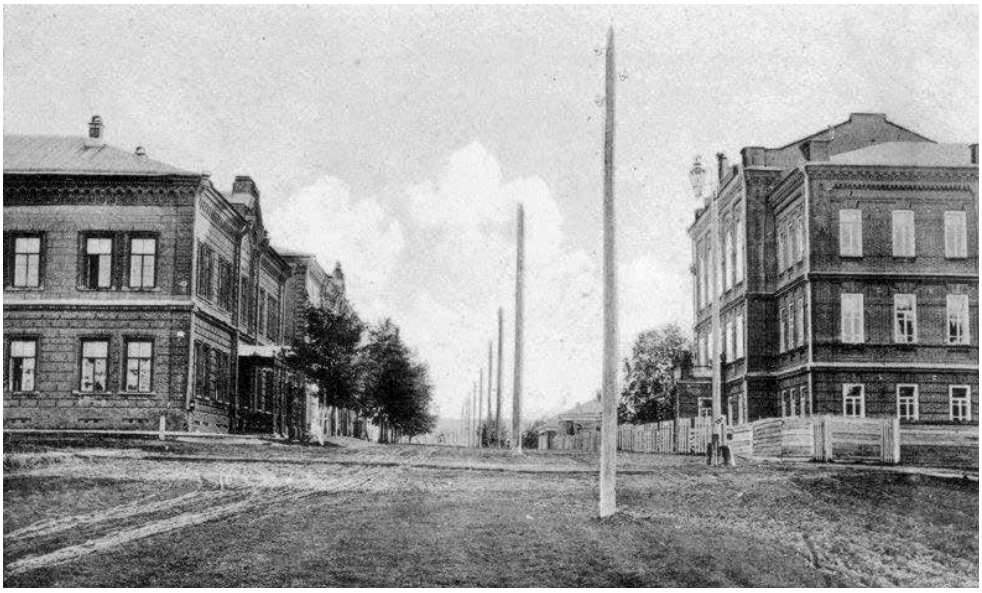

Фото 1. Сарапул, ул. Воскресенская (совр. ул. Гоголя). Богадельня И. С. Колчина (на фото слева), за ней благотворительные заведения У. С. Курбатова. Справа – женская гимназия. Фото начала XX в. Из фондов музея истории и культуры Среднего Прикамья г. Сарапула

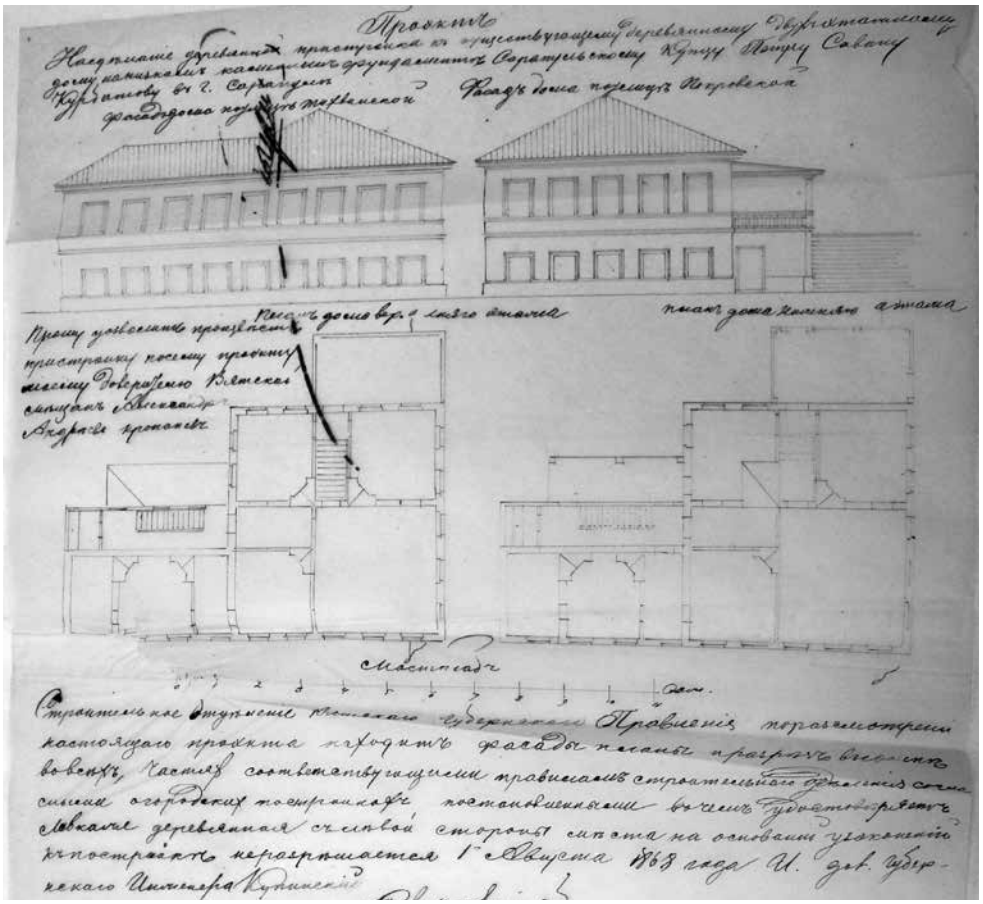

Рис. 1. Проект на пристройку к дому купца П. С. Курбатова в г. Сарапуле. 1868 г. ГАКО, ф. 583, оп. 491, д. 39

[Календарь, 1884, с. 13]. В богадельню принимались бедные, неимущие, не имеющие близких родственников граждане г. Сарапула, без различия сословий. На 1883 г. в ней призревалось 11 мужчин и 22 женщины. Призреваемые пользовались помещением, пищей и одеждой. О выстроенной богадельне И. С. Колчина, спустя некоторое время, в источнике отмечалось, что «…богадельня, помещается в выстроенном каменном здании на земле, данной городским обществом, богато всем обставленная, имеет собственный капитал 50 тыс. руб., на проценты с которых призревается 33 человека» [Блинов, 1887, с. 64].

Здание богадельни двухэтажное, каменное, довольно компактное, занимает участок вдоль красной линии улицы (фото 2–4). Украшает здание руст, красивый наборный карниз и аттик с датой постройки – 1876 г. Выстроено в традициях так называемого «кирпичного стиля», получившего широкое распространение на рубеже XIX–XX вв. в России. В г. Сарапуле довольно известным был завод Жилина, на котором вырабатывался белый огнеупорный и шамотный кирпич.

Следует отметить, что еще одна богадельня в г. Сарапуле – Александровская – была открыта 30 ноября 1883 г. [Блинов, 1887, с. 65] на пожертвованные разными лицами средства в сумме 14050 руб. в память спасения жизни в Бозе почившего Государя Александра II 4 апреля 1866 г. от руки злодея [Блинов, 1887, с. 65], поэтому и получила соответствующее название «Александровская». Сведений о ней крайне мало.

Городская небольшая богадельня содержалась на отчисления от городских доходов и частные пожертвования. Один из источников говорит о крупном пожертвовании на ее устройство в 9 тыс. руб. гражданина г. Мензелинска [ГАКО, ф. 582, оп. 92в, д. 20, л. 9]. Годовой бюджет составлял 1820 руб. В богадельне призревалось 10 мужчин и 20 женщин. На 1875 г. в ней призревалось 3 мужчин и 13 женщин [ГАКО, ф. 582, оп. 26, д. 677, л. 22].

Кроме этого, на 1886 г. в ней пользовались бесплатной квартирой на нижнем этаже десять семейств бедных граждан. Помещалась в полукаменном доме (стоимостью до 10 тыс. руб.)

Фото 2. Здание богадельни И. С. Колчина.
1876 г. г. Сарапул, ул. Гоголя, 62.
Фото Н. В. Рыжковой, 2014 г.

Фото 3. Здание богадельни И. С. Колчина.
1876 г. Арочный проем соединяет ее
с Вдовьим домом. Сарапул, ул. Гоголя, 62.
Фото Н. В. Рыжковой, 2014 г.

Фото 4. Здание богадельни И. С. Колчина.
1876 г. Сарапул, ул. Гоголя, 62.
Фото Н. В. Рыжковой, 2014 г.

[Блинов, 1908, с. 67], купленном у городского общества. Здесь мы наблюдаем вариант не специального строительства, а устройства уже готового дома под функции богадельни. То, что такой вариант устройства значительно проигрывал специально построенным зданиям, говорит источник: «…на 1908 г. [Блинов, 1908, с. 67] лучшая из богаделен г. Сарапула – богадельня И. С. Колчина. Она содержится на капитал до 70 тыс. руб., помещается в двухэтажном доме (стоимостью 30 тыс. руб.). В ней призревается до 50 мужчин и женщин».

Поучаствовав в деле устройства богадельни И. С. Колчина, У. С. Курбатов решил продолжать свою благотворительную деятельность в г. Сарапуле. Отметим, что за большую благотворительную деятельность постановлением Думы в 1879 г. У. С. Курбатову было присвоено звание «Почетный гражданин города Сарапула».

27 августа 1880 г. на имя городского головы поступило письмо от постоянно проживавшего в г. Н. Новгороде купца У. С. Курбатова, который изъявил желание устроить за свой счет благотворительные заведения с последующим присвоением им его имени. Пожелал он устроить приют для малолетних девиц, больницу на 10 кроватей и при ней родовспомогательное отделение на 5 кроватей. Также, высказал пожелание построить их рядом с построенной богадельней купца И. С. Колчина.

Такое желание не могло не найти самый живой отклик среди горожан г. Сарапула, поэтому уже в 1880 г. управе было поручено приобрести места для благотворительных заведений и открыть кредит для их строительства.

Участки были куплены по ул. Воскресенской (современной ул. Гоголя) за 4750 руб. – как и желал У. С. Курбатов в письме, рядом с уже построенной богадельней И. С. Колчина. Здесь мы можем наблюдать начавшееся формирование целого квартала таких заведений в городе.

1 сентября 1882 г. была торжественно совершена закладка первого здания – Вдовьего сиротского

дома, а спустя два года – 7 мая 1884 г., второго дома – Лечебницы с родовспомогательным отделением. Купцу У. С. Курбатову были посланы поздравительные телеграммы от городского головы и от граждан города. Город в благодарность основателю присвоил этим заведениям его имя.

К сожалению, увидеть эти благотворительные заведения У. С. Курбатову не удалось – 25 июля 1885 г. он скончался в Н. Новгороде, но, имея сарапульские корни, был похоронен в г. Сарапуле. По его завещанию, все движимое и недвижимое имущество перешло к его племянникам – Василию Петровичу Курбатову и Ольге Петровне Карповой. Устройство начатых благотворительных заведений завершала О. П. Карпова.

На постройку Вдовьего дома было израсходовано 80 тыс. руб. В 1886 г. состоялось рассмотрение Устава для «Дома вдов – сирот с детьми» [ГАКО, ф. 582, оп. 94, д. 170], предложенного к открытию уже в 1887 г. Позже, очевидно уже после открытия дома, источник сообщает, что дом для вдов с детьми содержит 40 квартир [Блинов, 1908, с. 67]. В квартирах жило 40 вдов и примерно 100-150 детей. Годовой бюджет 1700 руб. Все живущие во вдовьем доме пользовались бесплатно квартирой с отоплением, но пропитание должны были добывать самостоятельно.

На устройство второго заведения – Лечебницы и родовспомогательного отделения было израсходовано 40 тыс. руб. Лечебница и родовспомогательное отделение расположились также в построенном каменном двухэтажном доме. Всего для обеспечения благотворительных заведений О. П. Карповой были внесены средства в объеме 110 тыс. руб.

Построенные здания – два массивных двухэтажных каменных здания из красного кирпича были подарены городу и составили вместе с раннее построенным зданием богадельни И. С. Колчина архитектурный ансамбль.

Получившийся ансамбль из трех зданий, расположенных по одной оси – богадельня И. Колчина, Вдовий дом и Лечебница с родовспомогательным отделением – подарок купца сиротам, бедным и больным г. Сарапула (фото 5).

Итак, ансамбль каменных зданий занимал целый квартал, выглядел очень монументально и очень презентативно. Главное здание в ансамбле, выделяемое размерами и объемом – Вдовий дом, находится в центре композиции (фото 6–7). Для усиления эффекта монументальности, целостности здания соединены между собой каменными арочными проемами (фото 8). Все здания двухэтажные, выполнены из красного кирпича в фигурной кладке. Оформлены различными декоративными элементами. Прямоугольные и арочные окна зданий обрамлены наличниками. Все здания венчают аттики. На фасадах здания Вдовьего дома и Лечебницы (фото 9–10) над центральным входом между окнами второго этажа и аттиком расположены памятные металлические таблички с названием

Фото 5. Благотворительные дома имени У. С. Курбатова на Воскресенской улице г. Сарапула. Открытка начала XX в. Из фондов музея истории и культуры Среднего Прикамья г. Сарапула

Фото 6. Здание Вдовьего дома У. С. Курбатова. 1882 г. Сарапул, ул. Гоголя, 34. Фото Н. В. Рыжковой, 2013 г.

Фото 7. Здание Вдовьего дома У. С. Курбатова. 1882 г. Сарапул, ул. Гоголя, 34. Фото Н. В. Рыжковой, 2013 г.

Фото 8. Вид со двора на здание богадельни И. Колчина (справа) и Вдовьего дома (слева). Сарапул, ул. Гоголя, 34. Фото Н. В. Рыжковой, 2013 г.

Фото 9. Здание лечебницы с родильным отделением У. С. Курбатова. 1899 г. Сарапул, ул. Гоголя, 32. Фото Н. В. Рыжковой, 2013 г.

Фото 10. Здание лечебницы с родильным отделением У. С. Курбатова. 1899 г. Сарапул, ул. Гоголя, 32. Фото Н. В. Рыжковой, 2013 г.

учреждения и датой его постройки. То, что здания действительно выделялись своим архитектурном обликом в г. Сарапуле, свидетельствует источник: «…из зданий обращают на себя внимание … три корпуса, выстроенных Курбатовым (для богадельни, родильного приюта и вдов с детьми)» [Блинов, 1887, с. 21].

В целом, на начало XX в. для помощи нуждающимся в г. Сарапуле, как повествует источник, «… есть только частные благотворительные общества и небольшие приюты: а для городских жителей имеются богадельни» [Блинов, 1908, с. 67].

В настоящее время каменные благотворительные здания И. С. Колчина – У. В. Курбатова в г. Сарапуле сохранились. Отрадно, что некоторые

Фото 11. Тактильный барельеф проекта «Город на ощупь» на здании Вдовьего дома г. Сарапула. 2018 г. Фото: http://ijevsk.bezformata.com/listnews/sarapule-diana-gurtckaya-otkrila/65396331/

Фото 12. Табличка на благотворительных зданиях И. С. Колчина – У. С. Курбатова. Сарапул, ул. Гоголя, 32. Фото Н. В. Рыжковой, 2013 г.

из них не поменяли своего назначения – в здании бывшего Вдовьего дома находится городская поликлиника № 3. На фасаде этого здания 6 марта 2018 г. был установлен тактильный барельеф проекта «Город на ощупь», изготовленный мастерами Златоуста (фото 11). Этот барельеф – детальное воспроизведение ансамбля зданий, сопровождаемое шрифтом Брайля. В настоящее время это объекты историко-культурного наследия УР, они являются частью Музейного квартала г. Сарапула (фото 12).

Таким образом, организация, строительство и функционирование лечебно-благотворительных учреждений в г. Сарапуле во II половине XIX в. имело свои особенности, но основные тенденции их устройства и строительства не противоречили общероссийским. Выделим основные:

1. Существенную роль в их строительстве и организации сыграли местные купцы, которые принимали активное участие не только в их строительстве, но и обустройстве – щедро жертвовали значительные денежные средства на приобретение мебели, утвари, одежды, пищи и оплату содержания и лечения воспитанников (проценты с неприкосновенных капиталов).

2. Иная форма организации таких учреждений – это покупка городом частных домов (очень часто жилых) и размещение в них лечебно-благотворительных учреждений. Здесь картина аналогична первому варианту: дома покупает город, руководствуясь, прежде всего экономичностью – соответствующей стоимостью дома, функциональное назначение здания, как правило, не соответствует предполагаемому назначению. Особую и важную роль в этом процессе играют благотворительные общества.

3. Построенные специально здания лечебно-благотворительных учреждений соответствовали будущей функции. Внешний вид зданий не противоречил запросам эпохи. Как правило, здания были построены в так называемом «кирпичном» стиле, который получил широкое распространение на территории всей Вятской губернии на рубеже веков. Экономичный, долговечный, впрочем, не лишенный эстетических качеств, этот стиль как нельзя лучше подходил для общественного строительства. Этот стиль также был назван стилем «земских» строений, т. к. большинство построек из красного кирпича было построено земствами. Здания были довольно объемными, в рамках провинции – представительными, располагались, как правило, в центральной части города.

ЛИТЕРАТУРА

Блинов, 1887 – Блинов Н. Н. Историко-статистическое описание Сарапульского уезда, города Сарапула, Воткинского и Ижевского заводов. Сарапул: Типо-Литография А. Л. Пойловой, 1887. 72 с.

Блинов, 1908 – Блинов Н. Н. Сарапул. Среднее Прикамье. Былое и современное. Сарапул: Типо-Литография I. М. Колчина, 1908. 103 с.

ГАКО – Государственный архив Кировской области.

Календарь, 1884 – Календарь Вятской губернии за 1885 г. Вятка: издание губ. стат. комитета, губернская типография, 1884.

REFERENCES

Blinov, 1887 – Blinov N. N. Istoriko-statisticheskoe opisanie Sarapul'skogo uezda, goroda Sarapula, Votkinskogo i Izhevskogo zavodov. Sarapul: Tipo-Litografiya A. L. Pojlovoj, 1887. 72 s. (in Russian)

Blinov, 1908 – Blinov N. N. Sarapul. Srednee Prikam'e. Byloe i sovremennoe. Sarapul: Tipo-Litografiya I. M. Kolchina, 1908. 103 s. (in Russian)

GAKO – Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti. (in Russian)

Kalendar', 1884 – Kalendar' Vyatskoj gubernii za 1885 g. Vyatka: izdanie gub. stat. komiteta, gubernskaya tipografiya, 1884. (in Russian)

N. V. Ryzhkova

HEALTHCARE AND CHARITY INSTITUTIONS IN THE TOWN OF SARAPUL IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: HISTORICAL AND ARCHITECTURAL ASPECT

The present paper presents the analysis of the problem of the establishment and construction of healthcare and charity institutions such as almshouses, care homes, widows' houses and hospitals with maternity wards and their functioning in Sarapul in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The study is based on the source documents of GAKO (State Archive, the town of Kirov) discovered fist by the author of the paper. The main volume of the documents was found in the following Funds: Fund 583 –Provincial Government of Vyatka (Construction Department); Fund 620 – Provincial Construction Expedition of Vyatka; Fund 582 – Office of Governor of Vyatka. Based on the documents, an integrated view of the process of the construction and arrangement of healthcare and charity institutions in the town of Sarapul has been formed. The results of the field studies carried out by the author in 2013–2014 are also presented. It has been established that sponsors mainly belonging to the merchant class played a crucial role in the establishment of healthcare and charity institutions in Sarapul. Late in the 19th – early in the 20th centuries, the merchant class in Sarapul was not prevailing among the population but the merchants actively participated in sphere of entrepreneurship forming and accumulating capitals. Taking an active part in various fields of the social life of the town, the merchants donated their dwellings for healthcare and charity institutions, hired architects for constructing new buildings and invested their money and accumulated interest for sponsoring the institutions; they bought furniture, utensils, clothes and food. It should be noted that the constructed buildings corresponded to the architectural style of that time but still had their peculiar features. They had less spacious rooms and simpler design compared with the buildings of the same type in the capital. The influence of the architectural style of the buildings of the healthcare and charity institutions on the architectural image of the town in general is also shown.

Keyword: charity, institution, history, building, merchant, city, architecture.

Рыжкова Наталья Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент,
Удмуртский государственный университет
(Ижевск, Россия)
nataly_izhevsk@mail.ru

Ryzhkova Natalia Viktorovna,
PhD in History, Associate Professor,
Udmurt State University
(Izhevsk, Russia)
nataly_izhevsk@mail.ru

УДК 72012/72.012

Ю. С. Антоненко, Н. С. Жданова, В. С. Сачков

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ ДВОРЦОВ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются проблемы реализации многофункциональной предметно-пространственной среды дворцов культуры. На рубеже XX–XXI веков здания и сооружения потеряли свою актуальность, изменились функциональность и типология клубов и дворцов культуры. Появление новой идеологии потребовало ее материализации, что реализовалось именно во Дворцах культуры. Унификация и технологизация производственных процессов привели к массовой однотипной постройке общественных зданий и потере уникальности. При этом была приобретена и воплощена идея многофункциональности использования типовых зданий. Основой исследования является проблемная ситуация, складывающаяся в реальной жизни современной России, где сохранились дворцы культуры, которые должны приобрести новые черты, которые выявляются в анализе социально-функциональной организации среды. Она содержит острое противоречие между имеющимися материальным абстрактом и вновь сформировавшимися потребностями современного человека. После анализа дворцов культуры и их общественной значимости исследователь создает концепцию нового использования старой предметно-пространственной среды дворцов культуры, которая бы удовлетворяла потребности молодежи. Методы исследования основываются на комплексном изучении теоретического и проектного материалов особенностей проектирования многофункциональных зон и их предметного наполнения с опорой на культурно-функциональную структуру. В ходе функционально-социологического исследования были выведены основные критерии Дворцов культуры, а в результате предпроектного анализа – предметное наполнение и назначение интерьеров. В работе определены: модель исследования (в которой фиксировались методологические принципы), цель и задачи, гипотеза исследования и способы их достижения, получения эффективного результата.

Ключевые слова: культурно-досуговые центры, предметно-пространственная среда, многофункциональность, молодежь, трансформируемая социотехническая среда, критерии, факторы.

Изменение образа жизни современного человека – ускорение темпа, деловой активности населения, информатизация многих общественных процессов, изменили потребности человека в отдыхе. Появление новых развлекательных центров, с одной стороны, расширили возможности культурного досуга, с другой – сократили посещение традиционных мест культурного общения. За последние 25 лет в Российской Федерации возросла и укрепилась сеть государственных и муниципальных культурных учреждений. Так, количество театров по сравнению с аналогичными показателями 1990-х гг. увеличилось в 1,7 раза, музеев – в 2 раза. Однако, новые центры в основном предназначены для молодежи и людей среднего возраста, при этом для возрастной категории посетителей от 30 до 60 лет недостаточно условий для эффективного проведения свободного времени. Вместе с тем, в России сохранилось большое количество старых здании и сооружении общекультурного назначения, которые при определенной модернизаций могли бы удовлетворить потребность в культурном развитии людей разных возрастных групп, стать интересными, в том числе, и для молодежи.

Цель статьи – изучение предметно-пространственной среды домов культуры советского периода для превращения их в многофункциональную зону, центр материализации досуговых и культурно-эстетических потребностей жителей. Современные локальные индивидуальные многофункциональные центры досуга и отдыха могут помогать трудовым будням и обеспечивать развитие культурных ценностей населения страны. Проблемы организации таких центров ставят перед исследователями необходимость изучения исторических особенностей проектирования многофункциональной предметно-пространственной среды досуговых центров России, рассмотрения особенностей проектирования многофункциональной предметно-пространственной среды дворцов культуры, выявления основных критериев и показателей проектирования их предметно-пространственной среды, проведения сравнительного анализа формирования досуговых центов в зависимости от назначения.

Численность культурно-досуговых центров за 1990–2014 гг. снизилась с 73,2 тыс. до 36,9 тыс. Современное архитектурное устройство зданий досуговых центров интегрируется в уличное пространство, внутренний интерьер становится частью городской среды. Изменение образа жизни горожан и городской культуры требуют реализации новых идей и концепций, большую актуальность приобретает насыщение «будничной» среды (музыканты, временные выставки, прочие культурные акции). Стоит отметить, что современный подход к проектированию функционально-планировочной и объемной организации пространства кардинально отличается от раннее известных принципов, что показывает важность обобщения и систематизации мирового и отечественного опыта проектирования Дворцов культуры.

Такому типу пространств присущи следующие черты: 1) многофункциональность; 2) трансформируемость; 3) совокупность коммуникационных функций; 4) открытость для различных социальных слоев населения; 5) совокупность черт открытой и закрытой среды интерьера; 6 уникальность визуального образа; 7) информационная насыщенность; 8) посредничество адаптации человека в городской среде. Постоянное изменение и усложнение интерьерного пространства требует изучения и переосмысления принципов построения зданий и формирования их многофункциональной социотехнической среды.

В проведенном исследовании использовались следующие методы: 1) теоретический анализ и обзор литературы и интернет-источников по проблеме исследования; 2) натурные обследования исторических и современных культурно-досуговых центров Челябинской области (Россия); 3) сравнительный анализ функций, особенностей и принципов структуры и архитектурного устройства клубов; 4) метод сценарного моделирования. Впервые проводится комплексное рассмотрение культурно-общественных центров нового и старого типа, внутреннего устройств помещений и их функционирования, что играет важную социокультурную роль в жизни крупного современного города. На этой основе предлагается вариант более тщательного рассмотрения планирования архитектурной структуры, сравнения и осмысления опыта культурных организаций, пространственного формирования деятельности. На примере дворцов культуры предлагается и раскрывается новый принцип архитектурно-дизайнерского проектирования – формирование общественных культурно-досуговых систем.

Если спроектировать многофункциональную предметно-пространственную среду досуговых центров, опираясь на выявленные и исторически сложившиеся критерии и показатели архитектурно-строительных аспектов, то можно добиться открытости ее для различных социальных слоев населения, адаптации человека в городской среде и поднятия уровня культурно-эстетических ценностей населения.

Изучение исторических особенностей проектирования многофункциональной предметно-пространственной среды досуговых центров России показывает, что дворцы культуры появились в России в XIX в., достаточно поздно по сравнению с другими странами. Ввиду специфичной общественной истории появление многофункциональных организаций (клубов и дворов культуры) [Выгузова, 2005] в нашей стране происходило в меньшие сроки в силу нехватки инноваций и способов организации жизнедеятельности для культурного и духовного развития общества. В конце 1880-х гг. при поддержке меценатов начинают появляться Народные и Этнические дома. Это было связано с тем, что общественные организации своей деятельностью пытались сгладить социальное неравенство. В Домах культуры на тот момент развивались образовательные программы,

появлялись библиотеки, театрально-лекционные залы, воскресные школы и вечерние классы для обучения трудящихся. Пик строительства народных домов пришелся на 1905 г. благодаря инициативе городских властей. Народные дома являлись центром проведения досуга жителей города или поселка, а также ликвидации безграмотности населения. Совмещение свободного общения и сотворчества помогали выработать личную индивидуальность людей, раскрыть их способности и взгляды. Клубные занятия стали своеобразным дополнением домашнего досуга, формировали народное и бытовое творчество. Образовывались специальные комнаты для групповых и индивидуальных занятий самодеятельностью. Важная роль в досуговом центре отводилась зрительному залу, который стал неотъемлемой частью дворцов культуры. В зрительном зале могли проводиться как массовые торжественные мероприятия, так и лекционные. Постепенно кружковые комнаты становились комнатами театрального пространства, которое начинала занимать сцена, и сама система, функционирующая как клуб, стала превращаться в многофункциональный театр.

Изменения Народного дома в Рабочий клуб, начавшиеся еще в XIX в., прежде всего трансформировали клубный театр. Теперь пространство маленького зала занимал драмкружок. Клубный театр не смог сохранить разделение актерского и зрительского пространства, свойственное в то время для других театров. Роль театра в функционале клуба становилась все более и более значимой. Чаще всего на сцене использовалась импровизация, формировался массовый зрительский интерес. Театр означал торжество и празднество. В начале 1920-х гг. клубы становились все более популярными. Передача знаний на лекционных и различных видах творческих занятий осуществлялись опытными деятелями культуры, науки и искусства, появлялись библиотеки для детей и взрослых, предпринимались меры для поднятия уровня образованности. Появлялось большое количество классов, лекционных аудиторий и других учебных помещений. В 1924–1925 гг. авторы ограничивались в основном проектами развитого просцениума и легкостью проходов к нему из зала (иногда с балконов), но не затрагивали структуру пространства зала и сцены. В проектах архитектора Мельникова фойе превращается в отдельную платформу для проведения культурно-массовых мероприятий. Там проводятся спортивные состязания, банкеты, кино-показы, зрелищные программы.

Общественное пространство клубов в начале 1920-х гг. эволюционировало как по структуре, так и, соответственно, по функционалу. Клубная деятельность активно набирала популярность как в городах, так и в сельских поселениях. Постепенно шел процесс театрализации клубов и превращения их в многофункциональные театры. Изменения клуба нашли отражение в проекте братьев Весниных. Они делили пространство клуба на малый и большой театральный зал. Современное состояние многофункциональной предметно-пространственной среды представлено в рисунках 1 и 2.

Рассмотрим особенности проектирования многофункциональной предметно-пространственной

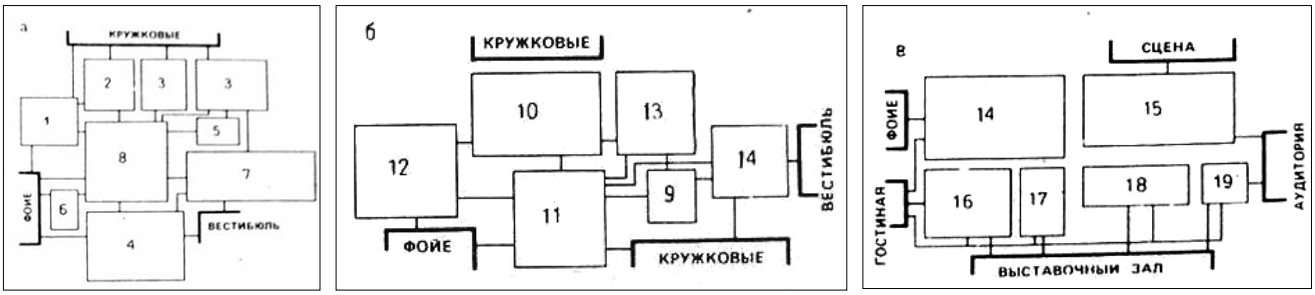

Рис. 1. Схема функциональных связей помещений клубного комплекса:
а – группа помещений для отдыха и развлечений; б – лекционно-информационная группа помещений;
в – кружково-студийная группа помещений: 1. гостиная; 2. буфет; 3. игровая; 4. танцевальный зал;
5. бильярдная; 6. бар; 7. зал для физкультурно-оздоровительных занятий; 8. зимний сад; 9. кабинет
передового опыта; 10. аудитория; 11. выставочный зал; 12. зал празднеств и обрядов; 13. клубный
читальный зал; 14. библиотека; 15. кружки универсального назначения; 16. сценической студии;
17. технической студии; 18. художественной студии; 19. культуры быта

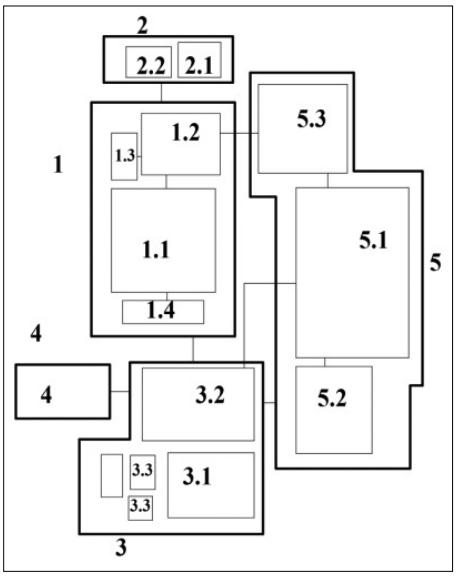

Рис. 2. Обща схема функционально-технологических связей: 1. Помещения демонстрационного комплекса: 1.1. зрительный зал; 1.2. сцена (эстрада); 1.3. помещения технологического обеспечения сцены (эстрады); 1.4. помещения технологического обеспечения кинопоказа; 2. помещения, обслуживающие сцену (эстраду): 2.1. помещения для творческого и технического персонала; 2.2. склад; 3. помещения зрительского комплекса: 3.1. вестибюль; 3.2. фойе; 3.4. санузлы; 4. административно-хозяйственные помещения; 5. помещения клубного комплекса; 5.1. группа помещений для отдыха и развлечений; 5.2. лекционно-информационная группа помещений; 5.3. кружково-студийная группа помещений

среды дворцов культуры [Голубева, 2006]. Структуру здания Дворца культуры во многом определяет состав его помещений и их функционал. Ведущие функции клуба выполняют такие комплексы как: зрительный; демонстративный; клубный (кружково-студийные мероприятия, образовательные и развлекательные). Важная роль также отводится административно-хозяйственным и производственным помещениям. Помещения могут быть между собой связаны, и важнейшее свойство этих связей – интенсивность взаимодействия. Ярким примером интенсивности связей является движение потока зрителей до и после мероприятий, фильмов и представлений, движение зрителей во время антракта мероприятия. Связи бывают обязательные (зал и фойе) и желательные (зал и вестибюль). Связь лекционной аудитории с вестибюлем осуществляется посредством кулуаров.

Некоторые помещения следует обособить в отдельное пространство по их назначению. Вопрос состоит в верном определении этого обособления. Активные клубы составляют 25% от общего числа. При отсутствии лекционной аудитории в зале клуба проводится около 200-300 мероприятий, что говорит о необходимости существования зала как отдельного помещения. Танцевальные вечера и вечера отдыха не могут все время проходить в фойе из-за занятости пространства зрелищными мероприятиями. Существует необходимость отдельных кружковых комнат, как минимум, 4-7. Для 25% клубов при большей части пассивного населения в год проводится около 60 концертов, 100 лекций, 10 кружков и 60 танцевальных программ. Общее количество мероприятий не должно быть больше 200, фойе в этом случае универсально. Кружковых комнат в клубе 3-4, при более высокой активности населения 8-10. При повышенной активности населения для 25% СДК проводится около 160 мероприятий в год и, что важно, около 100 танцевальных вечеров, из чего следует, что под танцевальные мероприятия необходимо выделять отдельные помещения.

В поселениях сельского типа в клубе проходит в среднем 9-16 концертов, 40-50 лекций, 25-45 вечеров отдыха и танцев, а кружков на такой клуб приходится 2-5. Для сельских клубов целесообразнее всего проектировать многофункциональные клубы с несколькими универсальными помещениями, 2-3 комнаты для кружковых занятий (в которых также могут проводиться лекции). Таким образом, чем многофункциональнее клуб, тем большее количество помещений ему требуется. Досуговые мероприятия должны соответствовать ряду критериев:

1. Зрительный зал обязательно должен иметь горизонтальный плоский пол для возможности танцевать и двигаться, не травмируясь (в зале должно быть не более 250 мест). Танцевальная площадь должна располагаться в 9-12 метрах от эстрады. Необходимо проникновение естественного света и наличие штор.

2. Фойе должно быть изолированно, так как может использоваться для танцев и работы кружков, необходимо наличие естественного освеще-

ния и штор. Фойе – главный коммуникационный узел, поэтому интенсивность его связей должна быть максимальной, в том числе и с лекционными и гастрольными зрительными залами. Должна обеспечиваться изоляция зрительских потоков после мероприятий.

3. Фойе должно быть как отдельное пространство и использоваться не только как пространство нахождения зрителей в антракте, но и как танцзал, площадка для зрелищных и массовых мероприятий.

4. Наконец, структура клуба должна позволять проводить общие программы мероприятий. Стандартные праздничные программы составляют около 10% от всех мероприятий в год. Необходимо расположение фойе, малых лекционных залов и кружковых помещений в единой системе; звуковая изоляция большого зала; примыкание спортзала к фойе (при кооперации).

5. Трансформация помещения. Она касается в основном помещений зрительного зала. Виды трансформации: планировочная (за счет перемещения мебели) и пространственная (изменение габаритов помещения). Выделяют два вида планировок зданий: жесткую планировку (постоянную) и гибкую (меняющуюся).

В литературе указанные выше вопросы раскрыты, преимущественно, по двум основным теоретическим направлениям.

1. Теоретические исследования, например, общественные пространства в структуре города (К. Линч, А. В. Иконников, А. В. Бунин, А. Э. Гугаов, В. Л. Глазычев, И. Г. Лежава, М. В. Шубенков, Г. Е. Голубев), средовой подход к их проектированию (Г. Б. Минервин, А. Э. Гутнов, В. А. Нефедов, М. Коськов), социальные аспекты (Ю. А. Шаронов, Р. Кальтенбрюннер, К. Линч, К. Александер), проблемы архитектуры общественных зданий (А. И. Урбах), определенные типы общественных зданий, комплексов и их интерьеров (Е. Б. Новикова, Б. Мейтленд, Р. Саксон, Д. Беннет, В. Б. Хорошилов); многофункциональные комплексы (А. Л. Гельфонд, А. А. Гаврилина, Н. В. Максименко, Л. Р. Бачман), «динамичные», сценарные и коммуникационные принципы архитектуры как таковой (Н. А. Сапрыкина, В. Т. Шимко, М. В. Шубенков, Е. В. Микулина, А. Бранци, Дж. Хилднер, Я. Ритчи, К. Гриффин), эмоционально-психологические и региональные особенности восприятия среды (Г. Б. Забельшанский, А. Г. Раппапорт, Ш. Д. Аскаров).

2. Разработка конкретных проектов в узких рамках образовательного, транспортного, торгового, развлекательного, офисного и других типов (К. Ричардс, Ф. А. Сервер, Дж. Мейерсон), обзоры деятельности архитектурных персоналий и фирм (Р. Кулхаас, У. Олсоп, Б. Чуми). Основное внимание уделяется архитектуре и объемно-планировочной структуре зданий и их комплексов, отдельным интерьерам, общей стилистике и деталям, типологии конструктивных элементов, а также творческим концепциям мастеров.

В рамках проведенного в 2017–2018 гг. в г. Магнитогорске научного исследования были изучены следующие культурно-досуговые центры: кинотеатр «Магнит», Театр Опера и Балета, Дом работников образования, Дворец культуры железнодорожников, Дом дружбы народов, Дворец культуры метизников, левобережный Дворец культуры металлургов, Дворец культуры металлургов им. С. Орджоникидзе.

Данные досуговые объекты изучались по следующему плану: функциональное наполнение объектов досуга, виды объектов досуга, часы работы досуговых объектов, возрастные категории посетителей (рис. 3, 4).

Общими методологическими принципами исследования системы городских общественных центров и ее элементов – комплексов общественных центров – являются:

- представление о целостности изучаемой системы и ее расчленение на составляющие элементы, свойства и функции которых определяются их местом в рамках целого;

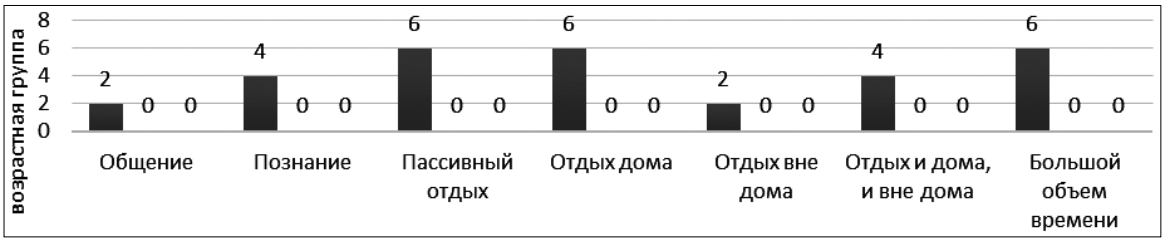

Рис. 3. График анализа досуговых объектов (критерии и показатели)

Рис. 4. Адаптационная система и факторы формирования многофункциональной среды

- исследование различных типов связей объекта (пространственных, функциональных, генетических и др.);

- вычленение системообразующих связей объекта и его структурных характеристик;

- определение иерархии связей и элементов системы и способов ее регулирования, обеспечивающих нормальное функционирование и развитие [Лазарева, 2007].

По результатам проведенного исследования исторического прогресса объектов культурного содержания для молодого поколения в России и за рубежом выделены их основные функции (табл. 1).

Задачей комплекса досуга для молодежи является создание центра для общения, где люди смогут не только получить информацию, но и расслабиться. В связи с этим предложены зоны с разными функциями. Это зоны для культурного развития, оздоровления, питания. Зоны обслуживания и помощи, массовой кружковой и студийной работы. Особое внимание стоит уделить трем основным типам центров для молодежи, которые различны по местоположению и количеству людей; их помещение вмещает следующее: 1) планировку с наименьшим количеством помещений для позитивного времяпрепровождения, обслуживание в микрорайоне; 2) планировку с расширенным количеством помещений и отдельными развитым и функциональными зонами, обслуживание в районе или городе; 3) планировку с оптимальным, крупным количеством помещений и всеми функциональными зонами для проведения позитивного времяпрепровождение, обслуживание в крупнейшем городе.

Таблица 1

Основные функции прогресса объектов культурного содержания в России и за рубежом

1	Познавательная: формирование целостного представления о народе, стране, эпохе
	Оценочная: осуществление дифференциации ценностей, обогащение традиций
2	Регулятивная (нормативная): формирование системы норм и требований общества ко всем индивидам во всех областях жизни и деятельности (нормы морали, права, поведения)
	Информативная: осуществление передачи и обмена знаниями, ценностями и опытом предшествующих поколений
3	Коммукативная: сохранение, передача и тиражирование культурных ценностей; развитие и совершенствование личности через общение
	Социализации: усвоение индивидом системы знаний, норм, ценностей, приучение к социальным ролям, нормативному поведению, стремление к самосовершенствованию

Основными подходами к архитектурной планировке молодежного культурно-досугового комплекса считаются: перевоплощение на основе технологического прогресса; возможность свободного общения во всех функциональных зонах; централизация коммуникационного пространства; конструирование привлекательного внешнего вида здания; воспроизведение непохожих друг на друга зон; гармония с природой, создание эко-ландшафта; деление комплекса по функциям на части, поддержание связи между ними.

Таким образом, необходим тщательный подход к вопросу рассмотрения критериев и показателей проектирования многофункциональных построек, специфичности и развития крупных общественных комплексов, поскольку им отводятся значимые роли, как в городской архитектуре, так и в общественной жизни населения России. Современный опыт дизайн-проектирования досуговых центров заключается в разработке клубов по интересам со специализированными помещениями, пространствами для рефлексии, релаксации и получения информации. Особенно перспективным является универсальный комплекс, в котором множество отдельных функций связано единым пространством; как из самых главных прототипов Дворцов культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Выгузова, 2005 – Выгузова Е. В. Элитарные клубы в культурном пространстве России конца XVIII – начала XX в.: Автореф. дис. канд. культур. наук / УрГУ. Екатеринбург, 2005.

Голубева, 2006 – Голубева Е. П. Принципы формирования архитектуры рекреационно-досуговых комплексов: дис. канд. арх.: 18.00.02. Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. Н. Новгород, 2006. 195 с.

Лазарева, 2007 – Лазарева М. В. Многофункциональные пространства крупных общественных комплексов. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата архитектуры. М., 2007. 26 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.marhi.ru/referats/files/Lazareva-Autoref.pdf (дата обращения 06.12.2018)

REFERENCES

Vyguzova, 2005 – Vyguzova E. V. Elitarnye kluby v kul'turnom prostranstve Rossii konca XVIII – nachala XX v.: Avtoref. dis. … kand. kul'tur. nauk / UrGU. Ekaterinburg, 2005. (in Russian)

Golubeva, 2006 – Golubeva E. P. Principy formirovaniya arhitektury rekreacionno-dosugovyh kompleksov: dis. kand. arh.: 18.00.02. Nizhegorodskij gosudarstvennyj arhitekturno-stroitel'nyj universitet. N. Novgorod, 2006. 195 s. (in Russian)

Lazareva, 2007 – Lazareva M. V. Mnogofunkcional'nye prostranstva krupnyh obshchestvennyh kompleksov. Avtoref. dis. … kand. arhitektury. M., 2007. 26 s. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.marhi.ru/referats/files/Lazareva-Autoref.pdf (06.12.2018) (in Russian)

J. S. Antonenko, N. S. Zhdanova, V. S. Sachkov

DESIGNING FEATURES OF MULTIFUNCTIONAL OBJECT-SPATIAL ENVIRONMENT OF CULTURE PALACES

The article deals with the problems of the multifunctional object-spatial environment realization in culture palaces. At the turn of the 20th and 21st centuries, buildings and structures lost their relevance. The functionality and typology of clubs and culture palaces have been changed. The emergence of new ideology required its materialization, which was realized in the Palaces of Culture. Unification and technological development of production processes led to mass construction of the same type in the field of public buildings. Also the uniqueness of these buildings was lost. At the same time, the idea of multifunctional use of standard buildings was acquired and implemented. Our research is based on the problem situation which can be observed in the real life of modern Russia, where culture palaces are preserved. The palaces must acquire new features that are revealed during the analysis of the socio-functional organization of the environment. It contains an acute contradiction between the existing material abstract and the newly formed needs of a modern man. After analyzing culture palaces and their social significance, the researcher creates a concept of a new use of the old object-spatial environment of culture palaces that would satisfy the needs

of the young. The methods of research are based on a comprehensive study of theoretical and project materials of the design features of multifunctional zones and their object filling with the support of the cultural and functional structure. In the course of this functional sociological study, the main criteria of the Palace of Culture were derived. As a result of the pre-project analysis the content and purpose of the interiors were pointed out. The paper contains: the research model (in which the methodological principles were fixed), the purpose and tasks, the hypothesis of the research and the ways of achieving them with an effective result.

Keywords: cultural and leisure centers, subject-spatial environment, multifunctionality, youth, transforming socio-technical environment, criteria, factors.

Антоненко Юлия Сергеевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия)
antilopa632@mail.ru

Жданова Надежда Сергеевна,
кандидат педагогических наук, профессор,
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия)
gdnacerg@mail.ru

Сачков Вадим Станиславович,
магистр, Институт строительства архитектуры и искусства,
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия)

Antonenko Julia Sergeevna,
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)
antilopa632@mail.ru

Zhdanova Nadezhda Sergeevna,
PhD in Pedagogy, Professor,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)
gdnacerg@mail.ru

Sachkov Vadim Stanislavovich,
Master, Institute of Architecture and Art,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК 1(091)(08)

Т. Т. Кручковский

НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЯКОВ ГРОДНЕНСКОГО РЕГИОНА БЕЛОРУССИИ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

В статье рассматривается национально-этническое положение поляков Гродненского региона Белоруссии. Осознание специфики региональной польской идентичности имеет существенное значение для понимания особенностей польской культуры, национального самосознания поляков Гродненщины в частности, и в целом в стране. Автор представляет этнические традиции поляков Гродненщины как результат, с одной стороны – исторического развития региона (принадлежность в прошлом к Польше; советское прошлое), а с другой – современная принадлежность региона к белорусскому государству. На протяжении XIX и большей части XX в. изучение этнических традиций поляков региона современной Гродненщины определялось исходя из теоретического определения нации (этноса) как согласно классической концепции нации И. Гердера, так и марксистской концепции нации. В России XIX – начале XX в. на основании классической концепции нации И. Гердера сформировалась концепция «большой русской нации». В польской науке XIX и первой половины XX в. в отношении населения северо-западной Гродненщины и юго-восточной части исторической Виленщины основными маркерами, определителями национальной принадлежности к польской нации также выступали такие характеристики как конфессиональная принадлежность и язык. Во второй половине XX в. в польской науке, а в белорусской – в конце XX в. стал делаться акцент на проявление признаков самосознания нации, что коснулось и польского населения изучаемого региона. Отмечалось, что формой выражения этноса является самосознание, а внешней – этноним, то есть самоназвание. Заявленная проблематика в настоящее время стала полем исследования как белорусской, так и польской науки. Отдельной группой исследователей данной проблематики стали представители польского национального меньшинства в Белоруссии. Источниковой базой исследования данной тематики являются материалы переписей населения, социологических опросов и т.д. Культурно-национальная специфика поляков современной Белоруссии, и особенности Гродненщины как наиболее компактного региона их проживания, проявляется в ряде специфических характеристик, определенных как историческим прошлым, так и современной действительностью. К ним большинство исследователей относят: конфессиональную принадлежность, польский язык как сохраняющуюся связь с национальным кодом страны происхождения, «качественно» иная интерпретация истории Польши и польского национального меньшинства, чем в стране их проживания, польский фольклор, а так же семейно-бытовые традиции и др.

Ключевые слова: польское национальное меньшинства, этнос, этнические традиции, Польша, Белоруссия, Гродненщина.

Культурно-национальная специфика поляков на территории современной Белоруссии, и особенности Гродненщины как наиболее компактного региона их проживания, проявляется в ряде специфических характеристик, определенных как историческим прошлым, так и современной действительности. Поляки северной части современной Гродненской области Белоруссии представляет

собою сплошной массив однообразного конфессионально-этнического польского населения, цивилизационно ориентированного на культурные ценности исторического наследия Польши как части западного мира. В условиях современного противостояния Запада и «русского мира» это приобретает особую актуальность.

Источниковой базой исследования данной тематики являются материалы переписей населения, социологических опросов и т.д. Автором в этих исследованиях использовались как традиционные методы исторической науки (историко-сравнительный, статистический, историко-типологический, историко-системный и т.д.), так и новых направлений исторической науки (устной истории, психоистории и т.д.), а так же и методы смежных наук (социологии – опрос, анкетировании и т.д.).

Автор статьи в определении национального меньшинства использовал определение, сформулированное в 1970-х гг. специальным докладчиком Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите прав человека в Комиссии по правам человека ООН Ф. Капоторти: «Группа, находящаяся в численном меньшинстве по сравнению с основным населением данного государства, не занимающая в нем доминирующих позиций и обладающая этническими, конфессиональными или языковыми отличиями от других жителей страны; наконец, связанная чувством внутригрупповой солидарности, направленным на сохранение своей культуры, традиций, религии или языка» [Kabzińska, 1999, s. 34–40].

На протяжении XIX и большей части XX в. изучение этнических традиций поляков региона современной Гродненщины определялось, исходя из теоретического определения нации (этноса) согласно классической концепции нации И. Гердера, так и марксистской концепции нации. Как известно, марксистская концепция нации (добавляя положения об общности экономической жизни) была развитием классической концепции нации И. Гердера, выделяющей в качестве основополагающих элементов нации следующие положения: общность этнического происхождения, традиций, фольклора, языка, конфессиональную принадлежность и т.д. Характерно, что из таких позиций исходили исследователи рассматриваемого периода, как с польской стороны, так и российской, затем и советской, в том числе и белорусско-советской традиции [Kruczkowski, 2005, s. 101–128].

В России на основании классической концепции нации И. Гердера сформировалась концепция «большой русской нации». Она формировалась еще в идеях Н. М. Карамзина и С. С. Уварова. Эта концепция «большой русской нации» стала господствующей в российской и в советской науке, в том числе и исторической науке БССР [Кручковский, 2016, с. 290]. У М. О. Кояловича, Р. Эркерта она в особенности проявилась в отношении польского населения «северо-западного края». В качестве определяющих моментов польского этноса края рассматривалась конфессиональная принадлежность и язык общения.

В польской науке XIX и первой половины XX в. (Л. Голембевски, А. Брюкнер, С. Побуг, Л. Василевски и др.) в отношении населения северо-западной Гродненщины и юго-восточной части исторической Виленщины основными маркерами, определителями национальной принадлежности к польской нации выступали такие характеристики как конфессиональная принадлежность и язык.

Во второй половине XX в. в польской науке, а в белорусской – в конце XX в. стал делаться акцент на проявление признаков самосознания нации, что коснулось и польского населения изучаемого региона. Отмечалось, что формой выражения этноса является его самосознание, а внешней – его этноним, то есть его самоназвание. К исследованиям историков и лингвистов присоединились социологи, политологи, философы.

Эти положения проявились в исследованиях как польских ученых (Р. Дзвонковски, З. Кужова, П. Эберхард, Ю. Бардах, Ю. Винницки, Э. Смулкова, К. Кабзиньска и др.), так и белорусских (У. Д. Розенфельд, Н. Н. Беспамятных, Н. Л. Улейчик, С. В. Донских и др.).

В группе польских исследователей отсутствуют единые оценочные подходы и критерии определения польской национальной группы. По мнению Э. Смулковой, поляки региона используют в основном белорусский язык, что свидетельствует об их близости к белорусской культуре. По мнению З. Кужовой и Ю. Винницкого, «простой язык» поляков и белорусов региона является нелитературным вариантом польского языка (Kurzowa, 1993; Winnicki, 2002). По мнению Ю. Бардаха, поляки региона в основном автохтонное население, принявшее в период Речи Посполитой польский язык и культуру [Bardach, 1995, s. 25–38].

Ряд белорусских исследователей (С. В. Сильверстова, А. С. Смоленчук и др.) поддерживают

положение об отсутствии существенной разницы в культуре поляков Гродненщины и местных белорусов. Это положение в их интерпретации приближается к политологическому определению об отсутствии в РБ этнических поляков и сведении национальной группы поляков, в том числе и Гродненщины, к группе «костельных поляков» или ополяченных белорусов.

Отдельной группой исследователей проблематики стали представители польского национального меньшинства (Ч. Беньковски, Т. Кручковски, Я. Шумски, Т. Гавин, Е. Гебень и др.). Они в основном придерживались мнения о двух путях формирования польского национального меньшинства в Беларуси: эмиграции из Польши и автохтонной версии. Эта группа исследователей, основываясь как на этнографических материалах, так и на материалах переписи населения и социологических исследованиях, поддерживает положение о принадлежности поляков региона к польской нации, хотя и отмечает их культурную и ментальную специфику.

Основные параметры национального самосознания польской этнической группы на Гродненщины характеризуются определенной устойчивостью. Ведущими факторами этнической самоидентификации поляков являются: национальное самосознание; происхождение («кровь»); конфессиональная принадлежность; собственная интерпретация истории Польши, а также же язык, обычаи и обряды, семейно-бытовые традиции. Как показывают исследования, этнические поляки в качестве важнейших приоритетов называют происхождение («кровь»), вероучение и язык, а так же иную интерпретацию исторического прошлого [Dzwonkowski, 1994; Eberhardt, 1994; Kurzowa, 1993; Kabzińska, 1999; Kabzińska, 2002; Winnicki, 2002; Kruczkowski, 2002; Kruczkowski, 2003; Jarmusik, 2003; Веренич, 2000; Беспамятных, 1999; Навуменка, 2002; Донских, 2005 и др.].

Важнейшей чертой принадлежности к «польскости» поляки Гродненщины как в прошлом, так и в настоящее время считали принадлежность к Римско-католическому костелу [Dzwonkowski, 1994; Winnicki, 2002; Jarmusik, 2003 и др.]. Это положение появилось в регионе еще с XIX века [Эркерт, 1864; Коялович, 1887]. Российские власти практически однозначно до конца XIX в. сами поддерживали это положение, отождествляя всех католиков современной Беларуси с польской национальностью. Эта ситуация на практике сохранялась и в советские времена [Iwanow, 1991; Kruczkowski, 2003; Winnicki, 2003].

Только в последние десятилетия важность этого фактора несколько ослабла, что связано с начавшейся интенсивно пропагандироваться идеей о белорусах-католиках. Однако для большинства поляков Гродненщины тезис о тождестве польской нации и католичества в этом регионе остается во многом доминирующими в настоящее время [Jarmusik, 2003, s. 124–132].

Согласно последней переписи 2009 г. населения в Беларуси поляки составляет 3,9%. В то же время среди верующих жителей республики эти данные совершенно иные – около 14% составляют католики. По некоторым данным католики составляют от общего населения до 20-25% [Jarmusik, 2003, s. 124–132] и др.

У поляков Беларуси выражена сильная конфессиональная идентификация. Об этом свидетельствует факт, что прочная идентификация с представителями своей религиозной конфессии (85,1%) значительно превосходит таковую с представителями своей национальности (58%). Наиболее сильно идентификация с католиками выражена у самого старшего поколения – респондентов старше 60 лет (93,4%), но даже самое младшее поколение поляков (16-19лет) также успешно отождествляет себя с католиками (72,9%). В целом у поляков сильно выражена религиозность: к католичеству себя относят 93,4% респондентов, в Бога верят 89,4% опрошенных поляков, 87,3% поляков Беларуси считают, что современному человеку нужна религия. О высоком уровне религиозности свидетельствует и значительная степень церковности, в частности частота посещения богослужений. Поляки особо подчеркивают и роль костела в сохранении польской национальной культуры (78,6%) [Ластовский, 2011, с. 127]. В связи с этим вполне закономерны выводы Л. И. Науменко о том, что конфессиональная принадлежность у поляков играет доминирующую, а возможно, и определяющую роль по отношению к этнической принадлежности [Навуменка, 2002, с. 187].

Конфессиональная принадлежность и значительная религиозность польского населения Гродненщины определяет так же влияние религиозных праздников на национальные традиции (коляды, пасха, убранство вигилийного стола и др.), а так же на семейные устои и традиции. Неоднократно отмечалось в исследованиях, что факт принад-

лежности к католической конфессии значительно укрепляет важность и сохранность института семьи среди польского населения в сравнении с другими этническими группами. Это положение на статистических материалах официальных переписей населения в Беларуси исследовалось и доказывалось [Biaspamiatnych, 2003; Gorbaniuk, 2004; Kabzińska, 2002; Kruczkowski, 2003; Gawin, 2010] и др.

Заботу о сохранении института семьи и ее традиционных ценностей проявляют и иерархи католического костела в Беларуси, как в своих проповедях, так и в официальных обращениях. Так, глава католического Костела Беларуси Тадеуш Кондрусевич обратился с открытым письмом к президенту страны Александру Лукашенко по поводу ведущихся законодательных работ в белорусском парламенте об институте семьи [Кондрусевич, 2018]. По мнению Кондрусевича, обсуждение таких важных для общества законопроектов должно вестись с участием представителей традиционных вероисповеданий. «К сожалению, эти законопроекты пока недоступны для общественности, что порождает разнообразные слухи и домыслы», – пишет Т. Кондрусевич. Архиепископ выражает надежду, что «белорусское законодательство еще более четко поставит преграду пропаганде нетрадиционного сексуального поведения, афиширования и позитивного показа содомского образа жизни».

Согласно данным официальных переписей населения, поляки Гродненского региона в своем подавляющем большинстве декларируют свою привязанность к католической конфессии. В то же время в ряде районов Гродненской области, где католическое население составляет подавляющее большинство (Ошмянский, Сморгонский, Островецкий, Ивьевский), согласно материалам официальных переписей, большинство католиков принадлежит к титульной нации – белорусской. Одновременно у них, как и поляков ряда областей Минщины (Молодеченский, Воложинский, Дзержинский, Столбцовский, Несвижский районы), сохранилось в коллективной памяти и устной традиции предание о принадлежности их предков к польскому этносу [Kabzińska, 2002; Kruczkowski, 2003; Gawin, 2010] и др.

Происхождение или национальное самосознание поляков региона также является важной чертой польской этнической группы на Гродненщине. Практически все без исключения представители моноэтнических семей осознают свою национальную принадлежность и называют себя поляками. В коллективном национальном самосознании большинства поляков Гродненщины сохранилось понимание принадлежности их к польскому этносу. Причем, очень часто, они не готовы признавать возможность своего происхождения от других этносов (белорусов или литовцев), подчеркивая свою связь с поляками из Польши [Wasilewski, 1912; Kurzowa, 1993; Kruczkowski, 2003; Jarmusik, 2003; Gorbaniuk, 2004; Winnicki, 2003; Донских, 2005] и др. Одновременно в коллективном национальном самосознании большинства поляков региона сохранилось воспоминание о том, как еще с царских времен, а потом и в советский период, в отношении их проводилась различными методами политика репрессий и преследований, денационализации и ассимиляции [Chackiewicz, 1994; Michniuk, 1994; Kruczkowski, 2000; Szumski, 2002; Winnicki, 2003; Чувак, 2004] и др.

Следует отметить, что этнические поляки обращают внимание на их отличие от проживающих рядом представителей других национальностей – белорусов, евреев, татар, но в повседневной жизни не отделяют себя от них [Biaspamiatnych, 2003, s. 112–124]. В целом в молодежной польской среде намного реже, чем среди людей среднего и пожилого возраста, проявляется эмоциональная верность «польскости». Позиция молодежи определяется, прежде всего, прагматизмом [Беспамятных, 1999; Biaspamiatnych, 2003].

Однако уже преимущественно молодые люди из семей, в которых только один родитель – поляк, имеют проблемы с определением национальности. В советские времена представители таких смешанных семей записывались, чаще всего, как белорусы. Уже во второй половине 80-х гг. XX в. (во времена перестройки) наблюдался среди части молодежи из смешанных семей процесс постепенного сознательного или прагматического выбора национальной принадлежности [Biaspamiatnych, 2003, s. 110]. Особенно это проявилось уже в 10-е гг. XXI в. в связи с введением Карты Поляка и значительным улучшением в Польше социально-экономической ситуации [Kruczkowski, 2008, s. 239]. Большинство поляков Гродненщины в настоящее время при необходимости трудовой миграции сознательно выбирают Польшу как страну происхождения их предков, страну знакомого им языка и культуры.

Сохранению польских национальных традиций поляков Гродненщины способствует также перевес

сельского населения (где более консервативный стиль жизни) над городским. Это влияет также на меньшее количество разводов, детность в семьях. Статистические данные отчетливо показывают, что разводимость в среде поляков значительно уступает уровню этого показателя в среде белорусов. Это проявляется во всем интервале возрастов и для всех групп населения. Оказалось так же, что доля незарегистрированных браков среди белорусов значительно выше, чем среди поляков. Это относится к каждому из полов, проживающих на городской или сельской территориях [Ластовский, 2011, с. 127].

Воспитание в семье поляки считают существенным фактором сохранения традиций польской национальной культуры (69,3%), приоритет, в этом отношении отдавая лишь религии (78,6%). Кроме того, 73,6% поляков считают важным воспитание своих детей в рамках национальной культуры [Ластовский, 2011, с. 128].

Одной из важных черт польских национальных традиций поляков Гродненщины, которая, однако, в значительной степени подверглась влиянию исторического времени и обстоятельств, как в во времена Российской империи и СССР, так и в период независимой Республики Беларусь, является польский язык как категория родного языка.

Польский язык на Гродненщине среди поляков в повседневной жизни сохранился весьма незначительно, о чем убедительно свидетельствуют материалы официальных переписей населения в Беларуси и материалы научных исследований ученых, как из Польши, так и Беларуси. Современная социолингвистическая ситуация характеризуется билингвизмом и трилингвизмом поляков Гродненской области. Из общей численности поляков Гродненской области (230,8 тыс. чел.) в качестве родного назвали польский язык 12,1 тыс. чел. (5,2%), Социологические исследования выявляют относительно высокую степень сохранения польского языка среди представителей старшего поколения [Ластовский, 2011, с. 127].

На польском языке как родном частично разговаривают в территориальном отношении только в регионе Сопоцкино, а так же небольшое количество семей, преимущественно из интеллигентской среды или деятелей польских организаций. В некоторых польских семьях он частично сохранился. Однако большинство поляков в повседневной жизни пользуются русским, белорусским или так называемым «простым» языком (особенно в сельской местности), который является смесью польско-белорусского [Kurzowa, 1993; Giebień, 2004]. Одновременно большинство поляков активно выступают за сохранение польского языка в католических богослужениях, рассматривая его как своего рода «сакрум» и возможность сохранения традиции, отделяющей их от населения титульной нации [Giebień, 2004, s. 57–73].

По данным исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2008 г.: 34,4% поляков в Беларуси считают родным русский язык, 32,3% называют родным белорусский язык и только 17,7% опрошенных признают родным польский язык (хотя это и больше, чем по результатам переписи). Заметна очевидная русификация (понимаемая в данном контексте как переход на русский язык) младшего поколения поляков, среди которых число считающих русский язык родным больше чем в два раза превышает число таковых среди старшего поколения [Ластовский, 2011, с. 124].

Еще в 1998 г. белорусские исследователи зафиксировали следующие коммуникативные функции польского языка: «Польским языком пользуется почти половина респондентов в семейном кругу, каждый четвертый в общении с друзьями и лишь каждый седьмой-восьмой на работе, с коллегами. Так что преимущественная сфера бытования польского языка – это сфера лично-интимных отношений» [Беспамятных, 1999, с. 512]. Данные же исследования 2008 г. свидетельствуют о том, что сфера действительного использования польского языка в данном регионе сокращается, в семье и дома на польском языке разговаривали лишь 15,4% поляков (в целом по стране еще меньше – 13%). По данным переписи 1989 г., лишь 13,3% проживающих на территории Беларуси считали своим родным языком польский, по данным переписи 1999 г., их число выросло до 16,5% [Ластовский, 2011, с. 127].

Определенная часть польского населения региона активно поддерживает получение образования своих детей на родном польском языке. Однако эта часть является меньшинством. Этому объясняется не только низким уровнем национального самосознания поляков, но и недостаточностью свободного доступа к польскоязычному образованию: в регионе имеются только две польскоязычные школы, по ряду причин (прежде всего, политики властей) сложно сформировать даже классы в общеобразовательных школах с польским языком как предметом обучения и т.д.

К тому же нынешняя ситуация: наличие только двух польскоязычных школ на десятки тысяч детей школьного возраста польского происхождения не только не способствует развитию польской национальной культуры и образования, но и не способна сохранить его в будущем, даже в нынешнем ограниченном состоянии. Это положение отмечается не только в польской литературе предмета, но и в белорусских исследованиях [Беспамятных, 2005, s. 134].

Большая часть из родителей стремятся дать образование своим детям на родном польском языке по сугубо прагматическим причинам: для поступления в высшие учебные заведения Польши. После окончания большинство польской молодежи остается в Польше, уменьшая, еще и таким образом, слой польскоязычной интеллигенции региона. Причины такого поведения большей части польского населения кроются в ряде обстоятельств: общественно-политические обстоятельства советского времени (репрессии, депортации польского населения), запретом использования польского языка в общественном пространстве, полной ликвидацией в Беларуси польскоязычного образования; переселением части польского населения региона в Польшу, прежде всего слоя интеллигенции (1946–1949 и 1956–1959 гг.); значительной ассимиляцией польского населения региона и страны в целом. БССР стала единственной из республик европейской части СССР, где полностью было ликвидировано польскоязычное образование. В то время как в Литовской ССР польскоязычных школ было – 122, а в Украинской ССР – 2.

Собственно возрождение польской интеллигенции на Беларуси началось только со второй половины 80-х гг. XX в. [Kabzińska, 2002, s. 34]. Эта среда формируется из различных источников: из той части молодежи польского национального меньшинства, которая получила образование в Польше и вернулась обратно; из части поляков и их детей, получивших высшее образование в Беларуси, но сумевших сохранить развитое национальное самосознание; из части поляков региона работавших некоторое время в Польше и вернувшихся обратно по причине ряда жизненных обстоятельств.

В целом заметна иная тенденция: происходит постепенная замена традиционной польско-белорусской культуры, распространенной в деревне, современной городской культурой, которая является преимущественно русскоязычной. В основе такой ситуации лежат два взаимосвязанных процесса – переселение сельских жителей в город, где они вынуждены адаптироваться к русскоязычной среде, и постепенная смена поколений.

Особый интерес представляет анализ ответов на открытый вопрос: «Что для Вас значит быть поляком?» Необходимо помнить, что местные поляки эти опросы, проводимые белорусскими исследователями, воспринимают как действие властей, к которым относится насторожено. Поэтому часто и ответы могут не соответствовать действительности. В таком случае дается просто требуемый «правильный» ответ. Преобладают ответы, указывающие на важность сохранения традиций своего народа (29,7%), осознание своей конфессиональной принадлежности (26%), память о своих корнях и происхождении (16%) [Ластовский, 2011, с. 128].

Для полноты описания состояния этнокультурной идентичности поляков в Беларуси, и прежде всего на Гродненщине, необходимо отметить сохранении особой исторической памяти, которая сохранилась чаще всего в форме устной истории. Эта качественно иная «картина истории» региона и роли в ней поляков, в особенности в XX в. Такие мнения указывают на наличие неофициальных каналов трансляции памяти о прошлом, в основном через коммуникацию внутри семьи. Наличие такой семейной традиции способствует так же в определенной степени сохранению польской идентичности. Иная версия истории могла передаваться только таким путем. В последние десятилетия благодаря деятельности польских организаций и изданию ими ряда научно-популярных книг по истории, а так же контактах с Польшей эта ситуация начала меняться.

Данные опросов свидетельствуют о слабом знании поляками Беларуси истории Польши: лишь 7,4% опрошенных считают, что достаточно хорошо знают польскую историю. У основной массы поляков такие знания недостаточны (66,4%) либо отсутствуют как таковые (25%) [Ластовский, 2011, с. 127].

Слабое знание польской истории и культуры также проявляется и в открытых вопросах, касающихся ключевых персоналий. При просьбе назвать известных людей, оказавших наиболее значимое влияние на формирование польской культуры, 41,8% опрошенных поляков не смогли дать ответ. Наиболее же известными оказались Адам Мицкевич (30,7%) и Элиза Ожешко (13,5%) – те же

уроженцы Гродненщины. Еще больше затруднений вызвал вопрос об исторических деятелях, оказавших положительное влияние на польскую историю. На него не смогли ответить 56,2%респондентов. Среди названных деятелей лидируют Иоанн Павел II (16,5%), Лех Валенса (14,2%) и Юзеф Пилсудский (10,4%) [Ластовский, 2011, с. 127].

Можно смело утверждать, что историческая память поляков Беларуси ощутимо отличается от официальной версии истории, которая прочно закрепилась в белорусском историческом нарративе. Разительным образом отличается в устной истории местного польского населения образ «освободителей», т.е. Красной армии 1939 г. Это касается как их общего вида, культуры, так и восприятия способов их функционирования в повседневной жизни [Iwanow, 1991; Chackiewicz, 1994; Michniuk, 1994; Kruczkowski, 2000; Kruczkowski, 2003; Winnicki, 2002] и др. Подобного рода оценки относятся так же и к истории Второй мировой войны на территории Гродненщины.

Понять источники формирования представлений об историческом прошлом можно с помощью проблемного вопроса, касающегося факта присоединения Западной Беларуси к БССР в результате событий 17 сентября 1939 г. Отмечается, что Советский Союз воспользовался нападением нацистской Германии на Польшу для того, чтобы присоединить эти земли. В историческом нарративе местных поляков эти события расцениваются как преступный сговор Сталина и Гитлера, приведший к трагическим последствиям для поляков на востоке Польши.

Подавляющее большинство местных поляков отрицательно оценивают присоединение Западной Беларуси к БССР, хотя и в советское время, как и сейчас эти события всегда освещались позитивно. Следовательно, можно говорить о существовании особой «контрпамяти» у местных поляков, которая не согласуется с официальной белорусской версией этих территориальных изменений, так повлиявших на судьбу поляков «крэсув всходних» (Kresów Wschodnich).

Для обоснования негативной оценки можно выделить два основных типа аргументации. Первый из них также апеллирует к интересам Польши как страны: «это исконно польская территория, а Россия отобрала ее у Польши», «договор Гитлера и Сталина против Польши», «поляки должны жить в Польше» [Ластовский, 2011, с. 128].

В современных условиях процесс аккультурации все более и более приобретает политический оттенок. С одной стороны, Союз поляков Беларуси ставит вопрос о предоставлении более широких прав данному этническому меньшинству (культурная автономия, представительство в государственных органах и структурах местного самоуправления). С другой стороны, крайние белорусские националисты рассматривают такие требования как попытку полонизации белорусов, как угрозу собственным национальным интересам [Skrobocki, 2995]. На наш взгляд, проблему аккультурации можно успешно решать только с учетом исторических и культурных традиций, а также современного положения этнических поляков в этом регионе.

Таким образом, польское, католическое население северо-западной Гродненщины и юго-восточной части исторической Виленщины со времен средневековья составляло большинство или значительную часть населения этого региона. Это население заняло однозначные политические позиции в период военно-политических событий XX в. и особенно Второй мировой войны. Современные статические данные свидетельствуют, что в Гродненской области сохраняется компактное размещение польского населения («польский пас») вдоль польско-белорусско-литовской границы, так как здесь, в силу ряда исторических, политически причин, оно наименее подвержено ассимиляционным процессам.

Этнокультурная идентичность поляков Гродненщины в некоторой степени отличается от традиционной модели национальной идентичности. Результаты исследований свидетельствуют о культурной близости поляков региона и титульного этноса страны, что позволяет говорить о значительных успехах процесса аккультурации. Вместе с тем особая групповая идентичность поляков Гродненщины сохраняется, несмотря на то, что в языковом отношении эта этническая группа практически полностью ассимилирована, особенно это касается младшего поколения. Ведущими основаниями для сохранения и воспроизведения особой этнокультурной идентичности выступают прочная конфессиональная идентификация (которая в данном случае может подменять этнонациональные критерии), а также трансляция традиций польского происхождения посредством семейной коммуникации.

Культурно-национальная специфика поляков проявляется: в конфессиональной принадлежности, в «качественно» иной интерпретации истории Польши и польского национального меньшинства, чем в стране их проживания, в определении польского языка как родного, в польском фольклоре, в семейно-бытовых традициях и др. Соединение этнической и конфессиональной принадлежности не только одна из главных черт национального самосознания поляков Гродненщины, но и важнейшая особенность их культуры. С католицизмом наиболее тесно связаны семейные религиозные традиции, что приводит к определенному торможению процесса ассимиляции поляков региона.

Осознание специфики региональной польской идентичности имеет существенное значение для понимания особенностей польской культуры Гродненщины в частности, и польской национального меньшинства в целом. Данная проблематика заслуживает дальнейшего изучения с точки зрения междисциплинарного подхода современного гуманитарного знания (истории, социологии, политологии и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

Беспамятных, 1999 – Беспамятных Н. Национальное самосознание поляков Гродненской области: проблемы изучения // Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур X–XX ст. Гродна, 1999.

Беспамятных, 2005 – Беспамятных Н. Большинство, меньшинство и национальное образование // Problemy swiadomości ludnośći polskiej na Białorusi. Grodno, 2005. T. 3. S. 128–136.

Веренич, 2000 – Веренич В. Этноязычное смешение: поляки на Украине, в Беларуси и Литве // Językowa tożsamość na pograniczu kultur. red. E. Smułkowa. Białystok, 2000. С. 115–128.

Донских, 2005 – Донских С. В. «Polski pas» как пример трансформации культурного центра в пограничье // Problemy świadomości narowej ludności polskiej na Białorusi. Гродно, 2005. Т. 3. С. 45–64.

Кондрусевич, 2018 – Глава католической церкви в Беларуси Тадеуш Кондрусевич обратился с открытым письмом к президенту страны Александру Лукашенко [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://talks.by/showthread.php?t=14373478 (дата обращения 28.10.2018)

Коялович, 1887 – Коялович М. О. Поездка в Западную Россию // Церковный вестник. 1887. № 4.

Кручковский, 2016 – Кручковский Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века. Гродно: ГрГУ. 2016. 384 с.

Ластовский, 2011 – Ластовский А. Л. Этнокультурная идентичность поляков в Беларуси // Социология. 2011. № 1. С. 121–129.

Навуменка, 2002 – Навуменка Л. Этнічная ідэнтычнасць палякаў на Беларусі // Гістарычны альманах. 2002. № 6. С. 189–198.

Чувак, 2004 – Чувак С. Этнічныя стэрэатыпы беларусаў, рускіх, палякаў, немцаў, жыдоў ва ўспры-

REFERENCES

Bespamyatnyh, 1999 – Bespamyatnyh N. Nacional'noe samosoznanie polyakov Grodnenskoj oblasti: problemy izucheniya // Belarusy i palyaki: dyyalog narodaў i kul'tur X–XX st. Grodna, 1999. (in Russian)

Bespamyatnyh, 2005 – Bespamyatnyh N. Bol'shinstvo, men'shinstvo i nacional'noe obrazovanie // Problemy swiadomości ludnośći polskiej na Białorusi. Grodno, 2005. T. 3. S. 128–136. (in Russian)

Verenich, 2000 – Verenich V. Etnoyazychnoe smeshenie: polyaki na Ukraine, v Belarusi i Litve // Językowa tożsamość na pograniczu kultur. red. E. Smułkowa. Białystok, 2000. S. 115–128. (in Russian)

Donskih, 2005 – Donskih S. V. «Rolski pas» kak primer transformacii kul'turnogo centra v pogranich'e // Problemy świadomości narowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2005. T. 3. S. 45–64. (in Russian)

Kondrusevich, 2018 – Glava katolicheskoj cerkvi v Belarusi Tadeush Kondrusevich obratilsya s otkrytym pis'mom k prezidentu strany Aleksandru Lukashenko [Elektronnyj resurs]. URL: https://talks.by/showthread.php?t=14373478 (in Russian)

Koyalovich, 1887 – Koyalovich M. O. Poezdka v Zapadnuyu Rossiyu // Cerkovnyj vestnik. 1887. № 4. (in Russian)

Kruchkovskij, 2016 – Kruchkovskij T. T. Istoriya Pol'shi v osnovnyh koncepciyah russkoj istoriografii XIX – nachala XX veka. Grodno: GrGU. 2016. 384 s. (in Russian)

Lastovskij, 2011 – Lastovskij A. L. Etnokul'turnaya identichnost' polyakov v Belarusi // Sociologiya. 2011. № 1. S. 121–129. (in Russian)

Navumenka, 2002 – Navumenka L. Etnichnaya identychnasc' palyakaў na Belarusi // Gistarychny al'manah. 2002. № 6. S. 189–198. (in Belarusian)

Chuvak, 2004 – Chuvak S. Etnichnyya stereatypy belarusaў, ruskih, palyakaў, nemcaў, zhydoў va ўsprymanni zhyharoў pamezhnyh regiyonaў (Sapockinski,

манні жыхароў памежных рэгіёнаў (Сапоцкінскі, Парэчскі сельскія саветы Гродзенскага раёну) // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2004. S. 156–168.

Эркерт, 1864 – Эркерт Р. Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России. СПб, 1864.

Bardach, 1995 – Bardach J. Wieloszczeblowa świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII–XX wieku // Pamiętnik XV Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich. T. 1. Cz. 1. Gdańśk-Toruń, 1995. S. 25–38.

Biaspamiatnych, 2003 – Biaspamiatnych M. Ludność polska Grodzieńszczyzny w świetle badań Centrum etnokonfesjonalnych i socjokulturalnych uniwersytetu Grodzieńskiego // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2003. S. 112–124.

Chackiewicz, 1994 – Chackiewicz A.F. Aresztowania i doportacje ludności zachodnich obszarów Białorusii (1939–1941) // Polska – Biełoruś. Warszawa, 1994. S. 133–160.

Gawin, 2003 – Gawin T. Polskie odrodzenie na Białorusi 1988–2005. Białystok, 2010.

Giebień, 2003 – Giebień H. Język liturgii rzymskokatolickiej oraz język ojczysty Polaków w rejonie lidzkim // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2004. S. 57–73.

Gorbaniuk, 2003 – Gorbaniuk J. Co znaczy być Polakiem dla katolików na Białorusi // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2004. S. 41–56.

Iwanow, 1991 – Iwanow M. Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Sowieckim. 1921–1939. Warszawa, 1991.

Jarmusik, 2003 – Jarmusik E. Kościol katolicki wobec problemów narodowościowych na Białorusi // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2003. S. 124–132.

Kabzińska, 1999 – Kabzińska I. Wśród kościelnych Polaków. Warszawa, 1999.

Kabzińska, 2002 – Kabzińska I. Charakterystyczne cechy religijności Polaków na Białorusi // Magazyn Polski. 2002. № 1-2. S. 4–11.

Kabzińska, 2003 – Kabzińska I. Znajomość dziedzictwa kulturowego jako jeden z warunków zachowania tożsamości narodowej // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi.Grodno, 2003. S. 7–20.

Kabzińska, 2004 – Kabzińska I. Odradzanie się grupyposkiej inteligencji w Republice Białoruś // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2004. S. 34–40.

Parechski sel'skiya savety Grodzenskaga rayonu) // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2004. S. 156–168. (in Belarusian)

Erkert, 1864 – Erkert R. F. Vzglyad na istoriyu i etnografiyu zapadnyh gubernij Rossii. SPb, 1864. (in Russian)

Bardach, 1995 – Bardach J. Wieloszczeblowa świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII–XX wieku // Pamiętnik XV Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich. T. 1. Cz. 1. Gdańśk-Toruń, 1995. S. 25–38. (in Polish)

Biaspamiatnych, 2003 – Biaspamiatnych M. Ludność polska Grodzieńszczyzny w świetle badań Centrum etnokonfesjonalnych i socjokulturalnych uniwersytetu Grodzieńskiego // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2003. S. 112–124. (in Polish)

Chackiewicz, 1994 – Chackiewicz A.F. Aresztowania i doportacje ludności zachodnich obszarów Białorusii (1939– 1941) // Polska – Biełoruś. Warszawa, 1994. S. 133–160. (in Polish)

Gawin, 2003 – Gawin T. Polskie odrodzenie na Białorusi 1988–2005. Białystok, 2010. (in Polish)

Giebień, 2003 – Giebień H. Język liturgii rzymskokatolickiej oraz język ojczysty Polaków w rejonie lidzkim // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2004. S. 57–73. (in Polish)

Gorbaniuk, 2003 – Gorbaniuk J. Co znaczy być Polakiem dla katolików na Białorusi // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2004. S. 41–56. (in Polish)

Iwanow, 1991 – Iwanow M. Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Sowieckim. 1921–1939. Warszawa, 1991. (in Polish)

Jarmusik, 2003 – Jarmusik E. Kościol katolicki wobec problemów narodowościowych na Białorusi // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2003. S. 124–132. (in Polish)

Kabzińska, 1999 – Kabzińska I. Wśród kościelnych Polaków. Warszawa, 1999. (in Polish)

Kabzińska, 2002 – Kabzińska I. Charakterystyczne cechy religijności Polaków na Białorusi // Magazyn Polski. 2002. № 1-2. S. 4–11. (in Polish)

Kabzińska, 2003 – Kabzińska I. Znajomość dziedzictwa kulturowego jako jeden z warunków zachowania tożsamości narodowej // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi.Grodno, 2003. S. 7–20. (in Polish)

Kabzińska, 2004 – Kabzińska I. Odradzanie się grupyposkiej inteligencji w Republice Białoruś // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2004. S. 34–40. (in Polish)

Kruczkowski, 2000 – Kruczkowski T. Gorąca jeseń 1939 roku // Magazyn Polski. 2000. № 1. S. 48–49; № 2. S. 53–55.

Kruczkowski, 2002 – Kruczkowski T. Polacy na Białorusi – teraźniejszość i przyszłość // Więź. Warszawa, 2002. № 2. S. 3–9.

Kruczkowski, 2005 – Kruczkowski T. Historiograficzne zagadnienia historii i współczesności polskiej mniejszości na Białorusi // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2005. S. 101–128.

Kruczkowski, 2008 – Kruczkowski T. Polska mniejszość narodowa na Bialorusia rozszerzenie sie UE // ЕС и восточнославянский мир. Grodno, 2008. S. 231–245.

Kurzowa, 1993 – Kurzowa Z. Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w., Warszawa, 1993. S. 326–337.

Michniuk, 1993 – Michniuk,W.M. Z historii represij politycznych, przeciwko Polakom na Bialorusi w latach trzydziestych // Polska – Biełoruś. Warszawa, 1994. S. 112–120.

Szumski, 2002 – Szumski J. Likwidacja polskich szkół w rejonie Sopockińskim w lata ch 1944–1947 // Magazyn Polski. 2002. № 1-2. S. 32–33.

Wasilewski, 1993 – Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Warszawa, 1912.

Winnicki, 2002 – Winnicki Z. Refleksje. Białoruskie przymiarki personalne // Magazyn Polski. 2002. № 1-2. S. 56–61.

Winnicki, 2003 – Winnicki Z. Uwagi o wpływie i skutkach stosowania niektórych metod i środków depolonizacyjnych na obszarze Ziem Białoruskich na polską świadomość narodową w drugiej połowie XX wieku i współcześnie // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białoruś. Grodno, 2003. S. 33–56.

Kruczkowski, 2000 – Kruczkowski T. Gorąca jeseń 1939 roku // Magazyn Polski. 2000. № 1. S. 48–49; № 2. S. 53–55. (in Polish)

Kruczkowski, 2002 – Kruczkowski T. Polacy na Białorusi – teraźniejszość i przyszłość // Więź. Warszawa, 2002. № 2. S. 3–9. (in Polish)

Kruczkowski, 2005 – Kruczkowski T. Historiograficzne zagadnienia historii i współczesności polskiej mniejszości na Białorusi // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi. Grodno, 2005. S. 101–128. (in Polish)

Kruczkowski, 2008 – Kruczkowski T. Polska mniejszość narodowa na Bialorusia rozszerzenie sie UE // ЕС и восточнославянский мир. Grodno, 2008. S. 231–245. (in Polish)

Kurzowa, 1993 – Kurzowa Z. Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w., Warszawa, 1993. S. 326–337. (in Polish)

Michniuk, 1993 – Michniuk,W.M. Z historii represij politycznych, przeciwko Polakom na Bialorusi w latach trzydziestych // Polska – Biełoruś. Warszawa, 1994. S. 112–120. (in Polish)

Szumski, 2002 – Szumski J. Likwidacja polskich szkół w rejonie Sopockińskim w lata ch 1944–1947 // Magazyn Polski. 2002. № 1-2. S. 32–33.

Wasilewski, 1993 – Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Warszawa, 1912. (in Polish)

Winnicki, 2002 – Winnicki Z. Refleksje. Białoruskie przymiarki personalne // Magazyn Polski. 2002. № 1-2. S. 56–61. (in Polish)

Winnicki, 2003 – Winnicki Z. Uwagi o wpływie i skutkach stosowania niektórych metod i środków depolonizacyjnych na obszarze Ziem Białoruskich na polską świadomość narodową w drugiej połowie XX wieku i współcześnie // Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białoruś. Grodno, 2003. S. 33–56. (in Polish)

T. Kruczkowski

NATIONAL AND ETHNIC SITUATION OF THE POLES IN THE GRODNO REGION IN BELARUS (IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES)

In the present paper, the national and ethnic situation of the Poles in the Grodno region of Belarus is discussed. The awareness of the specific regional national identity of the Poles is of significant importance for understanding the specific features of the Polish culture and the national consciousness of the Poles in both the Grodno region and the country. The Polish ethnic traditions in the Grodno region are presented as the result of the historical development of the region: in the past it belonged to Poland and later to the USSR, and in the present time it is a part of Belarus. During the 19th and almost till the end of the 20th centuries the study of the ethnic traditions of the Poles in the Grodno region was based on the theoretical definition of nation (ethnos) according to I. Herder's classical concept of nation and

Marx's concept of nation. In the 19th and the beginning of the 20th centuries, in Russia, the concept of "a big Russian nation" was formed on the basis of I. Herder's classical concept of nation. In the Polish science of the 19th and the first half of the 20th century, for the population of the northwestern part of the Grodno region and the southeastern part of the historical Vilnius region, religious affiliation and language were the main markers of the national identity of the Poles. In the second half of the 20th century in the Polish science and at the end of the 20th century in the Belarusian science, the emphasis was put on the manifestation of the signs of the national consciousness; this also applied to the Polish population in the region under study. It was noted that the internal form of the expression of ethnos is ethnic self-consciousness, and the external form is ethnonym, i.e. its self-name. At present, the above problem is the field of the research in both the Belarusian and Polish sciences. A separate group of researchers studying the problem has been formed by the representatives of the Polish national minority in Belarus. The materials of population censuses, sociological surveys, etc. are used as the source base for the investigation of the problem. The cultural and national peculiarities of the Poles in modern Belarus and the Poles living in the Grodno region as the most compact region of their residence are manifested in a number of specific characteristics determined by both the historical past and contemporary life. According to most researchers they are religious affiliation, the Polish language as the connection with the national code of the country of origin, the "qualitatively" different interpretation of the history of Poland and Polish national minority compared to that accepted in the country of their residence, Polish folklore, family traditions and everyday customs, etc.

Keywords: Polish national minority, ethnos, ethnic traditions, Poland, Belarus, Grodno region.

Кручковский Тадеуш Тадеушевич,
доктор исторических наук, профессор,
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы
(Гродно, Беларусь)
tkruczkowski@yahoo.com

Kruczkowski Tadeusz,
Doctor of History, Professor,
Yanka Kupala State University of Grodno
(Grodno, Belarus)
tkruczkowski@yahoo.com

УДК 398.341

А. Б. Мамытова

ПРОЦЕСС ИЗГОТОВЛЕНИЯ ДЕРЕВЯННОГО КАРКАСА КЫРГЫЗСКОЙ ЮРТЫ

В статье рассматривается процесс изготовления деревянного каркаса кыргызской юрты, основанный на анализе письменных источников и полевых материалов, используя метод сравнительно-исторического исследования, системного, комплексного анализа, а также методики непосредственного полевого наблюдения. Изготовление деревянного каркаса юрты опирается на свод правил и процедур, использование которых позволяет сохранять традиционные методы. Процесс включает в себя обработку тала для изготовления деревянного каркаса; ошкуривание скребком; распаривание (дымом) планок кереге и ууков, выпрямление и выгиб в нужных местах жердей кереге и ууков, просверливание отверстий в планках (жердях) кереге и сушка готовых деревянных конструкций. Естественно, что трудоемкое производство деревянных частей юрты диктовало необходимость иметь постоянное место для мастерской. Старая мастерская ремесленника по выделке деревянных частей юрты включала: печь пар, станок тез и станок ушку. Процесс изготовления юрты состоит из трех основных моментов: выбор материала, приемы и режимы их обработки, которые представлены из последовательных этапов и технологических операций. Старшее поколение обучались этому мастерству у своих отцов и дедов и до сих пор свято хранят все переданное им по традиции. Современная юрта сохранила все традиционные элементы своего устройства. Деревянный каркас юрты состоит из четырех элементов: кереге, уук, тундук и эшик. В наши дни ареал распространения юрты очень узок. Объясняется это не тем, что исчезает сама традиция и при наличии благоустроенных домов юрта не нужна, а тем, что старые мастера уходят, мало или вовсе не оставляя учеников, трудно приобрести качественные войлоки. Традиционное жилище является одним из основных признаков, определяющих самобытность народа. Учитывая, эти факторы одной из главных задач является детальное изучение истории традиционного жилища, как важного элемента культурного наследия.

Ключевые слова: деревянный остов, юрта, сложный, легкий, прочный, мастер, лето, изгиб, купол, стены.

Актуальность исследования данной проблемы определяется тем, что в результате коренных социально-экономических и культурных преобразований за последние годы народные жилища постепенно теряют свой неповторимый образ, старые юрты ветшают и выходят из строя, быстро исчезают, утрачивается духовная связь с историей, а если кое-где и сохраняются, то составляют фоновую основу композиции исторических центров. Целый ряд черт, присущих интерьеру кыргызского народного жилища второй половины XIX – начала XX вв. уже в ближайшие годы совершенно исчезнет. А ведь многие черты традиционной культуры, обусловленные этническими традициями, могут быть использованы и в современной бытовой культуре.

Источниками исследования являются изображения юрты на стене склепа Анфестерия в Крыму (I в. до н.э. – I в. н.э.), среди петроглифов Боярской писаницы в Южной Сибири (II–I вв. до н.э.) и в погребальных статуэтках из Северного Китая, датируемых началом VI в. н.э. Юрта до сегодняшнего дня практически не подверглась каким-либо серьезным изменениям или инновациям.

Также юртообразные жилища встречаются в труде Геродота «История», где он дает жизнеописание и быт древних племен скифского мира, и там же содержатся упоминания о шатероподобных или шалашеобразных конструкциях древних скифов и аргиппеев, которые переведены Г. А. Стратановским как «юрты» [Геродот, 2004, с. 220, 233–234].

Изображения кибиток в виде глиняных игрушек нередки в археологических находках эпохи раннего железа. Судя по этим моделям, у ранних кочевников Евразийских степей, в частности в Южной Сибири и Центральной Азии, во второй половине I тыс. до н.э. наряду с коническими шалашами-чумами шестовой конструкции были распространены и полусферические шалаши из согнутых в дугу жердей. Рисунок такого жилища полусферической формы был найден С. И. Вайнштейном в 1954 г. при раскопках курганов культуры скифского времени в Республике Тыва [Вайнштейн, 1972, с. 49].

Абрамзон С. М. в своей монографии упоминает, что достоверные сведения о материальной культуре кыргызов содержатся в китайских источниках XVIII в.: «Сиюй вэнь цзянь лу» (Описание виденного и слышанного о Западном крае) Чунь Юаня, 1977 г., и «Циньдин хуанчао вэньсян тункао» (Свободное обозрение из классических текстов и позднейших пояснений, составленное при цинской династии) [Абрамзон, 1990, с. 125]. Здесь отмечается характер жилища (войлочные кибитки), пищи, кратко описываются костюм и головные уборы. О кочевых жилищах народов Средней Азии и Казахстана писали также Н.Я. Бичурин, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Ч. Валиханов, В. В. Радлов, А. Н. Бернштам, Н. М. Пржевальский, Ф. А. Фиельструп, А. П. Федченко, К. И. Антипина, С. М. Абрамзон, Е. И. Махова, С. И. Вайнштейн, Б. Х. Кармышева, Н. И. Гродяков, А. А. Акматалиев, Б. Алымбаева и др.

При работе автором применялись используемые в отечественной этнографии метод сравнительно-исторического исследования, системного, комплексного анализа, а также методика непосредственного полевого наблюдения.

На протяжении многих веков сложился тип такого жилья, сохранившегося неизменным до наших дней. Современная юрта сохранила все традиционные элементы своего устройства. Каждый мастер придерживается навыков, приобретенных на основании многовекового опыта. Они обучались этому у своих отцов и дедов и до сих пор свято хранят все переданное им по традиции.

Главные требования при создании элементов деревянной конструкции – легкость и прочность материала. Техника изготовление деревянного остова юрты представляет собой весьма сложный процесс, состоящий из целого ряда подготовительных и технологических операций. Современная юрта сохранила все традиционные элементы своего устройства. Каждый процесс в создании юрты придерживается навыков, приобретенных на основании многовекового опыта. Производство юрт издавна сложилось как отдельное ремесло, которым занимались особые специалисты. У кыргызов мастеров именовали *уйчу*, *уста*. Раньше работа по изготовлению деревянного остова юрты носило сезонный характер, сегодня мастера занимаются весь год. Материалом для решетчатых стен и купольных жердей служит преимущественно ива (тал). Мастера различают следующие их виды: желтый (сары), белый (ак), черный (кара) и синий (кок). Наиболее прочной и долговечной считалась древесина сары тал. Прочие сорта ивы, по словам мастеров, более подвержены гниению. Обод купола делали из березы, так как это твердый легкий материал, обладающий свойством гнуться и под влиянием влаги принимать кривизну желаемой формы под действием несложных технических приемов [Антипина, 1962, с. 156].

На сегодняшний день в Кыргызстане наибольшее развитие производство юрт получило в селе Кызыл-Туу Тонского района Иссык-Кульской области. Здесь это ремесло переросло в промысел. Почти в каждом доме мужчины-мастера уйчу, изготавливают юрты и экспортируют не только в другие районы и области Кыргызстана, но и за пределы Кыргызстана.

Выбор тала – основного материала для каркаса юрты – обусловлен его свойствами гибкости, гнутья, необходимой прочности и легкости: использовались различные его виды. Изредка для изготовления *ууков* и *кереге* применялись и ветви тополя. В известных случаях весь остов, с ободом, мог быть изготовлен из березы (богатые заказчики).

В течение длительных веков сложилась определенная техника изготовления: профессиональные мастера заготовляли материалы каркаса юрты с сушкой, вылежкой на полгода или на год, при этом приготовление тала начинали уже с ранней

весны. Рубку дерева производили при любых случаях весной либо в первой половине лета, когда древесина является наиболее сочной и гибкой.

Во время заготовки тальника основное внимание уделялось длине и толщине ветвей, кривизна же их не играла особой роли, поскольку затем они на специальном станке распрямлялись и выгибались, как нужно. Заготовка древесины требует много времени. На разделку ее для остова мастер тратит иногда 5-6 дней, подбирая дерево определенной длины и толщины в соответствии с изготовляемыми частями юрты. Для обода же подбирались подходящие стволы березы: прямые либо с необходимой естественной кривизной. Здесь же, на месте, могло быть произведено и ошкуривание полуфабрикатов, в особенности свежесрубленного тала, который легко поддавался этой операции. При этом опытные мастера не ошкуривали заготовленные для жердей и кереге ветки полностью, а оставляли по краям участки с кожурой, во избежание растрескивания заготовок при сушке [Абрамзон, 1971, с. 129].

Старая мастерская ремесленника по выделке деревянных частей юрты включала: печь *пар* – для распаривания (дымом) планок кереге и ууков, станок *тез* – для выпрямления и выгиба в нужных местах жердей кереге и ууков, станок *ушку* – для просверливания отверстий в планках (жердях) кереге [Антипина, 1962, с. 157]. В основном изготовление юрты производились в мастерских, где были все условия для работы и каждый мастер имел своего помощника.

В первую очередь нужно было обратить внимание на сушку заготовок, которые сначала предварительно очищали от коры с помощью инструмента *тарткы*, а боковые стороны – циркуляркой, и сушили в основном на солнце. Обычно специалисты складывали заготовки на кереге и ууки, которые подравнивались, связывались по 20-30 шт. в пуки, что позволяло более равномерно высушивать и проветривать палки, поочередно перемещая связки в общей куче. Ценились особо хорошо высушенные заготовки. После сушки заготовки подвергали дальнейшей обработке.

Что же касается печи для распарки деталей юрты, а также станка для выпрямления и изгиба различных частей, то они сохраняются и по сей день в мастерской сельского мастера. Они как традиционные элементы материальной культуры просты по своему устройству и с практической точки зрения вполне отвечают всем требованиям в цикличном производстве частей деревянного каркаса юрты. Целесообразность любого элемента материальной культуры диктует долговечность его существования или отживание его как ненужного, непотребного. Ведь не придет на ум здравомыслящему человеку отказаться от гончарного круга, а он куда древнее печи мор, корни его уходят ко времени начала человеческой цивилизации изготовляемыми частями юрты.

Процесс выгибания палок и жердей претерпевал несколько этапов. Первоначально необходимо было размягчить материал. Для этого в Тянь-Шане и на Иссык-Куле его держали в тлеющем помете. На юге заготовки опускали на некоторое время в арык, затем держали в специально сделанных для этой цели дымовых печах (*мору*), которые были просты по устройству – на поверхности земли выкапывали яму овальной формы, от которой шел закрытый прямоугольный очаг, заканчивающийся вертикальным дымоходом. Печь хорошо прогревалась. Когда накапливалось достаточное количество горячей золы с тлеющими углями, то в дымоход помещали жерди ууков и планки кереге. Жар в печи поддерживали подбрасыванием топлива в малом количестве. В Таласской долине их закапывали на 7-8 дней в помет, которому не было одного года, В последние годы в некоторых районах Иссык-Куля мастера размягчают жерди на пару в специальных печах. Это одна из самых трудоемких работ.

После этой процедуры размягченным жердям необходимо было придать нужный изгиб. Самый распространенный способ – сгибание на станке тез (станок представляет собой горизонтальную балку на четырех ножках). В центре балки паз, по краям его вбиты вертикальные клинья-упоры, между которыми и выпрямляются заготовки для уука и палки кереге. Делается это так: мастер, вставив заготовку между упорами, нажимает руками на искривленные места и выпрямляет неровности. Получив прямые жерди, он изгибает жерди ууков у их основания, придает овал основной части палки кереге и изгибает на концах его. В Тянь-Шане жерди сгибали, вставляя их между колышками, специально вбитыми в землю в определенном порядке; жерди, высыхая, приобретали необходимую форму. Мастера из Узгена (юг Кыргызстана) выгибали купольные жерди из непросушенного дерева, также вставляя их между колышками.

Аналогичный способ сгибания применяли алтайцы. В Алайской, Чуйской и Таласской долинах планки жерди выгибали под тяжестью камней [Антипина, 1962, с. 158].

Самой главной работой в подготовке деталей юрты являлось изготовление планок кереге и ууков, которая включала в себя: распаривание и размягчение заготовок паром, их выпрямление–выгибание, стандартизация, необходимая доработка (обстругивание и т.п.), сверление отверстий. Мастера для этого придумали специальные станки и инструменты. Это, прежде всего, печи для распаривания жердей – пар. Пар, наиболее распространенный в северных областях Кыргызстана, представлял собой наземную трубу, куда горизонтально вставлялись заготовки, всего около 20 жердей. В трубу наливали воду около 12 литров – печь зажигается, заготовки прокапчиваются дымом. Температуру определяли, засовывая руку в бочку – если чувствуется жгучая боль, то температура, что требовалась. Заготовленные материалы держались в паре несколько минут (от 15-20 кереге и ууки), а материалы для обода – 1,5-2 часа и больше, в зависимости от толщины.

После пара выпрямляли изгибы и давали нужную форму, затем вставляли в форму (формы состояли из вертикально вставленных труб, которые поддерживали нужный изгиб) и оставляли на 2-3 дня пока не высохнет. После того как полностью высохнет начинают красит.

В прошлом деревянные части юрты – кереге, ууки, обод – окрашивали естественными красителями: кровью животных или красками из растений, получаемых из корня *томар-боёк*. Осенью, вырыв корень этого растения, очищали от земли и верхней кожицы. Корень тумар-боек годен для приготовления краски как в сыром, так и в сухом виде. Корень кипятили до полной выварки красящего вещества, а затем процеживали. Этой краской и красили кереге и другие части юрты.

Мастера имели различные инструменты для дальнейшей обработки палок и деталей. Это специальный инструмент – двуручное скребло тарткы (своеобразный рубанок), которым очищали от коры и обстругивали. А в основном имели три вида скребел по форме лезвия: прямое, вытянуто-выемчатое и зубчатое. Существовал также эксцентричный тарткы двойного назначения (левая часть лезвия прямая, правая зубчатая; вариант: с двухсторонним лезвием). На многих стадиях подготовки юрточных деталей использовался топорик *шаппашот* [Ажигали, 2011, с. 1237]. Применялись другие специфические инструменты: мини-печь (зажигают огонь, туда выбрасывают уголь, затем, нагревая длинный заостренный лом, проделывают борозды в ободе), *корук* – наконечник для выжигания одинаковых отверстий в ободе и т.д. Сегодня применят также дрель в сверлении.

Деревянный каркас юрты состоит из четырех элементов. Одним из важнейших элементов является кереге, который состоит из несколько канатов и представляют собой подвижную конструкцию из 36 перекрещивающих планок, соединенных шарнирным способом. Именно шарнирность кереге позволяет говорить об уникальном творении человеческих рук. Изготовление стенок кереге происходило с многочисленными планками – особым образом изогнутыми, подструганными, просверленными, нередко окрашенными и соединенными между собой ремешками. Так, в обычной 6-канатной (из шести секций) юрте планок различного размера насчитывалось от 200 до 250 единиц. Именно с них и начиналась работа мастеров.

Мастер, вытаскивал по одной горячие планки из пара и тут же обрабатывал их на тезе: выравнивал искривления, придавал необходимую форму. Жерди быстро обрубались топориком – шаппашотом, по необходимой длине (стандарту деталей кереге придавалось особое значение), затем укладывались в форму для быстрого остывания. Разница обработки материалов кереге от ууков в том, что материалы кереге делят на две циркуляркой или топором.

Уже застывшие, отлежавшиеся по форме жерди подвергались дальнейшей обработке: дополнительно обстругивались, убирались неровности; верхний конец (где привязывались ууки) слегка отесывался, уплощался, по нему проводили продольные борозды. Весьма ответственным этапом работы было просверливание отверстий в планках. Прежде всего, на рейках делались отметки, затем осуществлялось сверление. Количество отверстий зависело от типа кереге: *тор көз* (решетки квадратные, в переводе «сетчатый глазок») с небольшими, относительно, просветами между планками (число дырок-соединений увеличивается) и *жел көз* (решетки в виде ромба, в переводе «ветряной глазок», с большими просветами). Кроме того, отверстия делались не подряд, а по определенной

системе с пропусками, где стыки жердей не соединялись. После того как мастер скрепил положенное количество палок, он подравнивает их пилой, раздвигает решетку и ставит на землю [Ажигали, 2011, с. 1238]. Раздвинутые решетчатые стенки образуют в плане круг. Для удобства перевозок их распиливают по вертикальной линии на отдельные звенья, получившие название *канат* (в переводе «крыло»). Юрты изготавливают в основном четырехканатные, шестиканатные, восьмиканатные, но при необходимости – трехканатные, девятиканатные и даже двенадцатиканатные.

Каждое звено подвижно, легко растягивается и содержит 12-15 верхних скреплений (развилок)-палок, называемых *кереге баш*. В каждом канате кереге таких баш пятнадцать. В айыле наиболее распространены шестиканатные юрты. «Девяносто баш кереге», «восемьдесят ууков» говорится потому, что ууки привязываются не к каждой развилке (баш), а с некоторым припуском, что придает устойчивость каркасу при сильных ветрах. Иначе крепление становилось излишне жестким, и конструкция кереге не могла свободно сдвигаться–раздвигаться. Планки скреплялись с помощью специальных сыромятных ремешков (шириной 1 см), которые пропускали через просверленные в палках отверстия. На каждой палке их бывает 7-8. Ремешки чаще делали из кожи коров и яков.

Средняя величина канат в сложенном виде имеет высоту 187 см, ширину 50 см, а в развернутом виде ширина 250 см, высота 160 см, т.е. высота почти не меняется. В развернутом виде длина стенки увеличивается в 5 раз, трудно придумать более совершенный способом закрепления элементов кереге чем шарниры. Кереге канаты образуют нижнюю, основную, цилиндрическую часть основания юрты, замыкающим эту окружность элементом является дверь. В принципе с её установки и начинается сборка юрты, и размер юрты зависит от количества устанавливаемых канатов.

Дверь представляет собой прямоугольную коробку высотой около 150 см, шириной 130 см, у неё две одинаковые дверные створки. Дверь открывалась только вовнутрь, поскольку снаружи имелась войлочная занавесь. Отметим, что верхняя планка дверей была толще остальных, потому что в неё упирались купольные жерди. Эти два элемента конструкции юрты – кереге канат и дверь – устанавливаются первыми при сборке, образуя нижний цилиндрический остов жилище.

Изготовление двери составляет особую часть производства юрты, которая тесно смыкается уже с ремеслом народных мастеров. Поэтому двери нередко изготавливались отдельно, специальными мастерами (в особенности с конца XIX в.). Существуют три основных типа юрточных дверей: двустворчатая, одностворчатая и наподобие калитки, преграды [Абрамзон, 1971, с. 129].

Вкратце остановимся на технологии наиболее распространенных традиционных двустворчатых дверей. Прежде всего, создавался косяк двери из соответствующих высохших, без трещин, березовых или ивовых заготовок, которые обрабатывались топориками и пилой (*ара*). Он состоял из порога, двух боковин и верхней перекладины. Причем последняя зачастую изготавливалась более толстой (в 10-12 см в сечении бруса), поскольку в перекладине делались дополнительно отверстия или же пазы для 6 ууков. Ширина порога и стоек была 8-10 см. Вся дверь мастерилась по принципам шарнирно-стыкового крепления, без гвоздей, что являлось весьма удобным при кочевой жизни. Для соединения рамы в боковинах, нижней и верхней балках делались соответствующие шпунты и пазы. Весьма интересным было крепление двух створок, которые имели сверху и снизу с внешней стороны шарообразные выступы, входившие в соответствующие пазы верхнего и нижнего брусьев. Дверные полотна (одинаковые по размерам) в основной своей массе составлялись из досок березы, тополя или карагая (сосны), но, нередко, были также филенчатыми. Декоративной обработке дверей уделялось особое внимание. Как минимум, это была плоскорельефная и контурная резьба полотен. Однако, в добротных экземплярах резьбой – в том числе и трехгранновые ямчатой – покрывались все поверхности двери изнутри (за исключением порога) и отчасти снаружи, что иногда сопровождалось росписью [Ажигали, 2011, с. 1240].

Следующим элементом является *тундук* (обод) – это завершающий узел верхней части юрты. Этот конструктивный элемент, венчающий купол, состоит из замкнутого деревянного круга и опорной планки. В отверстие тундука вставляются ууки.

Деревянный круглый тундук, служивший опорой для крыши юрты, состоял из трех элементов: круга (алкак), крестообразно положенных перекладин, по 2-3 в каждом ряду (чамгарак), и крепления (чегир, бастырма). Основной круг обода делали из двух обтесанных и согнутых жердей.

Распорно-крепежные рейки дугой перекинуты крест на крест по диаметру, высота дуги составляет ¼ диаметра обода, что обеспечивает нужный 45º наклон, необходимый для стока осадков. На внешней стороне круга имеются сквозные отверстия, куда вставлялись верхние концы купольных жердей. При значительной снеговой нагрузки эти жерди оказывают на обод давление порядка двух тонн, поэтому обод делается обычно из березы. Для изготовления обода диаметром 150 см, требовалась береза длиной 5 м. Так как найти такую было трудно, то обод делали из двух половинок.

При изготовлении тундука в качестве заготовок выбирались обычно прямые стволы молодых берез толщиной до 20 см и длиной 3,5-6 м, которые затесывали с двух противоположных сторон топором и раскалывали надвое по длине; заготовки шли на выделку двух ободов. Заготовки дополнительно отесывали, выравнивали инструментами, а затем подвергали изгибанию. Но при этом довольно толстое дерево обычно предварительно размягчали в паре (1,5-2 часа). Затем только длинную заготовку сгибали либо натягивали на форму, которая представляла собой железную кладку или бетонную конструкцию в виде круга, железная конструкция-колодка в виде круга – чаще всего большое колесо. При использовании последнего натянутый на обруч тундук оббивали снаружи колышками (около 30), снимали колесо и оббивали уже изнутри несколькими кольями. В таком виде обод окончательно принимал форму, сушился в течение 1-2 недель. При изготовлении обода из отдельных кусков дерева использовали также станок тез. Места стыка, которые нередко имеют скошенные или фигурные срезы, накрепко соединяли ремешками, железными стержнями, жестяными скобами с гвоздями, специальными кольцами (в редких случаях, даже, серебряными).

Следующим этапом было проделывание сквозных отверстий в ободе, по количеству ууков. Сперва делали предварительное отверстие сверлом, затем его расширяли *коруком*: сечение получалось как бы четырехгранным. И, наконец, специальным инструментом – раскаленным ломом, железный наконечник которого соответствовал входному острию ууков, выжигали одинаковые пазы. Отверстия, но более простой формы, и уже с внутренней стороны обода, делались для крепежно-распорных планок.

Изготовление обода завершается его декоративной обработкой, которая, как минимум, включала покраску обода. Красят масляными красками в красный цвет.

Следующее и последнее – это ууки (купольные жерди). Купольные жерди опирались на кереге нижним концом и удерживающий обод верхним концом. Именно жерди образуют купол юрты. Количество жердей определялось величиной юрты. Если на одно крыло опиралось 15-16 жердей, значит для средней шестиканатной юрты требовалось около 90 жердей, длина их также зависела от размера юрты. Процесс изготовления купольных жердин в целом был аналогичным [Муканов, 1981, с. 44]. Проводились те же процедуры распаривания, изгибания, укладки в формы, сверления, делалось по одному отверстию в нижней части жердей. Опишем здесь лишь особенности процесса. Купольные жерди – уук – сгибали в нижней их части, соединяемой с решетчатой стенкой. В этом месте их стесывали на 70-80 см в длину, придавая уплощенную форму – *билек*. Ширина плоской части жерди 3-4 см. От степени изгиба и расстояния сгиба от конца жердей зависит сферичность формы купола юрты. Мастера некоторых районов юга Кыргызстана проверяли угол изгиба купольных жердей с помощью готовой мерки, называемой *андаза*. Толщина жерди в середине 2,5-3 см. Функционально жердь можно разделить на четыре составляющих по длине: *алақан* («ладонь») – нижняя уплотненная часть, которая привязывалась к кереге; *билек* – место изгиба; *кары* («предплечье») – от изгиба до верха, *калам* – верхний «конец» [Ажигали, 2011, с. 238]. Алақан уплощали с внутренней стороны скребком тарткы или топором, проводили по нему продольные борозды; нижний край жердины обрабатывали шаппашотом – делали скругленным, тупым; а верхний – более тонкий, при помощи топорика и скребка – четырехгранно заостренным. В целом на завершающей стадии поверхности ууков (а также и планок кереге, до их соединения) дополнительно обрабатывали, выравнивали и шлифовали.

При креплении ууков к кереге выпуклая часть обращается наружу, за счет чего увеличиваются внутренняя высота и объем юрты, создается сферическая форма в местах крепления ууков к кереге и куполообразный вид с помощью тундука. Ууки изогнутой частью перекрывают головку кереге, направленную наружу и тем самым повышается

износостойкость покровов кочевого жилища, получается обтекаемая форма.

Таким образом, внешне деревянный каркас юрты имеет сферическую форму. Юрты кыргызов бывают двух разновидностей. Основное различие сводится к форме купола. На севере Кыргызстана (за исключением Таласской долины) форма купола юрты приближается к конусообразной. На юге Кыргызстана, в Таласской и Чаткальской долинах, купол более пологий и имеет полусферическую форму благодаря большему изгибу нижней части купольных жердей. Отличались юрты также и убранством – внешним и внутренним; здесь отчетливо выделяются северный и южный региональные комплексы. В убранстве их отражен художественный вкус народа, его этнические связи, сохранены строгие каноны, утвержденные вековыми обычаями и традициями.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон, 1971 – Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ленинград: Наука, 1971. 403 с.

Ажигали, 2011 – Ажигали С. Технология казахской юрты // European researcher. 2011. № 9 (12). С. 1237–1241.

Антипина, 1962 – Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской обл. Киргизской ССР. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. 288 с.

Геродот, 2004 – Геродот. История: в девяти книгах / Пер. с греч. Г. А. Стратановского. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. 637 с.

Вайнштейн, 1972 – Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 314 с.

Муканов, 1981 – Муканов М. С. Казахская юрта. Алма-Ата: Кайнар, 1981. 222 с.

REFERENCES

Abramzon, 1971 – Abramzon S. M. Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi. Nauka, 1971. 403 s. (in Russian)

Azhigali, 2011 – Azhigali S. Tekhnologiya kazahskoj yurty // European researcher. 2011. № 9 (12). C. 1237–1239. (in Russian)

Antipina, 1962 – Antipina K. I. Osobennosti material'noj kul'tury i prikladnogo iskusstva yuzhnyh kirgizov. Po materialam, sobrannym v yuzhnoj chasti Oshskoj obl. Kirgizskoj SSR. Frunze: Izd-vo AN KirgSSR, 1962. 288 s. (in Russian)

Gerodot, 2004 – Gerodot. Istoriya: v devyati knigah / Per. s grech. G. A. Stratanovskogo. M.: OLMA-PRESS Invest, 2004. 637 s. (in Russian)

Mukanov, 1981 – Mukanov M. S. Kazahskaya yurta. Alma-Ata: Kajnar, 1981. 222 c. (in Russian)

Vajnshtejn, 1972 – Vajnshtejn S. I. Istoricheskaya etnografiya tuvincev. Problemy kochevogo hozyajstva. M.: Nauka, 1972. 314 s. (in Russian)

A. B. Mamytova

PROCESS OF MAKING A WOODEN FRAME OF A KYRGYZ YURT

In the present paper, the process is considered for making a wooden frame for a Kyrgyz yurt based on the analysis of the written sources and field materials. In the present study, the methods of comparative-historical investigation, system approach, complex analysis and also the methods of direct field observation are used. The manufacture of the wooden frame of a yurt is based on the set of rules and procedures, the use of which allows preserving traditional methods. The process includes the processing of purple willow for making a wooden frame; sanding with a scraper; steaming (with smoke) of slats for kerege and sticks for uyk (poles); straightening of kerege slats and bending of the poles; drilling holes in kerege slats, and drying of the finished wooden pieces. Naturally, the labor-consuming fabrication of the yurt wooden pieces required a permanent place for a workshop. There was a steam oven and woodworker tools (tez and ushku) in an ancient workshop of a craftsman making wooden pieces of a yurt. The process of making a yurt consists of selecting materials and successive steps of processing the materials using special techniques. The craft of the yurt making has been handed down from generation to generation, and the tradition is scrupulously observed till now. A modern yurt still has all traditional elements. The wooden frame of a yurt consists of kerege, uuk, tunduk and eshik. At present, yurt is not widely used. It is can explained not by the disappearance of the tradition itself or by the

fact that yurt is not needed any more since there are houses with modern amenities but by the fact that old masters pass away without transferring their skills to younger generations, and it is very difficult to buy felt of good quality. Traditional dwelling is one of the main specific features determining the unique identity of the people. One of the main tasks is the detailed study of the history of a traditional dwelling as an important element of cultural heritage.

Keywords: wooden frame, yurt, complex, lightweight, durable, master, summer, bend, dome, walls.

Мамытова Алтынай Билаловна,
старший преподаватель,
факультет истории и регионоведения,
Кыргызский национальный университет
им. Жусупа Баласагына
(Бишкек, Кыргызстан)
mamytova-altynai@rambler.ru

Mamytova Altynai Bilalovna,
Senior Lecturer, Faculty of History and Regional Studies,
Jusup Balasagyn Kyrgyz National University
(Bishkek, Kyrgyzstan)
mamytova-altynai@rambler.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.512.111.0

А. В. Камитова

Рец. на книгу: ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА. ЧАСТЬ 1 (1900–1955 годы): КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ. ЧЕБОКСАРЫ: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с. ЧАСТЬ 2 (1956–2000 годы): КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ. ЧЕБОКСАРЫ: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 432 с.

В российском литературоведении вопрос о необходимости изучения национальных литератур находится на этапе активного обсуждения. Об этом свидетельствуют разрабатываемые в рамках всевозможных грантов и проектов темы по изучению истории литератур различных регионов, стран, народов, издание академических трудов по данной проблематике.

Необходимость в исследовании закономерностей чувашского литературного процесса XX в. также давно витала, что называется, в воздухе*. Отрадно, что чувашским коллегам удалось воплотить эту идею в жизнь. Это – пример для подражания и другим исследователям литератур народов Урало-Поволжья.

Новое издание «Истории чувашской литературы XX века» явилось результатом понимания авторского коллектива в необходимости переосмысления и основательного пересмотра литературоведческого опыта изучения явлений литературно-художественной эволюции, обобщенного в монографических работах 80-летней и 60-летней давности. Первой работой, посвященной истории чувашской литературы XX в., как отмечают авторы, является изданный в 1930 г. «Краткий очерк чувашской литературы» [История, 2015, с. 3]. «Период очеркового и портретного осмысления чувашского литературного процесса, – по констатации исследователей, – завершается изданием в 1956 г. монографии М. Я. Сироткина “Очерки истории чувашской советской литературы”» [История, 2015, с. 3].

Новая «История чувашской литературы XX века» подготовлена в рамках мероприятий Республиканской целевой программы «Культура Чувашии: 2010–2020 годы». Из предполагаемого трехтомника к настоящему времени издано два тома. В 2015 г. вышел в свет первый том, охватывающий «эпоху поиска национальной идеи» (1900–1929) и «эпоху канонизированного соцреализма» (1930–1955). Во втором томе, изданном в 2017 г., реконструируется эпоха 1956–2000 гг., ознаменовавшая собой начало новых социально-политических, духовно-нравственных, культурно-национальных преобразований в обществе. Рецензируемые тома «Истории…» – итог многолетней работы квалифицированного авторского коллектива филологов: В. Г. Родионова, Г. И. Федорова, А. Ф. Мышкиной, А. П. Хузангая, И. Ю. Кирилловой, Н. Г. Ефремовой-Ильиной, В. В. Никифоровой, И. В. Софроновой, Э. В. Родионовой.

Издание новой «Истории чувашкой литературы XX в.» в научных кругах уже вызвал определенный резонанс. Книга получила восхищенные отзывы с присутствующей объективной критической рецепцией и по достоинству оценена Г. А. Ермаковой, Р. А. Кудрявцевой, В. Г. Родионовым. Хочется надеяться, объективный профессиональный взгляд «со стороны» в ближайшее время еще пополнится рядом рецензий. Разумеется, предложенный

* По констатации В. Г. Родионова, «попытки новой трактовки истории чувашской литературы проявились еще в конце 1970-х – начале 1980-х гг.» [Родионов, 2018, с. 205].

в коллективной монографии выбор персоналий и «формат» изложения материала не исключает дискуссионности. Между тем стоит отметить, предложенная в коллективной монографии концепция согласуется с современными поисками гуманитарной науки, с обсуждаемыми в российском (и не только российском) литературоведении вопросами разработки новых методико-методологических принципов. К примеру, К. Султанов в одной из своих трудов отмечает: «Современное изучение литератур народов России требует методологического и дискурсивного обновления» [Султанов, 2016, с. 67]. Это утверждение* оказалось успешно реализованным в рецензируемом научном издании, исследовательская стратегия в котором построена с одной стороны – на синтезе подходов, намеченных в классических работах отечественных литературоведов, с другой – на «семантической перезагрузке» традиционных методов, «демонтаже» и «деконструкции» устоявшегося методологического тренда в духе советской идеологии. Это позволило объективно оценить привлеченный в исследовательское поле широкий круг материала. Благодаря построению глав с соблюдением хронологического принципа вкупе с описанием динамики художественного сознания достигается цельная картина чувашской литературы XX в. В поле зрения исследователей попало художественное, публицистическое, литературно-критическое и философское наследие, драматургическое и сценическое искусство этого периода.

Впечатляет как общий объем рецензируемого издания (около 80 п. л.), так и охват исследуемых литературных явлений. Исследовательская концепция обзорных глав «Истории чувашской литературы XX в.» построена на развернутом описании историко-культурного контекста и литературной жизни чувашского народа обозначенного периода.

Главы первого тома «раздроблены» на несколько хронологических фаз, в которых созданы историко-литературные портреты чувашских писателей первой половины XX в. (К. Иванова, Н. Шубоссинни, М. Сеспеля, С. Эльгера, П. Осипова, И. Мучи, П. Хузангая, В. Митты). Впервые исследованы ярко выражающие национальную идею произведения «забытых» писателей (братьев Турханов, Г. Комиссарова-Вандера, А. Милли, М. Юмана и др.). Как видим, изложение материала в книге моделируется по принципу выделения обзорных частей, реконструирующих атмосферу эпохи и доминирующее художественное миропонимание, к описанию конкретных авторских персоналий (их биографии, анализу текстов), отобранных по принципу репрезентативности. Коллективом авторов выявлены уникальные и неповторимые явления чувашской литературы на фоне общемирового литературного процесса, предложены удачные сопоставления отдельных произведений чувашских писателей с творческими практиками мастеров художественного слова региона и страны.

Чувашская литература первой половины XX в. неоднократно становилась предметом исследовательских интересов в науке, но фрагментарные интерпретации впервые получили систематизацию и обобщение в данном издании. Благодаря такому подходу творческие биографии отдельных писателей получили развернутое описание.

Аналитическое внимание исследователей сосредоточено на широко распространенных в чувашской литературе первой половины XX в. жанрах, изучении поэтики произведений, строящемся в контексте культурных традиций народов Урало-Поволжья.

Благодаря объективному подходу к конструированию литературной истории первой половины XX в. авторскому коллективу удалось воссоздать картину мира во всей полноте и существовавшими жанровыми формами, эстетическими спорами, культурными интересами и т.п.

Во втором томе демонстрирован алгоритм развития чувашской литературы второй половины XX в., главы в котором также распределены по эпохально-временному принципу: Глава 1. «Эпоха “оттепели” и отход от каналов соцреализма», Глава 2. «Период поиска новых литературных направлений и жанрово-стилевых открытий», Глава 3. «Время перестройки и возвращение эстетических критериев». В перечисленных главах, в свою очередь, отчетливо просматривается стержневая линия: литературоведение и критика, проза, поэзия, драматургия. Выбор проблематики глав и аспекта анализа материала обусловлен необхо-

* Вопросами обновления и поиска методологического ключа занимались и сами чувашские исследователи. К примеру, эта тема неоднократно становилась предметом размышления в трудах Г. И. Федорова, В. Г. Родионова [Федоров, 2000; Федоров, 2005; Родионов, 2008; Родионов, 2014].

димостью рассмотрения чувашской литературы с учетом историко- и культурно-цивилизационного контекста эпохи.

В данном томе актуализированы задачи переосмысления и доисследования творчества ключевых для чувашской литератур писателей второй половины XX в. Новизна рецензируемого издания состоит во введении в научный оборот ранее не привлекавшихся в исследовательское поле явлений или новых феноменов, творческих практик и имен. В этом контексте стоит упомянуть имя Геннадия Айги и такие явления, как: интеллектуальная проза/поэзия, эротическая литература, «возвращенная литература», «профессорская литература» и др. Предметом полноценной научной рефлексии авторского коллектива стала и современная чувашская литература, которая включает в себя ряд творческих индивидуальностей: Б. Чиндыков, М. Карягина, А. Тарасов, Н. Ильина, В. Степанов, Н. Угарин, Н. Сидоров и др. На примере индивидуально-писательских практик рассмотрены вопросы мистико-фантастического, научно-литературного синкретизма, формы словесности, воплотившие реальные картины военных событий. Отдельное внимание уделено и новым для чувашской литературы жанрам и типам произведений: этнофэнтези, палиндром, «гетероморфный стих», фантастическая проза и др.

Большим достоинством работы является то, что в научный оборот введен новый материал (архивные документы и т.п.), оказавшийся на периферии аналитического зрения предыдущих исследователей.

Прослеживающийся в коллективной монографии поиск межкультурных точек соприкосновения, реализуемых через понятия «свой – другой», «мы – они» выступают не в качестве оппозиционной модели, а в определениях тождества и/или несхожести/специфичности. К примеру, сопоставительный анализ татарской и чувашской литератур позволил, по утверждению авторов, «выделить ряд аналогий и существенных различий» [История, 2015, с. 120].

Литературная жизнь Чувашии XX в. представлена в рецензируемой коллективной монографии в тональности открытого «собеседования» и отличается историографической основательностью, которая не утяжеляет повествование, а придает ему полноту и объективность. Прослеживающийся во вступительных частях самокритичный контекст достоин уважения и понимания.

Благодаря реализации данного проекта стало возможным закрыть существовавшие в чувашском литературоведении «белые пятна». Авторский коллектив предложил перспективную парадигму исследования чувашской литературы. Хочется поблагодарить авторов издания за трудоемкий и кропотливый труд и впереди, хочется надеяться, ожидается выход нового, третьего тома «Истории чувашской литературы», посвященного XVIII–XIX вв. с обилием мало осмысленного материала.

ЛИТЕРАТУРА

Ермакова, 2015 – Ермакова Г. А. Рец. на: История чувашской литературы XX в., 1900–1955 гг.: коллективная монография // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 227–230.

История, 2015 – История чувашской литературы XX века. Часть 1 (1900–1955 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.

История, 2017 – История чувашской литературы XX века. Часть 2 (1956–2000 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 432 с.

Кудрявцева, 2016 – Кудрявцева Р. А. Новая история чувашской литературы XX века // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1 (21). С. 133–134.

Родионов, 2018 – Родионов В. Г. «История чувашской литературы XX века»: из опыта создания коллективных трудов // Актуальные проблемы

REFERENCES

Ermakova, 2015 – Ermakova G. A. Rec. na: Istoriya chuvashskoj literatury HKH v., 1900–1955 gg.: kollektivnaya monografiya // Chuvashskij gumanitarnyj vestnik. 2015. № 10. S. 227–230. (in Russian)

Istoriya, 2015 – Istoriya chuvashskoj literatury XX veka. Chast' 1 (1900–1955 gody): kollektivnaya monografiya. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2015. 431 s. (in Russian)

Istoriya, 2017 – Istoriya chuvashskoj literatury XX veka. Chast' 2 (1956–2000 gody): kollektivnaya monografiya. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2017. 432 s. (in Russian)

Kudryavceva, 2016 – Kudryavceva R. A. Novaya istoriya chuvashskoj literatury XX veka // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 1 (21). S. 133–134. (in Russian)

Rodionov, 2018 – Rodionov V. G. «Istoriya chuvashskoj literatury XX veka»: iz opyta sozdaniya kollektivnyh

национальных литератур России: художественные поиски XX – начала XXI века. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения народного писателя Башкортостана З. Биишевой и 100-летию со дня рождения народного поэта Башкортостана Н. Наджми. Уфа, 2018. С. 205–210.

Родионов, 2018 – Родионов В. Г. К проблеме создания истории литератур народов Урало-Поволжья // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов Росси и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития: Материалы Международной научной конференции (28–30 ноября 2005 г., Москва). М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 161–166.

Родионов, 2018 – Родионов В. Г. Современные проблемы исторической типологии литератур народов Российской Федерации // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 1 (13). С. 154–157.

Султанов, 2018 – Султанов К. От «единства многообразия» к «единству – в – различии»? // Вопросы литературы. 2016. № 1. С. 67–101.

Федоров, 2018 – Федоров Г. И. О поисках новых методологических ориентиров изучения национальной художественной литературы // Диалог культур: проблемы художественного сознания: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 3–28.

Федоров, 2018 – Федоров Г. И. О теоретической истории национальной литературы (некоторые заметки на материале чувашской литературы) // Ашмаринские чтения: Материалы межрегион. Науч. конф. / Сост. и науч. ред. Г. И. Федоров. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. С. 168–171.

trudov // Aktual'nye problemy nacional'nyh literatur Rossii: hudozhestvennye poiski XX – nachala XXI veka. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya narodnogo pisatelya Bashkortostana Z. Biishevoj i 100-letiyu so dnya rozhdeniya narodnogo poeta Bashkortostana N. Nadzhmi. Ufa, 2018. S. 205–210. (in Russian)

Rodionov, 2018 – Rodionov V. G. K probleme sozdaniya istorii literatur narodov Uralo-Povolzh'ya // Mezhdunarodnye Lomidzevskie chteniya. Izuchenie literatur i fol'klora narodov Rossi i SNG: Teoriya. Istoriya. Problemy sovremennogo razvitiya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (28–30 noyabrya 2005 g., Moskva). M.: IMLI RAN, 2008. S. 161–166. (in Russian)

Rodionov, 2018 – Rodionov V. G. Sovremennye problemy istoricheskoj tipologii literatur narodov Rossijskoj Federacii // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1 (13). S. 154–157. (in Russian)

Sultanov, 2018 – Sultanov K. Ot «edinstva mnogoobraziya» k «edinstvu – v – razlichii»? // Voprosy literatury. 2016. № 1. S. 67–101. (in Russian)

Fedorov, 2018 – Fedorov G. I. O poiskah novyh metodologicheskih orientirov izucheniya nacional'noj hudozhestvennoj literatury // Dialog kul'tur: problemy hudozhestvennogo soznaniya: sb. statej. Cheboksary: CHGIGN, 2000. S. 3–28. (in Russian)

Fedorov, 2018 – Fedorov G. I. O teoreticheskoj istorii nacional'noj literatury (nekotorye zametki na materiale chuvashskoj literatury) // Ashmarinskie chteniya: Materialy mezhregion. nauch. konf. / Sost. i nauch. red. G. I. Fedorov. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2005. S. 168–171. (in Russian)

Камитова Алевтина Васильевна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы,
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
(Ижевск, Россия)
akamitova@mail.ru

Kamitova Alevtina Vasilevna,
PhD in Philology, Senior Researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Researcher Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)
akamitova@mail.ru

УДК 069.01: 902.2

Д. В. Кепин

Рец. на книгу: МИНЕЕВА И. М. СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ: ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. УФА: Гилем, Башк. энцикл., 2016. 288 с.

Сохранение, экспонирование и вовлечение в современное социокультурное пространство археологического наследия является одной из важнейших и актуальнейшей задач археологии, музееведения и памятниковедения.

Этой проблеме и посвящено фундаментальное монографическое исследование одного из ведущих теоретиков и практиков археологического музееведения и памятниковедения, доктора исторических наук, профессора Иляны Маратовны Минеевой (Башкирский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации).

Книга является своеобразным итогом многолетних исследований ученого по вопросам истории формирования, становления и развития музееведческих и памятниковедческих концепций сквозь призму экспонирования археологических памятников в Южно-Уральском регионе.

Монография четко структурирована и включает кроме введения, заключения, списка источников (неопубликованных (архивных) и опубликованных, а также размещенных в сети Интернет, всего 369 позиций), четыре раздела, тематически разделенных на подразделы. Книга сопровождается авторскими фотоиллюстрациями памятников археологического и этнокультурного наследия, которые могут быть музеефицированными и включенными в музейный туризм региона.

Несомненным достоинством книги является четко разработанная методология при ее подготовке. Не только каждый раздел, а также соответствующие подразделы включают итоговые выводы.

Впервые комплексно рассмотрена музеефикация археологического наследия на примере изученных и изучаемых объектов в Республике Башкортостан, а также в Челябинской и Оренбургской областях на стыке гуманитарных и естественно-исторических наук, выделяя при этом археологическое музееведение и памятниковедение. Четко определены объект и предмет исследования.

Среди принципов, положенных в монографии, автор указывает на использование «…принципов исторического реализма и объективности» (с. 10), что на наш взгляд аналогичный и определяющему в науковедении как «принципы диалектики».

Глава 1. «История изучения проблемы государственного регулирования сферы охраны памятников археологии на Южном Урале» (с. 14–69) включает три подраздела.

Анализируя историографию по теме исследования, автор выделила три периода: 1. XVIII – начало XX в. 2. 1918–1990-е гг. 3. 1991–2010 гг. В свою очередь каждый период разделен на этапы.

Описание памятников дано в соответствии с археологической периодизацией и принадлежности к выделенным археологическим культурам, а также этнокультурным областям (с неолита).

Предложена схема ландшафтно-археологического районирования территории Южного Урала, что дало возможность выделить и охарактеризовать 15 зон.

Глава 2. «Становление и развитие государственной системы охраны археологического наследия в Башкортостане: научные и общественные тенденции» (с. 70–155) включает три подраздела.

Впервые в музееведении и памятниковедении И. М. Минеевой показано развитие археологической науки, музейной и памятникоохранной деятельности в Республике, и в хронологическом плане охватывающем XVIII–XXI вв.

При подготовке этой главы автор использовала неопубликованные архивные материалы, которые впервые введены в науку.

Показана роль интеллигенции, чиновников, разных научных обществ, статистических комитетов, музейных учреждений, государственных органов в дело сохранение и популяризацию археологического наследия региона. Рассматривая вопросы охраны памятников в XX в. И. М. Минеева показывает сложные перипетии с реорганизацией и созданием новых музеев, а также правовые аспекты государственного управления.

Формирование музееведения как науки в Республике исследовательница относит к 1920–1930-м гг. (с. 119). В то же время показаны негативные тенденции, отразившиеся на деятельности музеев и, в частности, при проектировании археологических экспозиций. Детально рассмотрены краеведческие музеи. Раскрыта деятельность Башкирского отделения (основано в 1965 г.) Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (с. 132–134).

Автор выделила следующие музейные методы в отношении археологических объектов: 1. Консервация. 2. Реконструирование. 3. Моделирование. 4. Восстановление. 5. Организация показа. 6. Туристическое освоение (с. 142). Фактически здесь речь идет об этапах музеефикации.

Первые попытки создания музея под открытым небом (этноархеологического характера) в регионе И. М. Минеева относит к 1970-м гг. и связывает с деятельностью крупнейшего историка и этнографа, члена-корреспондента РАН, академика АН Республики Башкортостан В. Г. Кузеева (1929–2005). В это же время при Музее археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР (г. Уфа) был создан сектор музееведения (с. 143).

Автором предложена классификация археологического наследия в музеях-заповедниках. Также предложена классификация памятников, находящихся на территории заповедников (с. 150).

Представляется важным методологическое замечание И. М. Минеевой относительно понятий «сохранение» и «охрана» памятника археологии. Сохранение есть частью музеефикации (с. 151).

Третья глава «Музеефикация как составная часть государственной охраны памятников» (с. 56–217) включает четыре подраздела и дает комплексное представление о сохранении и демонстрации памятников археологии in situ.

Отметим, что подраздел, рассматривающий опыт экспонирования недвижимых археологических памятников в зарубежных странах (с. 156–172) может стать предметом отдельного монографического исследования.

Мы уже указывали, что фактически в Западной Европе первая программа организации археологического музея под открытым небом принадлежит Рафаэлю Санти [Рафаэль, 1966; Кепін, 2003].

Здесь же рассмотрены вопросы классификации музеев под открытым небом. В то же время, автор указывает, что впервые в мировой практике археологическое экспериментирование по постройке древних жилищ относится к 1956 г. на Бискупинском городище раннего железного века (Польша), что не совсем верно.

Так, в Украине зарождение и становление экспериментальной археологии как самостоятельного научного направления относится к 1930-м гг. и связано с деятельностью трипольской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством выдающегося ученого, впоследствии доктора исторических наук Т. С. Пассек (1903–1968) во время исследований в 1934–1938 гг. поселения Коломийщина возле с. Халепье Обуховского района Киевской области. О. А. Кульской и М. Д. Дубицкой в 1934 г. проводился химико-технологический анализ керамики из жилища № 1, а в 1935 г. – эксперименты на месте раскопок, а также в специальных лабораторных печах относительно химико-техологического анализа строительного материала открытых жилищ [Кульська, 1940; Кульська, Дубіцька, 1940; Пасек, 1949].

Большое внимание уделено проблеме ландшафтно-археолгического районирования Южного Урала. При этом, И. М. Минеева пользуется следующими понятиями и терминами: «культурно-ландшафтная зона», «археологический микрорайон («достопримечательное место»)», «уникальная историко-культурная территория», «комплексные историко-культурные территории». Однако, детально их не поясняет, хотя для специалиста из контекста видно, что вкладывается в их содержание. Целесообразным было бы выде-

лить в качестве приложения книги список используемых понятий и терминов.

Исследовательница предложила выделять четыре формы музеефикации археологических памятников, что носит дискуссионный характер: 1. Историко-культурный (археологический) музей-заповедник in situ. 2. Музей под открытым небом с демонстрацией как археологических объектов, так и этнографических, мемориальных, природных. 3. Археологический парк с реконструированными объектами и перевезенными с других мест обнаружения. 4. Отдельный особо охраняемый объект или комплекс.

Впервые крупным планом рассмотрено «Археологическое наследие как социокультурный феномен» (Глава 4, с. 218–245), включающая три подраздела. Взгляды автора на взаимодействие наук в этом контексте может быть представлено следующим образом: археология ↔ музееведение ↔ культурология ↔ история (с. 218). В то же время следует указать, что в предыдущих публикациях И. М. Минеевой приводятся и такие науки как памятниковедение и этнология [Минеева, 2008; Минеева, 2010]. В рассмотрении вопросов адаптации археологического наследия в современное социокультурное пространство исследовательница придерживается экоэтноархеологического подхода.

Здесь же детально рассмотрены проблемы правового регулирования сохранения археологических памятников в Башкортостане.

Предложена классификация особо охраняемых природных территорий, которые по типам делятся на: природные заповедники; национальные природные парки; курорты; лечебно-оздоровительные местности (с. 239).

Учитывая законодательство Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях, И. М. Минеевой предложено создавать особо охраняемые историко-культурные территории: территории и достопримечательные места; историко-культурные (археологические) территории; историко-культурные заповедники и музеи-заповедники; археологические парки (с. 239).

Таким образом, монографическое исследование Иляны Маратовны Минеевой является вехой в развитии музееведческой и памятниковедческой мысли России. Представленная книга выходит далеко за рамки регионолистики. Основные ее положения, выводы и рекомендации, а также методологические подходы к вопросам сохранения и экспонирования памятников в условиях природного ландшафта могут быть использованы музейными и памятникоохранными институциями других стран, в том числе и Украины.

Данная монография представляет интерес не только узкому кругу специалистов, а и знакомит широкую аудиторию с историей музейного и памятникоохранного дела в Башкортостане.

Книга может быть с успехом использована в педагогическом процессе на соответствующих кафедрах не только вуз(ов) Республики, а и других учебных заведениях субъектов Российской Федерации, а также при чтении спецкурсов по музеефикации памятников на кафедрах музееведения и охраны памятников в вуз(ах) Украины.

ЛИТЕРАТУРА

Кепін, 2003 – Кепін Д. Рафаель Санті: наукові дослідження археологічної спадщини античного Риму (до 520 – річчя з дня народження) // Вісник Українського товариства охорони пам’яток історії та культури. 2003. № 1. С. 35–38.

Кульська, Дубіцька, 1940 – Кульська О. А., Дубіцька Н. Д. Будівельні матеріали трипільської культури (хіміко-технологічне дослідження) // Трипільська культура. Київ: Видавництво АН УРСР. С. 325–335.

Кульська, 1940 – Кульська О. Кераміка трипільської культури (хіміко-технологічне дослідження) // Трипільська культура. Київ: Видавництво АН УРСР, 1940. Т. І. С. 307–323.

REFERENCES

Kepin, 2003 – Kepin D. Rafael’ Santi: naukovi doslidzhennya arheologichnoj spadshchiny antichnogo Rimu (do 520-richchya z dnya narodzhennya) // Visnik Ukrajns’kogo tovaristva ohoroni pam’yatok istorij ta kul’tury. 2003. № 1. S. 35–38. (in Ukrainian)

Kul’s’ka, Dubic’ka, 1940 – Kul’s’ka O. A., Dubic’ka N. D. Budivel’ni materialy tripil’s’koj kul’tury (himiko-tekhnologichne doslidzhennya) // Tripil’s’ka kul’tura. Kiïv: Vidavnyctvo AN URSR. S. 325–335. (in Ukrainian)

Kul’s’ka, 1940 – Kul’s’ka O. Keramika tripil’s’koj kul’tury (himiko-tekhnologichne doslidzhennya) // Tripil’s’ka kul’tura. Kiev: Vidavnyctvo AN URSR, 1940. T. I. S. 307–323. (in Ukrainian)

Минеева, 2008 – Минеева И. М. Археологическое наследие Южного Урала как уникальный компонент современного социокультурного пространства // Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 24. № 15. 2008. С. 5–9.

Минеева, 2010 – Минеева И. М. Проблема сохранения археологического наследия Южного Урала в контексте его социокультурного использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3 (11). С. 136–142.

Пасек, 1949 – Пасек Т. С. Периодизация трипольских поселений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 245 с.: ил. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 10).

Рафаэль, 1966 – Рафаэль. Докладная записка Папе Льву X (Рим, 1519 г.) // Мастера искусства об искусстве: В 7 т. М.: Искусство, 1966–1970. Т. 2. С. 157–163.

Mineeva, 2008 – Mineeva I. M. Arheologicheskoe nasledie Yuzhnogo Urala kak unikal'nyj komponent sovremennogo sociokul'turnogo prostranstva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Vyp. 24. № 15. 2008. S. 5–9. (in Russian)

Mineeva, 2010 – Mineeva I. M. Problema sohraneniya arheologicheskogo naslediya Yuzhnogo Urala v kontekste ego sociokul'turnogo ispol'zovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 3 (11). S. 136–142. (in Russian)

Pasek, 1949 – Pasek T. S. Periodizaciya tripol'skih poselenij. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 245 s. (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, № 10). (in Russian)

Rafael', 1966 – Rafael'. Dokladnaya zapiska Pape L'vu X (Rim, 1519 g.) // Mastera iskusstva ob iskusstve: V 7 t. M.: Iskusstvo, 1966–1970. T. 2. S. 157–163. (in Russian)

Кепин Дмитрий Владимирович,
кандидат исторических наук, младший научный сотрудник,
Национальный научно-природоведческий музей НАН Украины
(Киев, Украина)
dKepin@gmail.com

Kepin Dmitrij Vladimirovich,
PhD in History, Junior Researcher,
National Museum of Natural History of National Academy of Sciences of Ukraine
(Kyiv, Ukraine)
dKepin@gmail.com